

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ответственные редакторы:
А. П. Окладников, А. П. Деревянко

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1975

В сборнике рассматриваются проблемы заселения Сибири, развития культуры на этой территории в каменном веке, исследуется история племен Сибири и Дальнего Востока во II—I тыс. до н. э. и I тыс. н. э., затрагиваются вопросы периодизации культур бронзового века Сибири, появления металла, технологии металлургического производства и другие проблемы.

Сборник рассчитан на исследователей истории Сибири и Дальнего Востока, а также на широкий круг читателей, интересующихся археологией.

А $\frac{10803-818}{042(02)-75}$ 93-74

© Издательство «Наука», 1975.

*Посвящается памяти
Сергея Владимировича Киселева
и Лидии Алексеевны Евтюховой*

**С. В. КИСЕЛЕВ —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Имя С. В. Киселева прочно и навсегда вошло в историю нашей археологической и вообще мировой исторической науки как одного из ее выдающихся представителей, особенно как исследователя древних культур Сибири — Северной, Центральной и Восточной Азии.

Биографии С. В. Киселева, оценке его научных трудов посвящена специальная исчерпывающая статья его ученика проф. Л. Р. Кызласова и одной из ближайших его сотрудниц по сибирской археологии В. П. Левашевой (Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева. К 60-летию со дня рождения. М., 1965). Там же опубликован список работ С. В. Киселева, составленный Г. Е. Грюнберг. Поэтому в данной статье — предисловии к нашему сборнику — ограничимся лишь краткой общей характеристикой С. В. Киселева как исследователя древней истории и культуры Сибири.

Начало научной деятельности С. В. Киселева в Сибири относится к годам, насыщенным большими событиями в нашей исторической науке. В это время, в конце 20-х — начале 30-х годов XX столетия, происходят поистине переломные знаменательные события в советской археологии. Русская археология к тому времени накопила большие культурные ценности и давно уже по праву заняла почетное место в мировой археологической науке. Во всем мире были широко известны такие выдающиеся имена деятелей этой науки, как М. И. Ростовцев, С. А. Жебелев, Б. В. Фармаковский — в области изучения памятников античного времени, академики Н. Я. Марр, Ф. В. Успенский — средневекового времени, а в первобытной археологии — А. С. Уваров, В. А. Городцов.

Русская археологическая наука внесла свой основополагающий вклад также в археологию Сибири и Центральной Азии трудами И. Т. Савенкова, Н. М. Ядринцева, В. В. Радлова, В. В. Бартольда и других выдающихся исследователей. Но перед советской археологической наукой встали новые задачи: идеологическое и методологическое перевооружение, переход от старого мировоззрения к новому — усвоение марксизма.

Центром работы в археологии по критическому освоению старого идейного наследия и переходу на новые методологические пути, или, как нередко тогда образно выражались в соответствии с общим духом времени великой социалистической стройки, на «новые рельсы», была основанная по ленинскому декрету Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК). Во главе ее стоял крупнейший исследователь истории и культуры Кавказа и Переднего Востока, оригинальный мыслитель-языковед академик Н. Я. Марр, всей душой преданный делу строительства социалистической науки и культуры.

ГАИМК под руководством Н. Я. Марра сосредоточила в своих стенах, в Ленинграде и Москве, крупнейших деятелей русской археологической науки. Вместе с представителями старшего поколения археологов в этом замечательном учреждении, наследником лучших традиций которого является ныне Институт археологии Академии наук СССР

в Москве с его ленинградским отделением, энергично работали и молодые исследователи. Им, естественно, и пришлось возглавить сложную и большую работу по идейному и методологическому перевооружению нашей археологической науки. Это были Б. А. Рыбаков, А. В. Арциховский, В. И. Равдоникас, А. П. Смирнов, А. Я. Брюсов, К. В. Тревер, Т. С. Пассек, Л. А. Евтюхова, О. Н. Бадер, А. В. Збруева, В. В. Гольмстен, а также многие другие и, конечно, С. В. Киселев. С. В. Киселев со свойственной ему энергией, творческим накалом и огромным темпераментом включился в эту работу, заряжая своим энтузиазмом и энергией ближайших сотрудников.

Одной из первых задач, которые стояли тогда перед молодой советской археологией, было преодоление прежней методологической узости и ограниченности традиционного вещеведения, или, иначе говоря, неспособности подняться над источниковедческим первым «этажом» исследовательской работы, боязни выйти в широкий мир подлинно исторического знания, оставить позади формализм в подходе к исследовательским задачам. Еще серьезнее была задача преодоления влияния не только старого идеалистического мировоззрения, не только идеалистических тенденций, но и вульгарного материализма. Разумеется, на первых порах и то и другое нередко сказывалось самым неожиданным образом. Примером может служить судьба «Нового учения о языке», созданного Н. Я. Марром и И. И. Мещаниновым, увлечение стадияльными схемами; склонность к вульгарному социологизаторству в ущерб конкретно-историческому анализу. Принципиально новым, прогрессивным и поистине революционизировавшим нашу науку явлением было осознанное стремление археологов овладеть в практике своих исследований марксистско-ленинским учением об общественно-экономических формациях, обнаружить на археологическом материале проявление сформулированных К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным общих закономерностей исторического процесса. И именно на этой общей основе еще полнее, еще глубже разобраться в сложном конкретно-историческом процессе, в калейдоскопе фактов, причудливо мелькающих перед исследователем, в смене этносов и культур прошлого, в их сложных конкретных взаимоотношениях. Но для этого нужно было углубиться в изучение фактов и, поскольку речь идет об археологии, углубиться в прямом смысле в землю, где эти вещественные документы прошлого скрыты, где они покоятся веками и тысячелетиями.

С. В. Киселев выбрал для такой работы Сибирь. И выбрал не случайно. В Сибири издавна шла работа археологов, стремившихся понять и воскресить забытое прошлое народов Сибири. Здесь трудились поколения археологов-любителей и ученых, начиная с таких видных наших предшественников, как отец сибирской истории Г. Ф. Миллер и его соратник И. Г. Гмелин, а также Гавриил Сарычев — первый, кто в мировой археологии исследовал памятники древних зверобоев Арктики на Чукотском полуострове. И здесь же в Сибири в первые годы Советской власти уже выросли свои локальные школы, каждая из которых накопила свой творческий опыт, свои методические и методологические традиции, внесла нечто новое в сложившуюся ранее картину исторического процесса. Таковы были томская, или, вернее, томско-ленинградская, школа во главе с С. А. Теплоуховым и М. П. Грязновым и Иркутская школа во главе с проф. Б. Э. Петри. Сибирь вместе с тем (как, разумеется, и в настоящее время) поистине необъятна для дальнейших поисков. Здесь было где применить свой исследовательский темперамент и азарт, где попытаться счастье.

От Урала и до Тихого океана перед исследователями простиралась огромная страна, больше половины территории Советского Союза, где веками и тысячелетиями обитали различные народы и представители разных языковых семейств, разных общественных укладов и культур. Страна, где шел своеобразный конкретно-исторический процесс, где проис-

ходили сложные события, находившие нередко отзвуки далеко за пределами этих областей — сибирской тайги, тундры, степей. И нужно сказать, что С. В. Киселев не случайно и не напрасно выбрал в начале своей исследовательской деятельности именно Южную Сибирь, ту область, где и начиналась во времена Миллера и Гмелина сибирская археология как наука.

Это был в первую очередь замечательный и прекрасный Минусинский край, «Сибирская Швейцария», как писали в газетах, — на самом деле, край со своими Саянами и плодородными долинами несравненно более прекрасный, чем Альпы и Женевское озеро. Не случайно и то, что С. В. Киселев на первых порах ограничил свои исследовательские изыскания в области археологии эпохой металла, прежде всего эпохой раннего металла — меди и бронзы, а также раннего средневековья, кыргызским временем.

О том, что могло ожидать впереди молодого исследователя, свидетельствовали открытия предшествующих поколений, а также работы таких крупных археологов, как С. И. Руденко и С. А. Теплоухов.

С. А. Теплоухов дал периодизацию древних памятников и культур Минусинской котловины: его схема до сих пор служит четким ориентиром для всех дальнейших исследований. Но следующий, чисто исторический, шаг в освоении того обширного документального материала, который был положен в ее основу, сделан был С. В. Киселевым. Он делает этот шаг в результате целой серии археологических раскопок и тщательного источниковедческого анализа накопленных ранее музеями коллекций, в ходе критической оценки прежних построений. С. В. Киселев на протяжении ряда лет осуществляет систематические археологические исследования на территории Минусинского края. Он охватывает своими работами также и Алтай. Так становится возможным дать подлинно историческую картину сложного и богатого событиями исторического прошлого Южной Сибири. Первым опытом в этом направлении, первой такой попыткой явились статьи: «Тагарская культура» в трудах секции археологии РАНИОНа (М., 1928), «Разложение рода и феодализм на Енисее» (Известия ГАИМК. Л., 1933), а также статья «Семантика орнамента карасукских стел» (в кн.: Из истории докапиталистических формаций. М. — Л., 1933, изданной в честь 75-летия акад. Н. Я. Марра).

Эти работы, особенно две последние, посвящены социологическому анализу. Автор уже тогда поставил своей задачей использовать археологические памятники, оставленные древним населением Минусинского края, как свидетельства о развитии производительных сил и социальных отношений, а также духовной культуры.

Обобщающая монография по древней истории Южной Сибири, вышедшая двумя изданиями, — итог долголетних трудов С. В. Киселева в этом направлении. Она стала его докторской диссертацией и была удостоена Государственной премии СССР. Пожалуй, самую развернутую характеристику этой работы дал наш виднейший историк С. В. Бахрушин, высоко ценивший археологические факты и исследования как составную часть исторической науки. С. В. Бахрушин писал об этой работе: «Среди советских археологов, работающих над сибирскими проблемами, видное место принадлежит С. Киселеву. Профессор С. Киселев на основании многочисленных археологических изысканий и сопоставления археологических материалов с письменными источниками впервые дал последовательную историю Сибири от неолита до X века нашей эры.

В течение своей двадцатилетней археологической деятельности С. Киселев не только «удвоил», по отзыву специалистов, количество предметов южносибирских древностей, не только датировал путем очень тонких сопоставлений эти предметы, но и создал на основании детального изучения археологических данных стройную научную концепцию общественного развития народов Южной Сибири.

Не отрицая некоторой роли миграций в истории Южной Сибири, он доказал, что местная культура развивалась самостоятельно, самобытно. Этот важный вывод убедительно обоснован исследователем на самом скрупулезном анализе собранного им громадного археологического материала.

Исследование С. Киселева разрушает тенденциозную буржуазную легенду о вековой отсталости сибирских народов и неспособности их преодолеть эту отсталость. Перед нами проходит последовательная смена социально-экономических формаций, возникновение варварских государств, рост самобытной культуры, развитие на местных основах искусства, достигающего в произведениях скифо-сарматских мастеров и в шедеврах кыргызских ювелиров большой высоты и блеска. Все это, говоря словами самого автора, «сильно изменяет представление о характере исторического процесса в Центральной Азии, рисовавшегося еще недавно в виде стихийного потока все новых племен и народов, на время становившихся вершителями судеб Среднего Востока».

Исследование С. Киселева разрушает и другую буржуазную легенду об оторванности Южной Сибири от мировых культурных центров, показывая связи ее с Восточной Европой и с Китаем.

Через всю книгу проходит, в частности, мысль о тесной связи культуры Южной Сибири с культурами Восточной Европы.

Подведем итоги. Перед нами не просто археологическое обследование обширного района Южной Сибири. Из детальных, порой кажущихся мелочными, сопоставлений и группировок археологических находок, из сравнения их с аналогичными памятниками соседних стран возникает широкое полотно до сих пор неведомой истории Южной Сибири. Это большое достижение советской археологии, базирующейся на строго научных марксистских методах работы. Аналогичные исследования ведутся сейчас советскими археологами и в других областях Сибири. Вслед за монографией С. Киселева вышла монография А. Окладникова, посвященная древней истории приленского и прибайкальского населения. Известность получили работы С. Руденко о берингоморской культуре, открывающие новую страницу в истории далекого Северо-Востока Сибири. „История страны невеселой“ перестает на наших глазах быть неразрешимой и темной загадкой. Труды С. Киселева и его товарищей вскрывают слои сибирской культуры, в течение ряда веков складывавшейся в Северной Азии, и прослеживают происходившие в жизни сибирских народов исторические процессы».

Столь широкие исследования ранней истории Южной Сибири, естественно, привели С. В. Киселева к решению более обширного круга проблем, связанных с историей народов Центральной Азии и Китая. Он ведет полевые археологические работы за Байкалом, в просторной Кондуйской степи, где копают остатки княжеской ставки и могильника аристократического рода монголов. Возглавляет двухлетние экспедиционные работы в Монголии, первые после знаменитых раскопок П. К. Козлова в горах Ноин-ула.

Важнейшим вкладом в историю средневековой Центральной Азии явились, в частности, широкие по масштабам раскопки столицы монгольских ханов — знаменитого Каракорума на р. Орхон, где позднее возник крупнейший буддийский монастырь Эрдэни-Дзу. Итоги этих раскопок изложены в большом сборнике, посвященном древнемонгольским городам.

Мне особенно приятно вспомнить в этой связи и свое участие в Советско-Монгольской археологической экспедиции в 1949 г., наши встречи с С. В. Киселевым как начальником этой большой комплексной экспедиции на берегу Орхона в древнем Эрдэни-Дзу, напротив и вблизи которого тогда нами были открыты первые палеолитические памятники, в том числе замечательное многослойное поселение Мольтын-Ам. Встретившись с С. В. Киселевым на западе от Улан-Батора, на раскопках Ка-

ракорума, мы продолжили тогда наши маршруты на восток — до Халхин-Гола и Буйир-Нура, а также на юг — к Гобийскому Алтаю. Эти первые маршруты по территории Монгольской Народной Республики дали уже тогда ценнейшие данные по каменному веку МНР и, прежде всего, впервые позволили констатировать обилие палеолитических остатков в Центральной Азии, чего не могли сделать предшествующие экспедиции, в том числе широко известная американская Центральноазиатская экспедиция под начальством Р. Ч. Эндрюса.

Эти работы по каменному веку, по палеолиту и неолиту Монголии не случайно были начаты именно по инициативе С. В. Киселева. Как историк широкого профиля, стремившийся охватить исторический процесс в целом, он наряду с исследованиями памятников эпохи металла не менее важными считал и работы, направленные на более древние эпохи. С. В. Киселев считал, что только так, только в общей исторической связи и последовательности можно понять закономерности исторических событий.

С. В. Киселев возглавляет также и Саяно-Алтайскую археологическую экспедицию в Туве. И снова, как после работ на Алтае и в Минусинской котловине, на богатом документальном материале он развертывает широкие, по характеру исторические построения. На этих материалах основываются все последующие исследования.

Настоящий сборник, посвященный памяти С. В. Киселева, издается в Сибири, в той области нашей страны, далекому прошлому народов которой, ее древнейшим культурам С. В. Киселев посвятил всю свою жизнь. Он внес большой вклад в историю Сибири, его труды и в наши дни сохраняют свою ценность и актуальность. Публикуемые в сборнике статьи, принадлежащие историкам и археологам-сибироведам разных поколений, работы, которые так или иначе связаны с тематикой исследований С. В. Киселева, продолжают и развивают их основные положения, являются выражением чувства признательности к вкладу С. В. Киселева в нашу науку, в изучение ранней истории сибирских народов.

* *
*

Когда настоящий сборник уже был набран, из Москвы пришла печальная весть: скончалась Лидия Алексеевна Евтюхова, верный спутник и соратник Сергея Владимировича Киселева.

Из жизни ушел большой человек и ученый. Но ушел не бесследно, то, что было сделано ею в археологии Сибири, составляет часть нашего «алмазного фонда». И не менее глубокий след оставила Лидия Алексеевна в сердцах тех людей, кто имел счастье быть с ней в поле, дома и на работе.

Сборник наш, посвященный С. В. Киселеву, стал фактически сборником памяти их обоих. И о них обоих можно сказать словами поэта:

Тому, кто жребий довершил,
Потеря жизни не утрата.
Без страха мир покинет он...

Веневитинов. Избранное. М., 1956, с. 88.

Академик А. П. Окладников

ПАМЯТИ
ЛИДИИ АЛЕКСЕЕВНЫ ЕВТЮХОВОЙ

31 июля 1974 г. внезапно оборвалась жизнь Лидии Алексеевны Евтюховой — замечательного человека, широко известного исследователя археологических памятников Сибири и Центральной Азии, заведующего Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР.

Л. А. Евтюхова родилась 31 августа 1903 г. в Ленинграде в семье инженера. Детство провела в г. Ростове-Ярославском. Здесь в шестнадцать лет, учась в школе, она начинает трудовой путь секретарем-машинисткой в педагогическом техникуме, а затем научным сотрудником Ростовского краеведческого музея.

Возможно, что замечательные исторические памятники древнего города способствовали формированию ее как историка. Л. А. Евтюхова поступает в Ростовское отделение Московского Археологического института, из которого в 1922 г. переводится на факультет общественных наук Московского университета. Здесь она слушает лекции профессора В. А. Городцова, проходит под его руководством археологическую практику, участвуя в раскопках Панфиловской стоянки, Старо-Каширского городища, Старой Рязани, Галичской стоянки, Вятских курганов. В 1924 г. произвела первые самостоятельные раскопки 10 славянских курганов близ с. Иславского под Звенигородом.

В 1924 г. Л. А. Евтюхова производила также раскопки Барвихинского, Прислонского, Старо-Ямского городищ в Московской области, Юрьевецкого городища в Горьковской области и курганов близ г. Илеса.

В 1925 г., по окончании университета, она была принята на работу в Государственный исторический музей, где провела огромную работу по учету и систематизации накопленных в дореволюционный период материалов, а также в деле перестройки экспозиции по археологии Сибири.

С 1930 г. Лидия Алексеевна начинает работу в Южной Сибири совместно с С. В. Киселевым. Она была не только постоянной помощницей Сергея Владимировича, но и вела большие самостоятельные исследования. В период работы в Хакасии и на Алтае у нее четко определились научные интересы, связанные с разработкой проблем, освещающих средневековую историю народов Центральной Азии.

Исключительны по своему значению материалы из раскопок Копенского чаа-таса. В огромных каменных курганах кыргызской (древнехакасской) знати на Копенском чаа-тасе были найдены золотая и серебряная посуда с древнетюркскими надписями и ювелирные украшения конского убора художественной работы местных мастеров, создавших на основе более древних местных традиций и образцов искусства соседних цивилизаций свое искусство. Эти находки по-новому осветили многие ранее неизвестные стороны древнехакасского общества.

Также большое значение имеют и раскопки пока единственного из известных кыргызского поселения у с. Малые Копены (1940 г.)¹.

Накануне войны начались под руководством Л. А. Евтюховой раскопки замечательного дворца гуннского наместника около колхоза «Сила» близ Абакана, которые были продолжены уже после войны, в 1945—1946 гг.²

Во время Великой Отечественной войны, в 1942 г., Л. А. Евтюхова была руководителем Комиссии по обследованию и составлению акта о разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками в г. Истре и Ново-Иерусалимском монастыре, а также принимала участие в работах Комиссии по учету разрушений в Дмитрове, Яхроме, Звенигороде.

Л. А. Евтюхова награждена медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а в 1953 г. — орденом Трудового Красного Знамени.

¹ Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у с. Копены. — «Тр. ГИМ», 1940, вып. XI; Евтюхова Л. А. Кыргызское поселение у с. М. Копены. — «КСИИМК», 1947, вып. XII.

² Евтюхова Л. А. Развалины дворца в «Земле Хягас». — «КСИИМК», 1947, вып. XXI.

В 1946 г. Л. А. Евтюхова успешно защитила кандидатскую диссертацию, материалы которой были изданы в 1948 г. отдельной книгой: «Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов)». Выделив круг памятников енисейских кыргызов и опираясь главным образом на материалы своих раскопок, Лидия Алексеевна выявила важнейшие особенности хозяйства, быта и культуры древних предков современных хакасов.

Во время поездок по Алтаю, Хакасии, Туве и Монголии Л. А. Евтюхова собрала большое количество зарисовок и фотографий «каменных баб» — монументальных скульптур тюркского времени, представляющих собою мужчин воинов в определенной позе, обычно с сосудом в руках. У многих изваяний тщательно проработаны прическа, детали костюма, оружие, сосуд. В 1953 г. Л. А. Евтюхова опубликовала работу «Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии», применив оригинальный метод исследования этих памятников, заключающийся в тщательном анализе отдельных деталей путем сопоставления их в особых таблицах³. Подвергнув сравнительному изучению изображенные предметы, она выявила непосредственную связь между ними и инвентарем древнетюркских погребений той же эпохи, а также сделала интересные выводы о расселении тюркских племен. Методика историко-археологического анализа, впервые разработанная Л. А. Евтюховой, была в последствии с успехом применена рядом исследователей каменных изваяний не только азиатской, но и европейской части нашей страны; в частности, этот метод блестяще оправдал себя в исследованиях С. А. Плетневой.

С 1946 г. Л. А. Евтюхова — старший научный сотрудник сектора первобытной археологии ИИМК АН СССР (ныне Институт археологии). До 1950 г. свою основную работу в Институте Лидия Алексеевна совмещала с работой в ГИМе.

С 1948 г. в качестве начальника отряда и заместителя начальника экспедиции Л. А. Евтюхова работала в составе Монгольской археологической экспедиции ИА АН СССР и Комитета Наук МНР, проводимой под руководством С. В. Киселева на территории МНР и Забайкалья. Исследования экспедиции были направлены на разрешение проблемы древнемонгольского города XIII—XIV вв. на территории Центральной Азии. Результаты этих работ изложены в коллективной монографии «Древнемонгольские города». Л. А. Евтюхова выполняла обязанности главного редактора этой книги. В 1965 г. монография вышла в свет и получила премию Президиума АН СССР.

В монографии «Древнемонгольские города» Л. А. Евтюховой написаны разделы: Фрески Каракорума; Монеты Каракорума; Керамика Каракорума; Изделия различных ремесел Каракорума. По материалам раскопок курганов в окрестностях Каракорума в журнале «Советская археология» ею опубликована статья «О племенах Центральной Монголии».

В 1963—1964 гг. Л. А. Евтюхова подготовила к передаче и передала на постоянное хранение в отдел Востока Государственного Эрмитажа коллекции из раскопок Монгольской экспедиции АН СССР. При ее консультациях на этих материалах в настоящее время в Эрмитаже открыт новый зал, посвященный столице древней Монголии Каракоруму, Кондуйскому дворцу и Хирхиринскому городищу в Забайкалье.

Список научных трудов Л. А. Евтюховой насчитывает свыше 50 работ.

Сорокалетний опыт исследования памятников всех видов, широкая эрудиция, исключительная наблюдательность, требовательность к себе выдвинули Лидию Алексеевну в ряды ведущих специалистов в области методики полевых исследований. С 1953 г. она работала ученым секретарем, а с 1966 г. заведующей Отделом полевых исследований, где под ее руководством осуществлялся контроль над полевыми исследованиями на территории РСФСР.

Повышению методического уровня работ многих специалистов, получающих открытые листы в ОПИ, способствовали указания, консультации и рекомендации, даваемые Л. А. Евтюховой. Она лично просматривала все отчеты (а в последнее время их ежегодно поступало более 300), вносила поправки, дополнения, рекомендации в отзывы рецензентов. В последние годы жизни Л. А. Евтюхова раскопок не производила, однако как руководитель ОПИ она совершала поездки по местам раскопок. Так, в 1971 г. для ознакомления на месте с методикой исследования сложных памятников Л. А. Евтюхова выезжала в Новгород и Старую Руссу на раскопки древних городов. В том же году по приглашению Тувинского НИИ языка, литературы, истории она побывала на раскопках кургана Аржан, где экспедиция под руководством М. П. Грязнова исследовала уникальное погребальное сооружение очень сложной конструкции.

Л. А. Евтюхова много внимания уделяла также мероприятиям, связанным с охраной памятников древности, она постоянно участвовала в работах археологической секции Центрального совета ВООПИК и в консультациях Министерств культуры РСФСР и СССР.

Л. А. Евтюхова руководила также работой архива Института.

Большое место в деятельности Лидии Алексеевны занимало сотрудничество в журнале «Советская археология». С 1956 по 1964 г. она член редколлегии журнала и по 1971 г. — заведующая разделом публикаций.

³ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — «МИА», М., 1952, вып. 24.

Многолетний опыт и широкая эрудиция позволили Л. А. Евтюховой вести большую организационную работу в области пропаганды археологической науки в нашей стране и за рубежом.

Она была постоянным председателем выставочной комиссии Института археологии и членом Научного совета по выставкам Академии наук СССР и союзных республик при Президиуме АН СССР.

С 1951 г. Лидия Алексеевна ежегодно возглавляла организацию выставок к экспедиционным пленумам Института археологии.

На международных выставках в Нью-Йорке, Париже, Лондоне демонстрировались созданные ею разделы, освещающие достижения советской археологической науки. Большим успехом в Голландии, ФРГ, Швейцарии и Италии пользовалась подготовленная при участии Л. А. Евтюховой выставка «Археология в СССР». В 1967 г. под ее руководством была организована юбилейная выставка «Советская археология за 50 лет».

Трудно сказать, какая сторона многогранной деятельности Лидии Алексеевны была наиболее яркой.

Вдумчивый, скрупулезный, глубокоаналитический труд ученого-теоретика органически сочетался с совершенным мастерством талантливого исследователя-практика.

Четкая, спокойно-ритмичная работа бесменного организатора выставок, сложная роль «высшего судьи» — в качестве заведующей отделом полевых исследований (контролирующим органом Института) — все, что делала Лидия Алексеевна, отличалось высоким профессионализмом, какой-то особой основательностью, было освещено умной добротой этого удивительно обаятельного человека.

Все, кому посчастливилось работать в экспедициях рядом с Лидией Алексеевной, проходили прекрасную школу полевой методики.

Обладая не только огромным опытом, широким кругозором, острой наблюдательностью, но и тонкой интуицией, особым «чувством памятника», присущим одаренному археологу, Лидия Алексеевна умела блестяще вскрыть, «прочесть» археологический объект любой сложности.

Может служить образцом тщательнейшая документация раскопанных ею памятников. Будучи художником, графиком, прекрасным фотографом Лидия Алексеевна, как правило, сама выполняла все эти работы. В частности, ею составлены планы таких сложных конструкций, как Большой Салбыкский курган, Кондуйский дворцовый комплекс и т. д.

Большую часть иллюстраций к публикациям Сергея Владимировича и своим собственным Лидия Алексеевна также выполняла сама.

В трудных экспедиционных условиях (в монгольских, забайкальских, южно-сибирских степях) она была поистине незаменима — тут особенно раскрывалась красота этой сильной мужественной русской женщины, которой по плечу была любая работа: сложить ли профессионально печь, заменить экспедиционного шофера, починить вышедший из строя инструмент или соорудить простое и остроумное устройство, позволявшее не прерывать из-за непогоды расчистку могильника.

Удивительную гармонию составляли, казалось бы, совершенно противоположные по характеру шумный, темпераментный Сергей Владимирович и сдержанно-спокойная, неторопливая Лидия Алексеевна. В их экспедициях всегда царил та жизнерадостно-деятельная, доброжелательная атмосфера, которая позволяла легко справиться с трудностями и приводила к неизменному успеху.

Лидия Алексеевна нашла в себе силы стойко перенести невозполнимую потерю — безвременную смерть Сергея Владимировича, продолжала до последних дней плодотворно трудиться.

Всегда окруженная друзьями, молодежью, Лидия Алексеевна всех одаряла своей огромной душевной щедростью, примером своим учила самообладанию, мужеству, скромности, доброте.

М. А. Дэвлет, П. П. Терехова, Н. К. Лисицына

І. Каменный век

А. П. Окладников

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙШИХ СЛЕДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НА ОЗЕРЕ БАЙКАЛ: «КВАРЦЕВЫЙ ПАЛЕОЛИТ»

Археологические памятники оз. Байкал, следы деятельности древнего человека на его берегах, в том числе на живописном о. Ольхон, издавна привлекали внимание исследователей прошлого Сибири. Еще в XVIII столетии до автора первой капитальной «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера дошли легендарные сведения о древнем котле, будто бы принадлежавшем самому Чингис-хану и находящемся на о. Ольхоне. «У кочующих около Байкала бурят он выведывал про местонахождение легендарного Чингис-ханова «тагана», — пишет С. В. Бахрушин¹. Сам Г. Ф. Миллер сообщает о своих поисках: «По рассказам монголов, Чингис-хан имел свое главное местопребывание при реках Ононе, впадающей в Шилку, и Куринлуме (Керулене.— А. О.), впадающем в озеро Далай. Они же рассказывают, что Чингис-хан иногда доходил со своим кочевьем до озера Байкал. Доказательством этого должен будто бы служить таган, поставленный им на горе на острове Ольхоне, который находится на указанном выше озере, и на тагане большой котел, в котором лежит лошадиная голова. Хотя я и не получил подтверждения этому от бурят, живущих в окрестностях озера Байкала и на острове Ольхоне, я все же считаю приведенное известие о владениях Чингис-хана весьма вероятным, так как первые завоеванные Чингис-ханом земли — Китай и Тангут — лежат поблизости»².

В XIX столетии наиболее важные наблюдения над археологическими памятниками в районе оз. Байкал были осуществлены Н. Н. Агапитовым, который впервые описал замечательные наскальные изображения в бухтах Саган-Заба около пади Крестовой и Ая — при впадении р. Анги в Байкал, а также другие древности³.

Существеннейшим вкладом в археологию Сибири явились затем раскопки Б. Э. Петри в бухте Улан-Хада вблизи Малого моря, которые дали строго документированный обширный материал по неолитическим поселениям Прибайкалья. Этим же исследователем отмечены были наскальные изображения на р. Анге, вблизи Байкала. В 1925 г. вышла в свет сводка П. П. Хороших по археологии каменного и железного века Иркутской губернии, где собраны многочисленные указания на археологические остатки в районе Байкала, в том числе на о. Ольхон⁴.

Важным событием в изучении археологии Байкала явились работы Байкальской археологической экспедиции Института археологии

¹ Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. — В кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, ч. I. М.—Л., 1937, с. 27.

² Миллер Г. Ф. История Сибири, ч. I, с. 170.

³ Агапитов Н. Н. Прибайкальские древности. — «Известия ВСОРГО», Иркутск, 1881, № 4-5, вып. XII.

⁴ Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края. Иркутск, 1924.

АН СССР под руководством М. П. Грязнова, созданной в связи с повышением уровня Байкала.

Однако до сих пор археология Байкала в литературе мало освещена. Не освещен надлежащим образом и начальный вопрос байкальской археологии — первоначальное освоение человеком этого грандиозного озера — внутреннего моря Азиатского материка. Этот вопрос впервые в нашей литературе был поставлен одним из участников экспедиции М. П. Грязнова Л. П. Хлобыстиным, который обнаружил вблизи пос. Байкальского, на мысе Лударь, каменные изделия, датируемые им временем позднего палеолита или мезолита. Но материал, обнаруженный Хлобыстиным, немногочислен⁵.

В этой связи представляют значительный интерес новые находки, обнаруженные на Байкале за последние годы (1970—1972) археологической экспедицией Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Первое такое местонахождение обнаружено в 6 км к северо-востоку от Ольхонского района, в с. Еланцы, по левую сторону р. Анги, непосредственно за мостом, по которому проходит дорога из Еланцов в Хужир.

Высокий коренной берег р. Анги расчленен здесь серией глубоких и узких распадков. Один из таких распадков носит название Ангаси-Елга. В нем нами обнаружен древний могильник, расположенный на террасовидном уступе высотой около 6 м над уровнем тальвега распадка, а по отношению к руслу р. Анги не менее 25 м. При обследовании террасовидного уступа на нем собрано значительное количество обработанных человеком кусков кварца, в том числе нуклеидных, а также грубых отщепов. Следы искусственной обработки в виде фасеток от намеренных сколов на кусках кварца выражены вполне отчетливо (рис. 1—3). В целом общее впечатление от этих находок было таково, что перед нами остатки своеобразной мастерской, где производилась лишь первичная обработка такого грубого материала, каким является жильный кварц.

Второе местонахождение такого же рода, с более обильными находками, было выявлено при обследовании вершины пади Малый Орсо, где в свое время П. П. Хороших нашел наскальные рисунки⁶.

В этом месте, на самой вершине пади, над выходами мраморовидного известняка имеется широкий, слегка наклонный к Байкалу террасовидный уступ. Высота уступа над уровнем Байкала значительная, не менее 100 м. К площадке его сходятся вершинами два распадка, пади Большая и Малая Орсо. Отсюда открывается широкий вид на побережье Байкала и на озеро, а в ясную погоду проглядываются голубые дали противоположного, южного берега, окаймленного зубчатой стеной гор.

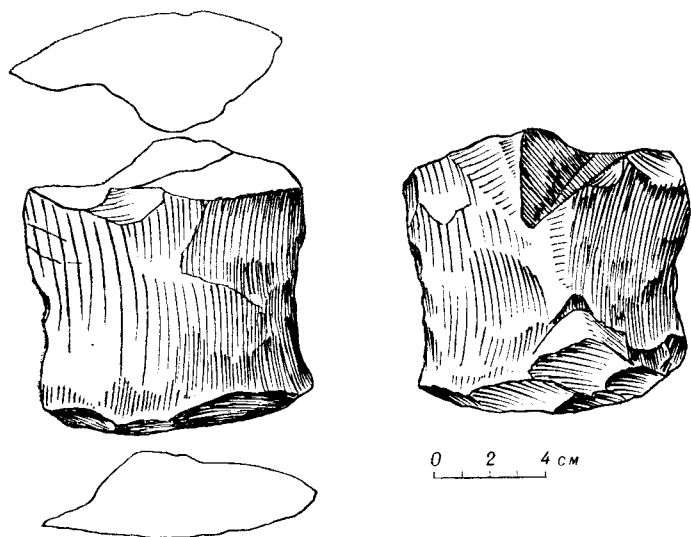
Над террасовидным уступом высятся отвесная стена, сложенная мощным пластом жильного кварца. Отдельные глыбы кварца, вероятно, обрушившиеся вследствие землетрясений, лежат на поверхности террасовидного уступа.

При осмотре террасы на ней собраны такие же, как в пади Ангаси-Елга, многочисленные образцы обработанного человеком кварца. Судя по общему характеру находок, здесь была своего рода мастерская, подобная тем, какие встречаются около выходов ценного поделочного камня, служившего для изготовления каменных орудий. Люди подбирали подходящие куски камня и «вчерне» обрабатывали их в виде «полуфабри-

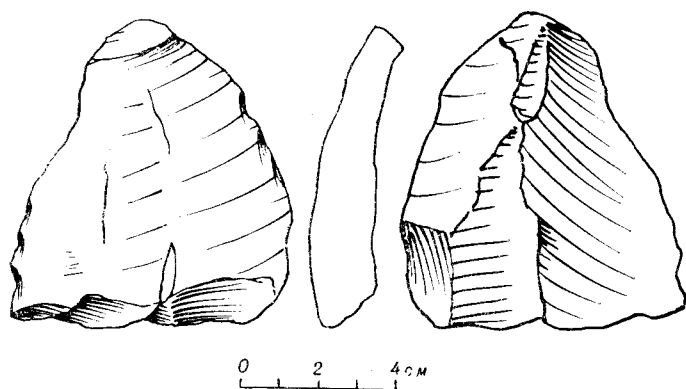
---

⁵ Хлобыстин Л. П. Древнейшие памятники Байкала. — «МИА», 1965, № 413. Палеолит и неолит СССР, т. 5. Дискуссия по проблеме мезолита или эпипалеолита на Байкале в связи с находками Л. П. Хлобыстина; Свиинин В. В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963—1965 гг. — В кн.: Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 годы. Иркутск, 1966, с. 50—69.

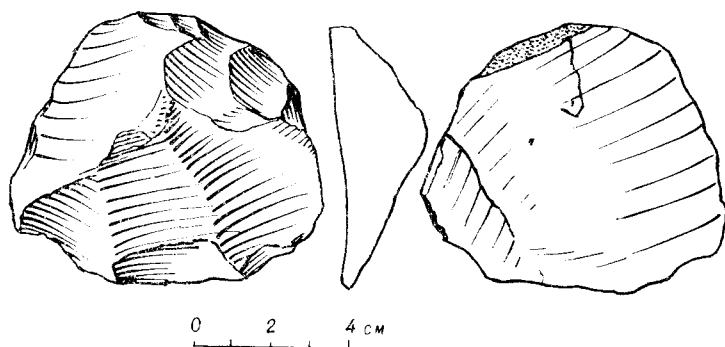
⁶ Хороших П. П. Указ. соч. (Рисунки тогда еще не были изданы).

Puc. 1.

Puc. 2.

Puc. 3.

катов». Полностью готовые изделия на таких мастерских, — естественно, вещь редкая. Археологи встречают здесь, как правило, лишь отбросы производства — отщепы, пластины, грубые нуклеусы-болванки.

Подобные мастерские широко представлены, например, в Средней Азии (Капчигай, Уч-Тут), а также в Монголии (в предгорьях Гоби-Алтая) и за Байкалом (Титовская сопка в г. Чите, а также одно из самых крупных по массе находок местонахождение вблизи Боргойского совхоза на горе Сальгир, или Сэльби).

Материалом для работы древних мастеров служили куски более или менее крупных глыб кварца. Куски эти подбирались здесь же, на поверхности скалы и у самого подножия кварцевого обнажения, а затем обрабатывались. Существенная черта фактуры этих кусков кварца в ряде случаев — характерная сглаженность их первоначальной поверхности, жирный блеск и своеобразная волнистость и изъязвленность мельчайшими углублениями в результате воздействия ветра и песка. В основном это — масса расщепленных кусков и обломков кварца со следами беспорядочно нанесенных сколов.

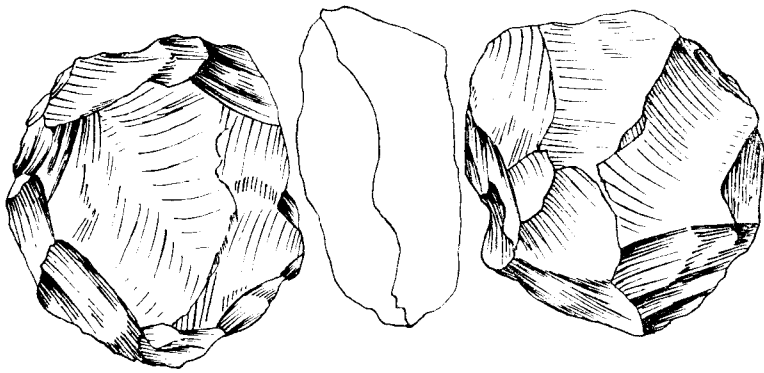
В большинстве случаев из-за зернистости исходного материала не всегда прослеживаются такие характерные признаки искусственной обработки, как ударные бугорки или волнистость, обычные на камне иной структуры, например на кремнистых породах. Однако и на этих обломках кварца ясно видно, что они расщеплены намеренно, человеческой рукой. Об этом свидетельствуют раковистая поверхность раскалываемого куска кварца, а в ряде случаев четко заметные фасетки — «негативы» сколов. Встречаются в небольшом количестве и хорошо оформленные изделия определенных типов, позволяющие сделать вывод о их типологии и культурной принадлежности. Таковы прежде всего нуклеусы. Помимо обычных для этого местонахождения бесформенных массивных кусков кварца со следами искусственных сколов здесь найдены и четко выраженные нуклеусы.

Первый такой нуклеус принадлежит к категории двусторонне-дисковидных. Он крупный по размеру: его диаметр 14,5, толщина 9 см. Обе поверхности нуклеуса имеют фасетки широких и довольно крутых сколов, направленных радиально — от краев к центру. Края нуклеуса — его отбивная площадка — обработаны четко выраженными сколами по всему периметру. Местами заметны следы дополнительной подправки краев нуклеуса мелкими сколами (рис. 4).

Второй нуклеус почти в два раза меньше по размеру и тоже принадлежит к категории двусторонне-дисковидных, т. е. таких, с которых отщепы и пластины снимались с двух сторон изделия. Его диаметр 9, толщина 5,5 см (рис. 5). Обе стороны нуклеуса одинаково выпуклые и оформлены одинаковым образом: широкими крутыми сколами, направленными от краев к центру, так же как на первом нуклеусе. По правильной своей форме и технике снятия отщепов это классический двусторонне-дисковидный нуклеус. И в этом смысле он даже более выразителен, чем первый. Его можно поэтому смело сравнивать с характерными дисковидными нуклеусами мустьерского типа.

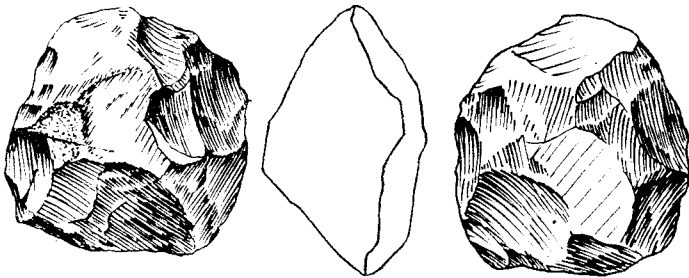
Есть также нуклевидные изделия особого рода, по форме и технике близкие к леваллуазским. Так, три куска кварца могут быть отнесены к числу примитивных нуклеусов леваллуазского в широком смысле типа. Они треугольных очертаний, массивные. На широком конце их имеются скошенные по отношению к длинной оси площадки, образованные одним или несколькими ударами. Но их можно также назвать и чоппингами, поскольку обработка краев широкими сколами производилась с двух противоположных краев таким образом, что получалось широкое лезвие (рис. 6).

Четвертый предмет такого рода отличается от других своим материалом: он изготовлен не из полупрозрачного кварца, а из более темной

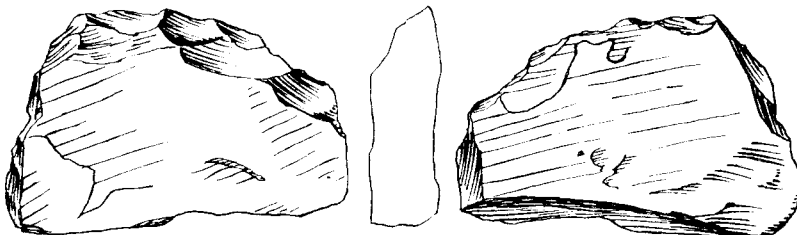
0 2 4 CM

Puc. 4.

0 2 4 CM

Puc. 5.

0 2 CM

Puc. 6.

породы, но не менее плотной и такой же структуры. Очертания его подтреугольные. На широком конце имеется скошенная площадка, от которой вдоль длинной оси направлены два широких скола. Длина этого изделия 14, ширина 12 см (рис. 7).

Можно выделить и скребловидные изделия.

Первое изделие из этой группы представляет собой массивную плитку чисто-белого, слегка полупрозрачно-выпуклым рабочим краем, оформленную как крупное скребло с дугообразно-выпуклым рабочим краем. Длина орудия 10,5, ширина 7 см. Лезвие инструмента, его рабочий край, оформлено крутой ступенчатой ретушью. Толщина скребла 2,5 см. Ретушь на нем односторонняя, но частично тронута сколами вдоль лезвия и противоположная сторона изделия (рис. 8, а). Помимо многочисленных расколотых кусков кварца и грубых массивных отщепов имеются также более или менее правильные широкие пластины.

Второе изделие — грубое скребло (или чопер), изготовленное из массивного плитчатого обломка кварца. Очертания изделия треугольные. Длина 12, ширина 12,5 см (рис. 8, б). Одна сторона плитки сохраняет сильно выветрившуюся и сглаженную от времени поверхность, противоположная — оббита сильным боковым ударом, образовавшим широкую ровную плоскость, на краю которой выделяется крутой уступ предшествующего скола. Один длинный край плитки оббит широкими сколами, направленными наискось.

Третье изделие — скребловидное орудие (или остроконечник) из массивного отщепа розоватого кварца. Очертания орудия миндалевидные. Обе стороны изделия оформлены широкими сколами. Рабочий край дугообразно-выпуклый, обработанный сколами с обеих сторон. Противоположный край грубо оббит и представляет собой как бы спинку. Узкий конец предмета имеет вид острия (рис. 9).

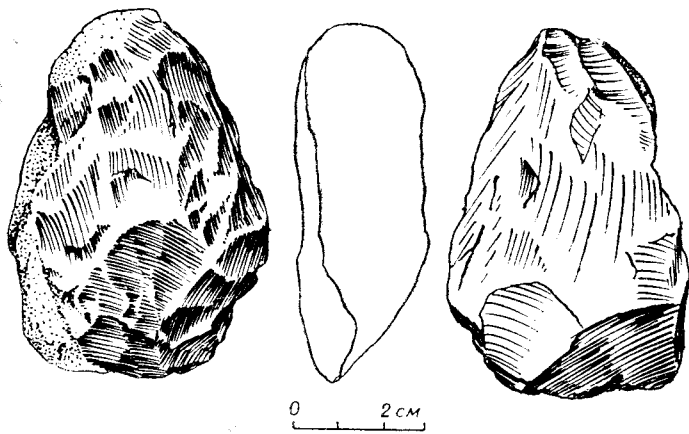
Четвертое изделие — массивная плитка почти правильной круглой формы, со следами широких поперечных сколов на обеих поверхностях. Края плитки по всему периметру оббиты крутыми, почти вертикальными сколами. Следует добавить, что оббивка лезвий диска производилась на двух противоположных краях диска также в противоположном направлении, «трансверсально». Кроме того, лезвия инструмента подравнены мелкой ретушью (рис. 10).

В целом это изделие можно было бы по форме назвать дисковидным скреблом. Но из-за крутизны сколов вдоль краев этот предмет сравнить с так называемыми «лекалами», служившими, по мнению проф. Б. Э. Петри, своего рода наковальнями для обработки рабочего края скребел с выпуклым лезвием, нельзя. Кроме того, часть края плитки не только оббита, но и как бы затуплена и смята в результате сильных ударов по твердому материалу. Это подтверждает мысль, что перед нами не скребло как таковое, а скорее всего именно орудие для обработки камня типа ретушера или «лекала». Диаметр диска 7,5 см, толщина 2 см.

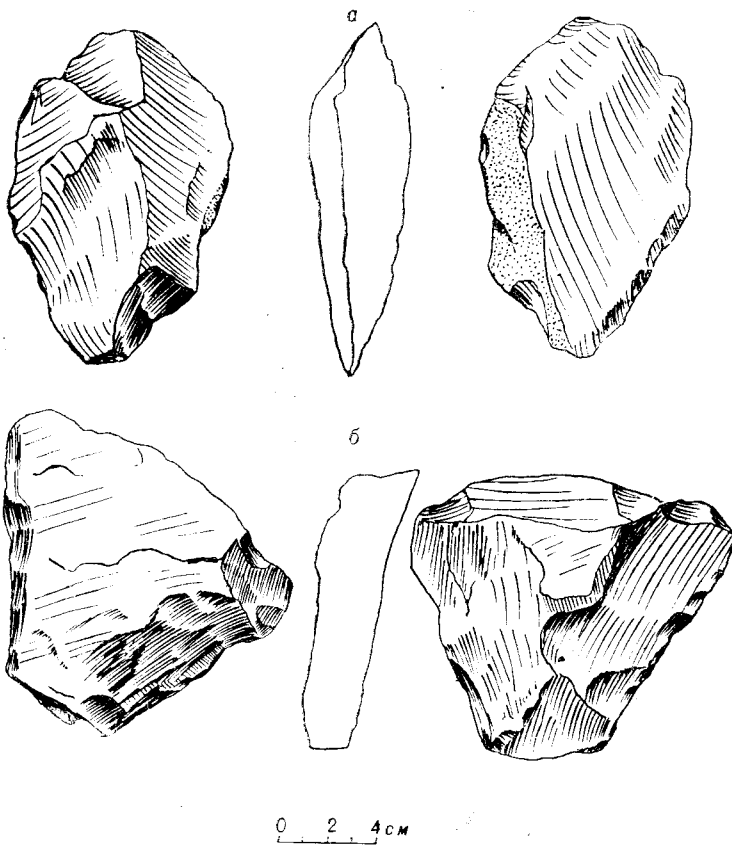
Есть также предметы, которые можно отнести к группе остроконечников. Это куски кварца, обработанные с обеих сторон сколами таким образом, что по очертаниям они имеют вид более или менее удлиненного равнобедренного треугольника.

Таково, например, наиболее крупное и самое тщательное по обработке изделие, описываемое ниже. Длина его 15, наибольшая ширина 10 см. В поперечном сечении оно имеет вид уплощенного ромба. Широкий конец образует пятку, где уцелела часть первоначальной гладкой поверхности, которую этот кусок кварца имел до обработки. Пятка — самая толстая часть изделия. К острию оно резко суживается и утончается. Края изделия оформлены широкими и довольно крутыми сколами, фасетки которых заметны почти отчетливо. Фасетки сколов направлены поперек длинной оси изделия. Острие массивное и слегка изогнутое (рис. 11).

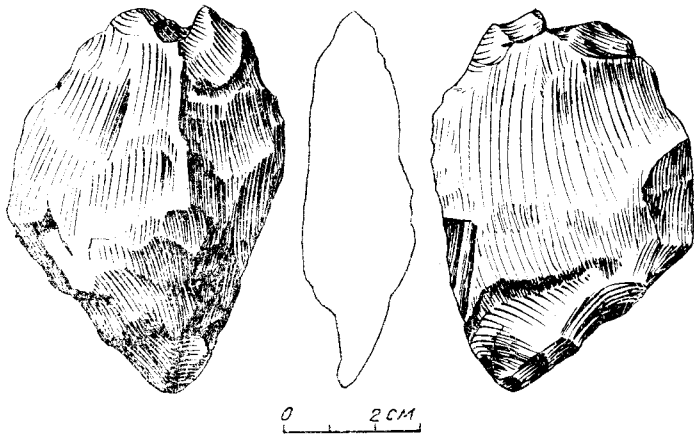

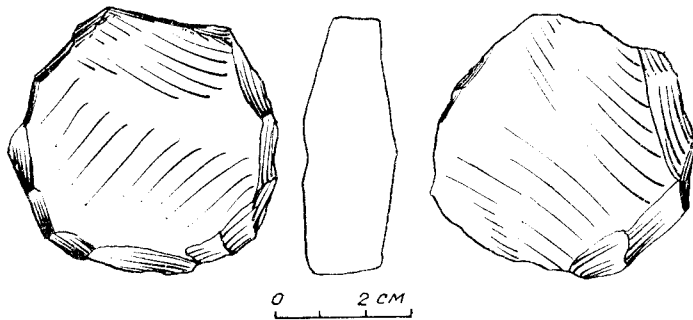
Рис. 7.

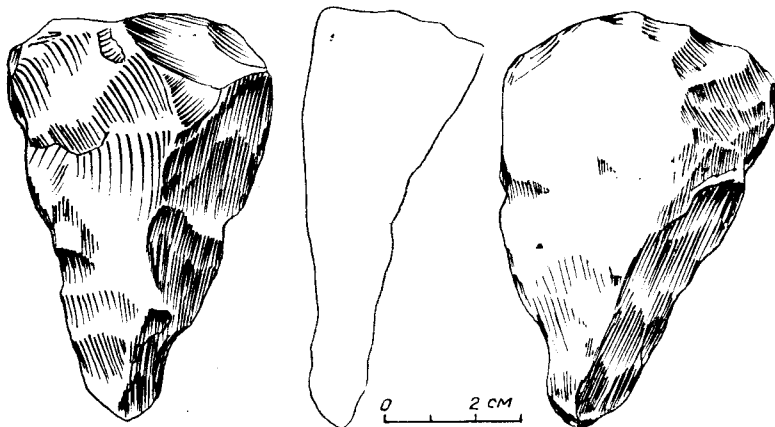
Рис. 8.

Puc. 9.

Puc. 10.

Puc. 11.

Описанное изделие с первого взгляда напоминает широко известные в литературе остроконечники мезолита Астурии. Но в нем, как и в описываемых ниже других предметах данной группы, имеются черты сближающие их с нижне- и среднепалеолитическими остроконечниками: общая форма — треугольная или миндалевидная, утолщенная пятка, характерная обработка краев широкими сколами, направленными поперек длинной оси.

Второе такое изделие имеет аналогичные первому треугольные (в виде равнобедренного треугольника) очертания. Обе широкие поверхности его точно так же оббиты широкими сколами. Одна широкая поверхность уплощена, противоположная имеет продольное ребро. «Пятка» орудия и края его обработаны отчетливыми сколами. «Пятка» пристроена и напоминает лезвие. Длина этого изделия 14, ширина 9 см (рис. 12).

Третье такое изделие почти миндалевидных очертаний. Длина его 15, ширина 8,5 см. В поперечном сечении оно близко к уплощенному ромбу. Широкие поверхности и края оббиты с обеих сторон широкими сколами. Изделие имеет отчетливо выраженную «пятку» на широком конце и острие на противоположном конце (рис. 13).

В коллекции из пади Малая Орсо имеется серия таких же примитивных остроконечников, отличающихся друг от друга большей или меньшей тщательностью оббивки, размерами, а также формой, колеблющейся от равнобедренного треугольника до миндалевидного овала (рис. 14).

Есть также относительно немногочисленные пластины, или, точнее, сравнительно узкие пластинчатые отщепы. Они представлены немногочисленными образцами с одной уплощенной поверхностью, на которой можно видеть уцелевшую узкую часть отбивной площадки, а также широкий расплывчатый, но все же хорошо заметный ударный бугор (рис. 15).

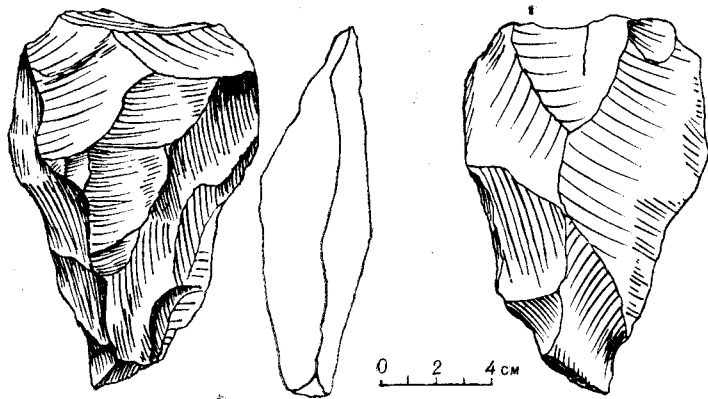
Нуклеусы двух типов — дисковидные и леваллуазского облика, скребловидные инструменты, грубые ручные остроконечники — рубильца, «лекало», немногочисленные относительно к общему числу находок, — таков весь набор типологически выраженных изделий, представленных сериями в сборах с вершины падей Малая и Большая Орсо.

Инвентарь этот производит в целом весьма архаичное впечатление. По европейским масштабам его можно было бы отнести к весьма ранним этапам техники каменного века, т. е. к нижнему или, по крайней мере, среднему палеолиту. Во всяком случае, в нем нет ничего верхнепалеолитического, если сравнить его с подобного рода изделиями Западной Европы.

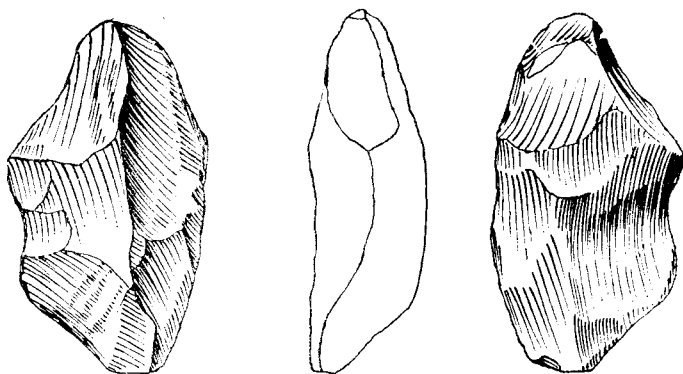
Представляет интерес и то обстоятельство, что столь широкое применение на Байкале такого грубого материала для изготовления каменных орудий, как кварц (а также кварцит), возможно, зависит не только от наличия месторождений этого камня на том или ином месте. Оно может быть связано с определенной технической инерцией и с какими-то архаическими традициями. Постоянное употребление кварца для изготовления каменных орудий отмечается не только в верхнем палеолите, например в Сибири, но и в более ранних памятниках: напомним кварцитовые орудия синантропа, кварцитовый палеолит Восточной Европы, орудия из галек в Филимошках и Усть-Ту в бассейне Амура ⁷.

Интересно отметить, что в таких же условиях — на высоких террасах р. Ангары и тоже в основном на поверхности этих террас — Г. И. Медведев в 27 пунктах собрал изделия архаического облика: «дисковидные и леваллуазские монофронтальные и бифронтальные нуклеусы, остроконечники, скребла, чопперы, отщепы и пластины». В трех

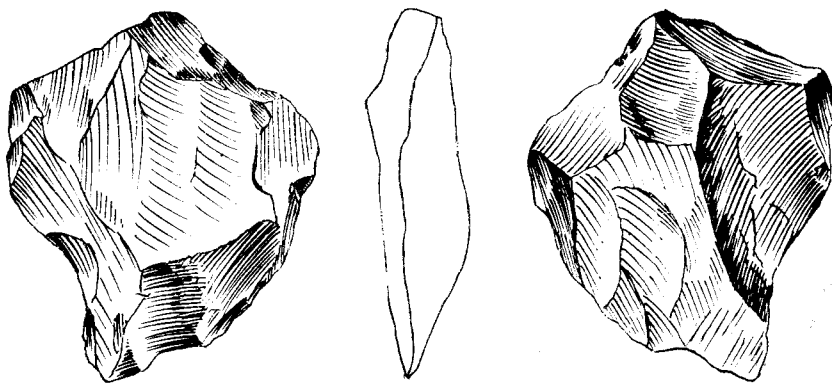
⁷ Окладников А. П. О первоначальном заселении человеком Сибири и новых находках палеолита на р. Зее. — В кн.: VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

Puc. 12.

Puc. 13.

Puc. 14.

случаях, по словам Г. И. Медведева, эти находки «имеют стратиграфическую привязку, отмечающую время переотложения древнего материала с высоких отметок в толщу аллювиальных напластований комплекса низких IV—V террас. По данным геологии антропогена Иркутского амфитеатра, эти процессы могли иметь место в системе самарского (рисского) оледенения»⁸.

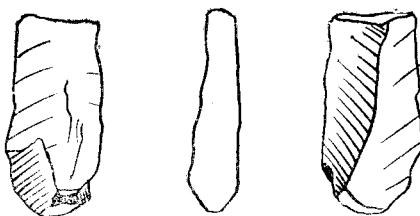

Рис. 15.

Существенно, что, по словам Г. И. Медведева, эти вещи сделаны из кварцита. Можно добавить, что нами в 1930—1940-е гг. и позже аналогичные находки были зарегистрированы на правом берегу Ангары, в районе между дер. Пономарево и р. Идой⁹.

Не исключено, что находки в падах Малая и Большая Орсо могут быть сопоставлены с некоторыми местонахождениями, отмеченными Г. И. Медведевым. Во всяком случае, ясно, что наши байкальские находки следует отнести не к неолиту, а к более раннему времени, хотя в материалах из памятников китойского или глазковского времени отмечается «вторичное» появление изделий из такого грубого материала, как кварцит¹⁰. К ним поэтому вполне приложимо определение, преимущественно или исключительно употреблявшееся для каменного века Байкала и Ангары, — «кварцевый (или кварцитовый) палеолит или эпипалеолит».

Дальнейшие детальные исследования на берегах оз. Байкал и на о. Ольхон принесут, по всей вероятности, еще немало новых документальных данных, которые позволят существенно дополнить материалы по древнейшему заселению Байкала и освоению его природных богатств древним человеком.

З. А. А б р а м о в а

НАХОДКИ КАМЕННОГО ВЕКА В АБАКАНО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЕ

С. В. Киселев справедливо отмечал, что при общей изученности палеолита на Среднем Енисее вопрос о неолите Минусинской котловины остается открытым. «Состояние культурных слоев местных стоянок более чем печально. По-видимому, древний скотоводческий режим издавна способствовал растапыванию скотом растительного покрова донных холмов, вследствие чего усиливался процесс выдувания песков, хранивших культурные наслоения... Главная же масса донных стоянок края предстает перед обследователем в виде беспорядочно перепутанных материалов всех эпох»¹.

Спустя 20 лет можно сказать, что на территории собственно Минусинской котловины, которую правильнее следует называть Абакано-Минусинской, бесспорно палеолитических местонахождений, обладающих

⁸ Медведев Г. И. Раннепалеолитические местонахождения на юге Восточной Сибири. — В кн.: Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов совещания. Ташкент, 1972, с. 28—29.

⁹ Коллекции хранятся в камеральной мастерской Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

¹⁰ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — «МИА», М.—Л., 1950, № 18, с. 363.

¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2-е. М.—Л., 1951, с. 14.

несмешанным комплексом и залегающих в непо потревоженном состоянии, до сих пор также неизвестно².

Границы Абакано-Минусинской котловины достаточно четкие. На западе она ограничена Абаканским хребтом, на юге и востоке — Западным Саяном и на севере — системой хребтов Батеневский кряж — Беллыкское Белогорье. Основным районом, интересующим нас, будет правобережье Енисея до р. Тубы на севере и междуречье Абакан — Енисей³.

Еще в 1940 г. Г. П. Сосновский выделил этот особый район, указав, что на участке правобережья Енисея от с. Означенного до устья р. Тубы не выявлено палеолитических местонахождений, тогда как ниже по течению от устья р. Тубы известно большое число стоянок. Г. П. Сосновский объяснял это тем, что в четвертичную эпоху Енисей от предгорьев Саян до г. Минусинска имел иное направление. От дер. Означенной он огибал Койбалскую степь в северо-западном направлении и между хр. Изых и Тербой сливался с Абаканом⁴. В настоящее время древнюю долину Енисея можно проследить по полосе галечников и большому числу озер в направлении от с. Означенного на пос. Азраков на Абакане.

Характеризуя геоморфологию Абакано-Минусинской котловины, С. А. Коляго указывает на отличия в строении древних и современных долин: прежде всего у древних долин отсутствуют террасы, несмотря на их значительную ширину (до 20 км), затем они пересекаются водоразделами междуречий современных рек, и, наконец, характерной особенностью древних долин является их дюнно-бугристый рельеф. Дюны и бугры высотой 15—25 м имеют асимметричную форму, а длина их колеблется от 20—90 до 150—250 м. Большинство дюн и бугров закреплено растительностью, чаще всего сосновыми борами. Только на участках сплошных вырубок, пастбищ и распахов дюны и бугры вновь подверглись эоловому переформированию⁵.

Все это создает своеобразные условия при поисках стоянок каменного века в этом районе по сравнению с более северными областями бассейна Енисея, где палеолитические и редкие неолитические местонахождения залегают в четких стратиграфических условиях.

Г. П. Сосновский упоминает только 3 пункта находок на берегу древнего русла Енисея: изделия палеолитического облика у г. Изых и в местности Борки, а также грубо оббитые камни в урочище Сорок озер, недалеко от Борков⁶. Публикуя результаты разведок, проведенных сотрудниками Минусинского музея, в частности В. П. Левашевой, и собственных (1945—1949), Э. Р. Рыгдылоу насчитывает свыше 10 местонахождений, относящихся к каменному веку на правобережье Енисея, и около 10 местонахождений в междуречье Абакан — Енисей⁷.

Исходя из данных Э. Р. Рыгдылоу и просмотра коллекций, хранящихся в Минусинском музее, можно прийти к выводу, что большинство этих местонахождений неолитические (наличие двусторонне обработанных наконечников стрел, четырехугольных вкладышей, топоров и мотыг), хотя в некоторых из них присутствует примесь палеолитических форм

² Исключением составляет открытая в 1971 г. С. Н. Астаховым стоянка у с. Означенное. См. Археологические открытия 1971 года. М., 1972, с. 239.

³ На левом берегу Абакана и Енисея (до впадения в него рч. Таштык) следов палеолита не обнаружено. Имеется лишь упоминание о единичных находках, сделанных в 90-е годы XIX в. и в первой четверти XX в. на реках Узувжул и Часгол, а также около б. Абаканской Управы (ныне г. Абакан). См. Савенков И. Т. Каменный век в Минусинском крае. Матер. по археологии Вост. губерний. — «Известия Моск. археол. об-ва», 1896, т. II, с. 6, 18.

⁴ Сосновский Г. П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири. — «КСИИМЖ», 1940, т. VII, с. 88.

⁵ Коляго С. А. Правобережье Минусинской впадины. Л., 1967, с. 32—33.

⁶ Сосновский Г. П. Указ. соч., с. 88.

⁷ Рыгдылоу Э. Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне Енисея. — «МИА», 1953, № 39, с. 280—285.

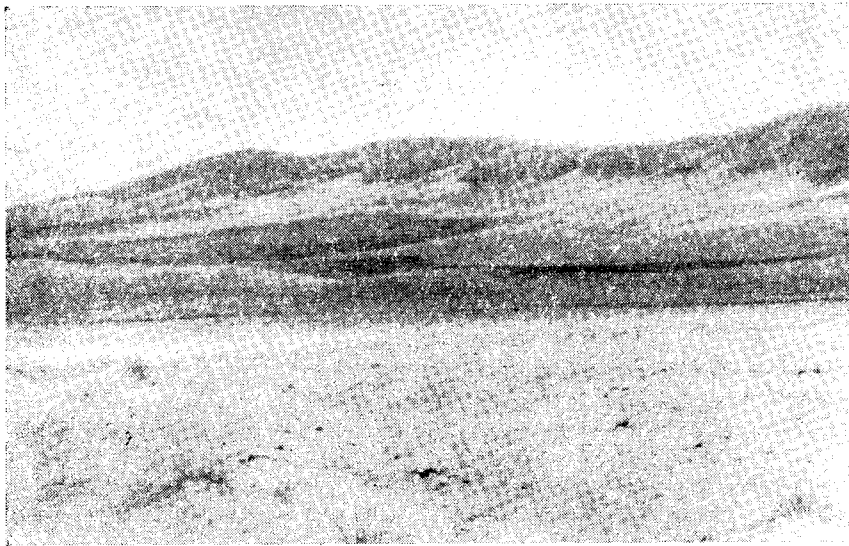

Рис. 1. Местонахождение у горы Подсуханиха.

(скребел, чопперов, клиновидных нуклеусов). Последнее обстоятельство не является решающим при отпесенни того или иного пункта к палеолиту, ибо многие элементы, характерные для палеолита, долго живут в енисейском неолите. Подтверждением этого может быть стратиграфированная Бирюсинская стоянка⁸. Однако имеются пункты, где нет неолитических примесей, а, напротив, присутствуют только палеолитические формы.

С этой точки зрения наиболее интересны находки у с. Петрошилово, в окрестностях г. Изых и близ дер. Маткечик, а также, бесспорно, палеолитическая стоянка, открытая А. Н. Липским у Соснового озера в Койбальской степи⁹.

Во время работ Красноярской археологической экспедиции осмотрены некоторые из этих пунктов¹⁰. В 1969 и 1972 гг. были обнаружены и другие местонахождения. Рассмотрим их по правобережью Енисея с севера на юг, а затем в междуречье Енисей — Абакан.

В 1969 г. подъем воды Красноярского моря скрыл дюны на береговой террасе у с. Петрошилово, где прежде находились каменные изделия. При осмотре более высокого участка берега ниже горы Подсуханиха обнаружено новое местонахождение. На расстоянии около 0,5 км от современной береговой линии на распаханном поле обнажены пески, на участке которых площадью приблизительно 150×50 м (рис. 1) собрано около 1000 экземпляров расщепленного камня. Орудия и нуклеусы типичны для позднего палеолита Енисея, и в то же время материал несет следы своеобразия. Здесь нет крупных призматических нуклеусов, имеются лишь нуклевидные осколки со следами бессистемных сколов. Хорошо представлена серия клиновидных нуклеусов. У них тщательно обработанная многочисленными сколами ударная площадка, прямая или скошенная в сторону (рис. 2, 1, 2, 4—6, 8). Иногда перпендикулярно торцу вдоль ударной площадки сделан скол типа резцового (см. рис. 2, 7). Имеется одно изде-

⁸ Гурина Н. Н. Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции. — «РСИА», 1964, вып. 97, с. 92—93.

⁹ Липский А. Н. Ямга-кладовочка костенковского типа на р. Абакане. — В кн.: Материалы исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.

¹⁰ Абрамова З. А. Новые данные по палеолиту Енисея. — «МИА», Л., 1971, № 173, с. 250—252.

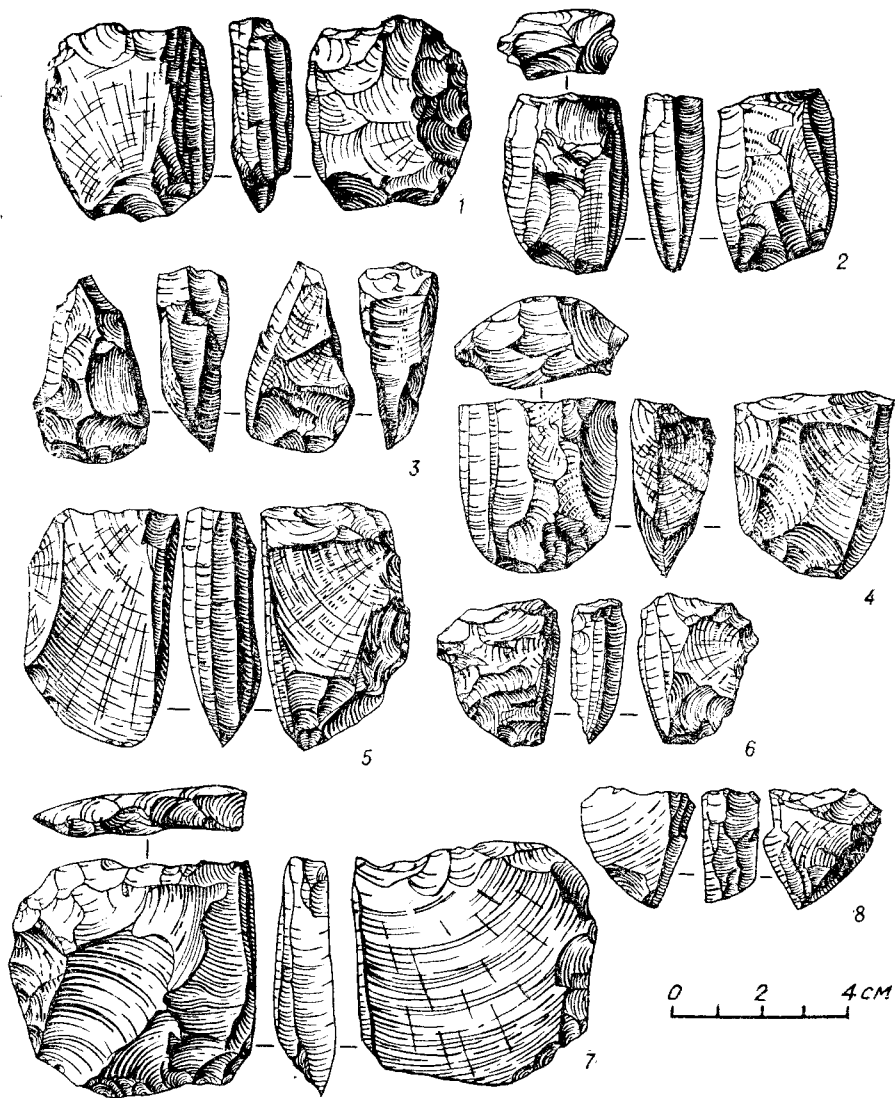

Рис. 2. Нуклеусы (Подсуханиха).

лие, верхний клин которого составлен двумя плоскостями скалывания, а нижний — уже в другой плоскости обработан с двух сторон в виде округлого лезвия (см. рис. 2, 3).

Орудия сравнительно немногочисленны, но разнообразны. Интересны два остроконечника односторонней обработки, один из отщепов листовидной формы с отретушированными краями (рис. 3, 1), второй из отщепов треугольной формы с ударным бугорком, расположенным асимметрично и несущим следы уплощения (см. рис. 3, 2). В коллекции представлены ножи различных форм: из тонкой пластинки с ретушированным дугообразным краем (см. рис. 3, 3) и из крупной пластины плоско-выпуклой в сечении, вся внешняя поверхность которой ретуширована, а нижний конец обломан (рис. 4, 6). Небольшая пластинка неправильных очертаний имеет невыразительный режцовый скол на углу (см. рис. 3, 4). Долото-видных орудий 2 экземпляра: одно с прямым (см. рис. 4, 4), второе с вогнутым (см. рис. 4, 5) лезвием. Имеются отщепы с тщательно обработанными выемками (см. рис. 4, 2 и 5, 9).

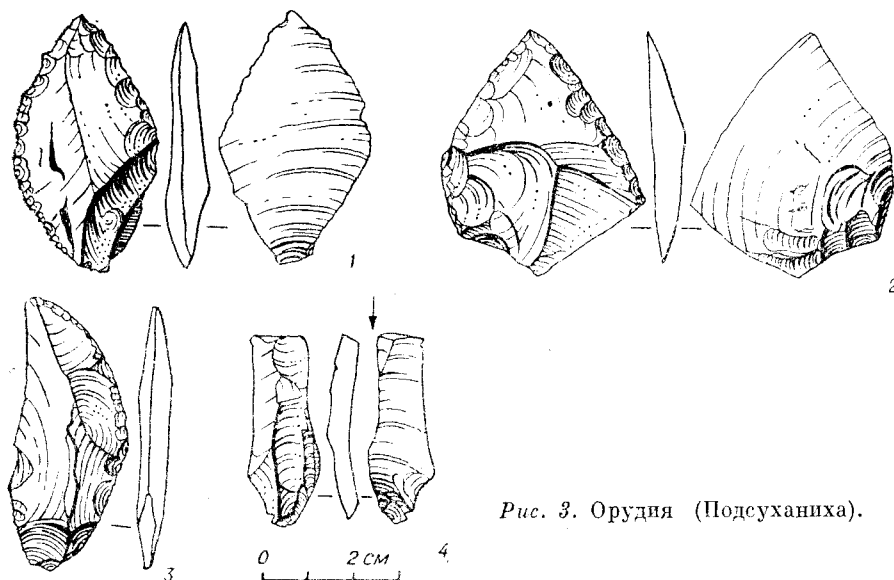

Рис. 3. Орудия (Подсуханиха).

Как и в других палеолитических комплексах Енисея, в сборах с Подсуханихи большое место занимают скребки и скребла. Скребки изготовлены из пластинок (см. рис. 5, 4) и отщепов, преимущественно мелких с овальным краем, иногда скошенным (см. рис. 5, 2, 3, 5, 6). Среди скребел выделяются изделия из тонких (см. рис. 5, 7, 9) и массивных отщепов (см. рис. 4, 1, 3) и осколков гальки (см. рис. 5, 8). Встречены и чопшеры из галек небольших размеров (см. рис. 5, 1).

Отсутствие культурного слоя, угля и фаунистических остатков не позволяет уточнить возраст стоянки в рамках палеолита. Наличие в составе инвентаря двусторонне обработанных скребел, мелких скребков, треугольных остроконечников и отсутствие крупных призматических нуклеусов и соответствующих им пластин свидетельствует, что стоянка может быть связана с афонтовской культурой скорее, чем с кокоревской, хотя не исключено, что здесь представлен особый вариант палеолитической культуры Енисея.

У с. Тесь на р. Тубе осмотрены песчаные выдувы в районе соснового бора. В неглубоких котловинах выдувания на площади приблизительно 100×50 м собран материал микролитического облика: отщеп с ретушью, пластинка со следами работы, микропластинки, нуклеус и нуклеидный осколок небольших размеров, галька с оббитым концом и отщепы. Облик материала неолитический, но керамики найдено не было.

По дороге от дер. Новотроицкое к дер. Барнаульское осмотрена обширная гряда выдувов, почти полностью задернованных. В отдельных котловинах выдувания встречены гальки со следами обработки, массивный нуклеидный осколок, отщепы и осколки. На дюнах встречались и фрагменты керамики. В фондах Минусинского музея хранятся немногочисленные материалы, найденные Брюхановым в 1936 г. недалеко от дер. Быстрой (коллекция 9530, № 681—701), и еще более скудные находки, собранные П. Е. Черпявским в 1947 г. в 0,5 км от дер. Быстрой по направлению на Минусинск (коллекция 9940, № 16-17). Судя по общему облику материала, он послепалеолитический, более точная датировка затруднена из-за невыразительности изделий.

В 1969 г. в окрестностях дер. Быстрой осмотрены дюны и глубокий овраг выше деревни, но следов стоянок не обнаружено. Однако по дороге, которая от дер. Быстрой поднимается в гору по направлению к дер. Комарово, в 2 км ниже дер. Быстрой, на высокой (40 м) террасе, на неболь-

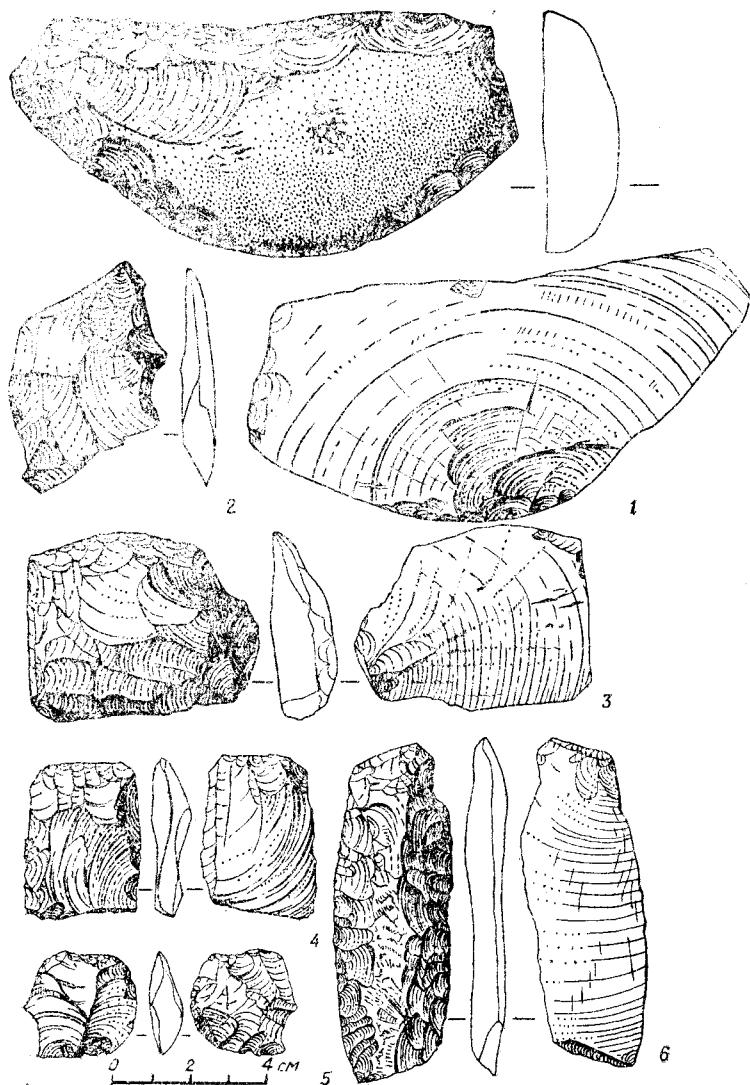

Рис. 4. Орудия (Подсуханиха).

ном участке распаханного поля (рис. 6) найдено скопление расщепленного камня палеолитического облика, сконцентрированного вокруг очажного пятна диаметром 77 см. Здесь найдены скребла различных форм, одно- и двусторонней обработки, скребок, обломок крупной пластины со следами ретуши, массивное галечное орудие с прямым рабочим краем, типичный клиновидный нуклеус из зеленой яшмы, микронуклеус, отщепы различных размеров, оббитые гальки, осколки галек, пластинки и микропластинки. Концентрация находок и техника их обработки позволяют считать их единым комплексом, отличным от материала, хранящегося в Минусинском музее. Он, несомненно, палеолитического возраста.

От Минусинска вверх по правому берегу Енисея обнаружены местонахождения, по всем признакам относящиеся к более позднему времени, чем палеолит.

Выше дер. Кривинское по дороге на с. Лугавское на террасе высотой 10—12 м над уровнем Енисея, на поверхности задернованных дюн, в отдельных котловинах выдувания встречены галечные высыпки, в которых

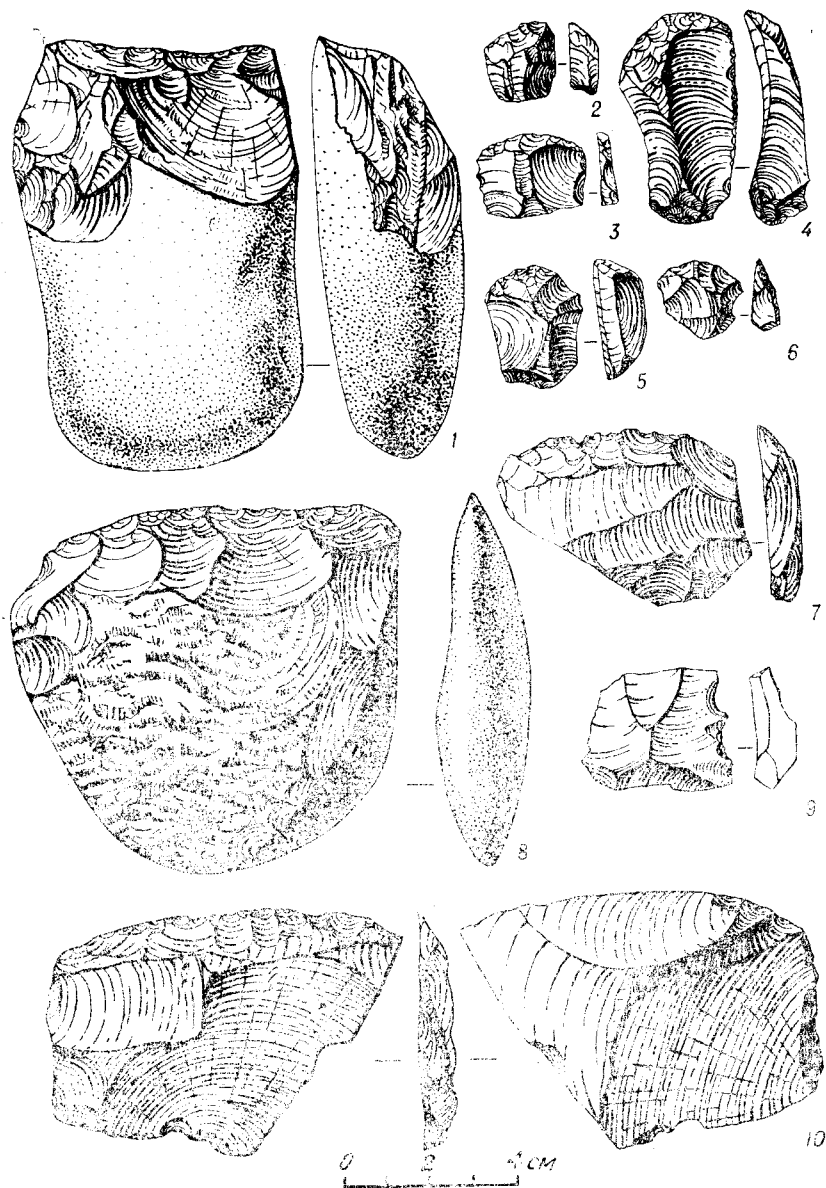

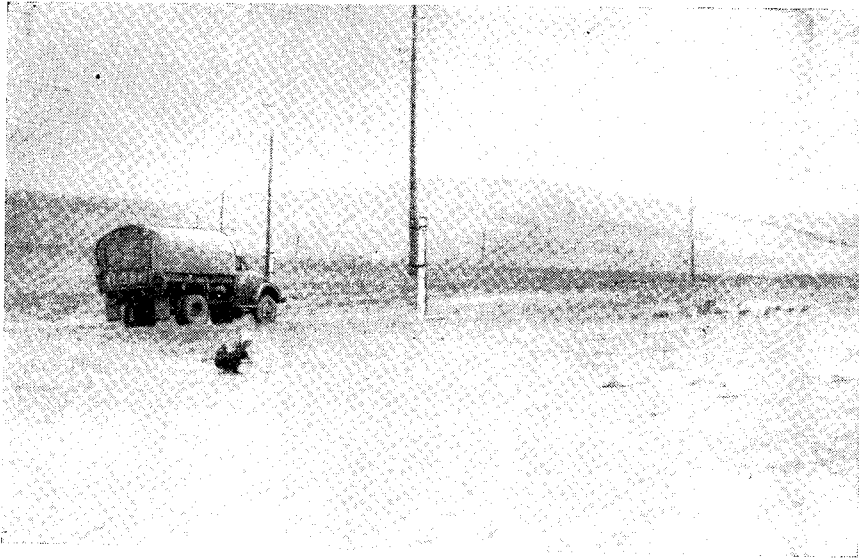
Рис. 5. Орудия (Подсуханиха).

обнаружены гальки и осколки галек со следами обработки, в том числе скол с галькой с подравненным краем, а также крупные краевые отщепы.

На днах за дер. Лугавское на правом берегу р. Лугавки, за мостом, найден кварцитовый отщеп. Южнее дер. Казанцево, на правом берегу р. Он, на песчаных склонах высокой террасы найдены кремневый отщеп и двусторонне обработанный наконечник стрелы.

В междуречье Абакан — Енисей по дороге из г. Абакана на с. Белый Яр, на расстоянии 12 км от абаганского моста, слева от дороги расположены неглубокие выдувы с высышками гальки, на которых найдены отщепы и гальки грубых кремнистых пород со следами сколов.

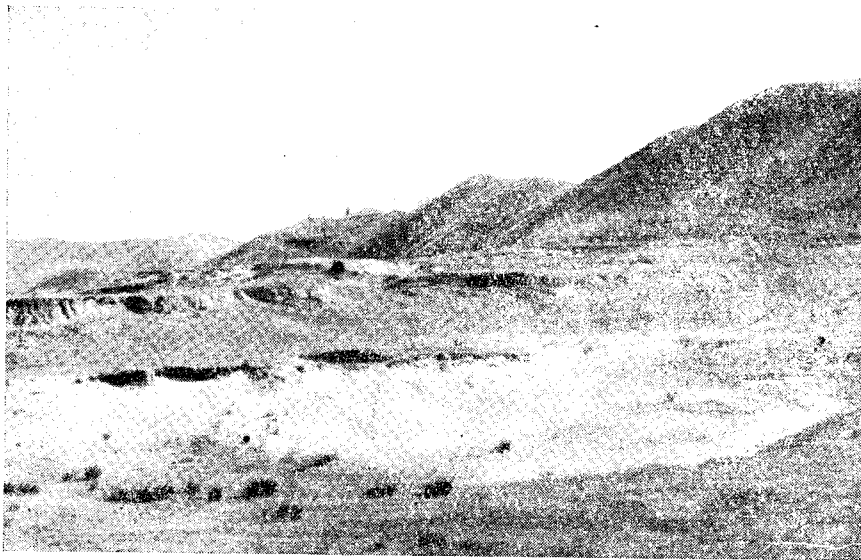
Осмотрены южные и юго-восточные склоны горы Изых. На одной из округлых предгорных возвышенностей собраны обработанные гальки и отщепы, а в котловине выдувания, расположенной в самой высокой точ-

Рис. 6. Местонахождение у дер. Быстрой.

ке южных предгорий, геологом Ю. М. Коллегановым найдено скребло палеолитического облика из коричневой яшмовидной породы.

У дер. Аршановка осмотрена обширная гряда дюн, которая тянется перпендикулярно современному берегу Абакана. Найдено сильно окатанное скребло палеолитического облика из серого кремнистого сланца и в двух рядом расположенных котловинах выдувания — отщепы и изделия из яшмовидных пород, в том числе острие из небольшой пластинки, боковой резец, обломок тонкой пластинки с ретушью, краевой скол с крупного нуклеуса, микронуклеус гобийского типа и нуклевидный осколок, пластинки и отщепы. Возможно, это местонахождение также относится к палеолиту, но материал слишком невелик, чтобы говорить об этом с уверенностью.

Рис. 7. Местонахождение у с. Большой Монок.

При осмотре знаменитого кургана Тас-Хаза, раскопанного А. Н. Липским, внутри ограды собраны многочисленные кремневые отщепы и осколки, а также 2 микронуклеуса и 2 нуклеуса клиновидной формы, микропластинки и отщеп со следами подправки. Микролитовидный облик материала позволяет отнести его к более поздней эпохе, чем палеолит, но отсутствие орудий затрудняет датировку.

По дороге от дер. Бондарево (б. Иудино) на с. Большой Монок осмотрены дюны и обнажения, на которых собраны немногочисленные отщепы и небольшой нуклеовидный осколок.

У с. Большой Монок с востока возвышаются остатки песчаной террасы с глубокими котловинами выдувания (рис. 7). К ним причленяется небольшой участок II надпойменной террасы р. Большой Монок, в 1 км от этого места впадающей в р. Абакан. Ниже расположены участки I террасы или высокой поймы.

В одной из котловин выдувания высокой террасы найдено скребло из крупного краевого отщепа овальной формы с рабочим краем, ретушированным на галечной поверхности, 2 скребка, 2 пластинки с ретушью, реберчатая пластинка, нуклеовидный осколок гальки, скол с небольшого нуклеуса, пластинки и отщепы, преимущественно мелкие.

На распаханном поле (ровная площадка II надпойменной террасы) собрано около 60 отщепов, в том числе 2 отщепа с ретушью, нуклеовидный осколок и 3 мелких осколка. Облик материала в районе с. Большой Монок палеолитический, и, поскольку местонахождение казалось перспективным для дальнейших исследований, оно было осмотрено более детально в 1972 г.

Материал собран на трех различных участках. На разветвленных песках высокой террасы найдены довольно многочисленные изделия: обломок двусторонне обработанного орудия, скребла, скребки, пластинки и отщепы с ретушью, отщепы различных размеров, микропластинки, нуклеовидные осколки и крупная галька со сколами. Участок на поверхности II террасы не был подвергнут вспашке, поэтому сборы здесь незначительны. Среди них следует отметить мелкий двусторонне обработанный наконечник стрелы, обломок скребла, скребки, 2 дисковидных нуклеуса, микропластинки и отщепы.

Находки были обнаружены и на поверхности I террасы. Это обломок пластины с ретушью, 2 мелких клиновидных нуклеуса и 2 микронуклеуса, нуклеовидные осколки, обломки нуклеусов, гальки со сколами и следами забитости, отщепы и осколки.

Материал, собранный на всех трех уровнях, типологически не расчленяется; возможно, на первую террасу он был снесен с более высоких уровней. Вопрос о том, является ли наконечник стрелы случайной, более поздней примесью к материалу палеолитического облика или палеолитические формы изделий живут длительное время вплоть до неолита, не может быть решен в настоящее время на подъемном материале¹¹.

Поэтому принципиально важно для решения этого вопроса найти при дальнейших работах нетронутый участок культурного слоя. Напомним, что в Монголии и на Алтае открыты поселения, относящиеся к голоцену, где в черном почвенном черноземовидном слое, залегающем над желтым лессовидным суглинком, найдены крупные скребла, чопперы и другие изделия палеолитического облика. В верхнем культурном слое Усть-Семинского поселения на р. Катунь вместе с подобными орудиями найдены миниатюрные двусторонне обработанные кремневые наконечники стрел¹².

¹¹ Подобный случай смешения материала зафиксирован на дюнах в 5 км северозападнее с. Большой Монок. Здесь также вместе с материалом палеолитического облика (остроконечники, скребла, скребки, отщепы с ретушью) найден обломок двусторонне обработанного наконечника стрелы.

¹² Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР. — «МИА», 1966, № 126, с. 216.

С другой стороны, в Туве открыта стоянка Усть-Хемчик 3, где в слое суглинка, перекрытого толщей супеси, обнаружены кремневые наконечники стрел, скребки, клиновидные и конусовидные нуклеусы, микропластинки. Хронологические границы этой стоянки, по мнению исследователей, устанавливаются в пределах мезолита — раннего неолита¹³, но скребла и чопперы здесь не отмечены. Этим стоянка Усть-Хемчик 3 отличается от мезолитического слоя уже упоминавшейся Бирюсинской стоянки и может служить одним из доказательств, что развитие послепалеолитической культуры на Енисее происходило в двух направлениях. Для первого характерны палеолитические традиции в обработке камня, а во втором направлении в связи с изменившимися условиями наблюдается микролитизация инвентаря. В целом же на Енисее мезолит и неолит — явление далеко не изученное, и все памятники, заполняющие лагуну между палеолитической и афанасьевской эпохами, заслуживают самого пристального внимания.

О. Н. Б а д е р

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ГРАВИРОВКА ИЗ ИНДИГИРСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ

Летом 1965 г. зоолог В. Е. Флинт приобрел у местных жителей на берегу р. Берелёх, левого притока Индигирки, у поселка Берелёх, дистальный конец бивня мамонта со следами гравировок. Этот бивень был обнаружен вместе с другими в подмытых рекой обрывах в 50 км выше поселка. Поселок Берелёх находится в низовьях одноименной реки, за полярным кругом, в Аллаховском районе Якутской АССР¹, в 150 км от устья Индигирки на 71° с. ш.

В. Е. Флинт в начале 1972 г. передал мне бивень для изучения имеющейся на нем гравировки, и мы описали находку в совместной предварительной публикации².

Находка представляет собой отломанный конец правого бивня длиной по прямой 56,5, по внешней окружности — 62,5 см. Диаметр утолщенного конца 6,2, окружность 20,2 см. Глубина прогиба по внутренней дуге 7,7, по наружной — 13,4 см. На тыльном конце, у облома, следов предварительного надрубания нет. Сохранность бивня хорошая. Эмалевый слой окрашен железистыми соединениями в коричнево-желтый, янтарный цвет, местами переходящий в темно-коричневый, что делает бивень очень красивым. Гравировка выделяется на этом фоне тонкими, но четкими темными линиями.

Фигура мамонта изображена на тыльном конце обломка, у самого облома и в одном месте заходит на облом. Она расположена поперек бивня. Гравировка выполнена очень тонкими линиями. Перед фигурой мамонта и выше нее нанесены аналогичным орудием многочисленные зигзаги — мелкие и крупные — и беспорядочные штрихи. Зигзаги и штриховка еще не скопированы; изготовление развернутой на плоскости копии крайне усложнено тем, что рисунок нанесен на быстро суживающемся и изогнутом цилиндре. Поэтому, сославшись на некоторые уже высказанные соображе-

¹³ Астахов С. Н., Беляева В. И. Памятники каменного века в Саянском каньоне Енисея и в долине р. Саглы. — В кн.: Археологические открытия 1969 года. М., 1970; Астахов С. Н. Исследования стоянки Е-15 (Усть-Хемчик 3). — В кн.: Археологические открытия 1970 года. М., 1971.

¹ Флинт В. Е. Уникальная находка в Берелёхе. Древность или современность? — «Природа», 1972, № 8.

² Там же.

ния, мы оставим их пока в стороне и сосредоточим внимание на фигуре мамонта.

На рисунке, скопированном К. Н. Никахристо, мы видим фигуру мамонта в профиль, обращенную головой налево, с двумя несоразмерно длинными и толстыми ногами, поднятым вверх коротким хвостом и свисающей над брюхом длинной шерстью (см. рисунок). Фигура обращена спиной к заостренному концу бивня, ногами к утолщенному. Длина фигуры по выпуклой поверхности бивня 6,0 см, высота от горбатой спины до конца шерсти под брюхом 3,6 см. Длина передней ноги от конца шерсти под брюхом 15,1 см. Общая высота фигуры 18,7 см. Она занимает почти треть округлости бивня (6 из 19 см), поэтому увидеть ее всю можно только поворачивая бивень.

Линия слома почти не затронула гравировки. Изучение излома показывает, что он предшествовал моменту начертания фигуры, так как сорвавшийся резец у конца хобота прочертил линию на поверхности излома. Возможно, уже после нанесения гравировки край излома еще немного искрошился и был разрушен конец передней ноги.

По отношению к фигуре зверя ноги непропорционально толсты, что было, вероятно, вызвано их очень большой длиной.

Прорезанные линии гравировки очень тонки, но все же несколько толще, чем на гравировке мамонта из Мальты³ или на гравировке на бивне мамонта из Межиричей⁴.

Силуэт фигуры густо заштрихован. Направление штриховки преимущественно вертикальное, что можно рассматривать как изображение шерсти, но иногда поперечное и пересекающееся.

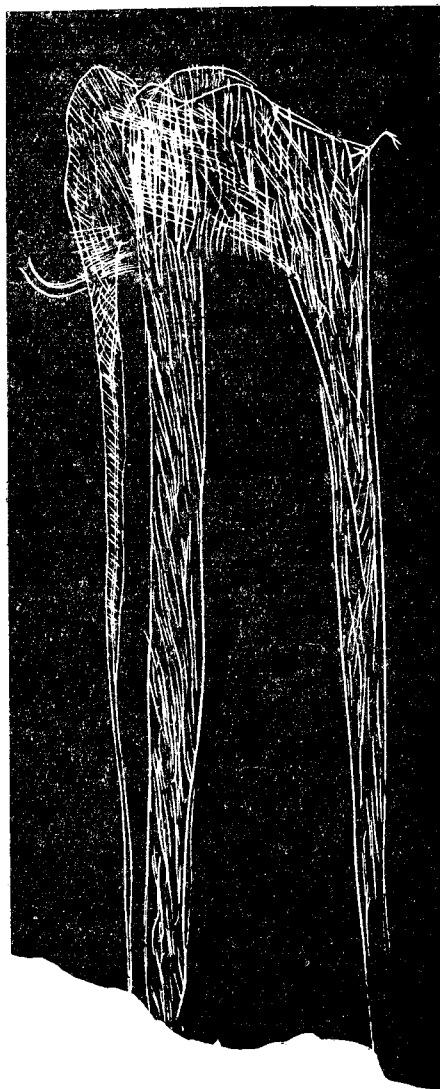
Внимательное рассмотрение гравировки убеждает, что здесь имеется не одна, а две фигуры мамонта. Собственно, задняя часть фигуры одна, но передняя включает два профиля горбатой спины и головы мамонтов, один короче и ниже, другой крупнее (см. рисунок).

Не исключается, что перед нами заранее задуманное изображение не одного, а двух мамонтов, обозначающее множественность; но более вероятно, что меньший контур представляет собой просто первую, неудачную попытку художника.

Но необходимо ответить на первоочередной и законный вопрос о древности гравировки. Мы считаем возможным ответить на этот вопрос положительно.

³ Герасимов М. М. Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.

⁴ Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.

В пользу древности рисунка говорит не только его сюжет, но и ряд характерных деталей, воспроизведение которых трудно ожидать от человека, захотевшего создать подделку в подражание палеолитическим гравировкам. Прежде всего, это необычайно выразительный профиль головы мамонта с характерной выпуклостью спереди, над хоботом. То же следует сказать и о своеобразном рисунке хвоста, не висящего, как почти всегда можно видеть на палеолитических рисунках, а приподнятого и изогнутого, каким он бывает у слонов в состоянии возбуждения⁵. На палеолитических рисунках аналогичное положение хвоста можно видеть в пещерах Комбарель, Пеш-Мерль, Берниораль (Франция), Кастильо (Испания) и в некоторых других. Против подделки говорит и неестественная длина ног, нигде больше не встреченная.

Существенные результаты показало исследование бороздок гравировки через бинокулярную лупу, выполненное А. Г. Черняховским (литолого-минералогическая лаборатория Геологического института АН СССР). По его сообщению, «подавляющее большинство линий имеет ширину 0,1—0,2 мм. Глубина их почти всегда меньше толщины коррозионного слоя эмали, т. е. меньше 0,1—0,15 мм, и лишь в редких случаях она несколько более глубокая. Рассматривая штриховку внутри контура рисунка и вне его, можно видеть линии различного профиля. Иногда это узкие У-образные с асимметричными углами наклона стенок штрихи, в других случаях — корытообразные широкие прорезы. Часто встречаются две или больше совершенно параллельных линий, явно процарапанных зазубренным инструментом. Как правило, штрихи одинакового профиля располагаются сериями из 5—8 прорезей. Рядом располагаются прорезы другого профиля. Подобная картина вполне согласуется с предположениями о том, что режущим инструментом был кремний». Позднее линии гравировки были покрыты тонкой пленкой гидроокислов железа.

Учитывая все эти факты и соображения, берелёхскую гравировку необходимо отнести ко времени палеолита.

По данным Ю. А. Мочанова, в сумнагивской культуре, относящейся в Северо-Восточной Сибири к концу плейстоцена — началу голоцена, кости мамонта уже не встречаются. Они хорошо представлены в предшествующей дюктайской верхнепалеолитической культуре, полностью плейстоценовой. К ней следует отнести и наш берелёхский бивень. Радиоуглеродная датировка дюктайской культуры 25000—10750 лет до современности⁶.

Через 5 лет после находки берелёхского бивня, в 1970 г., Якутским филиалом СО АН СССР в ур. Угамыт на Берелёхе было обследовано огромное «кладбище» мамонтовых костей, относящееся по C^{14} ко времени 12240 ± 160 лет⁷. В 1971 г. Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева произвели раскопки рядом с этим местом и обнаружили культурный слой с кремневыми орудиями, характерными для дюктайской палеолитической культуры⁸.

Мы пока не можем сказать, связан ли наш гравированный бивень со скоплением костей мамонтов на Угамыте или с палеолитической стоянкой, но место его находки относительно близко этим памятникам; не исключено, что он связан с одним из них или же, еще вероятнее, представляет третье местонахождение времени той же дюктайской палеолитической культуры.

На Западе палеолитические изображения мамонтов многочисленны, и нет смысла здесь перечислять их.

⁵ Флинт В. Е. Указ. соч.

⁶ Мочанов Ю. А. Работы Приленской экспедиции. — В кн.: Археологические открытия 1970 года. М., 1971.

⁷ Верещагин Н. К. Раскопки мамонтова кладбища на р. Берелёх. — «Вестник АН СССР», М., 1971, № 8.

⁸ Верещагин Н. К., Мочанов Ю. А. Самые северные в мире следы верхнего палеолита. — «СА», 1972, № 3.

На территории СССР скульптуры мамонтов известны со стоянок Костенки I и Авдеево в Средней России⁹, рисунки красной охрой — в пещере Шульган-Таш (Каповой)¹⁰, единственная гравировка с Мальтинской стоянки в Восточной Сибири¹¹. Последняя к тому же является ближайшей к Берелёху, хотя и не столь северной. Обращает на себя внимание и то, что эти две пока единственные в СССР гравировки происходят из Восточной Сибири.

Отличия мальтинской гравировки от нашей заключается в том, что контур ее не заштрихован, хвост висит вниз, бивни почти не выражены, ноги пропорциональных размеров; фигура вытянута вдоль бивня, а не поперек, как на берелёхском бивне.

Нам непонятно, почему древний художник нарисовал мамонту столь длинные ноги и хобот, — этот случай уникален в реалистическом искусстве палеолита. Видимо, это какой-то особенный зверь, наделенный фантастическими, мифологическими чертами. О существовании мифологии в палеолите говорит А. Леруа-Гуран¹².

Берелёхский мамонт из Восточносибирского Заполярья как бы шагнул на своих чудесных мифологически длинных ногах далеко на север и ведет нас в поисках палеолита на Новосибирские острова, представлявшие в свое время часть сибирской суши и богатые находками плейстоценовой фауны.

И. И. К и р и л л о в

ТАНГА — НОВАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Вопрос о палеолите Восточного Забайкалья до сих пор остается одним из слабо изученных разделов древнейшей истории края. По-настоящему вопрос о наличии палеолита в Забайкалье вообще и восточной его части в особенности был разрешен в результате работ Бурят-Монгольской археологической экспедиции, возглавляемой академиком А. П. Окладниковым. В небольшой обобщающей статье им подведены итоги изучения палеолита за весь предшествующий период и дана его периодизация¹. После выхода работы А. П. Окладникова прошло более 10 лет. За это время на территории Забайкалья были открыты десятки новых палеолитических стоянок эпохи палеолита. В настоящее время только на территории Читинской области известно более тридцати местонахождений, относимых ко времени палеолита. Но лишь немногие из них характеризуются фаунистическими находками, позволяющими с уверенностью отнести эти стоянки к рассматриваемому периоду. Одним из таких мест является открытая в 1967 г. стоянка Танга.

Она расположена в двух километрах от с. Танга Улетовского района Читинской области. В этом месте имеется широкий распадок, по которому протекают рч. Танга и р. Тонгокан — небольшие притоки р. Ингоды.

⁹ Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. — «Свод археологических источников», М., 1962, вып. А4-3.

¹⁰ Бадер О. Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1965.

¹¹ Герасимов М. Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.

¹² Леруа-Гуран А. Религия доистории. — В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1971.

¹ Окладников А. П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк. — «Археол. сб.». Улан-Удэ, 1959, № 1.

С правой стороны распадка с северо-запада на юго-восток тянется террасовидная возвышенность, перерезанная несколькими оврагами. Возвышенность представляет собой древнюю террасу р. Тонгокан, в настоящее время сильно пересохшей, как и рч. Танга. Речки имеют сильно заболоченную пойму, ограниченную этой террасой. Уступы террасы совершенно не прослеживаются. Они сглажены в результате ежегодной распашки и мощных осенне-весенних паводков. Высота террасы достигает 45—50 м над уровнем р. Тонгокан. Стоянка расположена в нижней части террасы на высоте 12 м, что соответствует уровню вторых надпойменных террас р. Ингоды.

В месте расположения стоянки терраса перерезана мощным оврагом, достигающим 5—10 м глубины, при ширине в отдельных местах 9—12 м. Овраг вытянут с северо-востока на юго-запад (рис. 1).

В 1967 г. в западной стенке оврага на глубине 130 см от современной поверхности житель с. Танга А. А. Старчиков обнаружил плечевую кость и зуб шерстистого носорога. В этом же году нами было обследовано место находок. В конусе выноса оврага на той же глубине обнаружен еще один зуб носорога, 12 мелких отщепов и обломок клиновидного нуклеуса из зеленой яшмовидной гальки. Как выяснилось, находки залегали в слое плотной среднезернистой супеси палевого цвета с прослоями лессовидных суглинков.

В 1969 г. были предприняты более широкие раскопки стоянки. Общая площадь заложеного раскопа была равна 51 м². Зачистка разреза раскопа дала следующую стратиграфию.

1. Дерновый слой мощностью 10—15 см.

2. Окрашенная гумусом рыхлая песчаная супесь — 35—40 см.

3. Более плотная среднезернистая супесь палевого цвета с прослоями лессовидных суглинков — 2—2,5 м. С этим слоем супеси связаны находки на стоянке.

4. Подстилает предыдущий слой серая глина, служащая материком по отношению слоя с находками.

5. Ниже идет слой щебенки и галечника, являющийся подошвой террасы. Находки на стоянке залегали тремя уровнями: 70—75, 90—95

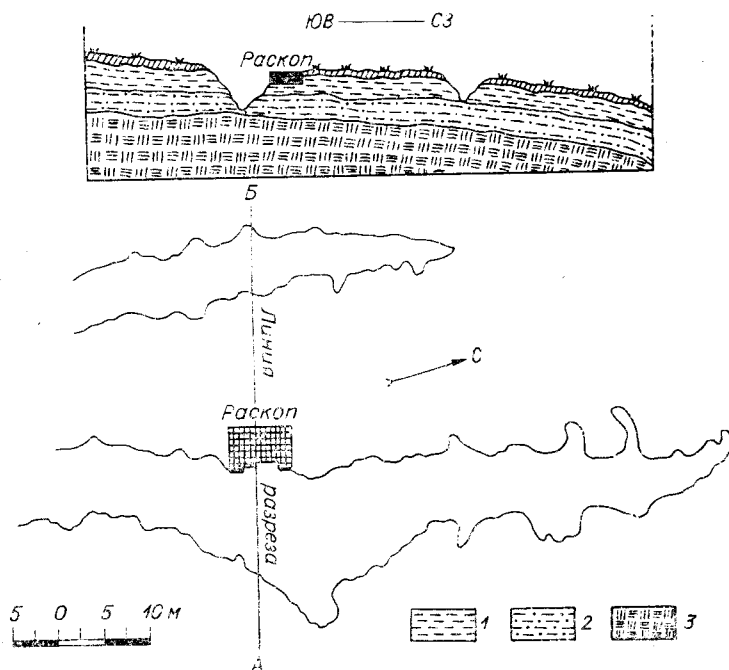

Рис. 1. Геологический разрез местности у стоянки Танга:
1 — рыхлая супесь; 2 — плотная супесь с прослоями суглинка;
3 — серая глина.

и 130—140 см от современной поверхности. Эти уровни мы условно называем горизонтами. Отсутствие четкой стратиграфии, а также отсутствие бытовых комплексов и прежде всего очагов в каждом из этих горизонтов не позволяют выделить их как отдельные слои. Наличие же между ними стерильных прослоек дает основание для разграничения уровней как отдельных горизонтов залегания материала.

Немногочисленные находки на стоянке расположены небольшими скоплениями во всех трех уровнях. Всего при раскопках на стоянке обнаружено 131 изделие. Количественное (числитель) и процентное (знаменатель) соотношение находок по уровням выглядит следующим образом:

Уровень	Отщепы	Пластины	Нуклеусы	Прочие орудия	Кости животных
Первый	$\frac{7}{53,8}$	$\frac{2}{15,3}$	$\frac{2}{15,3}$	—	$\frac{2}{15,3}$
Второй	$\frac{10}{71}$	$\frac{1}{7,1}$	$\frac{1}{7,1}$	$\frac{1}{7,1}$	$\frac{1}{7,1}$
Третий	$\frac{85}{81,7}$	$\frac{6}{5,77}$	$\frac{5}{4,8}$	$\frac{4}{3,84}$	$\frac{4}{3,84}$
Всего . .	$\frac{102}{77,84}$	$\frac{9}{6,9}$	$\frac{8}{6,1}$	$\frac{5}{3,8}$	$\frac{7}{5,34}$

Из таблицы видно, что насыщенность первых двух горизонтов находками незначительна. Они были расположены небольшими скоплениями в одном-двух квадратах. Основная часть находок первых двух горизонтов представлена отщепами различных размеров и форм. В большинстве своем это первичные отщепы, сохраняющие исходную поверхность гальки. Ударные бугорки на них четко выражены и занимают треть поверхности отщепов. Все эти черты в полной мере относятся и к трем пластинам первых двух горизонтов. Пластины подтреугольные в плане, крупные (6—9 см), двугранные. Две из них сохраняют по одной или обеим граням галечную корочку (рис. 2, 9). Третья пластина небольших пропорций с неправильной огранкой спинки найдена во втором горизонте. Отщепы и пластины первых горизонтов сбивались с нуклеусов различных форм. Всего здесь было найдено 3 нуклеуса: 2 в первом горизонте и 1 во втором. Все три нуклеуса различаются между собой формой и размерами. Первый нуклеус верхнего горизонта представляет собой кремнистую гальку неправильно овальной в плане формы, с одной широкой грани которой без всякой предварительной подготовки сбито 2 крупных пластинчатых отщепов. Вся остальная поверхность его сохраняет естественную галечную корку (см. рис. 2, 12). Вторым нуклеус имеет клиновидную форму и тщательно выделан. Резко скошенная ударная площадка нуклеуса образована двумя продольными сколами. Нижний, приостренный, конец его также служил ударной площадкой. Пластины снимались у нуклеуса с трех сторон навстречу друг другу. Четвертая грань слегка уплощена поперечными к продольной оси нуклеуса сколами. Нуклеус изготовлен из гальки серой яшмовидной породы (см. рис. 2, 5). Третий нуклеус был найден во втором горизонте. По типу он относится к подпризматическим. Нуклеус имеет резко скошенную ударную площадку, образованную с помощью нескольких крупных сколов. С нее по одной широкой поверхности сбито несколько пластин неправильной прямоугольной формы. Остальная часть нуклеуса сохраняет исходную поверхность гальки (см. рис. 2, 14). Этот нуклеус найден в комплексе с другими находками на глубине 95 см. Рядом с ним лежала крупная кварцитовая галька со следами забитости на одном кон-

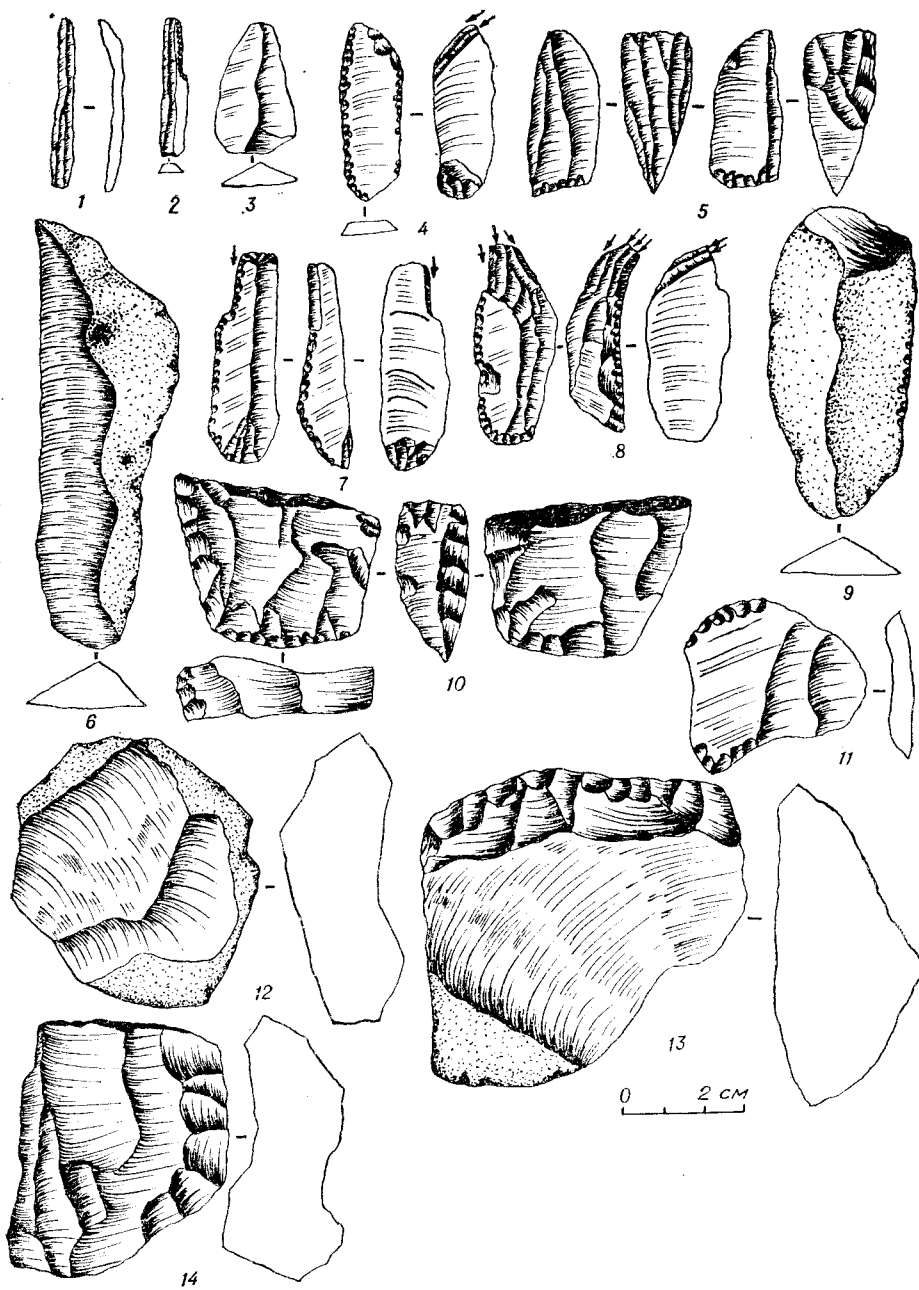

Рис. 2. Находки на стоянке Танга.

це, которая служила отбойником. Здесь же найдены 2 пластинчатых скола и 3 отщепы из одной с нуклеусом породы камня — зеленоватой кремнистой гальки.

Основная часть находок обнаружена на стоянке, как видно из таблицы, в третьем горизонте. Ему еще в большей степени присуща концентрация находок в нескольких квадратах. Здесь находки группируются вокруг небольшого вытянуто-овального в плане и сильно размытого очага. Он имеет размеры 70×50 см с глубиной заполнения до 25 см. Дно очажка чашевидное. Каменная кладка отсутствует. Для его устройства выкапывалась неглубокая ямка, в которой разводился огонь. В заполнении

очажка, представляющем собой сильно прокаленную супесь с вкраплениями золы и сажистых пятен, встречаются находки. С удалением от очага количество находок резко сокращается. Третий горизонт при общей для данной стоянки слабой насыщенности находками отличается от предыдущих горизонтов все же большим разнообразием изделий и тщательностью их обработки. Первичный материал третьего горизонта представлен заготовками нуклеусов. Для них использовались речные гальки кремнистых пород различных расцветок и сравнительно небольших размеров. С галек чаще всего без всякой предварительной подготовки сбивались мелкие отщепы и пластинчатые сколы. Значительно реже такую гальку раскалывали пополам, образуя таким образом, ударную площадку. Но и в этом случае мастер ограничивался снятием нескольких отщепов. После чего ядрище выбрасывалось. В третьем горизонте не было найдено ни одного окончательно оформленного нуклеуса. Исключение представляет единственный экземпляр заготовки клиновидного нуклеуса гобийского типа. При подготовке его несколькими поперечными сколами была выровнена вытянуто-подпрямоугольная ударная площадка, а затем уплощены обе широкие поверхности. Третья — узкая грань, являющаяся основной у нуклеусов этого типа, также выровнена поперечными сколами. На ней имеется 1 фасетка от снятой пластины. Противоположная сторона сохраняет галечную поверхность. Основание нуклеуса приострено с помощью мелкой вторичной ретуши (см. рис. 2, 10).

Узкие и мелкие пластины, найденные в слое, сбивались с нуклеусов рассмотренных выше форм (см. рис. 2, 1—2). Одна из них трехгранная, имеет мельчайшую крутую ретушь по краю на одну треть пластины. Ретушь в этом случае заменяет, очевидно, резцовый скол и превращает пластину в резец углового типа (см. рис. 2, 2). В слое найден лыжевидный скол, снятый с нуклеуса гобийского типа при «оживлении» его. Кроме того, найдено крупное скребло из гальки зеленой яшмовидной породы. Грубая ударная ретушь покрывает один его край, образуя неровное выпуклое лезвие (см. рис. 2, 13).

Особую серию изделий составляют обнаруженные здесь 3 резца различных форм, изготовленные из сколов.

1. Резец бокового типа из лыжевидной пластины, снятой с гобийского нуклеуса. Два резцовых скола идут от одного края пластины к другому. Оба прилегающих к рабочей части резца края имеют следы мелкой отвесной ретуши (см. рис. 2, 4).

2. Угловой резец из двугранной пластины коричневой яшмовидной породы. Один крупный резцовый скол имеется на краю изделия, а весь торец обработан крутой ретушью. Еще более крутая и мелкая ретушь покрывает оба продольных края пластины со стороны спинки. С брюшка имеется сильновыпуклый ударный бугорок, который у самого основания стесан ретушью (см. рис. 2, 7).

3. Многофасеточный резец из крупного скола с нуклеуса. Два резцовых скола имеются у него на углу и два нанесены по диагонали, как у резцов бокового типа. Еще два резцовых скола имеются с брюшка. Они нанесены почти поперек его, как у резцов типа «арайя» (см. рис. 2, 8). Из фаунистических остатков третьего горизонта следует выделить плечевую кость шерстистого носорога и зуб этого животного. Остальной костный инвентарь сильно фрагментирован и поэтому не поддается определению.

Бытовых комплексов, за исключением очажка, описанного выше, не обнаружено. Стоянка Танга, таким образом, представляет собой временное стойбище небольшой группы людей эпохи позднего палеолита. Жилищем для них, очевидно, служили лёгкие сооружения переносного типа в виде яранги. Компактное расположение находок в слое, концентрация их вокруг очага, обычно находившегося в центре жилищ, косвенно свидетельствуют в пользу последнего предположения.

Несмотря на немногочисленность, инвентарь стоянки Танга достаточно выразителен. Сопоставляя его с материалом других стоянок Забайкалья и Сибири, можно определить место тангинской стоянки среди сибирских палеолитических памятников и относительную датировку ее. Как отмечалось выше, на тангинской стоянке было условно выделено три горизонта. Незначительный материал двух первых горизонтов не позволяет разграничить их между собой, а также и с третьим горизонтом по времени. Все три горизонта залегания находок связаны со слоем плотной супеси с прослоями лессовидных суглинков. Нет существенных различий и в материале: это кремнистые, преимущественно яшмовидные, породы. Во всех горизонтах наблюдается сочетание миниатюрных пластин и отщепов, получаемых с микронуклеусов (клиновидных и призматических форм) с более крупными отщепами и пластинами. Здесь имеются овалы, слегка уплощенные галечные ядрища с резко скошенной ударной площадкой и краевой подтеской поверхности, с которых сбивались более крупные пластины. Ведущей техникой в целом на стоянке является несомненно пластинчатая с типичным для нее мелким инвентарем. Единственная возможность разграничения горизонтов по времени с некоторой долей вероятности — наличие фауны. В первых двух горизонтах не обнаружено костей шерстистого носорога, типичных для третьего горизонта. Это позволяет предположить, что они относятся к несколько более позднему времени, чем третий. Однако полной уверенности в этом нет. Окончательно помогут ответить на этот вопрос лишь дальнейшие работы на стоянке.

Ближайшими аналогами тангинской стоянки являются памятники, обнаруженные в бассейне р. Онона — Чиндант (открыта А. П. Окладниковым и С. Н. Астаховым в 1962—1965 гг.), Икарал (открыта В. Х. Шамсутдиновым в 1964 г.), в также крупное палеолитическое поселение Санний Мыс (четвертый-третий горизонты) (открытое А. П. Окладниковым в 1958 г.). Общие черты этих памятников: наличие фауны шерстистого носорога, небольших нуклеидных галек-ядрищ, клиновидных нуклеусов, в том числе гобийских, резцов срединного и бокового типа из крупных пластин, микропластинок². Аналогичны для всех перечисленных стоянок и стратиграфические условия залегания материала.

Сравнение группы забайкальских стоянок тангинского типа с другими палеолитическими памятниками Сибири показывает, что наибольшее типологическое сходство в инвентаре они имеют со стоянками Ихине в Якутии, Красный Яр (седьмой-шестой горизонты) на Ангаре³. Определенное сходство наблюдается и со стоянками кокоревской группы на Енисее⁴. Эти памятники, как и забайкальские, характеризуются фауной толстокожих, наличием мелкого инвентаря (микропластинок и микронуклеусов клиновидных форм, в том числе гобийских). Материал этих стоянок залегает в сартанских отложениях, датировемых заключительной стадией верхнего плейстоцена. Время сартанского оледенения в абсолютных датах составляет 22—10 тыс. лет тому назад. Исследователи сибирских памятников датируют указанные стоянки, за исключением кокорев-

² Окладников А. П. Археологические исследования в долине реки Уды летом 1958 г. — «Учен. зап. БНИИКЭ», Улан-Удэ, 1958, № 25; Он же. Многослойное поселение Санний Мыс на реке Уде, в 35 км ниже Хориинска, Бурятской АССР. — «Материалы полевых исследований ДВ археол. экспедиции», Новосибирск, 1971, вып. 2.

³ Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Палеолитическая стоянка Ихине в Якутии. — «СА», 1968, № 4; Абрамова З. А. Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. — «СА», 1962, № 3; Медведев Г. И. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964—1965 гг. — В кн.: Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 годы. Иркутск, 1966.

⁴ Абрамова З. А. Новые данные по палеолиту Енисея. — «МИА», Л., 1971, № 173, вып. 6; Мочанов Ю. А. Дюктайская пещера — новый палеолитический памятник Северо-Восточной Азии. — В кн.: По следам древних культур. Якутск, 1970.

ской группы, началом сартанского оледенения, т. е. около 20 тыс. лет до н. э. Этим временем, на наш взгляд, следует датировать и тангинскую стоянку.

Таким образом, палеолитическая стоянка Танга входит в целую группу аналогичных забайкальских и сибирских памятников. Сходство их объясняется, очевидно, прежде всего тем, что они происходят от единого культурного субстрата, представленного более ранней стадией развития палеолитической культуры. Археологические исследования, проводимые в последние годы на широких просторах Средней Азии, Сибири, Центральной Азии, позволили выделить составные элементы этого субстрата⁵. Особенно показательны в этом отношении исследовательские работы Советско-Монгольской экспедиции, возглавляемой академиком А. П. Окладниковым. Раскопки палеолитического поселения на р. Орхон, у развалин древнего Каракорума, дали исключительно интересный материал, позволяющий проследить основные моменты развития палеолитической культуры. В нижнем слое этого поселения (третьем) найдены дисковидные, левалуазские нуклеусы, скребла, рубящие орудия типа чопперов, остроконечники, широкие пластины правильных очертаний. «Первые обитатели поселения, — как пишет А. П. Окладников, — оставившие нам эти изделия, ... по внешнему облику их культуры стояли еще очень близко к людям среднего палеолита. У них господствовали древнейшие приемы обработки камня, мустьерско-левалуазские в принципе»⁶. В верхних слоях поселения на Орхоне уже прослеживается «резкий сдвиг» в культуре. Здесь, наряду с древними формами орудий, упомянутыми выше, встречаются призматические нуклеусы, нуклеусы-скребки, в том числе гобийские, микропластинки, мелкие скребочки⁷. Изучая палеолитические памятники Монголии, А. П. Окладников отмечает следующую закономерность: чем выше залегает слой с находками, тем обильнее в нем мелкий инвентарь, тем чаще встречаются нуклеусы-скребки⁸.

Аналогичная картина развития материальной культуры населения в эпоху палеолита наблюдается и в Забайкалье. Примером могут служить — поселение Санный Мыс на р. Уде и сохатинская группа стоянок на Ингоде⁹. Памятники тангинской группы в Забайкалье выделяются в особый тангинский этап забайкальской палеолитической культуры, на формирование которой серьезное влияние оказала, очевидно, среднеазиатская культура позднемустьерского времени, где «с таким блеском развивается... левалуазская техника расщепления кремния»¹⁰. Оттуда левалуазские традиции обработки камня распространяются на районы Южной Сибири и через Монголию — в Забайкалье, а несколько позднее достигают отдаленных северо-восточных районов Сибири. В Монголии, по всей видимости, складывался тот культурный субстрат, который лежит в основе большинства локальных вариантов палеолитической культуры Северо-Восточной Азии.

⁵ История Сибири. Т. I. Древняя Сибирь. Л. 1968, с. 39—42.

⁶ Окладников А. П. Новое в изучении древнейших культур Монголии. (По работам 1960 г.). — «СЭ», 1962, № 1, с. 88.

⁷ Окладников А. П. Новое в изучении древнейших культур Монголии..., с. 89.

⁸ Окладников А. П. Первобытная Монголия. Улан-Батор, 1964.

⁹ Окладников А. П. Многослойное поселение Санный Мыс...

¹⁰ История Сибири, т. I, с. 71.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
В ДОЛИНЕ Р. ХИЛОК
(разведка 1971 г.)

Палеолит Хилка до последнего времени фактически не изучался. На всем протяжении реки было известно только 2 палеолитические стоянки. Одна из них расположена на окраине с. Бичура¹, вторая — у с. Подлопатки² (на обеих стоянках материал подъемный).

Положение существенно изменилось с началом работы Читинского археологического отряда³. В 1969 и 1971 гг. отрядом была проведена разведка, которая охватила всю долину Хилка — от истока до устья. Это позволило выявить целый ряд палеолитических памятников. Итоги работ 1969 г. были подведены уже ранее⁴. В настоящей статье дается характеристика 23 памятников, открытых в 1971 г.⁵ Располагаются они на участке реки от ст. Хохотуй до с. Усть-Хилок (среднее и нижнее течение).

Толбага-1. Находится в окрестностях ст. Толбага на правобережном пологом склоне сопки, примерно в 300 м от края второй террасы. Склон в этом месте прорезают длинные и неглубокие овраги-змейки. Вдоль них было забито 10 шурфов. Все они дали материал. Он связан с делювиальным шлейфом и залегает во 2—4-м слоях при следующей стратиграфии (в среднем):

- 1) почва — 10 см;
- 2) каштановый суглинок — до 35 см;
- 3) светло-коричневый суглинок — до 75 см;
- 4) лессовидный серый суглинок — до 130 см;
- 5) лессовидный серый суглинок с полуразложившимся «слюдным щебнем» — материк.

Во 2 и 4-м слоях были обнаружены только крупные отщепы из базальта. Основной материал залегал в 3-м слое. В шурфах были найдены: скребла сибирского типа, в основном на крупных пластинах. Рабочими краями у них являлись длинные грани, оформленные ретушью со спинки. Иногда ретушь обрабатывался и нижний, опорный, конец пластины (рис. 1, 3); пластины с тонким сечением, с ретушью вдоль одной или двух боковых лезвий. Ретушь мелкая, краевая. Пластины использовались в качестве ножей и, возможно, скребел (см. рис. 1, 1); двух- и трехгранные пластины призматического типа; грубопризматические нуклеусы с короткими фасетками на рабочих поверхностях и скошенными ударными площадками, трехгранная пластина с одним дугообразным и другим прямым краями, со спинки обработанными ретушью — острие (см. рис. 1, 2).

В одном из шурфов найдена часть черепа носорога (*Coelodonta* sp.) с лежащим на ней скреблом (см. рис. 1, 4).

Кроме того, такой же по характеру инвентарь собран на дне оврагов и вокруг шурфов на картофельном поле. Из него выделяются 2 крупные прямоугольные в плане пластины (рис. 2, 3, 4).

¹ Окладников А. П. Палеолит Забайкалья. — В кн.: Археологический сборник, вып. 1. Улан-Удэ, 1959, с. 13.

² Коновалов П. Б. Археологические памятники в долине реки Хилка. — В кн.: Этнографический сборник, вып. 2. Улан-Удэ, 1961, с. 145.

³ В исследованиях 1971 г. на р. Хилок приняли участие И. И. Кириллов (начальник отряда), М. В. Константинов, И. В. Айкина, В. Ф. Немеров, В. М. Зимин, В. И. Кирпа, В. М. Васильев, Н. В. Матвеева, М. Н. Сенотрусов.

⁴ Константинов М. В. Древние памятники р. Хилок. — В кн.: Археологические открытия 1969 года. М., 1970, с. 186—187.

⁵ Автор приносит свою благодарность Н. Д. Оводову, который произвел определение фаунистических остатков.

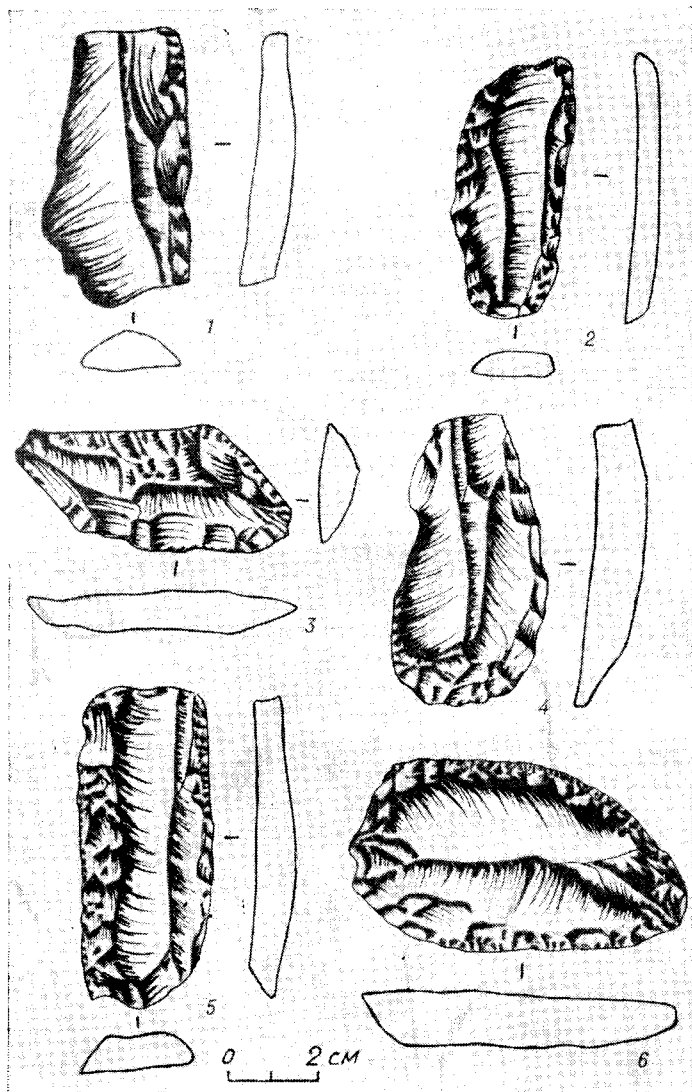

Рис. 1.

Толбага-2. В 500 м вниз по течению от стоянки № 1 на краю террасовидного уступа (до 18 м высотой), прорезанного многочисленными и глубокими оврагами, на дне и в осыпях которых были найдены: скребло сибирского типа, опробованные яшмовидные галечки, нуклеусы — галечный, подпризматический и заготовка конического. Отщепы крупных размеров. Из фаунистических останков — часть черепа носорога (*Coelodonta* sp.).

Шурфы позволили выявить 4 горизонта находок: 1 и 2-й слои оказались насыщенными керамикой (железного века и неолита). В 3-м слое, в каштановом суглинке на глубине 50 см, был обнаружен очаг, выложенный булыжником. Ниже его, на глубине 85 см, на границе с лессовидным серым суглинком оказался обломок шейного позвонка носорога (*Coelodonta* sp.). На этом же уровне найден фрагмент двугранной пластинки из базальта. 4-й слой, связанный с лессовидными суглинками (глуб. 175—190 см), дал только остеологический материал: 2 обломка

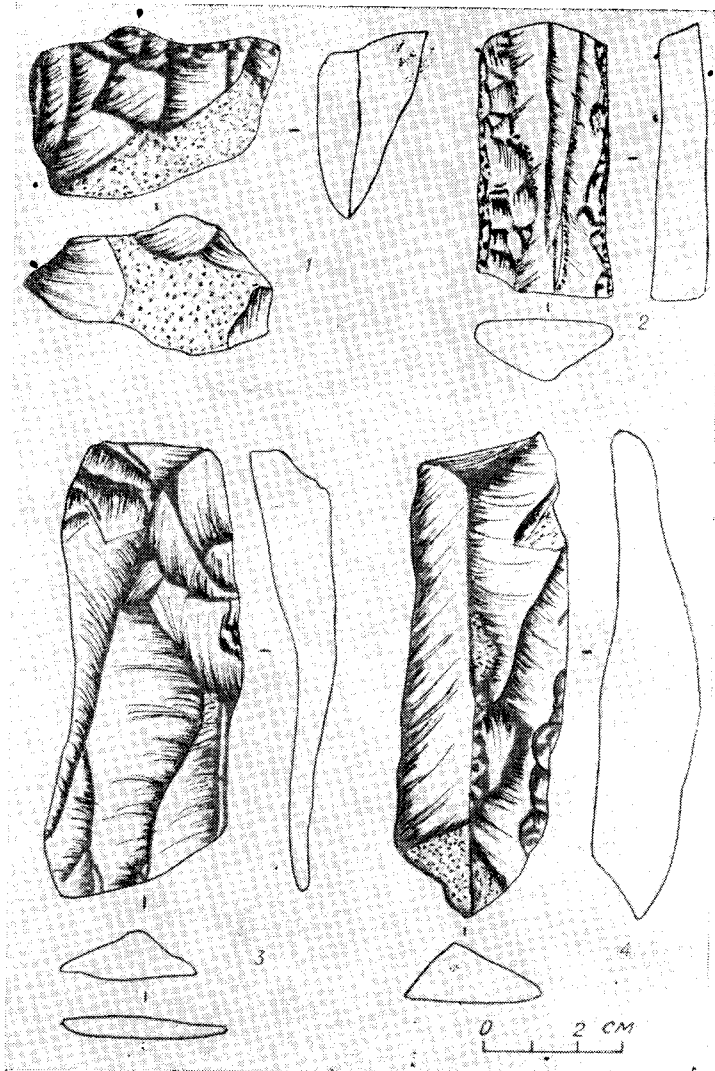

Рис. 2.

ребра жвачного (*Bovidaegen?* sp?), астрагал носорога (*Coelodonta* sp.) и большое количество неопределенных обломков.

Пионерлагерь. Между станциями Толбага и Новопавловка, неподалеку от пионерлагеря, по левому берегу тянется лесистый увал. Его пересекает дорога, на песчаном полотне которой помимо 3 небольших отщепов из яшмы найдены сильно сработанный нуклеус, имеющий черты подпризматического (рис. 3, 11), 2 пластины: одна первичная двугранная, вторая полупервичная (см. рис. 3, 7). Условия залегания материала выявить не удалось.

Черемушки. Рядом с селом, в оврагах, пересекающих 18-метровую правобережную террасу, собраны обломки костей мамонта (*Mammuthus* sp?) и оленя. Два шурфа, забитые вдоль противоположных стенок одного и того же оврага дали новые фаунистические останки, в том числе обломки костей быка (*Bovidae*) и зубов лошади (*Equus* sp.). Они залегают в лесовидном суглинке, насыщенном щебнем и дресвой, на глубине 140 (шурф 1) и 70—110 см (шурф 2). В шурфе 2 найдена проколка из двугранной

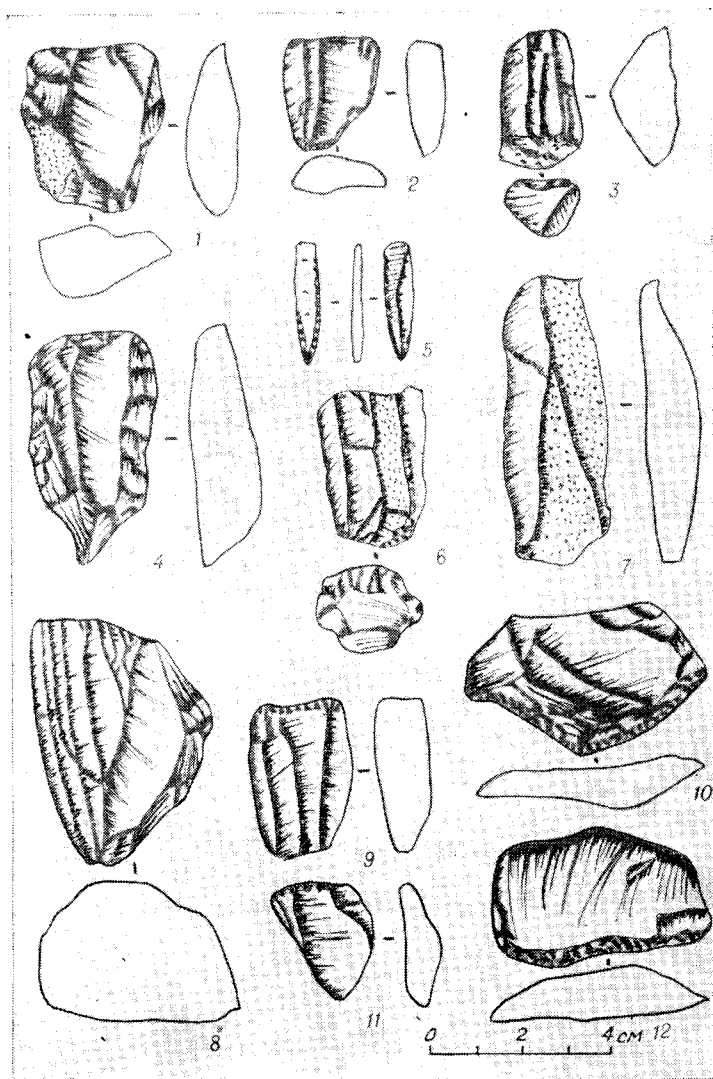

Рис. 3.

микропластины с длинным острием-жальцем, оформленным краевой ретушью с бруска (см. рис. 3, 5). Но не исключено, что проколка могла проникнуть в этот слой из вышележащих слоев.

Орсук. В 2 км ниже с. Орсук, в отвесной стенке оврага, прорезающего террасовидный уступ, на глубине 97 см в слое светло-коричневого суглинка найден расколотый вдоль нуклеус, точнее его торцовая часть. Своеобразный облик нуклеусу придает клювовидный выступ в опорной части, не имеющий специальной обработки (см. рис. 3, 4).

В осыпях, на дне оврага, под тем местом, где был найден нуклеус, — трубчатые кости быка (?) (*Bovidae?*) и плюсневая кость кулана (*Eguus nemionus*).

Кандабаево. В 2 км перед селом, на правом берегу реки, на краю террасовидной возвышенности был забит шурф 4×4 м. В нем обнаружены кости носорога (*Coelodonta* sp.), лошади (или кулана), быка (*Bovidae*), сурка (*Marmota sibirica*), гиены (*Crocuta* sp.), оленей, в том числе близкого к благородному (*Cervus* sp. *ebaphus*), мамонта (*Mammuthus* sp.),

винторогой антилопы. Некоторые кости намеренно разбиты, другие — обожжены. Материал залегает на глубине 60—240 см и связан в основном с пачкой слоев, насыщенных гранитным щебнем и дресвой с прослоями и линзами суглинка и мелкого пылеватого песка, кровлей для которых служат суглинки светло-коричневого и каштанового цвета и почва с неолитической керамикой.

Усть-Обор (Зун-Хада). На правом берегу реки, на склоне сопки Зун-Хада, на полотне дороги был поднят нуклеус подпризматического типа (см. рис. 3, 1), рядом, в одном из оврагов, с глубины 120 см извлечена челюсть с зубами и кости кулана (*Egurus nemionus*).

Усть-Обор (Хапчагай). На правом берегу реки за селом, на сопке Хапчагай, в конусе выноса одного из оврагов найден нуклеус конического типа со скошенной, подготовленной одним ударом верхней площадкой. Дуга рабочей поверхности приближается к 180°. Один край нуклеуса круто затесан боковыми сколами (см. рис. 3, 8).

В соседних оврагах были обнаружены многочисленные белые тяжелые кости животных, среди которых встречаются кости шерстистого носорога.

Алентуй. На правом берегу рч. Алентуйка, сразу за селом, на полотне дороги, проходящей по склону сопки, найдено 9 оббитых желваков и нуклеус призматического типа с прямоугольной по форме ударной площадкой. Такой же характер носит опорная площадка. Нуклеус четкой огранки не имеет.

Никольское. На окраине села, рядом с церковью, на склоне сопки, выходящем к реке, было подобрано несколько крупных плиток сланца, две из которых путем подправки ретушью длинных сторон превращены в рубящие орудия, а одна — в скребло с выпуклым рабочим краем (12×14 см). В 300 м от этого пункта около первого от села оврага найдено несколько нуклеовидных желваков.

Харенга. В 5 км ниже границы между Читинской областью и Бурятской АССР на левом берегу, напротив с. Харенга, на мысе, подмываемом стремительно бьющим водным потоком, были найдены галечный нуклеус и скребло сибирского типа; здесь же — материал других эпох.

Узкий луг. В 1 км перед селом, на левом берегу реки, на пашне, скрытой с реки небольшим песчаным увалом, найдены крупные отщепы и массивные оббитые гальки.

Поселье. На правом берегу реки перед селом, у кладбища, в оврагах найдено 3 галечных нуклеуса. Материал, по-видимому, связан с суглинками и залегает не глубже 1,5 м.

Горки. На левом берегу реки, напротив Поселья, в нескольких местах обнаружено около десятка крупных оббитых желваков, которые, вероятно, служили нуклеусами.

Куналей. В самом селе, на правом берегу реки, на террасовидном уступе, найдены крупные галечные нуклеусы, скребла сибирского типа, массивные отщепы. Материал залегает приблизительно на уровне 1,5—2 м и связан со слоем суглика. Выше, в слое почвы, — культурный слой, датируемый неолитом.

Бичура. На окраине поселка, примерно в 1 км от левого берега р. Хиллок, на первой надпойменной террасе высотой 5—6 м между дорогой, ведущей к парому, и фермой (1,5 км) — массив выдувов. Самые глубокие из них достигают 150 см. Отвесные обнажения позволяют установить следующую очередность слоев: дерн, супеси, суглинки, галечники. Выдувы дали большое количество материала. Палеолитический материал сосредоточен в основном в ближнем от дороги выдуве. Здесь найдены конические и призматические нуклеусы с ударными площадками, перпендикулярными поверхностям скалывания (см. рис. 3, 6, 9); галечные нуклеусы; скребла на крупных отщепках и пластинах (см. рис. 3, 10, 12); отщепы разных форм. Обнаружены также и более поздние по времени находки.

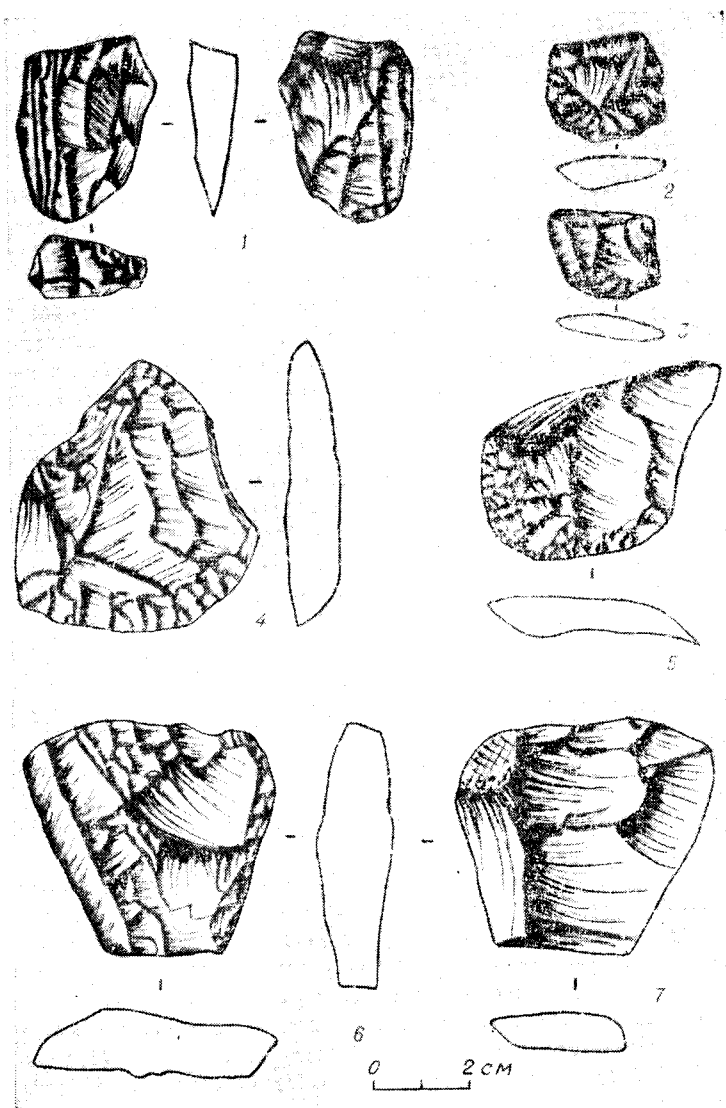

Рис. 4.

Дон-Киреть. Напротив села, по правой стороне реки, на террасе высотой 5—6 м, примыкающей к сопке Базино, собран следующий материал: скребла сибирского типа из целых желваков с полукруглым и выпуклым рабочими краями (рис. 4, 4, 5); скребки на отщепах с ретушью, наносившейся со спинки (см. рис. 4, 2, 3); нуклеус конический с острым ребром и противоположной, слегка утолщенной стороной, покрытой фасетками от снятых пластин (см. рис. 4, 1); два подпризматических нуклеуса с трапециевидными в плане, скошенными ударными площадками (см. рис. 4, 6); две заготовки призматических нуклеусов с перпендикулярными округлыми оббитыми верхними площадками и отчасти оформленными рабочими поверхностями; отщепы разных размеров.

Верхний Маргентуй. В 3 км ниже села, по правому берегу, в местности Хапчагай, по краю возвышенности, уступом обрывающейся к воде и рассеченной рядом оврагов, найдены крупные отщепы, один из которых имеет выемку, сделанную ретушью; оббитые широкими сколами речные гальки — галечные нуклеусы; обломок первичной двугранной пластины;

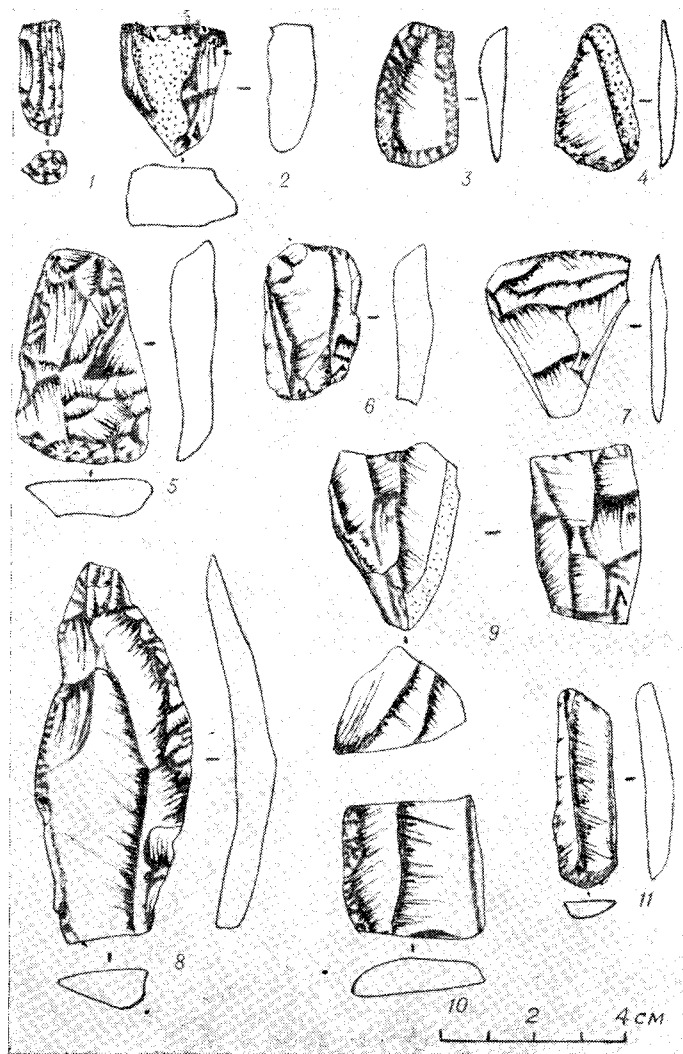

Рис. 5.

конические нуклеусы, с которых снимались относительно ровные и правильные микропластины (см. рис. 3, 2, 3.).

Окино-Ключи. За паромом с. Нижний Маргентуй по левому берегу тянется террасовидная возвышенность длиной около 2 км. (В стороне, в нескольких километрах от реки, остается с. Окино-Ключи.) В нижней, если судить по течению, части возвышенности, где склон прорезают мощные овраги, на площади приблизительно 500×200 м собрано большое количество изделий архаического облика. Находки встречаются обычно там, где обнажается перекрытый дерном слой суглинка с дресвой, с которым они, скорее всего, и связаны.

На стаянке найдены пластины с ретушью, нанесенной со спинки, вдоль одной или двух граней (см. рис. 2, рис. 5, 10); концевые скребки на отщепах; отщеп с мелкой краевой ретушью, оформляющей лезвие (см. рис. 5, 7); боковой скол с нуклеуса и обломки небольших призматических пластинок; конические нуклеусы, дву- и одноплощадочный (см. рис. 5, 6, 9), и заготовки их; крупные отщепы и оббитые гальки.

Подлопатки-1,2. В 3 км от села, на левом берегу, в местности Лужки, на возвышенности, отмеченной скалистыми обнажениями и террасовид-

ным уступом до 12 м, в двух пунктах собран разновременный инвентарь, в том числе и большая коллекция палеолитических камней.

Пункт 1. Несколько крупных грубо оббитых галек.

Пункт 2. Серия из 13 скребков. Все скребки концевые. 6 из них изготовлены из пластинчатых отщепов и имеют языковидную форму (см. рис. 5, 5), 1 скребок — на трехгранной пластине (см. рис. 5, 11), 4 скребка — на отщепах, 2 скребка из серии двуконцевых. Рабочий край у скребков выпуклый, полукруглый, в одном случае прямой скошенный; скребла сибирского типа (2 экз.) из целых галек с крутой односторонней затеской края; заготовки нуклеусов конических форм (3 экз.) с разной степенью подготовленности ударных площадок, опорных концов и почти незатронутыми поверхностями скалывания (см. рис. 5, 2); конический нуклеус с каплевидной ударной площадкой и острым ребром (см. рис. 5, 1); микропластинки и отщепы. Весь материал сосредоточен в выдуве до 1,5 м глубиной. Возможно, именно эта стоянка упоминается в статье А. П. Окладникова⁶.

Усть-Хилка. Стоянка расположена на холме у впадения Хилка в Селенгу. Холм покрыт желтыми «пятнами» — песчаными выдувами. В них собраны обломки глиняных сосудов, металлические изделия, поделки из камня, в том числе массивные отщепы и оббитые гальки и рубящее орудие из речной гальки, суженный конец которого обработан ударной ретушью.

На палеолитический возраст вновь открытых стоянок указывают характерные типы изделий — скребла сибирского типа, острия, сравнительно крупные пластины и отщепы; набор нуклеусов — конических и призматических с ударной площадкой, перпендикулярной поверхности скалывания, подпризматических и их разновидностей со скошенными ударными площадками, галечных нуклеусов; фаунистические остатки, принадлежащие мамонту, шерстистому носорогу, лошади, винторогой антилопе, кулану, оленю; условия залегания материала, обыкновенно связанного с делювиальными лессовидными или светло-коричневыми суглинками, перекрытыми каштановыми суглинками, в основании которых также иногда встречается палеолитический материал.

Однако палеолитические памятники Хилка не являются одновременными. Наиболее древним из них следует считать Кандабаево, где обнаружен рог винторогой антилопы. Останки этого животного известны в ранних слоях забайкальского палеолита — Санний мыс, 6—7-й слой⁷.

Такие стоянки, как Толбага-1, Окино-Ключи, можно предварительно отнести ко второй половине верхнего палеолита — 22 — 10 тыс. до н. э. Именно в это время впервые появляются нуклеусы, с которых снимаются микропластины, в том числе и нуклеусы с приостренным боковым ребром, и широкое распространение получают призматические типы нуклеусов, соседствующие, однако, с подпризматическими.

Такие стоянки, как Бичура и Дон-Киреть, датируются, вероятно, мезолитическим временем, так как террасы, на которых они располагаются, относятся геологами к голоцену⁸. Камешный инвентарь этих стоянок такой датировке не противоречит.

Остальные стоянки ввиду недостаточности полученной информации более точно датировать трудно.

Следует отметить, что возможности палеолитических памятников Хилка еще далеко не исчерпаны. Особенно много может дать изучение

⁶ Окладников А. П. Палеолит Забайкалья. — В кн.: Археологический сборник, вып. 1. Улан-Удэ, 1959.

⁷ Кириллов И. И. Камешный век Восточного Забайкалья. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1969.

⁸ Геология СССР. Бурятская ССР, т. XXV, ч. I. М., 1964, с. 278.

таких из них, как Толбага-1, 2, Черемушки, Кандабаево, Куналей. Топография этих памятников и площадь культурного слоя позволяют предположить, что здесь существовали большие поселения.

Не лишена перспектив и разведка новых памятников, особенно по притокам Хилка, которые преимущественно остались в стороне от исследований: отрядом осматривались только их устья. Наиболее интересными являются самые крупные из притоков — Блудная и Унго. Кости крупных животных — косвенное указание на возможность открытия стоянок — известны из распадков, выходящих к притокам Хилка — ручьям, протекающим через села Катаево и Кандабаево.

И. П. Л а р и ч е в а

КУЛЬТУРА БРИТИШ МАУНТИН— ДРЕВНЕЙШИЙ ЭТАП КАМЕННОГО ВЕКА АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Район Аляски и северо-запада Канады представляет особый интерес с точки зрения происхождения и эволюции древнейших культур Нового Света. За последние годы на арктическом побережье Аляски и Юкона были открыты наиболее древние для этого ареала культурные комплексы, не имеющие одновременных аналогий в других областях североамериканского континента. На основании геолого-стратиграфических данных их возраст соответствует 20—13 тыс. лет¹, т. е. в основном они синхронны памятникам эпохи кловис и в меньшей мере предшествующей ей — сандия. Но, поскольку на арктических стоянках ведущие типы орудий культуры сандия вообще не представлены, а находки наконечников кловис весьма малочисленны, говорить о влиянии охотничьих культур южных широт Северной Америки на культуру британ маунтин почти не приходится. Установлению сколько-нибудь прочных связей между северо-западными и южными областями континента препятствовал разделяющий их ледниковый щит (рис. 1). Кроме того, коллекции изделий с рассматриваемых ниже местонахождений свидетельствуют о непрекращающихся в этот период (совпавший с максимальным оледенением в висконсине) контактах между населением Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии.

Материалы наиболее древних стоянок арктического побережья — Когрук, Энгигшиак, Сенда Крик, Катактурок Ривер — относятся к единому культурному комплексу, которому Р. С. Мак-Нипи дал название британ маунтин² (рис. 2).

Сенда Крик открыта позднее других, но собранные здесь находки более тщательно изучены и описаны³. Кроме того, они отличаются разнообразием и, вероятно, могут дать более полное представление о комплексе культуры британ маунтин в эпоху ее расцвета. На этом памятнике стоит остановиться подробнее.

Летом 1964 г. небольшая группа студентов и аспирантов университета г. Вичиты под руководством К. Шлезера провела разведку и первые

¹ MacNeish R. S. Early peopling of the New World as seen from the Southwestern Yukon. — «Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska», College, 1963, vol. 10, № 2, p. 153—160.

² MacNeish R. S. Investigations in Southwestern Yukon. — «R. S. Peabody Foundation for Archaeology Papers», Andover, 1964, vol. 6, № 2, p. 201—488.

³ Schlesier K. H. Senda Creek: report on an archaeological survey on the Arctic slope of the Brooks Range. — «Amer. Antiquity», 1967, vol. 32, № 2, p. 210—222.

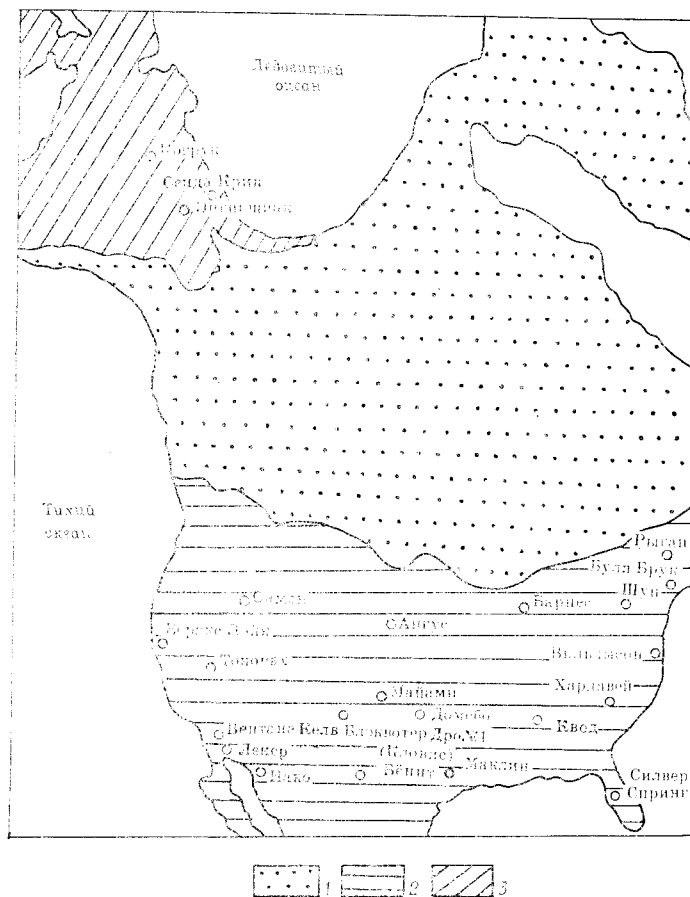

Рис. 1. Основные стоянки культур кловис и бритниш маунтин.
1 — ледник; 2 — кловис; 3 — бритниш маунтин.

раскопки в окрестностях оз. Май, на арктической стороне хр. Брукс, к северо-востоку от пролива Анактувук. Здесь, в безлесной тундре, не тронутой даже максимальным висконсинским оледенением, расположена огромная чашевидная долина, протянувшаяся с запада на восток на 16 км. С востока, севера и юга она окружена горами, в районе которых протекает несколько рек и мелких речушек. Оз. Май находится в центре западной части чашевидной долины. Вдоль ее края течет небольшая горная речка Сенда, впадающая в р. Айак. Ширина ее доходит до 180—380 м, а во время летних дождей и снегонадов она становится почти вдвое шире и постоянно прорезает себе новое русло. Непосредственно вдоль берегов теперешнего и прежнего русел (на протяжении 11 км), а также в многочисленных шурфах в слое вечной мерзлоты, на глубине 50—70 см, группа К. Шлезера собрала 405 сильно патинизированных изделий, объединенных ею в единый комплекс Сенда Крик. Остатки фауны, костяных изделий, а также органических веществ, пригодных для радиоуглеродных анализов, в долине Сенды не обнаружены. Однако в отвесном берегу р. Фортресс археологи нашли большой обломок бивня мамонта, но здесь, наоборот, не оказалось никаких каменных изделий.

* Для изготовления орудий в Сенда Крик использовались гальки кремнистого сланца, встречающиеся в изобилии вдоль всей речной долины. Почти все изделия частично сохраняют первоначальную поверхность гальки и покрыты темно-красной и золотистой патинной, что свидетельствует об их значительной древности.

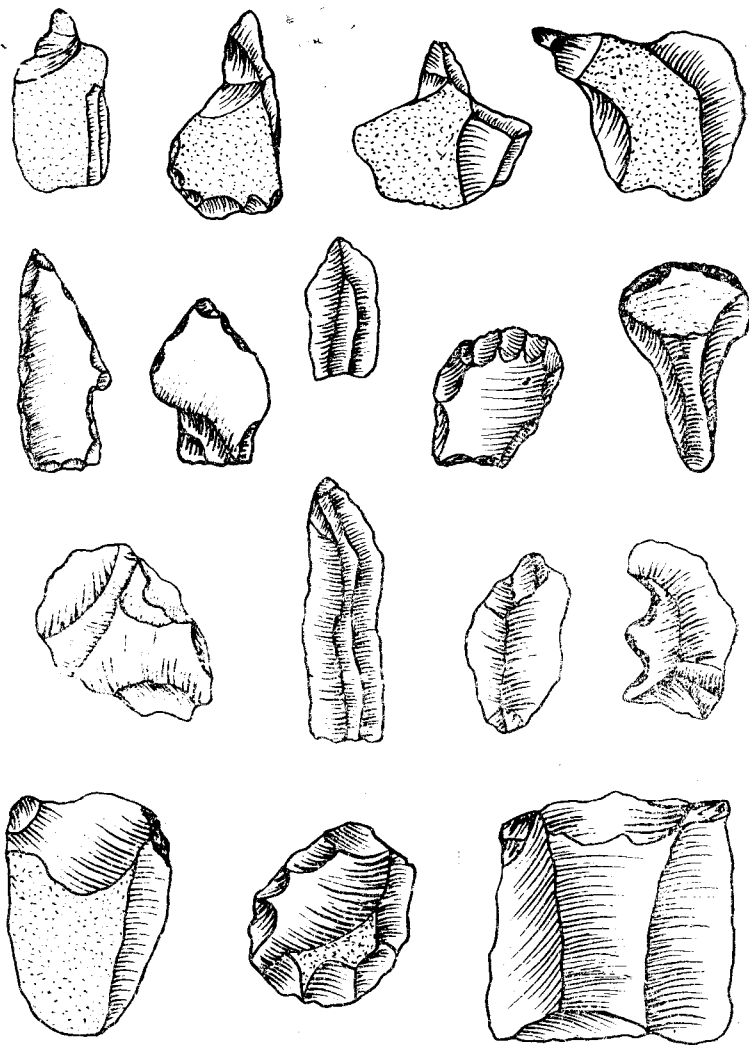

Рис. 2. Орудия со стоянок культуры бритниш маунтин.

Комплексе изделий из Сенда Крик состоит в основном из отщепов и орудий, сделанных из них. В сравнительно небольшом количестве здесь представлены нуклеусы и бифасы. Пластин нет.

Длина наиболее крупных отщепов соответствует 3,5—6,5, толщина — 0,8—1,8 см. Те, что поменьше, часто очень напоминающие леваллуазские, имеют длину 2,1—3,4, ширину 0,9—1,5 и толщину до 1,2 см. Выделяя среди отщепов две группы, К. Шлезир отмечает, что между меньшими и большими образцами нет «явного различия ни по способу производства, ни по типу вторичной ретуши»⁴. Форма отщепов свидетельствует о том, что они были сколоты с различных типов нуклеусов. Спинка одних отщепов покрыта дисковидными фасетками, у других на ней имеются грани, характерные для отщепов, снятых с многогранных нуклеусов. Несколько экземпляров сколото с галечных нуклеусов, не имевших предварительно оформленной ударной площадки, о чем свидетельствует наличие галечной корки на месте основания. На многих образцах сохранились следы первоначальной поверхности гальки и ударной площадки,

⁴ Schlsier K. H. Senda Creek: report on an archaeological survey on the Arctic slope of the Bruce Range.—«Amer. Antiquity», 1967, vol. 32, № 2, p. 213—214.

подготовленной несколькими горизонтальными сколами. Почти все отщепы обработаны крутой ретушью вдоль краев спинки, а иногда и брюшка.

Среди орудий из отщепов в Сенда Крик наиболее многочисленную группу составляют скребки (53 экз.). Они представлены несколькими разновидностями: боковые, концевые, комбинированные (боковые и концевые)⁵, килевидные и «курносые» микроскребки⁶. Длина их варьирует от 3,7 до 7,8 см. На всех образцах в значительной степени сохранилась галечная корка не только на спинке, но и на концах. Кроме того, спинка их покрыта крупными фасетками — следами обработки ударной ретушью. У одного изделия такие фасетки прослеживаются также на ближнем к ударной площадке конце. Отщеп, из которого сделан этот скребок, был сколот с нуклеуса под углом 110°. Все скребки обработаны крутой ретушью вдоль боковых краев.

18 изделий из отщепов К. Шлезир относит к выемчатым скребковидным инструментам, выделяя среди них два варианта: 1) с длинным прямым рабочим краем; 2) с выемками на сторонах (эта группа более многочисленна). На них сохранены участки галечной корки. Большинство из них имеют длину от 4,8 до 8,5 см⁷. Рабочие края орудий этого рода оформлены крутой боковой ретушью. Одно изделие из массивного отщепка утоньчено дисковидными фасетками как на спинке, так и на конце, являвшемся частью ударной площадки.

7 изделий из крупных отщепов относятся к группе ножей-скребков. Длина их в среднем 7 см. У всех на поверхности сохранились участки галечной корки. У некоторых изделий спинка покрыта дисковидными фасетками, а брюшко утоньчено сколами с близлежащего к ударной площадке конца. Правый край таких орудий обычно обработан крутой ретушью. На нескольких инструментах этого и других типов из Сенда Крик такая ретушь оформляет «плечико».

Пяту часть инвентаря (186 экз.), собранного с местонахождений в долине р. Сенды, составляют проколковидные орудия. Большая часть их сделана из отщепов, сколотых с галечных нуклеусов, не имеющих предварительно подготовленной ударной площадки. Большинство отщепов сохраняют участки первоначальной поверхности гальки. Длина проколковидных орудий составляет 3,4—5,8 см. Поражает большое разнообразие типов этих орудий⁸. Рабочие края проколковидных инструментов оформлены либо ретушью вдоль бокового края, либо скалыванием крошечных отщепов на левой и одного на правой стороне проколковидного выступа. Некоторые образцы проколов имеют длинные острые клювовидные рабочие края. 9 проколковидных орудий, по словам К. Шлезира, являются резцами (5 срединных и 4 угловых)⁹.

В коллекции из Сенда Крик имеется 16 изделий, которые К. Шлезир относит к наконечникам¹⁰. Длина их соответствует 2,6—4,2 см. Все они сделаны из подтреугольных или дисковидных отщепов (есть и асимметричные образцы) и обработаны грубой отжимной ретушью. Среди них нет ни одного хорошо оформленного двусторонней ретушью орудия. На некоторых инструментах сохранились остатки галечной корки. 3 изделия этого типа имеют с правой или левой стороны выемки, оформляющие насад. У одного вдоль всей спинки прослеживается фасетка в виде желобка. Форма нескольких наконечников, по мнению К. Шлезира,¹¹ до-

⁵ В коллекции этот тип изделий превалирует над остальными. См. Schlesier К. Н. *Op. cit.*, p. 214.

⁶ Килевые, концевые и «курносые» микроскребки составляют небольшой процент скребущих орудий. См. Schlesier К. Н. *Op. cit.*, p. 214.

⁷ Там же, с. 216.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

пускает возможность использования их в качестве скребков и пожей¹¹.

3 орудия из отщепов могли одновременно выполнять несколько функций: одно из них — ножа, скребка и скоблящего инструмента, два других — ножа, скребка и проколки¹².

Отщепы в Сенда Крик сколоты с нескольких типов нуклеусов: галечных, аморфной формы, леваллуазских¹³. В коллекции представлено 43 нуклеуса. Наиболее многочисленную группу (32 экз.) составляют галечные. В большинстве случаев они делались либо из целых галек, либо из расколотых пополам и не имели предварительно оформленной ударной площадки. Лишь на нескольких образцах имеется подправленная площадка. Вторая группа нуклеусов — многогранные или прямоугольные — представлена десятью экземплярами различных размеров. Форма их определяется числом сколотых с них отщепов. Нуклеусы такого рода оформлялись следующим образом: гальку раскалывали пополам, несколькими горизонтально направленными сколами оформляли ударную площадку, снимали первые отщепы, затем тыльные поверхности использовали в качестве ударных площадок, при этом нуклеус все время поворачивался. Отщепы, таким образом, скалывались со всех удобных для этого плоскостей гальки¹⁴.

Сработанный до предела леваллуазский нуклеус — единственный экземпляр третьей группы. Очевидно, из-за высокого качества сырья нуклеус использовался до тех пор, пока с него нельзя стало скалывать отщепы. Затем остаток его обработали вторичной ретушью и стали применять в качестве скребковидного инструмента.

Значительную группу изделий (26 экз.) составляют бифасы. Они невелики по размерам и представляют собой либо двусторонне обработанные изделия, изготовленные из нуклеусов или центральной части галек, либо грубые отщепы, оббитые с обеих сторон. Единственный способ, применяемый при обработке бифасов в Сенда Крик, — утоньчение их путем скалывания отщепов дисковидной формы. Не всегда, по словам К. Шлезера, удастся четко проследить различие между обоими типами бифасов. И те и другие — небольших размеров. Ретушь, которой обработаны боковые стороны многих из них, свидетельствует об использовании этих изделий в качестве скребковидных инструментов¹⁵.

Тщательный анализ материалов из Сенда Крик позволил К. Шлезеру прийти к выводу о том, что все рассмотренные выше изделия относились к одному (нижнему) культурному горизонту. Эту же мысль высказали участники сессии Американской антропологической ассоциации в г. Денвере в ноябре 1965 г., где предварительный отчет К. Шлезера сопровождался показом изделий.

В Сенда Крик, как отмечалось выше, не обнаружено остатков органических веществ, которые можно было бы использовать для радиоуглеродного анализа. По мнению К. Шлезера, находки из нижнего культурного слоя одновременно материалам с трех других стоянок культуры бритиш маунтин, о которых речь пойдет ниже, а их возраст соответствует примерно 18 тыс. лет¹⁶. Как установлено, в этот период висконсинского оледенения были все условия для свободного продвижения от Берингова моста суши на восток почти до р. Маккензи.

Второе местонахождение культуры бритиш маунтин — Энгигшиак — расположено также на арктическом побережье, недалеко от границы Юкона (Канада) и Аляски, в 32 км от устья р. Фес (бассейн р. Маккензи).

¹¹ Schlesier K. H. Op. cit., p. 216.

¹² Там же, с. 214.

¹³ Там же, с. 211.

¹⁴ Там же, с. 213.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 219.

Здесь на возвышенности у места переправы через речку канадских оленей в течение нескольких лет, начиная с 1954 г., велись раскопки под руководством Р. С. Мак-Нипша. Ему удалось выделить 9 культурных горизонтов, датированных в пределах от 2 до 18 тыс. лет¹⁷.

Наиболее древние изделия, которые Р. С. Мак-Нипш отнес к комплексу британн мауптин, залегали в слое вечной мерзлоты на глубине 60—90 см от современной поверхности. Слой этот на окраине холма сливается с гравием древнего бичевника¹⁸. Орудия верхнепалеолитического облика встречаются в Энгигшиаке, как правило, либо в моренных отложениях глин, либо чаще всего под ними. Моренные глинны, по мнению Дж. Макки, В. Мэтью и Р. Мак-Нипша, откладывались в условиях заключительного этапа продвижения ледника¹⁹. Многие находки были обнаружены в очажных ямах и местах свалки разнообразного мусора.

Около 200 сильно патинизированных изделий составляют коллекцию материалов из нижнего культурного слоя стоянки Энгигшиак. Наиболее многочисленная группа (около 75% всех инструментов) представлена массивными и тонкими кремневыми отщепами с эпизодической ретушью по краю и зачастую сохранившими остатки галечной корки. Ретушь обычно является результатом длительного использования достаточно острых краев отщепов в качестве режущих или скребущих инструментов. Впрочем, иногда она имеет характер предварительной обработки.

Часть отщепов имеет дисковидную форму, другие напоминают образцы леваллуазского типа, третьи не имеют особо характерной формы. В коллекции есть, кроме того, небольшое число грубых пластин. На части их, как и на многих отщепах, сохранились участки ударной площадки и отчетливо прослеживаются ударные бугорки. Нуклеусы, с которых скальвались этого рода пластины, в слое не обнаружены.

В основном из отщепов (а среди них много таких, которые можно назвать пластинчатыми) изготовлено большинство орудий: односторонне обработанные только по краям листовидные наконечники мустьерского типа²⁰; двусторонне оформленные овальные острия с желобками, похожие на небольшие кловис с юга Плато прерий, но более массивные²¹; двусторонне обработанные овальные лезвия-ножи; пиловидные орудия;

¹⁷ MacNeish R. S. Engigstciak site on the Yukon Arctic coast.—«Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska», Fairbanks, 1956, vol. 4, № 2, p. 50—114; MacNeish R. S. Man out of Asia as seen from the Northwest Yukon.—«Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska», 1959, vol. 7, № 2, p. 41—70; MacNeish R. S. A speculative framework of Northern North America prehistory as of April 1959.—«Anthropologica», Ottawa, 1959, N. S., vol. 1, № 1, p. 1—17; Mackey J. R., Mathew W. H., MacNeish R. S. Geology of the Engigstciak archaeological site, Yukon territory, Canada.—«Arctic», Montreal, 1961, vol. 14, № 1, p. 25—52; MacNeish R. S. Recent finds in the Yukon territory of Canada.—«Arctic Institute of North America Technical Papers», Montreal, 1962, № 11, p. 20—26; MacNeish R. S. The early peopling of the New World as seen from the Southwestern Yukon.—«Anthropol. Papers of the Univ. of Alaska», College, 1963, vol. 10, № 2; MacNeish R. S. Investigations of the Southwest Yukon, p. 201—488; Willey G. R. An Introduction to American Archaeology. New Jersey, 1966, p. 35—6; Schlesier K. H. Report on an archaeological survey on the arctic slope of the Brooks Range.—«Amer. Antiquity», Salt Lake City, 1967, vol. 32, № 2, p. 210—222; Martin P. S. Pleistocene ecology and biogeography of North America.— In: Zoogeography. Washington, 1958.

¹⁸ Илестые вечномерзальные отложения широко распространены также на севере Аляски. Именно в них были найдены в 1930-х гг., в районе Фербенкса древние типы наконечников вместе с ископаемой фауной. См. Rainey F. J. Archaeology in Central Alaska.—«Anthropol. Papers», N. Y., 1939, vol. 36, pt. 4, p. 351—405.

¹⁹ Mackey J. R., Mathew W. H., MacNeish R. S. Op. cit., 1961, p. 25—52.

²⁰ По мнению Р. С. Мак-Нипша, отщепы, из которых сделаны такие наконечники, сняты с нуклеусов леваллуазского типа.

²¹ Они изготовлены, очевидно, из отщепов, сколотых с дисковидных нуклеусов, а не из пластин, как на поселениях культуры кловис, и в отличие от них обработаны ретушью не по всей поверхности лезвия, а лишь по краям его. В коллекции всего два таких изделия. См. MacNeish R. S. Engigstciak site..., p. 95.

изделия с выемками на сторонах; многофасеточные полулунной формы орудия, служившие, вероятно, в качестве гравировальных инструментов; боковые и концевые скребки; проколки и грубые резцы срединного типа. Кроме того, в комплекс орудий входит большое количество грубых пластин и изделий из них, в том числе концевые скребки. Имеются также бифасы, галечные чопперы и чоппинги.

Вместе с перечисленными выше изделиями найдены кости карibu, бизона и лошади. В слое сохранилась также пыльца березы, ели и сосны. П. С. Мартин в связи с этим указывает на то, что в приледниковой области сохранялись участки леса с зарослями ели, сосны и березы²². Последнее обстоятельство позволило Р. С. Мак-Нишу сделать вывод о более влажном и теплом климате того времени²³. Вслед за ним известный американский археолог Е. Вилмсен высказал предположение, что наличие пыльцы не обязательно свидетельствует о более теплом климате, поскольку она могла быть принесена сюда ветрами с дальних расстояний²⁴. Первоначально Дж. Кэмпбелл датировал горизонт, сохранивший остатки культуры бритниш маунтин, 9 тыс. лет²⁵. Спустя некоторое время в монографии, посвященной исследованиям в Юго-Западном Юконе, Р. С. Мак-Ниш, ссылаясь главным образом на геолого-стратиграфические данные, высказал предположение о том, что возраст изделий и фауны из нижнего слоя стоянки Энгигшиак соответствует примерно 18 тыс. лет²⁶.

На арктическом склоне Северо-Центральной Аляски, в широкой ледниковой долине р. Анактувук, пересекающей центральную часть хр. Брукс, есть перевал Анактувук. Здесь с 1950 г. и до последних лет работали В. Ирвинг, Дж. Кэмпбелл, Р. Солецкий, Р. Хэкмен и другие²⁷. Вершина перевала достигает высоты 640 м, она покрыта тундровой растительностью. Граница лесов проходит в 32 км к югу. На вершине перевала в 1959 и 1961 гг. Дж. Кэмпбелл совместно с геологом С. Портером из Вашингтонского университета раскопали многослойную (7 культурных слоев) стоянку.

Материалы самого верхнего комплекса, получившего название Когрук, залегали в верхней части гравия ледниковой камовой террасы²⁸. Они включают 572 изделия, сделанных в основном из кремнистого известняка и глинистого сланца, реже — из обсидиана и халцедона. Подавляющее большинство находок составляют отщепы, массивные и тонкие, дисковидной, леваллуазской и неопределенной форм. Некоторые из них использовались в работе без предварительной обработки ретушью, о чем свидетельствуют многочисленные мелкие выщерблинки вдоль их

²² Martin P. S. Op. cit.

²³ MacNeish R. S. Investigations of the Southwest Yukon.

²⁴ Wilmsen E. N. Flake tools in the American Arctic: Some speculations.— «Amer. Antiquity», 1964, vol. 29, № 3, p. 338—345.

²⁵ Campbell J. M. Arctic. Notes and News.— «Amer. Antiquity», 1962, vol. 27, № 3, p. 442—446.

²⁶ MacNeish R. S. Investigations of the Southwest Yukon.

²⁷ MacNeish R. S. A speculative framework of Northern North American prehistory, as of April, 1959.— «Anthropologica», Ottawa, 1959, N. S., vol. 1, № 1, p. 1—17; Campbell J. M. The Kogruk complex of Anaktuvuk Pass, Alaska.— «Anthropologica», 1961, N. S., vol. 3, № 1, p. 3—20; Campbell J. M. Arctic. Notes and News, p. 442—446; Campbell J. M. Cultural succession at Anaktuvuk Pass, Arctic Alaska.— «Arctic Inst. of North America Technical Papers», 1962, № 11, p. 39—54; Irwing R. N. A provisional comparison of some Alaskan and Asian stone industries.— Ibid, p. 55—68; Porter S. C. Antiquity of man at Anaktuvuk Pass, Alaska.— «Amer. Antiquity», 1964, vol. 29, № 4, p. 493—496; Porter S. C. Investigations in the Southwest Yukon.— «R. S. Foundation for Archaeology Papers», Andover, 1964, vol. 62, № 2, Wilmsen E. N. Flake tools in the American Arctic..., p. 338—345; Willey G. R. Op. cit., p. 34—36; Schlesier K. H. Op. cit., 1967, p. 210—222.

²⁸ Porter S. C. Investigations in the Southwest Yukon.

краев. На многих отщепов сохранились участки ударной площадки и первоначальной поверхности каменных ядрищ. Среди находок из Когрука имеются также нуклеидные орудия и нуклеусы неправильной формы, в том числе сделанные из крупных массивных отщепов. Часть их использовалась для скалывания микропластин. Несколько таких пластин обнаружено в том же слое недалеко от нуклеусов. Других типов нуклеусов не найдено, хотя, судя по форме отщепов, здесь должны быть представлены ядрища, по крайней мере, еще двух типов: дисковидные и леваллуазские.

Часть отщепов из Когрука обработана дополнительной ретушью. 3 из них, по мнению Дж. Кэмпбелла, можно отнести к односторонне обработанным остриям²⁹. В слое оказалось также незначительное количество пластин, в том числе ножевидных, обработанных с двух сторон, несколько грубых бифасов и чопперов, боковой скребок и одно пиловидное орудие. Обработка инвентаря производилась только с помощью ретуши. При этом фасетки ее покрывают лишь края лезвий, а не всю широкую плоскость, как это наблюдается у двусторонне обработанных палеолитических и мезолитических наконечников из южных районов США.

Условия залегания находок на стоянке Когрук позволили Дж. Кэмпбеллу прийти к выводу о том, что первоначальное заселение ее относится ко времени отступления ледника от камовой террасы и до того, как началось формирование дерна. Это, по его мнению, могло происходить после предпоследнего (максимального) продвижения ледника в эпоху висконсина³⁰.

В 1961 г. на северо-востоке хр. Брукс профессор Колумбийского университета Р. Солецкий совместно с геологом Б. Селвенем открыл и исследовал несколько стоянок. Самая древняя из них, получившая название Катактурук Ривер, расположена в долине р. Катактурук на 69°35' с. ш. и 145°35' з. д. В этих местах долина реки с обеих сторон окаймлена горами, а сама стоянка находится на скальном хребте примерно в 50 м над рекой. Следов оледенения в окрестностях стоянки не обнаружено. Изделия из камня, собранные на поверхности, по мнению Дж. Кэмпбелла, имеют прямую связь с материалами из нижних слоев стоянок Энгигшиак и Когрук³¹. Они включают несколько галечных чопперов, большое количество отщепов, в том числе дисковидных и леваллуазского типа; орудия из отщепов: боковые и концевые скребки, пиловидные изделия; несколько пластин, сохранивших следы ударной площадки и части первоначальной поверхности ядрища; и, наконец, орудия с выемками на сторонах. Большинство отщепов и пластин не имеют следов предварительной обработки, но они использовались в качестве режущих и скребущих инструментов, о чем свидетельствуют крошечные выщерблинки вдоль их краев. На обработанных изделиях фасетки также в основном небольшие и размещаются непосредственно вдоль краев, не проникая далеко в глубь поверхности лезвия. Во всех случаях для оформления орудий здесь также, как и на других описанных выше стоянках, применялась техника ударной ретуши. Остатков фауны на стоянке Катактурук Ривер не обнаружено.

Анализ вещественных остатков с рассмотренных выше местонахождений показывает, что Сенда Крик, Энгигшиак, Когрук и Катактурук Ривер представляют особую, арктическую культуру североамериканского палеолита. Эта локальная область древнекаменного века Нового Света, как отмечалось выше, по главным чертам охотничьего инвентаря

²⁹ Campbell J. M. The Kogruk complex..., p. 16.

³⁰ Там же, с. 13.

³¹ Campbell J. M. Arctic Notes and News, p. 445.

и направлению связей не имеет ничего общего с южными культурными ареалами — сандия и кловис³².

Бритиш маунтин — культура, специализированная главным образом на охоте на северного оленя. Недаром ее поселения располагаются по берегам рек, где, очевидно, в древности находились места переправ северного оленя в периоды его миграций. Охотничье направление хозяйства — почти единственное, что сближает между собой культуры юга североамериканского континента и британ маунтин. По характеру инвентаря это два различных мира. Наиболее характерной чертой культуры британ маунтин является широкое распространение галечной индустрии. Гальки — основное сырье, из которого изготовлено большинство крупных изделий. К ним прежде всего следует отнести грубые и тяжелые рубящие инструменты типа чопперов и чоппингов. Техника изготовления их традиционна и давно (с эпохи стадии до наконечников) известна в Новом Свете. Гальки раскалывали поперечным ударом или просто, используя подходящие для ударной площадки плоскости, подтесывали с одной или двух поверхностей, в результате чего на конце появлялось рубящее или скребловидное рабочее лезвие.

Гальки в культуре британ маунтин являются также исходным материалом при оформлении разнообразных по типу пуклеусов — галечных, дисковидных, леваллуазских и так называемых «аморфных» и бифасов. Одна черта объединяет все эти изделия: за исключением в какой-то степени леваллуазских пуклеусов, остальные предназначались для получения в качестве заготовок будущих орудий пластин правильной огранки и отщепов, большей частью подтреугольных или в лучшем случае пластинчатых. В культурных горизонтах поселений не обнаружены ни крупные подпризматические или конические пуклеусы, ни сколотые с них правильные ножевидные пластины. Это первое, в чем культура британ маунтин отличается от культур сандия и кловис.

Отщепы и пластинчатые сколы как заготовки для разного рода инструментов predetermined, естественно, характер и особенности последних. Среди орудий, обнаруженных на поселениях культуры британ маунтин, преобладают изделия из отщепов — ножи, скребки, скребла. Из подтреугольных отщепов здесь изготавливаются наконечники мустьерского типа. Они обрабатываются не с двух, а только с одной стороны, со спинки, и в большинстве случаев по краю.

На первый взгляд создается впечатление, что культура британ маунтин недалеко ушла по уровню развития от культуры стадии до наконечников³³. Здесь те же по типу чопперы, чоппинги, а также набор изделий из отщепов. Кажется, что охотничьи племена арктических районов Нового Света застыли в своем развитии на достигнутом некогда этапе и ни на шаг не продвинулись вперед. Учитывая исключительные по суровости климатические условия, в которых приходилось отстаивать свое право на существование самым северным из палеолитических обитателей

³² О культурах сандия и кловис см.: **Окладников А. П.** Заселение Америки и Австралии человеком. — «Всемирная история», М., 1955, т. I, с. 82—86; **Мочанов Ю. А.** Древнейшие культуры Америки. — «СЭ», 1966, № 4; **Ларичева И. П.** Палеолит Северной Америки и проблема его связи с камешным веком Сибири. — «Изв. СО АН СССР», Новосибирск, 1966, № 5. Сер. обществ. наук, вып. 2, с. 94—103; **Она же.** Древнейшие памятники культуры Северной Америки (палеовосточная культура). — В кн.: Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь, вып. 2. Новосибирск, 1966, с. 52—74; **Она же.** Новые черты каменной индустрии верхнего палеолита Северной Америки и проблема контактов его с культурами Старого Света. — В кн.: Материалы конф. «Этногенез народов Северной Азии», вып. 1. Новосибирск, 1969, с. 55—59; **Она же.** Верхний палеолит Нового Света: два ареала культур и два истока их происхождения. — Там же, с. 48—51.

³³ См. **Ларичева И. П.** Североамериканский палеолит (стадия до наконечников). — В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока, вып. 2. Новосибирск, 1968, с. 256—284.

Земли, такой вывод вряд ли был бы удивительным или неожиданным. Во всяком случае для памятников позднего палеолита Сибири консервативность в культуре до недавнего времени считалась неоспоримым фактом, а ведь именно с этим районом до недавнего времени должны были поддерживать связи палеолитические племена Аляски и севера Канады, поскольку южное направление контактов затруднялось разросшимся ледниковым щитом.

Однако материалы культуры бритниш маунтин не позволяют сделать вывод об абсолютной консервативности арктического палеолита Северной Америки. В культуре его можно заметить сдвиги, причем немаловажные. Это относится прежде всего к такому замечательному факту, как появление наряду с односторонне оббитыми орудиями двусторонне утоньшенных изделий. Они немногочисленны и типологически не разнообразны, но это отнюдь не уменьшает их значения.

В публикациях о стоянках культуры бритниш маунтин в сущности упоминаются только две разновидности двусторонне обработанных инструментов, если не считать загадочных «бифасов», одной из разновидностей нуклеусов: наконечники и ножи. Как те, так и другие обрабатывались с обеих сторон отбивной ретушью, поэтому они не отличаются особой выразительностью. Р. С. Мак-Нип упоминает наконечник кося с желобком, однако из-за единичности подобного рода находки трудно судить, насколько окажется основательной соблазнительная возможность увязки ее с желобчатыми наконечниками типа кловис. Вероятнее всего, что присутствие на поверхности лезвия наконечника желобчатого скола является случайным.

К новому явлению следует также отнести появление на односторонне обработанных наконечниках выемок, оформляющих насад³⁴, и возрастающего количества проколовидных орудий. В особенности замечательно открытие в Когруке правильных микропластин. Они свидетельствуют о том, что помимо перечисленных выше разновидностей нуклеусов для культуры бритниш маунтин, очевидно, на более позднем этапе ее развития были характерны также нуклеусы, сходные по типу с нуклеусами-скребками или клиновидными нуклеусами, широко распространенными в позднем палеолите Сибири. Примечательно, кроме того, что на стоянках Аляски начинают встречаться резцы.

Все это вместе взятое показывает, что ни о какой исключительной по размаху застойности в культуре палеолита арктических областей Северной Америки не может быть и речи. Определенно по сравнению со стадией до наконечников произошли прогрессивные сдвиги, среди которых наиболее значительным следует считать появление техники двусторонней оббивки.

Разумеется, такая постановка вопроса вовсе не снимает проблемы замедленных темпов развития локальной палеолитической провинции на севере. Ее связь с культурой стадии до наконечников бесспорна, поскольку многие черты последней сохранились в бритниш маунтин. Большинство из них представляют собой показатель возможных связей ее с культурами Северной Азии: галечные орудия типа чопперов и чоппингов, галечные и леваллуазского типа нуклеусы, дисковидные нуклеусы, острия мустьерского типа, преобладание среди инструментов орудий, изготовленных из отщепов и односторонне обработанных. Культура бритниш маунтин представляет собой по этим признакам особую провинцию североамериканского палеолита.

---

³⁴ Примечательно, что сходные изделия найдены в слоях, датированных примерно тем же возрастом на Камчатке. См.: Диков Н. Н. Верхний палеолит Камчатки. — «СА», М., 1969, № 3; Он же. Древние культуры Камчатки и Чукотки. Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1971.

Однако имеются ли признаки, свидетельствующие о непосредственных контактах палеолитического населения Сибири и Аляски в этот период? Ведь может быть, что указанные особенности представляют собой просто пережиточные черты в культуре, оставшиеся в наследство от стадии до наконечников. Данные, которыми можно подтвердить связи, очень малочисленны, но они все же есть. К ним относится в первую очередь наличие микропластин, сколотых с нуклеусов, близких по типу к нуклеусам-скребкам. Эти специфически азиатские изделия могли появиться на Аляске только в результате тесных культурных связей или переселения новых групп азиатских охотников. Двусторонне обработанные ножи и изделия, напоминающие наконечники, — конвергентно возникшие орудия или показатель связей с камчатско-японским кругом верхнепалеолитических памятников. Судить о правильности того или иного предположения пока трудно, но предпочтительнее второе из них.

Памятники культуры британ маунтин относятся к эпохе максимального оледенения. Этот период интересен тем, что на севере вновь, как и во время стадии до наконечников, появился мост суши, соединяющий Аляску с Чукоткой. Нет почти серьезных возражений тому, чтобы предположить в этот отрезок времени вторую волну переселения из Азии в Новый Свет верхнепалеолитических групп. Так оно, очевидно, и было.

Б. А. Фролов

ПЕРСОНАЖ С СЕМЬЮ ЛУЧАМИ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Монографические публикации наскальных изображений бассейна Лены и Амура А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской¹, Альпийских предгорий севера Италии и Центральной Аравии — Э. Анати²; издание в Канберре памятников древнего наскального искусства Южной Австралии³ и в Лос-Анжелесе — пещерных наскальных росписей индейцев — К. В. Мейгхан⁴ позволяют поставить вопрос о значении одного персонажа, изображенного в столь далеких друг от друга географически и этнически районах мира с одним и тем же атрибутом — 7 полосами, радиально расходящимися от головы вверх.

Этот атрибут и сам персонаж имеют разную трактовку в упомянутых изданиях.

В Шишкинских писаницах бронзового — начала железного века это антропоморфный персонаж со знаком мужского пола, показанный фронтально, с полусогнутыми ногами и руками; голова не изображена, но отведенное для нее место ограничено сверху 7 вертикальными полосками. Это изображение шаманского духа-предка, по А. П. Окладникову⁵.

В петроглифах Сакачи-Аляна, относящихся по хронологической схеме, обоснованной А. П. Окладниковым, ко 2-й фазе (развитый неолит), это личина с раскосыми глазами и прямым носом, по лбу ее опускаются 7 полосок, над головой 7 коротких симметричных полосок — «сияние».

¹ Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959; Он же. Утро искусства. Л., 1967; Он же. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971; Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. Л., 1959.

² Anati E. Capo di Ponte. — «Studi Camuni», Brescia, 1968, vol. 1;

Anati E. Rock-Art in Central Arabia, vol. 1. Louvain, 1968.

³ Australian aboriginal studies, Canberra, 1970, № 22.

⁴ Meighan Cl. W. Indian art and History. Los Angeles, 1969.

⁵ Окладников А. П. Шишкинские писаницы, с. 108, рис. 45.

А. П. Окладников трактует такие личины как маски мужских духов-предков⁶.

Э. Анати приводит гравированное изображение на скале № 35 в Накане (Камуна) и условно называет его «бегущий священнослужитель». Это профиль мужчины, бегущего с поднятой рукой, он в головном уборе, с 7 загнутыми назад полосами (эпоха бронзы — раннего железа)⁷.

В том же направлении, что и камунийский «священнослужитель», (слева направо) «бежит» мужчина с копьём и копьеметалкой в доисторических наскальных изображениях в Оэнпелли (Архем Лэнд), в Австралии. Опубликовавшие рисунок авторы в Канберре⁸ трактуют его как изображение духа мужчины с оружием и «опахалом» на голове. Это «опахало» передано 7 полосками, загнутыми назад.

В Центральной Аравии среди наскальных изображений, изданных Э. Анати, есть написанная черным фигура человека с полусогнутыми ногами и руками⁹. Он показан фронтально, как и его аналог в Шишкино, с тем же положением поднятой левой полусогнутой руки. Над его головой 7 вертикальных полосок.

В росписях индейцев в пещере Гарднер Кав (запад Северной Америки), изданных К. В. Мейханом¹⁰, есть отдельно изображенные схематичные «головы» в виде прямоугольных и округленных наверху красочных силуэтов, украшенных «головными уборами». У одной такой черной головы убором украшат 7 вертикальных красных полос.

Случайны ли такие совпадения? Ведь можно привести примеры, когда персонажей, изображенных в том же Шишкино или Сакачи-Аляне, «венчает» меньшее (6 и 5 в Шишкино) или большее (до 12 и более в Сакачи-Аляне) число «лучей».

За последние годы появляются новые свидетельства того, что духовная жизнь первобытного человечества на всех этапах была значительно сложнее, чем могли представить ранее исследователи. Все большее число явлений первобытного искусства переходит в ранг закономерных из ряда случайных. В связи с этим совпадение, о котором шла речь, представляется столь же не случайным, как группировки из 7 фигур людей с поднятыми руками в Шишкино и в Камуне, на которые мы обращали внимание в 1970 г., или как спирали, круги, личины и змеи Сакачи-Аляна, характерные в какой-то мере и для петроглифов Австралии, и для Камуны¹¹.

Действительно, число лучей (или перьев), украшающих голову персонажей наскального искусства разных континентов, бывает различным. По-видимому, в каждом случае это число имело свой особый смысл. Но когда это было число 7, с ним связывалось нечто отличное от других чисел, — и это отличие оказывалось столь важным, что именно оно, а не другое число повторялось в наскальном искусстве древних народов Европы, Азии, Австралии, Америки. Почему?

В настоящее время имеются свидетельства того, что ряд «мировых сюжетов» первобытного искусства и мифологии появился в эпоху палеолита¹². Таковыми можно считать не только анималистические сюжеты —

⁶ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура, с. 30, табл. 48, 1.

⁷ Anati E. Capo di Ponte, p. 18, fig. 5.

⁸ Australian aboriginal studies, № 22, p. 54.

⁹ Anati E. Rock-Art in Central Arabia, p. 92, fig. 56.

¹⁰ Meighan Cl. W. Indian Art and History, p. 31, fig. 1A.

¹¹ Frolov B. A. Aspects mathématiques dans l'Art préhistorique. — In: Valcamonica Symposium. Brescia, 1970, p. 475—478; Frolov B. A., Timofeeva N. K. La Nascita dell'Arte del popolidell' Amur. — «Bollettino di Studi Preistorici», Brescia, 1969, vol. IV, p. 99—110, Anati E. Nuovi elementi per lo studio di relazioni preistoriche tra Australia e Asia? — «Bollettino di Studi Preistorici», Brescia, 1969, vol. IV, p. 111—115; Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура, с. 117.

¹² Окладников А. П. Утро искусства, с. 3—133.

композиции из фигур зверей, в которых участвуют порой и антропоморфные фигуры (охотники, колдуны, мифические герои); не только фигурки «Матерей-Богинь», у истоков галереи которых стоят палеолитические Венеры¹³. Автор полагает также, что к таковым можно отнести комбинации геометрических фигур (круги, спирали, прямоугольнички) и численно значимых группы одинаковых элементов (по 5, 7), присутщих как мобильному, так и наскальному искусству древнекаменного века¹⁴. Повторение последних в послепалеолитическом первобытном искусстве он считает связанным с астрономическими, математическими, космогоническими и религиозными традициями палеолита, хранящимися и передаваемыми в первобытной мифологии.

Что касается персонажа с 7 лучами, то его изображений в палеолитическом искусстве пока неизвестно. В палеолите¹⁵ можно указать два его прообраза: антропоморфные и «гибридные» фигуры с парой звериных рогов на голове (Труа-Фрер, Лурд и др.) и фигурки женщин, головные уборы которых построены с использованием числа 7 (Мальта, Буреть, Виллендорф, Брассампуй).

Любопытна следующая деталь. Танцующий «Колдун» на потолке грота Труа-Фрер соединяет в одном образе черты семи персонажей: у него рога оленя, глаза волка, лик совы, борода серны, лапы медведя, хвост лошади, фигура (тело) человека (по А. Бегуэну, А. Брейлю, И. Марингеру), и это не случайное явление¹⁶. Все эти персонажи, с одной стороны, являются обычными сюжетами палеолитического наскального искусства и, в частности, изображены по отдельности в других участках того же грота Труа-Фрер. С другой стороны, семикратное повторение какого-то одного сюжета (например, наслоенные одна на другую 7 красочных фигур туров, или «семиглавый бык», на стене большой галереи в Ляско; ряд из семи антропоморфных изображений на пластине из рога в Гурдан; группы из 7 пятен и из 7 прямых линий часто повторяются на стенах гротов Нпо, Ляско, Труа-Фрер, Фон де Гом, Кастильо, Пеш-Мерль и др.; их палеолитический возраст подтверждают еще более частые аналогичные группы на изделиях мелкой пластики Евразии — от Мальты и Бурети на Ангаре до западно-европейской стоянок у побережья Атлантики)¹⁷ показывает, что интерес к этому числу у охотников палеолита не был случайным. Следовательно, рогатый «Колдун» в Труа-Фрер мог быть символом 7 видов живых существ, включая человека (мужчину-охотника) и объекты его охоты. Для такого объединения в палеолите могли быть свои социальные и психологические предпосылки¹⁸, на основе которых в дальнейшем выкристаллизовалась типичная структура мифа и сказки (в ее основе обычно 7 действующих лиц)¹⁹, а у народов Северной Азии в «медвежьих праздниках», сезонных обрядах, космологии и изобразительном искусстве число 7 играло важную роль²⁰.

Между тем в послепалеолитическом наскальном искусстве «корона» из 7 лучей украшает лишь мужские фигуры, имея, кроме того, по интерпретациям исследователей, какое-то сакральное значение (дух предка, шамана, маска духа). В пользу справедливости этой гипотезы приведем лишь два примера, взятые из этнографии Африки и Сибири. В Мали маски,

¹³ **Абрамова З. А.** Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.—Л., 1966, с. 3—223.

¹⁴ **Frolow B. A.** Aspects mathématiques...

¹⁵ **Абрамова З. А.** Изображения человека...; см. также: **Frolow B. A.** Die magische Sieben in der Altsteinzeit. — «Bild der Wissenschaft», Stuttgart, 1971, № 3, s. 258—265.

¹⁶ **Фролов Б. А.** Числа в графике палеолита. Новосибирск, 1974, с. 89, 139—140.

¹⁷ См. там же, с. 48—92.

¹⁸ См. подробнее: **Фролов Б. А.** Константы в психике Homo sapiens. — «Вопр. антропологии», М., 1969, вып. 32, с. 187—194; **Он же.** «Магическая семерка». — «Природа», 1972, № 5, с. 52—59.

¹⁹ См. **Пропп В. Я.** Морфология сказки. М., 1969, с. 5—160.

²⁰ **Фролов Б. А.** Числа в графике палеолита, с. 128—140.

посвященные предкам и являющиеся атрибутом члена секретного общества имеют «корону» из 7 высоких вертикальных отростков²¹. На кетских шаманских бубнах в центре изображался мужчина — великий шаман, с 7 лучами или «рожнами» на голове: это 7 путей, по которым он путешествовал в «верхний мир»²². Последнее объяснение интересно тем, что дает ключ к наиболее универсальной трактовке 7 лучей этого персонажа: в «модели мира», или космологии кетов, тщательно изученной В. И. Анучиным, С. В. Ивановым, В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым, числу 7 отведена главная роль. В частности, в верхнем мире «всего по 7», и то же число важно для роли предков в мифической истории племени: оно происходит от 7 прародителей. Значит, шаман потому и был великим, потому и увенчан 7 лучами-путями, что мог достичь (или постичь) в опыте предков-прародителей и в тайнах мироздания всего, чего требовали насущные нужды племени.

Не о таких ли качествах персонажа с 7 лучами говорят наскальные изображения его в Европе, Азии, Америке, Австралии?

В пользу нашего предположения можно привести уже упомянутые группы из 7 людей с поднятыми руками в Камуне (солярный диск над этой группой позволил Анати трактовать группу как относящуюся к культуре мертвых)²³ и в Шипкинэ²⁴. Что касается Сакачи-Аляна, то здесь многочисленные изображения ладьи с 7 персонажами могли иметь тот же смысл культа мертвых и прохода душ умерших, что и предыдущие группы оральных фигур²⁵. Отметим, кстати, любопытнейший сюжет в Сакачи-Аляне²⁶: лосиха, в которую стреляет лучник (здесь лосиха — это мифический солярный зверь); если рога лосихи рассматривать отдельно, они могут трактоваться как и ладья с 7 антропоморфными силуэтами в ней, — обычный сюжет Сакачи-Аляна. Вообще же «солярная ладья» была известна не только на пространстве от Египта и Скандинавии до Тихого океана, но и на Американском материке. Причем на кости, недавно найденной в земле древних майя, выгравирована прога с 7 путешественниками, среди которых Солнце и Луна²⁷. Так снова пересекаются мотивы космоса, предков и числа 7 (оно особенно важно в мифах индейцев, повествующих о подвигах 7 родственников, 7 героев)²⁸.

Итак, если мы признаем, что такие «мировые мотивы», как круги, спирали, а то и прямо изображения Луны и Солнца, в наскальном искусстве связаны с космологией и космогонией; что группы из 7 человеческих фигур, в том числе и «плывущие в ладье», — это изображения мифических предков-прародителей или их духов²⁹, то было бы естественно допустить, что персонаж с 7 лучами в этих же комплексах наскальных изображений мог выступать в функции своего рода «посредника». Эти «посредники» так или иначе обеспечивали связь с силами космоса и ушедшим в прошлое миром предков (т. е. с их традициями, опытом прошлых поколений) — связь, столь важную для благосостояния племени, общины, народа. Это мог быть, когда речь идет о Северной Азии, шаман или дух шамана, как трактует А. П. Окладников; в других районах мира — колдун или главное действующее лицо иной религиозной системы, но всегда это личность особая, выдающаяся по своему воздействию на современников.

Если это предположение верно, то оно может пролить свет и на истоки самого образа персонажа с 7 лучами. «Колдуны» палеолита, увенчанные

²¹ Parrinder G. African Mythology. London, 1969, p. 96.

²² Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. — «Труды Ин-та этногр.», 1954, т. XXII, с. 95, рис. 88.

²³ Anati E. Capo di Ponte. — In: Studi Camuni, 1968, p. 31, fig. 17.

²⁴ Окладников А. П. Шипкинские писаницы, табл. XXXVIII, фиг. 655; табл. XXIII, фиг. 577.

²⁵ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура, с. 100.

²⁶ Там же, с. 207, табл. 71—72.

²⁷ Levi-Strauss Cl. Mythologiques. 3. Paris, 1968, fig. 11.

²⁸ Там же, с. 276, 279, 306, 310, 311 и др.

²⁹ Ср. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.—Л., 1950, с. 345; Он же. Петроглифы Нижнего Амура, с. 122—123.

звериными рогами, кажутся ограниченными в своих возможностях: их удел — звери, тогда как силы космоса и мир предков всецело в руках женщин-чародей, Венер, владеющих и «секретом» числа 7, связанного с Луной, плодородием, прошлым и будущим общины³⁰. Изменение общественного строя и положения женщины сделало мужчин-колдунов полновластными хозяевами «тайных наук», и их «корона» приняла символическую семерку из головного убора Венер.

Разумеется, это лишь одна из возможных рабочих гипотез. Независимо от ее подтверждения или отрицания при дальнейшем изучении сюжетов наскального искусства, хотелось бы подчеркнуть следующее обстоятельство. Существование персонажа с 7 лучами на разных континентах в очень далеких друг от друга регионах наскального искусства и, очевидно, в разных этнических традициях племен, сходных или близких по уровню культурно-исторического развития (между поздним неолитом и ранним железным веком), предполагает для своего объяснения ориентацию именно на это последнее обстоятельство. Единые общественно-исторические закономерности развития человечества определяют основные, характерные черты развития древнего искусства. Эта точка зрения наиболее последовательно проводится в работах советских археологов, в том числе исследователей Северной Азии, через которую проходили нити культурных связей древнего населения разных континентов и которая, может быть, полнее, чем другие районы земного шара, хранит традиции и памятники древних культур.

Р. С. В а с и л ь е в с к и й

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА НА КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

Одной из увлекательных и вместе с тем сложных проблем тихоокеанской археологии является проблема первоначального заселения о. Сахалина и Курильских островов.

По данным океанологических и геологических исследований, Курильские острова еще в четвертичное время были соединены с сушей и вместе с Японскими островами входили в состав материка. В начале позднечетвертичного периода произошло опускание Курило-Камчатской дуги, возникли проливы, которые отделили северные острова от Камчатки, а южные — от Хоккайдо. В голоцене началось новое поднятие гряды, и острова приняли примерно современные очертания.

Вопрос о первоначальном заселении человеком Курильских островов в настоящее время не может считаться окончательно решенным. Достоверные палеолитические или мезолитические стоянки здесь пока не известны. Основываясь на этом, большинство авторов, занимавшихся археологией Курильских островов, датируют их заселение очень поздним временем. Вместе с тем открытия палеолитических памятников в Приморье, на Камчатке, на Японских островах, в том числе такого раннего возраста, как стоянка Содзюдай на Кюсю позднеашельского или мустьерского времени, а также Сиратаки на Хоккайдо (около 20 тыс. лет), связи докерамических комплексов Японии с культурами Приморья, Северной Америки и верхнепалеолитическим ушakovским комплексом на Камчатке могут служить косвенными доказательствами существования на Сахалине и Курильских островах более древних памятников, чем все

³⁰ Фролов Б. А. Числа в графике палеолита, с. 118—145.

известные сейчас стоянки. Уже появились новые открытия в этой области археологических памятников более раннего возраста.

Это прежде всего стоянка Имчин, расположенная на Северном Сахалине в 1,5—2 км к северо-западу от ст. Ноглики, на правом берегу р. Имчин. Она была открыта В. В. Вязовской в 1965 г. и исследована автором в 1972 г. Каменный инвентарь стоянки наряду с двусторонне обработанными ножами-бифасами, концевыми скребками, удлинёнными скребками с округлым лезвием, наконечниками стрел ромбической формы включает такие специфические изделия, как многофасеточные резцы, угловые резцы, а также, что особенно важно, ножевидные микропластинки правильной огранки, клиновидные нуклеусы, бифасные острия и лодкообразные орудия. Находки таких изделий раньше не были известны ни на Сахалине, ни на Курильских островах. Облик их явно мезолитический (рис. 1).

Так, найденные на Имчине лодкообразные заготовки клиновидных нуклеусов и их готовые изделия специфических форм с удлинённой ударной площадкой удивительно близки клиновидным нуклеусам и заготовкам из мезолитического слоя поселения Устиновка на р. Тадуши в Приморье, где им сопутствуют крупные правильные пластины, концевые скребки, также аналогичные подобным изделиям Имчина. В мезолитических памятниках долины Амура Осиповка, Хабаровск имеют сходные с имчинскими двусторонне обработанные остроконечники, ромбовидные наконечники стрел, ножевидные пластины, наконечники стрел на пластинах. Ещё большее сходство наблюдается с вещами докерамических комплексов Японии. На стоянках Северо-Восточного Хоккайдо — Сиратаки 30, Сиратаки 32, Тачикарусинаи, Окэдо, Саккоцу, а также на стоянках Тачикава, Тогэсита, расположенных на юго-западной оконечности острова, находятся лодкообразные орудия, клиновидные нуклеусы, микронуклеусы, бифасные острия, ножевидные пластины, микролезвия, резцы, скребки, являющиеся почти точными копиями орудий Имчина¹. Существенно, что сходство здесь касается не отдельных предметов, а целых вещественных комплексов.

Наиболее сопоставимы в этом отношении с материалом Имчина комплексы Тачикарусинаи, Тачикава III. Хронологически названные выше докерамические стоянки Хоккайдо охватывают период с XIII до середины VIII тыс. Такой же возраст имеет и мезолитическое поселение — мастерская Устиновка (Тадуши)². Несколько более поздними, относящимися к финальной стадии мезолита считаются стоянки типа Осиповской, расположенные в районе Хабаровска³. Примерно в этих же хронологических пределах, не позже V—IV тыс. лет назад, по-видимому, следует датировать и стоянку Имчин.

Не менее интересные памятники каменного века обнаружены в последние годы и на Курильских островах. Это, во-первых, коллекция каменных орудий, собранная геологом В. Г. Вороновым на песчаных дюнах в районе пос. Куйбышево на о. Итуруп, в которой имеется целая серия наконечников стрел из мелких ножевидных пластин, архаического типа. Во-вторых, находки В. О. Шубиным галечных орудий в районе мыса Васильева на о. Парамушир. Оба эти комплекса бескерамические

¹ Morlan R. The Preceramic Period of Hokkaido: An Outline.—«Arctic Anthropology», 1967, vol. 4, № 1, s. 180—211; Ларичев В. Е. Палеолит и мезолит Японии. (Краткий очерк).— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 96—99; Yoshizaki M. Tachikarushunai Site. Sapporo, 1973, p. 1—37.

² Чард Г. С., Морлан Р. Е. Абсолютная хронология каменного века Японии.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 109—138; Ларичев В. Е. Палеолит и мезолит Японии, с. 68—108; Окладников А. П. Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновка и проблема дальневосточного мезолита.— В кн.: Четвертичный период Сибири. М., 1966, с. 352—372.

³ Деревянко А. П. Громатухинская культура.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 159—209.

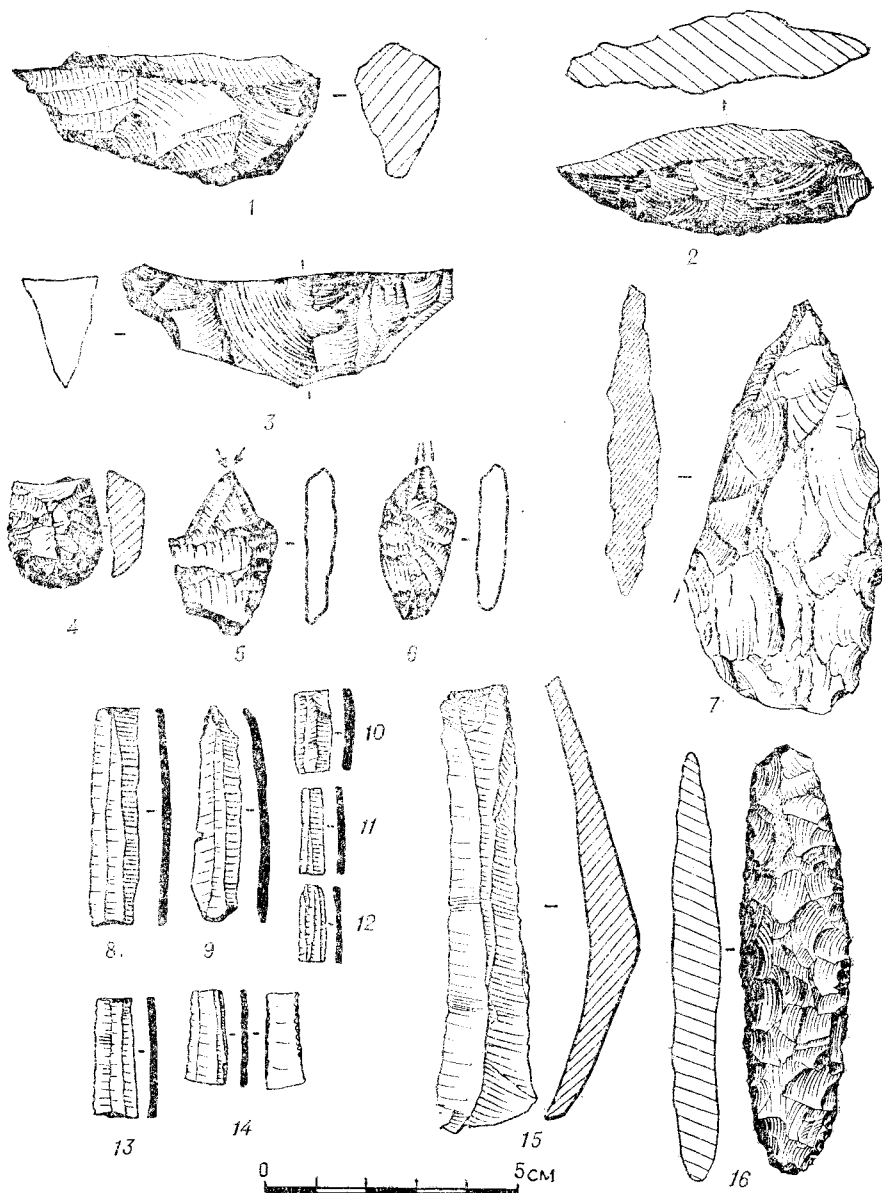

Рис. 1. Каменные изделия имчипского комплекса на о. Сахалин.
 1, 2 — лодкообразные орудия; 3 — клиновидный нуклеус; 4 — скребок; 5, 6 — резцы; 7 —
 остроконечник; 8—15 — ножевидные пластины; 16 — бифас.

и относятся, по-видимому, к ранним этапам неолита, во всяком случае они значительно старше стоянки Стародубское II, которая до последнего времени считалась самой ранней на Сахалине и Курилах⁴.

Что же касается палеолитических памятников, то их отсутствие на Сахалине и Курильских островах можно объяснить, с одной стороны, слабой археологической изученностью этих территорий, с другой — теми изменениями в конфигурации суши, которые произошли сравнительно недавно, — человек, проникнув на острова в палеолите, мог заселить прибрежные районы, и тогда его стоянки при опускании суши оказались под водой. В целом вопрос о палеолите Сахалина и Курильских островов

⁴ Козырева Р. В. Древний Сахалин. Л., 1967, с. 47.

остается открытым. В свете имеющихся данных, более определенно можно говорить о памятниках на Курильских островах, относящихся к неолитическому времени, охотской культуре и поздним айнам.

В настоящее время благодаря исследованиям А. П. Окладникова, Р. В. Чубаровой (Козыревой), В. А. Голубева (с учетом материалов различных неархеологических экспедиций и работ японских археологов) можно представить общую, хотя во многом еще схематичную, картину эволюции каменного века на Курилах.

Древнейшим из известных сейчас на Курильских островах, по-видимому, следует считать комплекс каменных изделий, собранных сотрудником Сахалинского КНИИ ДВНЦ АН СССР В. Г. Вороновым на о. Итуруп около пос. Куйбышево, на песчаной дюне высотой около 20 м, в юго-восточной части террасы, на расстоянии примерно 300 м от берега Охотского моря⁵. Каменные орудия были собраны на поверхности и, по свидетельству геологов, обнажились сравнительно недавно вследствие интенсивного, особенно в последние годы, развевания дюн.

Комплекс этот характеризуется полным отсутствием керамики. Каменный инвентарь состоит в основном из мелких орудий, изготовленных из обсидиана, кремневых пород малиновых и кремневых по цвету, базальта, кварцита, кремнистого сланца. Это прежде всего наконечники стрел, которых в коллекции насчитывается более 100 экземпляров. По форме и технике обработки среди них различается несколько типов. В первую очередь выделяется группа наконечников арханческого облика из тонких ножевидных пластин. Их края во всю длину сторон обработаны мелкой ретушью. У некоторых экземпляров ретушь наносилась только со стороны вентральной поверхности, у других края ретушированы с двух сторон. Встречаются наконечники с прямым (рис. 2, 22—24) и со слегка вогнутым основанием (см. рис. 2, 25), черепкового типа (см. рис. 2, 27), с небольшими боковыми выемками у основания (см. рис. 2, 26). У некоторых из них низ основания ретуширован. Длина наконечников этой группы варьирует от 1,8 до 2,6 см.

Вторая группа представлена двусторонне ретушированными черепковыми наконечниками с треугольным заостренным черешком. В большинстве случаев черешок имеет ромбическое поперечное сечение, но встречаются также наконечники, у которых черешок треугольный в поперечном сечении. Длина их 1,6—2,7 см. Среди других типов наконечников можно отметить треугольные с прямым основанием, треугольные с небольшой выемкой в основании, листовидной формы. Все они небольших размеров (длиной 1,3—2,4 см) (см. рис. 2, 28—34). Ножи представлены несколькими экземплярами. Obsидиановый нож (см. рис. 2, 1) листовидной формы с линзовидным поперечным сечением мог использоваться в качестве вкладыша. Он обработан двусторонней ретушью, с одной стороны ретушь имеет диагонально направленные фасетки, с противоположной — широкие и короткие. Лезвие ножа частично подправлено вторичной мелкой ретушью. Длина его 2,8 см. Второй нож сделан на скелетной площадке нуклеуса (см. рис. 2, 2). Его передний край заострен и обработан двусторонней ретушью. Длина ножа 3,2 см, ширина в центральной части 1,3 см.

Еще один нож сделан на пластине, у которой на дорсальной поверхности сохранились грани первоначальных сколов. Лезвие ножа, слегка изогнутое в профиле, по направлению к переднему концу сужается, кончик его обломан. Края лезвия односторонне обработаны, причем один — крутой ретушью с дорсальной поверхности, другой — более пологой ретушью — с вентральной. Оба края подправлены вторичной мельчайшей ретушью. Лезвие ножа от рукоятки отделено асимметрич-

⁵ Коллекция каменных орудий, собранных В. Г. Вороновым, хранится в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск).

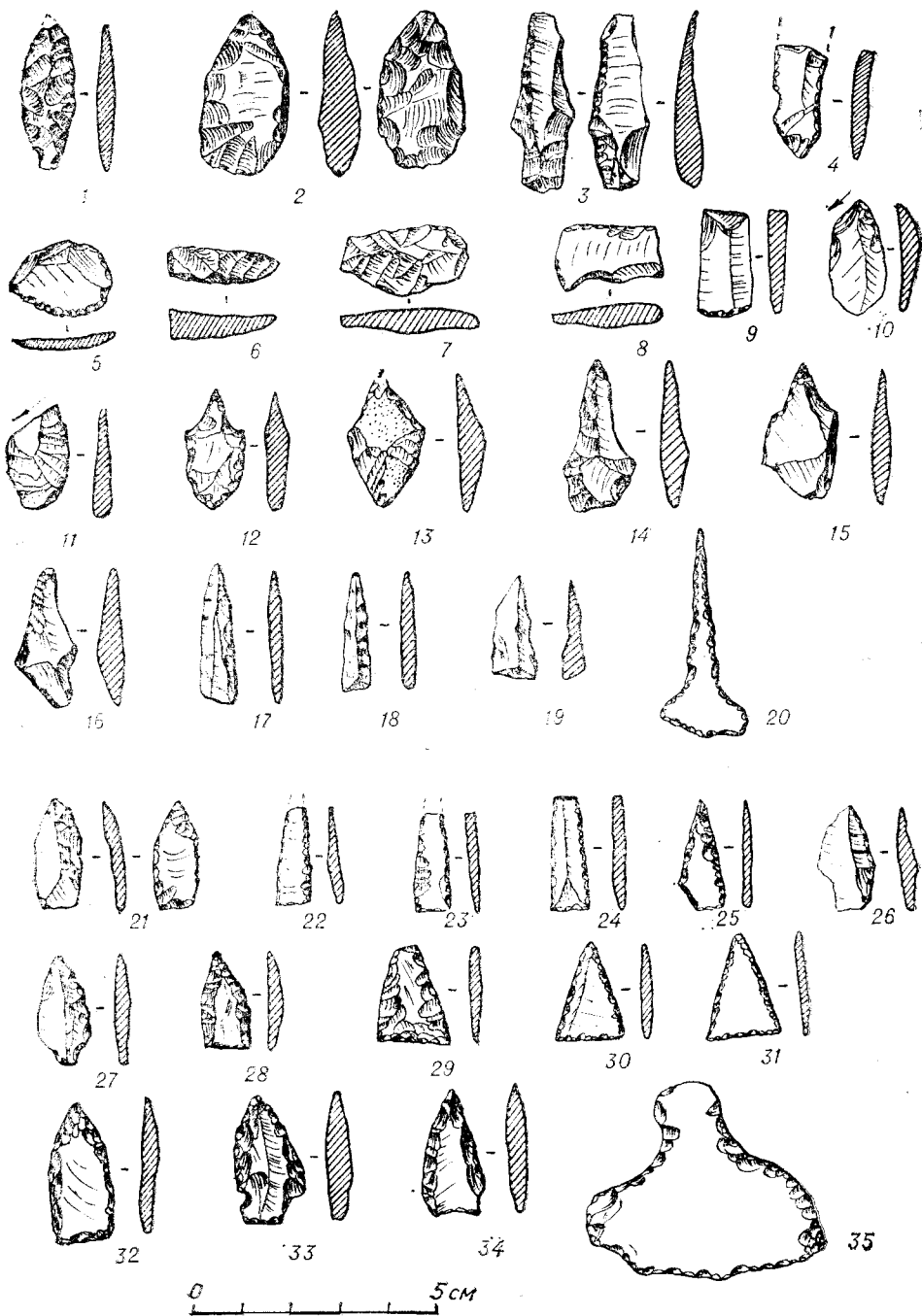

Рис. 2. Каменные изделия с о. Итуруп.

ными плечиками. Рукоятка двусторонне обработана. Длина сохранившейся части орудия 3, 4 см (см. рис. 2, 3). Несколько ножей представлены фрагментами. Три из них относятся к типу вкладышевых двусторонне ретушированных ножей (см. рис. 2, 6—7), четвертый, от которого сохранилось основание, сделан из кремневой породы и может быть отнесен к типу так называемых «кнопочных» ножей. В основании его имеется небольшая приостренная головка («кнопочка»), отделенная от лезвия небольшими боковыми выемками. Нож обработан краевой двусто-

ронней ретушью. Длина фрагмента 2,2, ширина 1,1 см (см. рис. 2, 4). Скребок три. Один из них на пластинчатом отщепе обработан со всех сторон краевой ретушью (см. рис. 2, 5), другой — концевой типа из ножевидной пластинки (см. рис. 2, 9), третий — с рукояткой-черешком (см. рис. 2, 35). Скобель один. Он изготовлен на фрагменте пластинки, у которой вдоль одного бокового края образована овальная выемка, оформленная крутой мелкой ретушью (см. рис. 2, 8). Большую группу изделий составляют проколки. Они делятся на три типа. К первому типу относятся плечиковые проколки, изготовленные из отщепов. Острия орудий обработаны противоположной ретушью и отделяются от основания четко выраженными плечиками-уступами. Таких прокопок 5 экземпляров. У четырех из них боковые края основания также ретушированы (см. рис. 2, 12, 13). Одна проколка может быть определена как лабретковидная иголка (см. рис. 2, 20). Ко второму типу относятся длинные узкие проколки с треугольным, а иногда почти круглым в поперечном сечении острием. Большинство из них сделано из ножевидных пластин. В коллекции имеется 9 таких прокопок. Длина их колеблется от 1,7 до 2,6 см, ширина основания от 0,4 до 0,6 см (см. рис. 2, 17, 18). К третьему типу относятся пять прокопок, сделанных из отщепов. Они имеют широкое бесформенное основание и длинное толстое острие (см. рис. 2, 14—16).

Изделия этой группы, судя по сработанности, использовались не только как проколки, но и как провертки.

Своеобразную группу составляют резцы. Изготовлены они не из пластинок, а из фрагментов орудий и небольших пластинчатых отщепов. Резец (см. рис. 2, 11) сделан из фрагмента ножа. Его лезвие образовано резцовым сколом и краем орудия, обработанным двусторонней мелкой ретушью. Второй резец сделан из пластинчатого отщепя. Лезвие его образовано двумя сколами, один из которых ретуширован (см. рис. 2, 10). У третьего резца лезвие образовано двумя сколами, направленными сверху вниз. Кроме того, в коллекции имеется несколько мелких отщепов, в том числе пластинчатых с продольной гранью на дорсальной поверхности, и одна микропластинка.

Сравнивая этот материал с археологическими материалами других соседних территорий, можно видеть, что полностью идентичных комплексов ему нет. Отдельные признаки его встречаются в Приморье, Приамурье, на Камчатке, в Японии, причем в культурах различного возраста. Сопоставим наиболее характерные типы орудий (наконечники стрел, ножи, скребки). Ближайшие аналоги им обнаруживаются на Японских островах. На Хоккайдо на некоторых стоянках, относящихся к финальной стадии мезолита, часто находят наконечники стрел из мелких ножевидных пластинок, края и кончики у которых обработаны крутой ретушью. Они встречаются там и на стоянках культуры ранний дзёмон, возраст которой 6800 ± 225 , 5190 ± 70 лет⁶.

Наконечники эти напоминают итурупские и могут быть с ними сопоставимы. Там же, в культуре ранний дзёмон, находят аналоги knobчатые ножи, плечиковые проколки, треугольные наконечники стрел с заостренным черешком ромбического поперечного сечения. Последние встречаются на Хоккайдо и в более ранних докерамических комплексах⁷.

Заслуживают внимания параллели с каменными орудиями Приморья. Наиболее полно они прослеживаются в комплексе кремневых изделий стоянки Пхусун. Здесь имеются близкие итурупским наконечники стрел на пластинках с черешком, двусторонне ретушированные ножи, ножи вкладышевого типа, концевые скребки⁸. Некоторые из этих

⁶ Чард Ч. С., Морлан Р. Е. Абсолютная хронология каменного века Японии, с. 109—131.

⁷ History of Japan, vol. 1, 1967, p. 30.

⁸ Окладников А. И. Древнее поселение в бухте Пхусун. — «Археология и этнография Дальнего Востока», Новосибирск, 1969, вып. 1, рис. 3, 5, 7.

аналогий повторяются в материалах раннеолитической культуры на Камчатке (IV—III тыс. до н. э.)⁹.

Весьма важно, что итурупский комплекс каменных изделий генетически связывается с устиновской (тадушинской) мезолитической культурой, в которой наиболее ярко проявляются традиции пластинчатой техники¹⁰. Эту связь можно рассматривать и как свидетельство определенной роли устиновской культуры в формировании ранних культур Сахалина (Имчин) и Курильских островов (итурупский комплекс каменных изделий).

Рассмотренные сопоставления показывают, что большинство специфических изделий с Итурупа находят аналогию в мезолитических, докерамических или раннеолитических комплексах, возраст которых колеблется от VIII до III тыс. до н. э. Однако наличие в итурупском комплексе наряду с архаическими изделиями вещей явно позднего происхождения (треугольные двусторонне ретушированные наконечники стрел, некоторые типы проколов, пожеи) не позволяет датировать его столь ранним временем. По-видимому, мы имеем дело с бескерамическим раннеолитическим комплексом, в котором еще сильно сохраняются старые традиции. Поэтому более правильно представляется отнести комплекс каменных изделий с Итурупа к концу III—началу II тыс. до н. э. Отсутствие здесь целого ряда изделий, характерных для финальной стадии докерамических культур Хоккайдо, может объясняться, с одной стороны, тем, что рассматриваемый комплекс имеет пережиточный характер, с другой — что развитие материальной культуры на Курилах вследствие их изоляции в этот период проходило независимым путем. Этот бескерамический комплекс, таким образом, представляет в настоящее время наиболее раннюю стадию культурного развития на Курильских островах. Его архаические орудия несут отпечаток культурных традиций, происходящих с материка, из Приморья.

Появление таких традиций на Курильских островах, по-видимому, связано с той миграционной волной с материка, которая в мезолите захватила Хоккайдо. Распространение их из Приморья, возможно, проходило через Татарский пролив, Сахалин, Хоккайдо и в дальнейшем на Курилы. Свидетельством этого могут являться находки каменных орудий на р. Имчин на Северном Сахалине, в которых в большей степени проявляются отпечатки мезолитических традиций материковой Азии.

Во II тыс. до н. э. на основе этой бескерамической культуры при южном влиянии на Курильских островах складывается культура развитого неолита. Появляются глиняная посуда, шлифованные топоры, тесла, а также целые серии разнообразных по форме двусторонне ретушированных ножей, наконечников стрел, дротиков, копий, скребков. Богаче и лучше памятники этого времени представлены на Южных Курилах — Кунашире, Итурупе, Урупе. Поэтому культуру эту можно назвать южно-курильской неолитической культурой. К ней относятся нижние слои стоянок Алёхино, Отрадное, Третьяково, Серноводск, Южно-Курильск на Кунашире, Касатка, Курильск, Ясное, Рейдовое на Итурупе, а также коллекция каменных орудий и керамики из бухты Алеутка на Урупе¹¹. Стоянки эти, как правило, располагаются в устьях небольших речек, на прибрежных дюнах морских террас и часто сопровождаются напластованиями раковин моллюсков, среди которых встречаются кости ластоногих. Каменный инвентарь, собранный на стоянках, очень обилен. Он представлен наконечниками стрел, копий, ножами, скребками, проколками,

⁹ Диков Н. Н. Древние культуры Камчатки и Чукотки. Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1971, с. 18—19.

¹⁰ Окладников А. П. Древнее поселение на р. Тадуши., с. 365, 370.

¹¹ Чубарова Р. В. Неолитическая стоянка на острове Итурупе. — «СА», 1960, № 2, с. 128—138; Голубев В. А. Древние культуры Курильских островов. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 218—225.

топорами, теслами. Все эти орудия изготовлены из базальта, обсидиана, кремневых пород кремневых и малиновых по цвету. Особенно много наконечников стрел. В основном это мелкие наконечники (1,2—1,7 см длины), но встречаются также наконечники средних размеров (2,7—3,2 см длины). По форме они подразделяются на несколько типов: двусторонне ретушированные треугольные с прямым основанием, треугольные с вогнутым основанием, черешковые с треугольным заостренным черешком и с прямым черешком, листовидные, ромбической формы, треугольные с небольшими боковыми выемками у основания, а также частично ретушированные треугольной формы (рис. 3). Наконечники копий и дротиков также имеют различные формы. Среди них встречаются листовидные с уплощенным основанием, треугольные с прямым черешком-насадом, черешковые с овально-выпуклым насадом, треугольные с прямым, вогнутым или овально-выпуклым уплощенным основанием. Характерной чертой этой культуры являются разнообразные типы ножей. Это прежде всего двусторонне ретушированные ножи с овально-выпуклым лезвием и выделенной рукояткой, так называемые горбатые ножи, ножи с треугольным или широким округлым лезвием и прямой рукояткой-насадом, асимметричные ножи, ножи листовидной формы, ножи с шейкой-перехватом у основания, ножи удлинненно-овальной формы двусторонне ретушированные и частично ретушированные, ножи треугольной формы, сегментовидные, подчетырехугольные (рис. 4, 1—7). Многочисленную группу составляют скребки и скребла. Они делятся на несколько типов. Характерны скребки с боковыми ушками, иногда одним, скребки грушевидной формы (см. рис. 4, 11), концевые скребки. Последние различаются между собой по форме. Часто одни из них имеют округлый рабочий край, оформленный крутой затупливающей ретушью, и высокую спинку. Длина таких скребков 5,2—3,8—35 см. Другие — с прямым рабочим краем, обработанным под углом 90°. Они меньше по размеру (2—1,6 см длины) и более плоские.

Встречаются также скребки с четко выделенной рукояткой-черешком, оформленным по краям мелкой ретушью (см. рис. 4, 9), клювовидные скребки, у которых рабочий край, оформленный тонкой ретушью, приострен и как бы оттянут вниз (см. рис. 4, 10), дисковидные скребки, обработанные тщательной ретушью, разнообразные асимметричные скребки на отщепках и сколах. Имеется несколько массивных скребковых инструментов на крупных отщепках. Два их боковых края, обработанных крутой ретушью, соединяясь почти под прямым углом, образуют своеобразный выгиб, подправленный вторичной ретушью (см. рис. 4, 8). По-види-

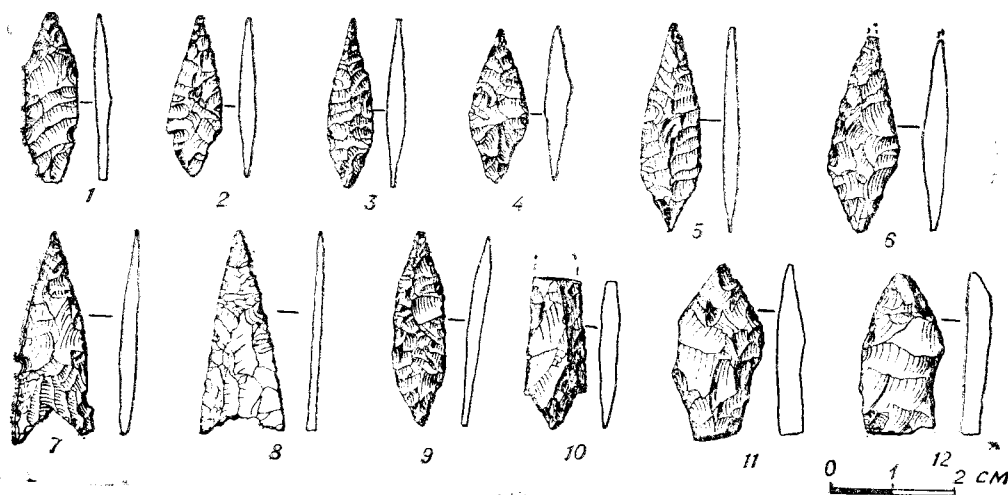

Рис. 3. Каменные наконечники стрел с Курильских островов.

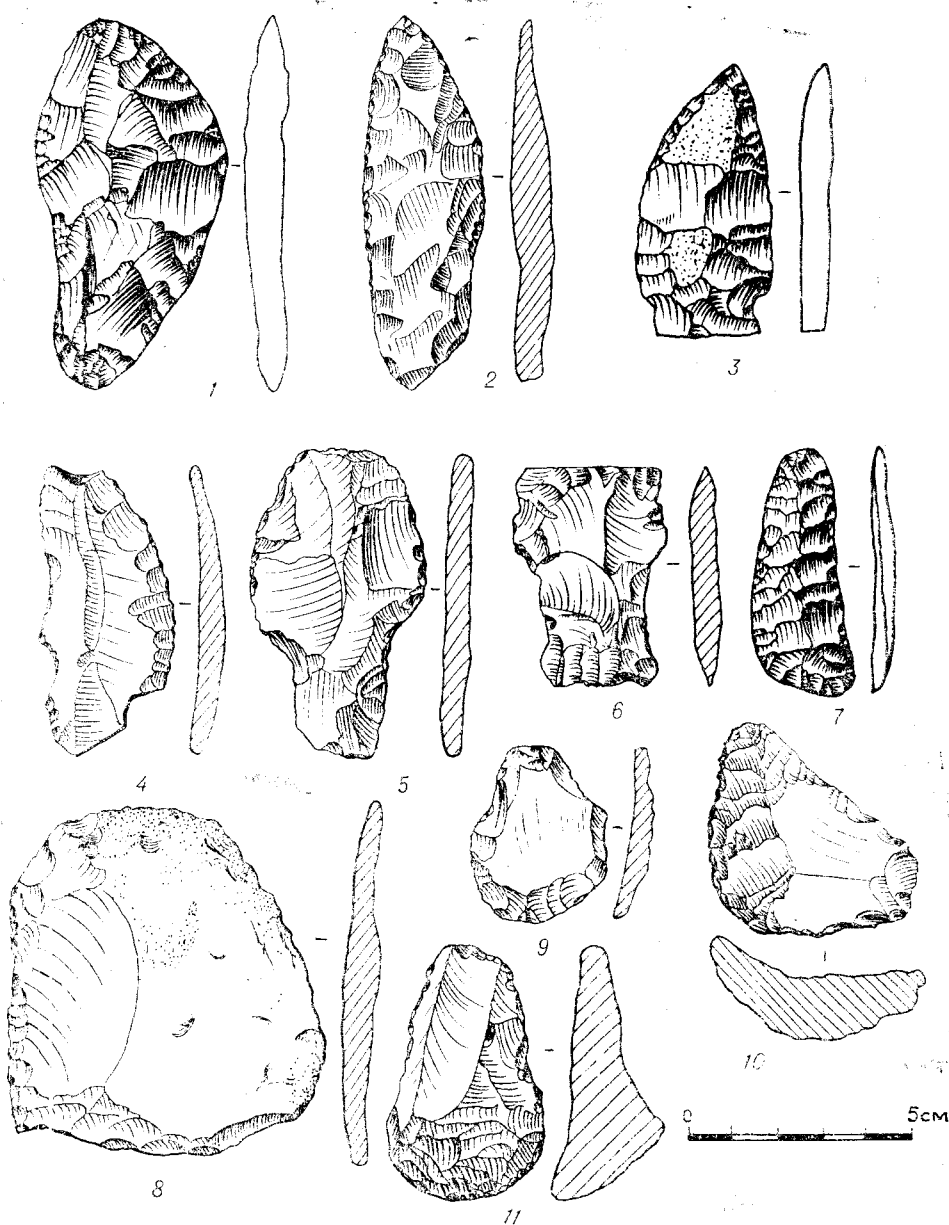

Рис. 4. Каменные орудия с Курильских островов.
1—7 — похи, 8 — скребковидный инструмент; 9—11 — скребки.

тому, эти инструменты предназначались для каких-то специальных работ. Среди комбинированных орудий отмечаются скребки-скребки-резчики.

Крупные рубящие и ударные орудия представлены теслами, топорами, долотовидными инструментами. Наиболее характерные долотовидные орудия подчетырехугольной формы с неправильно-линзовидным уплощенным поперечным сечением. Все они небольших размеров (7—8 см длины), сделаны из темно-серого базальта. Обухок, а иногда и края обработаны крупными сколами, широкие плоскости и лезвие зашлифованы (рис. 5, 1). К этой же группе долотовидных инструментов относятся оригинальные орудия подчетырехугольной формы с рабочими лезвиями на обоих кон-

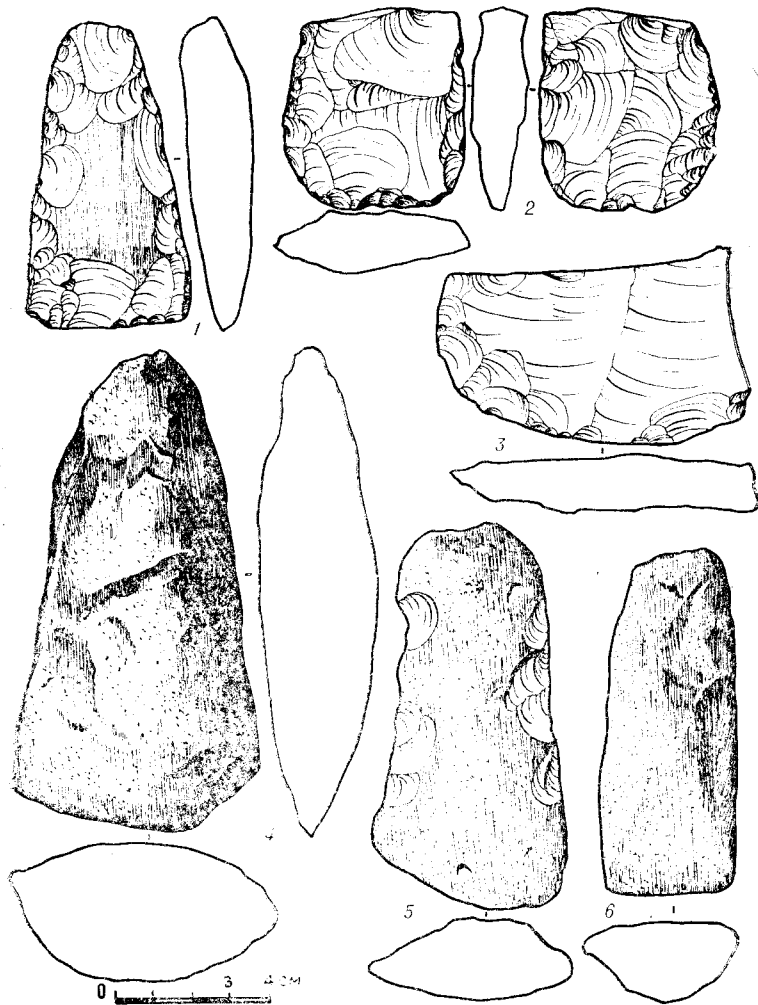

Рис. 5. Крупные рубящие каменные орудия со стоянки у г. Курильска, о. Итуруп.

нах. Лезвия их по краю обычно подшлифованы. Такие орудия встречаются очень широко, иногда целыми сериями. Находки их известны на Камчатке, в Алёхино, Третьяково (Голубев, 1970), в Курильске (сборы А. П. Окладникова в 1965 г.)¹². Тесла представлены в основном трех типов. К первому относятся односторонне выпуклые, продолговатые орудия подчетырехугольной формы с подтреугольным поперечным сечением. Они могут быть полностью шлифованными или частично, с обработкой по краям сколами (см. рис. 5, 5, 6), ко второму типу относятся треугольные по форме тесла с неправильно-лизовидным поперечным сечением, с незначительной асимметричностью в профиле. Рабочий край у них прямой и обработан крупными сколами. Широкие плоскости обычно зашлифованы.

К третьему типу относятся полностью оббитые тесловидные орудия с подпрямоугольным поперечным сечением (см. рис. 5, 2). Топоры встречаются реже. Можно отметить два вида: четырехугольной формы с округленным обухом и прямоугольным поперечным сечением и удлиненно-

¹² Материалы раскопок Курильского отряда Дальневосточной экспедиции 1965 г. хранятся в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР.

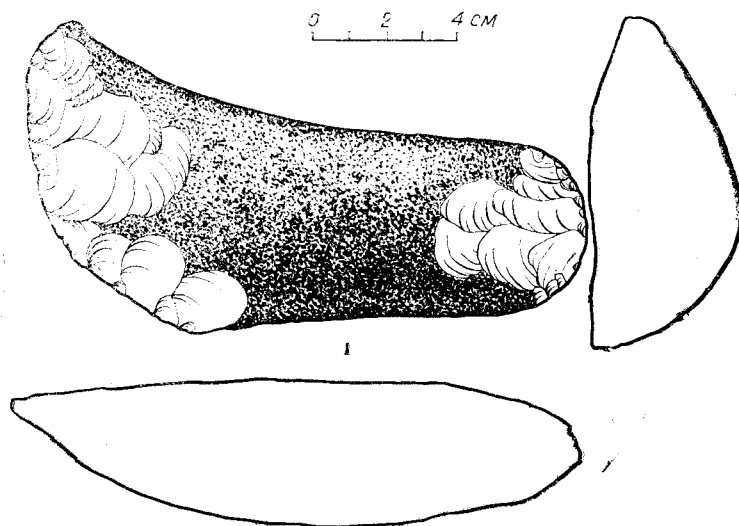

Рис. 6. Каменное орудие типа сечки, стоянка у г. Курильска, о. Итуруп.

треугольной формы с широким лезвием и выпукло-линзовидным сечением (см. рис. 5, 4). Орудия эти по лезвию и широким плоскостям хорошо отшлифованы.

В коллекции из Курильска имеется, кроме того, крупное рубящее орудие, изготовленное из массивной гальки. Его округлое выпуклое лезвие, обработанное сколами, напоминает сечку (рис. 6).

Из других каменных изделий отмечаются находки проколов, в том числе плечикового типа с ретушированными рукоятками, отжимников и отбойников, сделанных из продолговатых галек, грузил из округлых галек, оббитых галек, у которых лезвие иногда затесано подобно чопперу, аморфных нуклеусов. На касаткинской стоянке найдена также одна подвеска, выточенная из нефрита. Японский археолог О. Баба, рассматривая материал, собранный на стоянках островов Шумшу и Парамушир, сообщает о находках лабреток на о. Уруп в комплексе каменных орудий, аналогичных рассмотренным выше¹³. К сожалению, точных привязок они не имеют.

Характерным признаком этой культуры являются глиняные сосуды. Фрагментов керамики найдено очень много. Наиболее типичны для рассматриваемых стоянок большие и толстостенные сосуды с узким и плоским дном ярко-коричневого цвета. Форма таких сосудов очень своеобразна. Узкие внизу, они потом плавно расширяются кверху, образуя подобные вазы или чаши (рис. 7). Сделаны такие сосуды способом лепточного налета из плотной, хорошо промешанной глины с незначительной примесью песка. Толщина стенок 1,1—1,4 см. Внешняя поверхность сосудов покрыта сплошными веревочными оттисками, а верхняя часть в дополнение к этому украшена широким орнаментальным поясом, состоящим из рельефных валиков. Венчики обычно сложные, с рельефными выступами, но встречаются и простые венчики с утолщением по краю. Встречено несколько целых таких сосудов. Наряду с этими пышно орнаментированными сосудами были и другие, более простые. Внешняя поверхность их, судя по находкам фрагментов, также покрывалась веревочными оттисками, но в отличие от рассмотренных выше верхняя часть сосудов украшалась рядами круглых вдавлений-ямков¹⁴.

¹³ Baba O. Archaeological excavations on Shumushu Island, Northern Kuriles, 1934. — «Archives of Archaeology», 1960, № 7, p. 220—226.

¹⁴ Чубарова Р. В. Неолитическая стоянка на острове Итуруп, рис. 9.

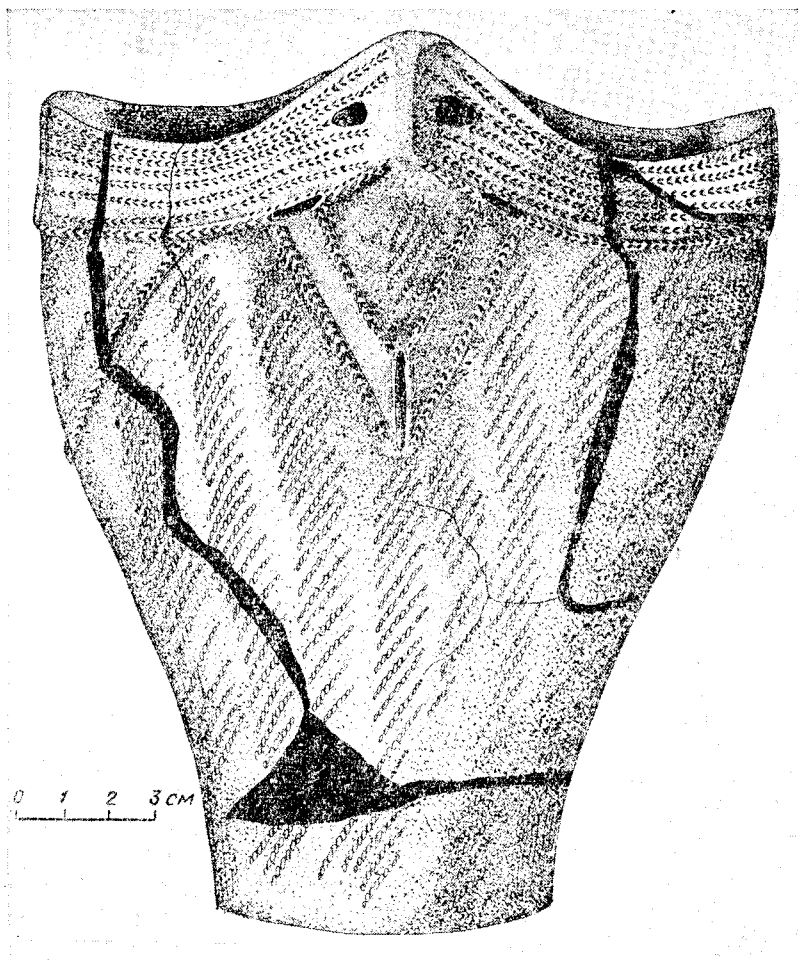

Рис. 7. Глиняный сосуд со стоянки Алехино, о. Кунашир.

В коллекциях с некоторых стоянок вместе с керамшкой с веревочными оттисками находятся фрагменты сосудов с гладкими стенками, украшенными налещными полосами. Это, по-видимому, более поздняя керамика.

В ряде мест на Курилах сейчас стратиграфически зафиксированы чистые комплексы керамики с веревочными оттисками. По наблюдениям, например, А. П. Окладникова, на правом берегу р. Курилки, у г. Курильска, в разрезе одного из песчаных холмов высотой около 15 м зафиксирована замечательная по четкости стратиграфическая картина. Под высокой «шапкой» светло-серого эолового песка прослеживаются горизонтальные гумусированные прослойки (погребенная почва, чередующаяся с желтовато-серыми прослойками песка). Здесь выделяются три культурных слоя. Находки керамики с веревочными оттисками связаны с самым нижним слоем погребенной почвы, отделенным от вышележащих слоев стерильной прослойкой песка¹⁵.

Каменный инвентарь и керамика встречаются обычно на местах древних жилищ. На ряде стоянок (Серноводск, Алехино, Курильск) обнаружены остатки и самих жилищ. Это были округлые или прямоугольные

¹⁵ Окладников А. П. Полевой дневник Курильского археологического отряда Дальневосточной экспедиции 1965 г. Архив сектора археологии и этнографии Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

(почти квадратные) с закругленными углами в плане полуподземные жилища с боковым выходом коридорного типа. В центре таких жилищ сооружался округлый или прямоугольный очаг, выложенный камнями, иногда очаг был смещен несколько в сторону. Основанием жилища служил котлован размером 3—5 м и глубиной до 60—80 см. Стенки таких котлованов были почти вертикальными¹⁶.

Для определения возраста этой культуры важным индикатором является керамика. Узкодонные вазообразные глиняные сосуды со сложным рельефным венчиком, сплошь покрытые веревочными отпечатками, оказываются во многом близкими и по форме, и по орнаментации с глиняными сосудами неолитических культур Японии среднего и позднего дзёмона. Особенно они сближаются с сосудами культур Убаяма (конец среднедзёмонского периода) и Хориноучи (начало позднего дзёмона)¹⁷.

Это сходство в керамике дополняется также аналогиями в каменном инвентаре. В материалах культуры Убаяма имеются сходные с курильскими треугольные наконечники стрел с выемчатым основанием, черешковые с заостренным черешком, плоские и узкие долота¹⁸. В культуре Хориноучи находят аналогии треугольные наконечники стрел с прямым основанием, скребки с черешком рукояткой, плечиковые проколки с ретушированными рукоятками¹⁹.

Общий облик этих культур прослеживается в топографии стоянок в форме полуподземных жилищ, а также в наличии на стоянках раковинных куч. Так, стоянка Убаяма связана с раковинной кучей, расположенной около г. Ичикава, на о. Хонсю, а стоянка Хориноучи с раковинной кучей у дер. Кокубун, также на Хонсю. Все это говорит об определенной хронологической близости этих культур. По анализу угля из раковинной кучи Убаяма в последнее время получены две радиоуглеродные даты: 1) средняя арифметическая дата от 4546 ± 220 , 4850 ± 270 , 3938 ± 500 лет; 2) 4513 ± 300 лет. Возраст Хориноучи по радиоуглероду определяется в 3780 ± 150 лет. Примерно такой же возраст имеют и стоянки позднего дзёмона на о. Хоккайдо. Радиоуглеродная дата для поселения Уэноэ (о. Хоккайдо) — 3230 ± 160 лет — подкрепляется обсидиановой датой — 1500 лет до н. э., полученной при анализе покей со стоянки Вакоаи²⁰.

Исходя из этих датировок и учитывая, что каменный инвентарь и керамика курильских стоянок при общем сходстве отдельных элементов с материалом неолитических стоянок Японии все же не являются полностью идентичными им и обладают своеобразием, неолитическую культуру Курильских островов можно датировать II — началом I тыс. до н. э.

Такая датировка подтверждается и рядом аналогий. Так, типичными для неолитической южнокурильской культуры являются двусторонне ретушированные ножи с выделенной рукояткой, горбатые ножи. Точно такие ножи известны на Сахалине в материалах стоянки Стародубское II—II — начало I тыс. до н. э.²¹, на стоянке о. Недоразумения — II — начало I тыс. до н. э.²², на Камчатке в материалах тарьинской культуры²³. Ножи с шейкой-перехватом у основания снова встречаются на Камчатке

¹⁶ Окладников А. П. Полевой дневник Курильского археологического отряда Дальневосточной экспедиции 1965 г. Архив сектора археологии и этнографии Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

¹⁷ Sugichara S. The Archaeological Museum of Meiji University, Tokyo, 1968, p. 41; Groot G. The Prehistory of Japan. Tokyo, 1951, p. 57—63.

¹⁸ Groot G. Op. cit., tab. XLI, XLV.

¹⁹ Sugichara S. Op. cit., p. 16.

²⁰ Чард Ч. С., Морлан Р. Е. Указ. соч., с. 120—121, 128, 133.

²¹ Козьрева Р. В. Указ. соч., рис. 4.

²² Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971, табл. III, XI.

²³ Руденко С. И. Культура доисторического населения Камчатки. — «Сов. этнография», 1948, № 1, табл. XI.

в тарьинской культуре²⁴, на Охотском побережье среди каменных орудий стоянки о. Недоразумения²⁵. Там же, на о. Недоразумения, находятся аналогии специфическим двулезвийным орудиям, треугольным и листовидным наконечникам стрел, черешковым и дисковидным скребкам²⁶. Каменные топоры и тесла основных типов находят аналогии на Сахалине на стоянке Стародубское II²⁷, на Камчатке в материалах тарьинской культуры²⁸, в жилищах п-ова Песчаного у Владивостока, которые датируются рубежом II—I тыс. до н. э.²⁹, на поселении Гладкая в Приморье—II тыс. до н. э.³⁰.

Поиски аналогий можно было бы продолжить. Но уже приведенные примеры достаточно убедительно свидетельствуют, что неолитическая южно-курильская культура развивалась синхронно с культурами сопредельных территорий. Ее развитие, как показывают рассмотренные аналогии, проходило в условиях широких контактов с этими соседними культурами. Наиболее четко культурные связи прослеживаются с Японскими островами, Сахалином, Приморьем, Охотским побережьем, Камчаткой. Связи эти распространялись и дальше на северо-восток и, по-видимому, достигали Алеутских островов. В материалах Чалуки на о. Умнак имеются близкие с курильскими ножи с шейкой-перехватом у основания, узко- и ширококлинковые ножи с насадом-рукояткой, наконечники копий или дротиков с прямым насадом, листовидные наконечники, скребки с боковыми ушками, скребки с рукояткой-черешком³¹, а также лабреточные украшения. Весьма интересно, что большинство аналогий каменному инвентарю Курильских островов находится в культурах северных территорий, в то время как керамика близка неолиту Японских островов. Существенно при этом, что неолитические культуры Охотского побережья, Камчатки, Алеутских островов, т. е. те культуры, с которыми наиболее полно параллелизуется каменный инвентарь Курил, были бескерамическими. И если, отбросив курильскую керамику, сопоставлять с северными культурами только комплексы каменных изделий Курильских островов, то можно видеть, что они удивительно близки, и по ряду определяющих элементов их сходство доходит до полного тождества. Такое большое сходство не может быть случайным. Оно свидетельствует о значительной близости курильской неолитической культуры культурам Охотского побережья, Камчатки, Алеутских островов.

Сказанное позволяет предполагать, что названные культуры развивались на общей исходной исторической почве и, очевидно, входили в единую культурную область.

²⁴ Руденко С. И. Указ. соч., табл. XI.

²⁵ Васильевский Р. С. Указ. соч., табл. III.

²⁶ Там же, табл. I, IV, V.

²⁷ Козырева Р. В. Указ. соч., рис. 5.

²⁸ Руденко С. И. Указ. соч., табл. IX, X.

²⁹ Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. М.—Л., 1963, табл. 3, 6.

³⁰ Окладников А. П. Древнее поселение на левом берегу р. Гладкая.— В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964, рис. 2.

³¹ Denniston C. Cultural Change at Chaluka, Umnak Island: Stone artifacts and features.—«Arctic Anthropology», 1966, vol. 3, № 2, fig. 9, 11, 12, 16.

ПОГРЕБЕНИЕ В НОРОВЛИН УУЛА (МОНГОЛИЯ)

Монголия, особенно южные и восточные ее районы, исключительно богата памятниками каменного века. В 1962—1972 гг. работами монгольских археологов и исследованиями советско-монгольских экспедиций под руководством А. П. Окладникова на юге и востоке МНР выявлены многие десятки неолитических памятников, открыто поселение с долговременными жилищами, обнаружены и обследованы впервые в Монголии погребения эпохи неолита. Новые памятники существенно расширяют наши представления о своеобразной культуре неолитических племен, об основных направлениях исторического процесса в этой обширной части Центральной Азии. Вместе с тем добытые в последние годы экспедициями материалы представляют собой преимущественно сборы с дюнных стоянок, как правило, лишенных четкой стратиграфии, что, естественно, затрудняет решение многих вопросов развития монгольского неолита. Поэтому открытие в Монголии новых неолитических погребений, исследование определенных комплексов приобретает особое значение. Об одном из них и пойдет речь в нашей статье.

Летом 1972 г. в местности Норовлин уула, в 72 км от г. Чойбалсана, вверх по правому берегу р. Керулеп участник геологической экспедиции В. П. Дергач открыл разрушающееся погребение. Яркие и своеобразные находки, привезенные В. П. Дергачем в Улаан-Батор, сразу привлекли наше внимание, и было решено тщательно обследовать место их обнаружения¹. Норовлин уула — гряда невысоких холмов, вплотную подступающая к р. Керулеп. Северные песчаные склоны Норовлин уула, обрываясь к реке, образуют уступ, составляющий вторую надпойменную террасу, которая на всем своем протяжении изрезана глубокими промоинами и оврагами. В одной из промоин, в 30 м от ее устья, в западном борту и находились остатки погребения. Из стенки промоины торчали окрашенные красной охрой кости человека. Четким красным пятном выделялась могильная яма. На дне оврага валялись осыпавшиеся кости таза, обломки бедренной кости и правое предплечье. Именно здесь с осыпи В. П. Дергач поднял каменный амулет и 2 подвески из клыков кабана. Однако, как выяснилось в дальнейшем, разрушилась и обвалилась лишь небольшая часть могильной ямы. Погребение сохранилось почти полностью.

Могила внешних признаков не имела. При зачистке сверху только на глубине около 1 м, после того как был пройден слой темного гумусированного песка и начался светло-желтый песок, выявились контуры могильной ямы. Заполнение ее выглядело несколько темнее и содержало вкрапления охры. Размеры сохранившейся части могильной ямы 75 × 70 см. В плане она имела круглую или овальную форму. На глубине 1,6 м от современной поверхности, на охристой подстилке лежал скелет человека. Сверху кости также густо засыпаны охрой. Погребенный был помещен в могилу, по всей вероятности, в скорченном положении, сидя. Под давлением земли кости несколько сместились. К моменту раскопок верхняя часть костяка слегка развернулась, лежала на левом боку и была ориентирована черепом на северо-запад. Кости ног, согнутых в коленях, находились под грудной частью скелета и были плотно прижаты к ней (рис. 1).

При расчистке погребения собрано около 3000 мелких цилиндрических бусин диаметром 1,5—2 мм, изготовленных из белой пасты. Этот пастовый бисер буквально слоем покрывал костяк. Особенно много его

¹ В работе помимо автора настоящей заметки приняли участие доктор ист. наук Н. Сэр-Одзав, фотограф Ю. В. Устинов и водитель В. П. Дергач.

было возле черепа. В районе шейных позвонков найдены более крупные пастовые бусы шаровидной формы, полые внутри. Здесь же встречены 2 (одно целое и одно в обломках) цилиндрических кольца из белого материала, с насечками по краю и щитками, украшенными разными треугольниками. Возле лица (ближе к кисти левой руки) найдены обломок привески из клыка кабана и несколько плоских овальных бусин или подвесок с отверстием по краям. Одна из сторон этих плоских бусин покрыта узором в виде вертикальных бороздок. Иногда они общими очертаниями напоминают бусы из клыков марала. Рядом с ними, на костях сохранившегося предплечья левой руки, плотным скоплением лежало 10 подвесок из клыков кабарги (рис. 2). Под рукой, ближе к груди, обнаружен двухлезвийный кинжал. Основа кинжала костяная, длиной 28 см, по краям ее вырезаны специальные пазы, в которые вставлены кремневые вкладыши. Конец лезвия обломан. В верхней части рукоятки имеется отверстие, очевидно, для подвешивания кинжала.

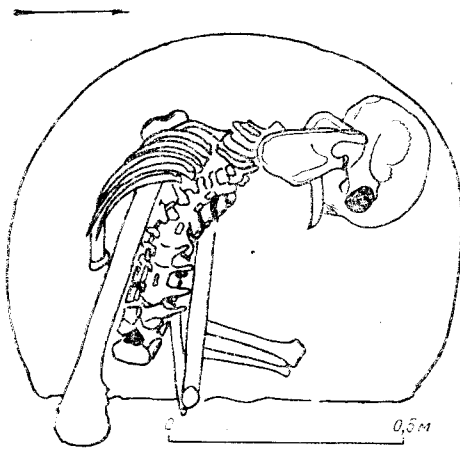

Рис. 1. План погребения.

Под плечом отдельной кучкой лежал набор кремневых пластин: 2—крупные, длиной 10,5 см, без следов дополнительной обработки и 6 миниатюрных пластинок с ретушью по краю. Последние идентичны вкладышам кинжала. Кстати, одна точно такая же мелкая ножевидная пластинка, но без ретуши находилась почему-то прямо на черепе. Между этим набором пластин и плечевой трубчатой костью обнаружено 7 уплощенных бляшек, изготовленных, по видимому, из крупной раковины во всяком случае из материала, легко расслаивающегося, с радужной поверхностью.

Две бляшки—круглые с отверстием в центре и радиальными насечками. Две зооморфные бляшки— в виде фигурок кабана или медведя, с парными отверстиями в верхней части. Фигурки очень схематичны— непропорциональная крупная голова с округлым ухом, выпуклый «отвислый» живот и короткие ножки животного едва намечены. Наконец, три остальные бляшки, как и первые две, были округлой формы, но наружный край их обрамлен зубчатыми выступами. Один из выступов бляшки, имеющий прямоугольные очертания, оформляет ее верх. Возле выступа просверлено 2 сквозных отверстия. При помощи этих отверстий бляшки нашивались, видимо, на одежду.

Перечисленными выше предметами не исчерпывается инвентарь, сопровождавший погребение. Как уже упоминалось, в обвалившейся части погребения найдены 2 серповидные подвески из продольно расщепленных клыков кабана и каменный амулет. Амулет представляет собой плоский каменный пест длиной 22,5 см, линзовидный в поперечном сечении, с заостренной вершиной и нижним концом. В верхней части его имеется небольшое сквозное отверстие. Камень светло-серый, мелкозернистый по структуре, хорошо зашлифован. Одна плоскость его гладкая, вторую, противоположную, целиком занимает изображение человеческого лица. Крупными резными линиями прорисованы брови. Овальными, почти круглыми углублениями переданы глаза, обрамленные таким же округлым валиком. Легким рельефом намечены выпуклости щек, отделенные впадинами от носа. Нос длинный, прямой, несколько расширяющийся внизу, выступает на плоскости камня. Закачивается он поперечным выпуклым валиком, который, видимо, передает линию усов или чрезмерно

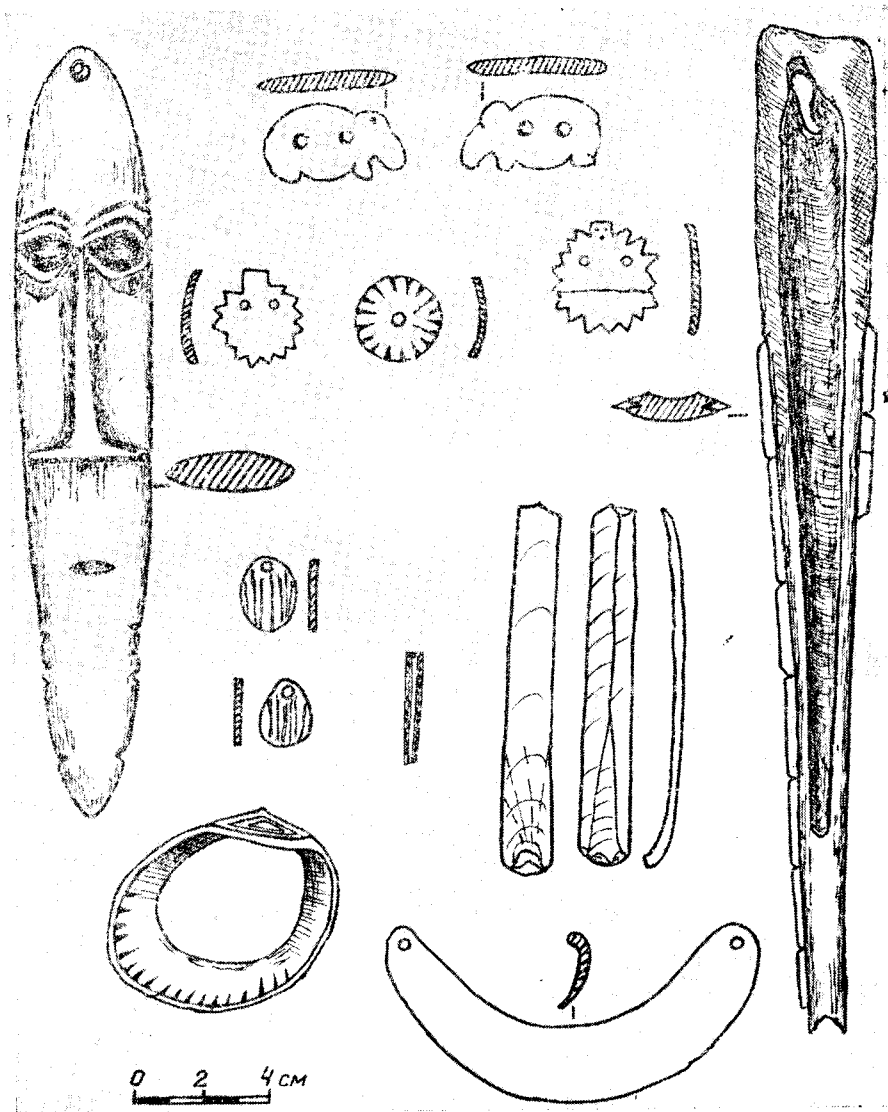

Рис. 2. Находки из погребения в Поровани уула.

широких крыльев носа. Под ним находятся два коротких вертикально расположенных выступа и еще ниже — маленький рот в виде узкого мшидалевидного углубления. Нижняя часть лица непропорционально вытянута. Поэтому создается впечатление, что здесь мы имеем дело с изображенным человеком с бородой. В нижней же части амулета, на заостренных его краях, вырезаны четыре ряда симметричных насечек. Прямое отношение к изображению человеческого лица они, вероятно, не имеют.

Как видим, в моделировке деталей лица наблюдается сочетание как графических, так и пластических приемов, а в целом — определенное тяготение к объемности изображения. Несмотря на значительный схематизм и лаконичность линий, поровлиинский портрет очень выразителен и, что любопытно, совершенно лишен характерных монголоидных черт. Большие, почти круглые, глаза, длинный прямой нос указывают, скорее, на европеоидный облик изображенного на амулете лица.

В этой связи особенно интересно было бы иметь результаты анализа антропологических материалов из погребения, тем более что кости и че-

реп хорошей сохранности, но, к сожалению, они пока еще не обработаны и антропологических определений у нас нет.

Погребение в Норовлин ууле по обряду захоронения и по разнообразию и обилию находок — редкий для Монголии памятник. Редкий, но не единственный. Три близкие по обряду погребения исследованы экспедицией под руководством А. И. Окладникова в 1968—1969 гг. также в Восточной Монголии.

Имеются в виду 2 погребения с «сидящими» костяками из Тамцак-Булака и еще одно, обнаруженное в окрестностях г. Чойбалсана, в 6 км от Дзуи-ульдзит². В последнем, как и в Норовлин, костяк был густо засыпан охрой. Находки сопровождали только одно погребение, обнаруженное под полом неолитического жилища в Тамцак-Булаке. На голове, бедренных и плечевых костях покойника лежали мелкие перламутровые бусинки. В верхней части могильной ямы найдены 2 костяных ножа. У одного из них имеется прорезь по краю, куда вставлялись каменные лезвия. Сохранилось 2 таких вкладыша, превосходно отретушированные со всех сторон. Поверхность костяных оправ хорошо отполирована. Длина их 20 см. В тамцак-булакском погребении найдено более 20 подвесок из зубов марала с отверстиями в узкой коренной части³. Это погребение в Тамцак-Булаке, находилось в четкой стратиграфической ситуации, и его неолитический возраст не вызывает сомнения.

Норовлинское погребение сходно с тамцак-булакским положением костяка, наличием вкладышевых инструментов, использованием для украшений аналогичных материалов — раковин, зубов животных (в Норовлин ууле — клыков кабана и кабарги; в Тамцак-Булаке — зубов марала). В том и другом случае это зубы диких лесных животных, указывающие на какие-то связи неолитических обитателей Восточной Монголии с лесом и лесными культурами. Все это заставляет в поисках аналогий обращаться в северные, лесные районы Сибири. И действительно, идентичные вкладышевые кинжалы и украшения из клыков кабана, кабарги и марала нетрудно отыскать в неолитических комплексах Прибайкалья⁴. Особенно показательны в этом плане пастовые цилиндрические бусы. Сходные по форме и размерам, они в изобилии встречаются в глазковских могилах по Ангаре, Лене и Селенге. Причем появляются они в Прибайкалье именно не ранее глазковского времени⁵. Правда, глазковские белые цилиндрические бусы изготовлены, как выяснилось, не из пасты, а из пирофиллита, но и норовлинские названы нами «пастовыми» условно — специального анализа их не производилось.

Прежде всего с глазковскими антропоморфными изображениями должен сопоставляться также каменный амулет из Норовлин уула. Несмотря на резкое своеобразие норовлинского портрета, у них есть и некоторые общие черты, которые объединяют его с глазковской пластикой, — сочетание графических и пластических приемов в моделировке деталей лица, фронтальность и односторонность изображения, геометричность очертаний. Кроме того, совершенно одинаково изображались голова — в виде свала с заостренной макушкой и длинный прямой нос, расширяющийся вниз.

Таким образом, наряду с признаками, характерными для неолитических погребений Монголии, в Норовлин ууле имеются и другие (пастовые цилиндрические бусы, амулет), открывающие возможности для датировки описанного погребения более поздним, глазковским, временем.

² Окладников А. И., Ларичев В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1968 г. — «Известия Сиб. отд. АН СССР», 1969, № 6. Сер. ист., вып. 2.

³ Окладников А. И., Деревяшко А. И., Дорж Д. Неолит Восточной Монголии. Улан-Батор, 1971, с. 44—45.

⁴ Окладников А. И. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — «МИА», М.—Л., 1950, № 18.

⁵ Там же, с. 127.

К АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АНГАРЫ

(по материалам раскопок
в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС)

Район среднего течения р. Ангары в археологическом отношении изучен еще весьма слабо. В полной мере это относится и к исследованию каменного века по материалам раскопок неолитических поселений. А даже самые богатые могильники не могут дать того полного, по возможности «живого», представления о хозяйственном укладе, образе жизни, может быть, даже повседневности древних людей, оставивших после себя следы деятельности в виде готовых и недоделанных орудий, отходов производства, разнообразных обломков, костей, очагов и т. п.

Бассейн Средней и Нижней Ангары и ее наиболее крупного притока — Илима — уже давно привлекал внимание исследователей. Н. И. Витковский еще в 1882 г. совершил поездку по Ангаре. Цель ее: «поискать следов неизвестной истории человека на всем протяжении р. Ангары и установить связь, если окажется возможным, между отдельными ее стоянками»¹. Н. И. Витковский открыл несколько памятников и собрал подъемный материал.

В 1926 г. Я. Ходукин «обследовал в археологическом отношении 260 км Илима и 30 км его притоков»². Работы его носили разведочный характер и ограничивались в основном сбором подъемного материала. Впервые подробно обследованы низовья Ангары от Братска до Енисея А. П. Окладниковым в 1937 г.³ Им было открыто 130 археологических памятников, треть из них в настоящее время оказалась в зоне затопления будущего Усть-Илимского водохранилища. Новый этап в изучении памятников древних обитателей этой территории начался работами Илимского отряда в составе Дальневосточной археологической экспедиции с 1967 г., а затем Ангаро-Илимской экспедицией под руководством Р. С. Васильевского.

Из всех исследованных к 1973 г. памятников на Ангаре в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС наиболее интересными и полно исследованными являются поселения в устье Илима и на правом берегу Эдучанки при впадении ее в Ангару у дер. Воробьево.

Поселение в устье Илима расположено на 8-метровой террасе правого берега Илима. К каменному веку относятся 2-й слой I раскопа и 3-й слой III раскопа. На Эдучанке неолитическим является 2-й горизонт 3-го слоя. Поселения находятся друг от друга на расстоянии 45 км, и материал их, несмотря на некоторые различия, типологически однороден. Второй слой I раскопа устья Илима характеризуется наличием призматических и конических нуклеусов, а также похожих на пуклеусы скребков. Встречено много скребков с широким и овальным рабочим краем; проколки; топоров с ушками; прямоугольных в поперечном сечении, оббитых и отшлифованных тесел; ножей лавролистной и усеченно-лавролистной формы; наконечников стрел с широким насадом, с прямым или вогнутым основанием. Встретились 2 стерженька составных рыболовных крючков с выступами-головками на обоих концах, несколько обломков цилиндрических брусков

¹ Витковский Н. И. Следы каменного века в долине р. Ангары. — «Изв. ВСОРГО», Иркутск, 1889, т. 20, № 1—2.

² Ходукин Я. Материалы к археологии реки Илима. — «Изв. ВСОРГО», Иркутск, 1928, т. 53, с. 114—123.

³ Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях р. Ангары (к итогам работ 1937 г.). — «Вестник древней истории», 1939, № 4/9, с. 181—186; Он же. Неолитические памятники в низовьях Ангары (по работам 1937 г.). — «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», 1940, № 6-7.

из крупнозернистого песчаника с желобками, так называемые выпрямители древков стрел, и обломок скульптурного изображения рыбы из камня. Большое количество в слое отщепов, пожевидных пластин, оббитых галек. Прослежены следы 24 выложенных камнями очагов, вокруг которых в основном и концентрировались находки.

Широко представлена во втором слое керамика. Ни одного целого сосуда не найдено, но обломки донышек свидетельствуют о том, что все сосуды были круглодонными. Основным орнаментальным мотивом являются отпечатки сетки-плетенки, часто заглаженные (62% об общего количества орнаментированных фрагментов второго слоя). Сосуды также украшались оттисками отступающей лопаточки с прямым и фигурным концом, а также отпечатками зубчатого и гребенчатого штампа⁴.

Сравнивая каменный и керамический инвентарь 2-го слоя I раскопа с материалами верхнеангарских погребений, видно, что ему присущи все основные черты серовского времени, но присутствуют и некоторые, правда немногочисленные, элементы более позднего, китойского, периода (стерженьки рыболовных крючков). Предварительно этот слой нужно отнести, видимо, к позднесеровскому времени.

Приблизительно к этому же периоду следует отнести 3-й слой III раскопа. Он представлен призматическими и коническими нуклеусами, а также нуклеусами-скребками. Причем у одного из них пластинки снимались с двух концов. Оббитые и шлифованные тесла прямоугольные и трапециевидные в поперечном сечении слегка суживаются к обушку. Все немногочисленные наконечники стрел с асимметрично вогнутым основанием. Много концевых скребков с высокой спинкой и широким овальным рабочим краем, скребел и скребков на отщепах и призматических пластинах. Встретилось 2 обломка — выпрямителя древков стрел из крупнозернистого песчаника. Слой насыщен большим количеством обломков орудий, отщепов, пластин, фрагментов керамики. Следов долговременных жилищ, равно как и изделий из нефрита и орудий рыболовства, встречено не было.

Приемы орнаментации керамики в этом слое довольно разнообразны. Наиболее распространены обломки сосудов, покрытые сеткой-плетенкой (28% от всего количества орнаментированных фрагментов слоя). 19% фрагментов украшены оттисками зубчатого штампа, часто под углом друг к другу, 26% — овальные и подпрямоугольные вдавления, 16% — оттиски отступающей лопаточки с прямым или фигурным концом, 10% — отпечатки гусенично-гребенчатого штампа. Встречаются обломки сосудов, покрытые следами мелкого шпура и горизонтальным рядом «жемчужин» под венчиком. Орнаментом украшалась, как правило, только верхняя часть сосудов (рис. 1).

Поселение Эдучанка расположено на 18—20-метровой террасе левого берега Ангары. Материал 2-го горизонта 3-го слоя отличается от инвентаря поселений в устье Илимса прежде всего большим количеством разнообразных наконечников стрел и массивных, обработанных по всей площади топоров с ушками (рис. 2, 3). Встретились наконечники узкие, длинные (до 7,1 см), листовидной формы, с прямым основанием. Найдены экземпляры треугольной в плане формы, с прямым или вогнутым основанием и асимметричными жалъцами. Есть наконечники и с широким насадом серовского облика. Топоры с ушками представлены двумя типами. К первому относятся экземпляры с коротким широким туловом, почти правильным листовидным поперечным сечением и широким овальным обушком. Второму типу принадлежат изделия длинные, сравнительно узкие,

⁴ Васильевский Р. С., Аксенов М. П. Археологические исследования в 1967 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС. — В кн.: Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции, вып. II. Новосибирск, 1971, с. 135—201; Васильевский Р. С., Бурилов В. В. Археологические исследования в 1968 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС. — Там же, с. 212—283.

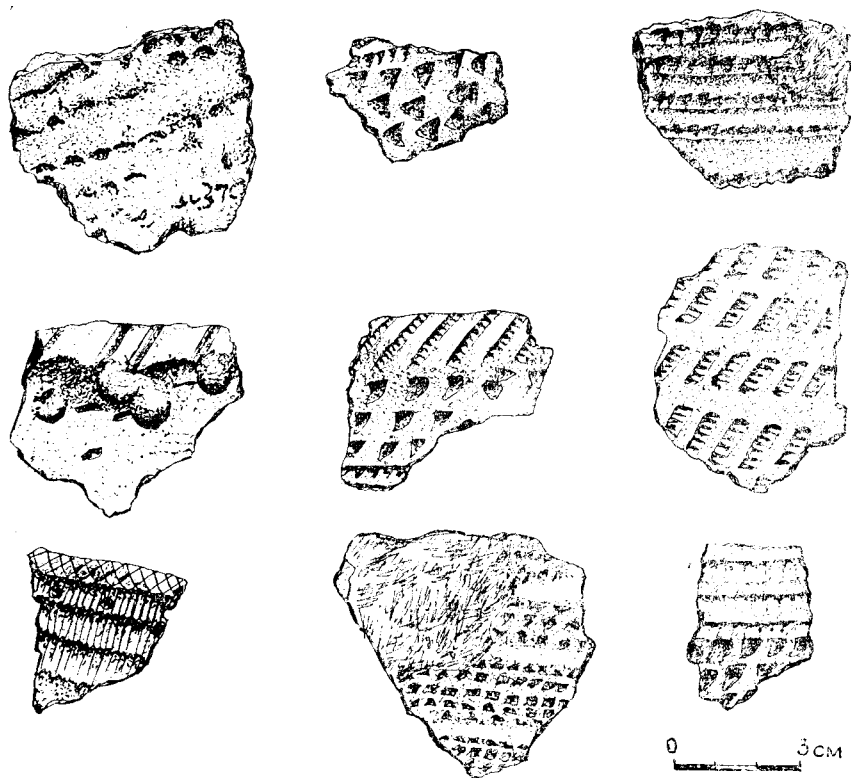

Рис. 1. Орнаментированные фрагменты сосудов из поселения в устье Илима (3-й слой III раскопа).

обработанные с брюшка крупными уплощающими сколами, отчего орудие приобрело подтреугольную в поперечном сечении форму. Обушок высокий, приостренный. Ножи, найденные в этом слое, в основном изготовлены на отщепе, путем незначительной обработки одного прямого или овального рабочего края. Но встречаются и двусторонне обработанные ножи листовидной формы. Найдены также срединные вкладышевые лезвия. Довольно много концевых скребков с высокой спинкой и широким овальным рабочим краем. Выпрямители древков стрел представлены несколькими обломками. Изделий из нефрита и орудий, связанных с рыболовством, не обнаружено.

В технике орнаментации керамики основное место принадлежит обломкам сосудов с оттисками отступающей лопаточки с прямым или круглым концом. Располагались они горизонтальными полосами по верхней части тулова сосуда. Широко представлена группа керамики, украшенная наклонными, близко поставленными друг к другу оттисками крупного или мелкого зубчатого штампа. Следует отметить и фрагменты с гусенично-гребенчатым орнаментом. Значительное количество обломков сосудов покрыто отпечатками колотушки с намотанными на нее нитями. Некоторые из этих фрагментов украшены под венчиком рядом «жемчужин». Найденные в этом слое зубы принадлежат медведю. Каких-либо следов долговременных жилищ не обнаружено.

Несмотря на то, что характерными особенностями поздненеолитического времени на Верхней Ангаре является широкое использование нефрита и заметное увеличение удельного веса рыболовства, а следовательно, и увеличение количества орудий рыболовства, в первую очередь составных крючков⁵: представляется наиболее правильным отнести 2-й горизонт

⁵ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I-II. — «МИА», 1950, № 18, с. 78, 355, 366—371.

3-го слоя поселения Эдучанка именно к позд-
неолитическому времени, исходя из анали-
за каменного и особенно керамического ин-
вентаря.

Необходимо отметить то обстоятельство,
что на территории будущего Усть-Илимско-
го моря на Ангаре находки нефрита вообще
крайне редки. Н. И. Витковский после сво-
ей поездки по Ангаре сделал вывод, что «неф-
ритовые орудия, находимые довольно часто
в верхней части долины, в нижней части ее
совсем не встречаются, из чего можно за-
ключить, что приангарские аборигены насе-
ляли местность, двигаясь по долине вверх,
и что первые выходцы... назад не возвраща-
лись и с оставшимися на прежних местах ни-
каких сношений не имели»⁶. Сейчас это трудно
представить, так как находки нефрита
известны далеко за пределами Верхней Ан-
гары. Так, нефритовые изделия встречаются
на Енисее у Красноярска и в Минусинской
котловине⁷. На р. Нижней Тунгуске
И. Д. Черский в 1876 г. нашел нефритовые
топоры⁸. В. Н. Чернецов отмечает находки
подтреугольного в плане тесла, небольшого
желобчатого теслица и обломка ножа (все из
зеленого нефрита) на стоянке Чэс-тый-яг, в
3,5 км от с. Саранпауль и в 2,5 км от совре-
менного русла р. Ляпин⁹. Одно изделие из
нефрита, найденное в устье р. Кежмы, опи-
сано А. П. Окладниковым¹⁰. Распространены изделия из зеленого ангар-
ского нефрита и за Байкалом¹¹. И все же резкое уменьшение, практически
исчезновение изделий из нефрита на Средней Ангаре исключает его
как один из основных элементов в вопросе о датировании позднеолити-
ческих памятников на данной территории. Подобная же картина и с
предметами, связанными с рыболовством. Из всех раскопанных в зоне
затопления Усть-Илимской ГЭС памятников только на многослойном
поселении Воробьево-Причал, в слое серовского времени, отмечено 3 об-
ломка гарпунов из кости. И еще несколько обломков гарпунов связано
со слоями, относящимися к глазковскому времени (Эдучанка, 1-й гори-
зонт 3-го слоя, о. Большой). Это не значит, конечно, хотя бы из топог-
рафического расположения памятников, что рыболовство не практикова-
лось¹². Но оно не было ведущей отраслью хозяйства. Наличие среди
фаунистических остатков на стоянках о. Большой, Воробьево-Причал

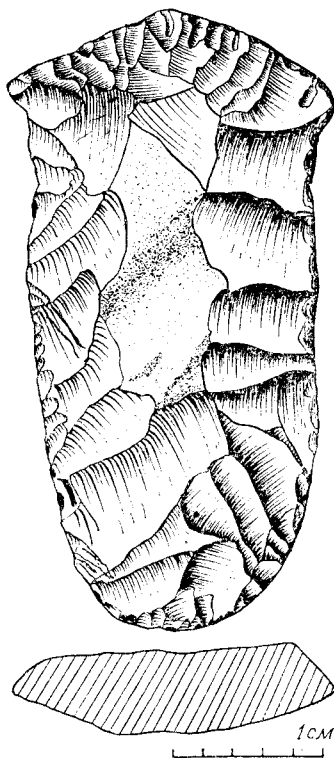

Рис. 2. Топор с ушками
(Эдучанка).

⁶ Витковский Н. И. Указ. соч., с. 31.

⁷ Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея. — «СА», 1957, № 1, с. 28.

⁸ Николаев Р. В. Археологические находки на севере Красноярского края. — «СА», 1960, № 1, с. 254—256.

⁹ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. — «МИА», 1951, № 35, с. 7—72.

¹⁰ Окладников А. П. Новые неолитические находки на Ангаре в районе дер. Кежмы. — «СА», 1952, № 16, с. 323.

¹¹ Дебец Г. Ф. Опыт выделения культурного комплекса в неолите Прибайкалья. — «Известия ассоц. науч.-исслед. ин-тов при физ.-мат. фак. Моск. ун-та», 1930, т. III, № 2а, с. 161.

¹² На поселении в устье Илим на левом берегу в неолитическом слое были встре-
чены косточки рыбы, которые, по определению иркутских ихтиологов, принадлежали
крупным осетрам (весом не менее 15 кг).

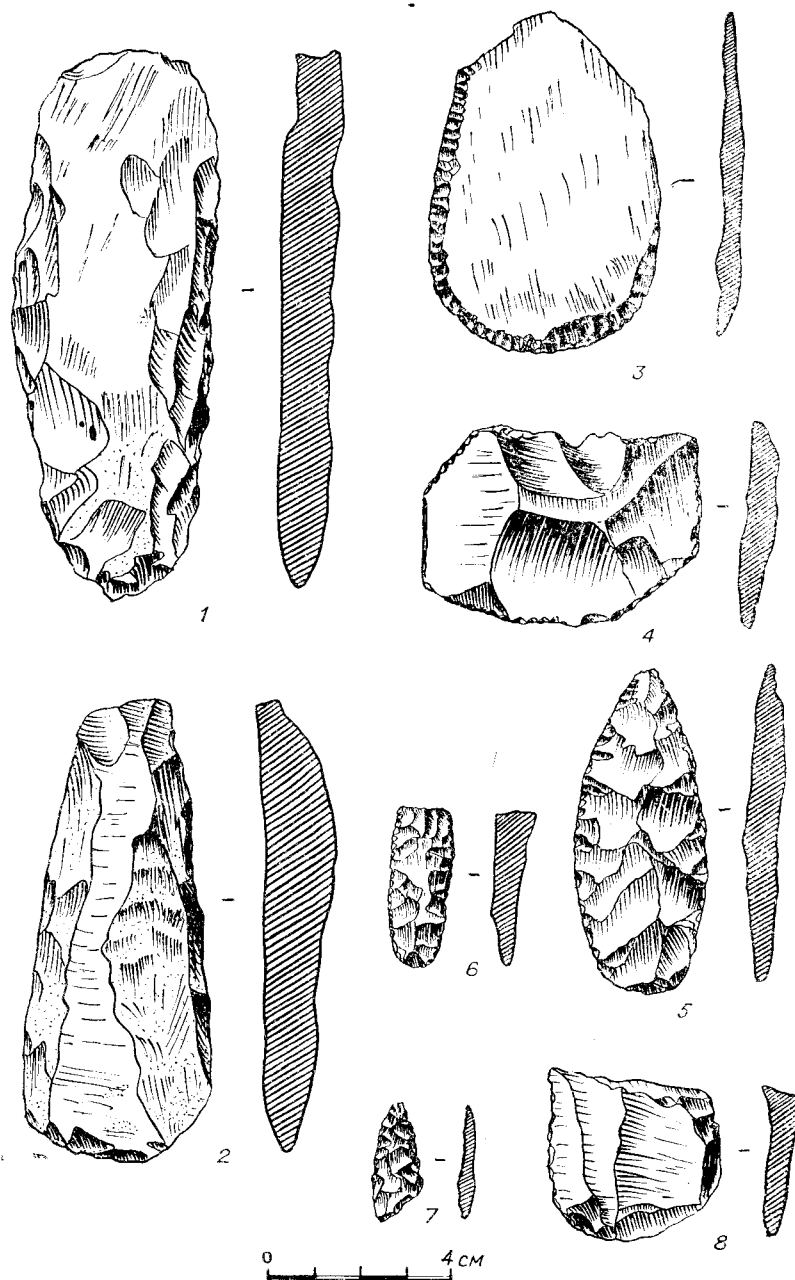

Рис. 3. Орудия поселения Эдучанка (3-й слой 3-го горизонта).

в значительном количестве костей лося, косули, медведя (по определению Н. Д. Оводова) свидетельствует о преобладании охоты в хозяйстве местного населения.

Одним из центральных вопросов изучения среднеангарского неолита является вопрос о его связях с культурами соседних областей. Он уже давно привлекает внимание исследователей. К нему при интерпретации ангарских материалов обращались Г. Ф. Дебец, С. В. Киселев, А. П. Окладников, Р. С. Васильевский и другие исследователи.

Удобное географическое положение должно было способствовать связям или хотя бы долговременным контактам древних обитателей Средней

Ангары с соседними территориями и в первую очередь с неолитическими культурами Верхней Ангары, с которыми, несомненно, имели общую генетическую основу. Тесные контакты имели место и с неолитическими племенами Среднего Енисея. С. В. Киселев отмечал, что «находки каменных рыб заставляют увереннее говорить о наличии на Енисее неолитической стади, близкой к серовской Прибайкалья и Ангары»¹³. Г. Ф. Дебец, исследуя неолитические черепа Прибайкалья и черепа, относящиеся к афанасьевской культуре, сделал вывод, что «население долины р. Енисей относилось к европеоидной расе в районе Минусинской котловины и к монголоидной расе в более нижнем течении. Монголоидный тип красноярского неолита уходит далеко в глубь веков». Следовательно, «лесную зону Западной Сибири человек заселял не с юга по течению рек, а с востока»¹⁴, т. е. в первую очередь по течению Ангары.

Наиболее полно и убедительно доказал близость неолита Среднего Енисея, Ангары и Прибайкалья А. П. Окладников¹⁵. Такие вещи, найденные на Енисее, как скульптурные изображения рыб, нефритовое тесло, найденное в Базаихе, и орудия из темно-серого кремнистого сланца могли в равной степени быть как изготовленными по образцу ангарских, так и прямо доставленными с Ангары. Месторождение такого сланца находится в долине Ангары, в зоне Ангарских траппов¹⁶ (среднее течение Ангары). Близки енисейским ретушированные вкладышевые ножи на пластинках, наконечники стрел и особенно керамика, орнаментированная пунктирной гребенкой¹⁷. Распространенная на Средней Ангаре гусенично-гребенчатая орнаментация керамики в виде коротких косых вдавлений, расположенных горизонтальными рядами, неизвестная на Верхней Ангаре, характерна для керамики Енисея¹⁸.

Много общего материал с неолитических поселений Средней Ангары имеет с каменным и керамическим инвентарем Подкаменной Тунгуски. На Средней Ангаре широко представлены такие изделия, как четырехугольные или односторонне выпуклые в поперечном сечении тесла, концевые скребки на отщепе и пластинах с прямым и округлым рабочим краем; четырехугольные ретушированные вкладыши найдены в пос. Байкит (пункты I, II) и на поселении Усть-Камо; тесла с ушками — Усть-Камо, пос. Куюмба; керамика, украшенная отпечатками отступающей лопаточки с треугольным концом — Байкит I, II¹⁹.

Обращает на себя внимание близость материала среднеангарских неолитических стоянок с неолитом Забайкалья. В первую очередь это относится к керамике. Техника нанесения и композиция орнаментальных мотивов во многом одинаковы. Так, на стоянке Будулан (Восточное Забайкалье) широко представлена обычная на Средней Ангаре керамика, покрытая отпечатками сетки-плетенки, отпечатками отступающей лопаточки с полукруглым концом, горизонтальными вдавлениями в виде вписанных друг в друга углов²⁰. Такие же способы орнаментации сосудов характерны для Ереминской стоянки на Ингоде²¹ и для керамики со стоянок озер Иргень и Кеон, где обнаружены и фрагменты сосудов, покры-

¹³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.— «МИА», 1949, № 9, с. 13.

¹⁴ Дебец Г. Ф. Проблема заселения Северо-Западной Сибири по данным палеоантропологии.— «КСИИМК», 1941, вып. IX, с. 16.

¹⁵ Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей..., с. 26—55.

¹⁶ Там же, с. 28.

¹⁷ Там же, с. 31.

¹⁸ Киселев С. В. Указ. соч.; Васильевский Р. С. К итогам работ Илимского археологического отряда в 1967—1969 гг.— «Известия Сиб. отд. АН СССР», 1970, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3.

¹⁹ Андреев Г. И., Фомин Ю. М. Археологические разведки по среднему течению р. Подкаменная Тунгуска.— «КСИА», 1964, вып. 101, с. 94—98.

²⁰ Гришин Ю. С. Стоянка Будулан в Восточном Забайкалье.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 68—72.

²¹ Кириллов И. А. Древние памятники Ингоды.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1965, с. 68—72.

тые отпечатками колотушки, обмотанной шнуром или нитками²². Обращает на себя внимание необычный нуклеус с дугообразным ребром и нуклеус-скребок. «Там, где должна находиться ударная площадка нуклеуса с дугообразным ребром, прослеживаются следы снятия пластины гобийского нуклеуса, а там, где должна была находиться эллипсоидная площадка нуклеуса-скребка, расположена плоскость скола нуклеуса с дугообразным ребром»²³. Точно такой же нуклеус встретился во 2-м слое раскопа I поселения Устье Илима.

Много общих черт в материале неолитических стоянок Средней Ангары и Верхнего Вилюя, Алдана, Лены. Но в отличие от якутских на Средней Ангаре трудно выделить четкие, последовательно сменяющиеся комплексы. Это относится как к каменному инвентарю, так и к керамике. На большинстве стоянок каменного века, раскопанных в последнее время в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС, наблюдается смешение разновременных по виду предметов, даже в слоях, которые стратиграфически выделяются достаточно четко (Устье Илима, раскоп I, слой 2, раскоп III, слой 3). Здесь сетка-плетенка, которую Ю. А. Мочанов для 7—6-го слоев стоянки Белькачи I датирует ранним неолитом (IV тыс. до н. э.), сосуществует со шнуровой и оттисками зубчато-гребенчатого штампа (для Белькачи I — это слои 5—4 — средний неолит)²⁴. Такие же способы орнаментации керамики весьма характерны для стоянки Сумнагин II на Алдане, которую В. А. Кашин отнес ко времени IV—II тыс. до н. э.²⁵, и второй культурный комплекс поселения Туой-Хая, датированного С. А. Федосеевой концом IV — серединой III тыс. до н. э.²⁶ Во многом близок среднеангарскому неолиту и каменный инвентарь Верхнего Вилюя, Алдана и отчасти Лены (топоры с ушками, шлифованные, прямоугольные в поперечном сечении тесла, концевые скребки, двусторонне обработанные ножи)²⁷. Нужно отметить, что алданские и вилюйские топоры с ушками отличаются от ангарских менее высоким качеством обработки и несколько иной формой. В плане тулово у них часто выпукло-овальное, ушки оформлены небрежно, иногда только намечены. Нет узких длинных тесел с острыми небольшими ушками и высоким приостренным обушком.

На основе материала трех стоянок на Средней Ангаре рано, конечно, говорить о среднеангарском неолите в целом. Необходимы дальнейшие исследования на более обширном материале, особенно в сторону уточнения своеобразных особенностей, хронологии, а также выяснения места памятников Средней Ангары среди верхнеангарских и других соседних неолитических культур.

²² Ларичев В. Е., Рижский М. И. Озерный неолит и ранняя бронза Восточного Забайкалья. — В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966, с. 94—128.

²³ Там же, с. 103—104.

²⁴ Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 254 с.

²⁵ Кашин В. А. Культурные комплексы каменного века на стоянке Сумнагин II. — В кн.: По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970, с. 94—109.

²⁶ Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968, с. 67.

²⁷ Кашин В. А. Указ. соч., с. 99—108; Федосеева С. А. Указ. соч., с. 67.

ПЕРВЫЕ РАДИОКАРБОНОВЫЕ ДАТЫ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КИТАЯ

Среди многочисленных проблем ранней истории Азии, которые волновали и привлекали пристальное внимание С. В. Киселева, выдающегося русского археолога, с характерной для него масштабностью исследований, а также неизменной оригинальностью и ярким своеобразием идей, особое место занимают вопросы роли и места центрально- и восточноазиатских культур в семействе культур Старого Света. В частности, древние страницы истории народов Сибири, как правило, рассматривались им на широком фоне важнейших событий в жизни обитателей внутриконтинентальных и окраинных восточных областей азиатского материка. Особую силу и привлекательность реконструированной им картины эволюции культур, их взаимоотношений и взаимовлияний придавало то обстоятельство, что С. В. Киселев не только всегда был в курсе главных открытий в этой ключевой части Азии, но также активно вел полевые исследования на территории Монголии, возглавляя на протяжении ряда лет работы Советско-Монгольской археологической экспедиции. Посетив Китай в 1959 г., он первым из советских археологов изучал материалы музеев страны и наблюдал за раскопками в Аньяне замечательных иньских памятников. Его перу принадлежит интересная публикация, посвященная древнейшему прошлому Китая¹. Можно поэтому лишь сожалеть, что задуманный С. В. Киселевым капитальный по охвату материалов труд, посвященный эпохе бронзы Евразии, остался незавершенным.

Целый ряд дискуссионных моментов в ключевых проблемах китайской археологии, связанных с периодизацией культур, их происхождением, миграциями, а также сопоставлениями и синхронизацией с главными событиями в соседних с Китаем культурных ареалах, оставались до последнего времени перешенными или выглядели недостаточно обоснованными вследствие отсутствия абсолютных дат по памятникам, материалы с которых привлекались для подкрепления определяющих концепций. Затруднения и неопределенности такого рода в особенности давали о себе знать в разработках общего плана, касающихся археологии каменного века Восточной Азии как неолитического его этапа, так и, разумеется, палеолитического. Если, однако, периодизация палеолита Китая создавалась достаточно успешно на базе использования традиционных методов определения возраста наиболее ярких памятников, т. е. тщательного геолого-палеонтологического обоснования времени формирования горизонта с культурными остатками, то хронологическая колонка неолита бассейна Хуанхэ и Янцзы строилась до недавнего времени главным образом на сопоставлении отдельных частей, составляющих определенный культурный комплекс, или в идеальных, но, к несчастью, редких случаях на стратиграфических наблюдениях многослойных памятников. Вряд ли имеет смысл сомневаться, что первый из последних двух методов дает слишком широкий простор для субъективных суждений в особо сложных обстоятельствах, когда из-за близости отдельных этапов культуры трудно решить, какой из высказанных точек зрения следует отдать предпочтение. Между тем за точностью определения «микроступа» часто стоит не простая академическая дотошность или естественное желание исследователя воссоздать точную до деталей схему эволюции культуры (чем как будто можно иногда пренебречь, если выписывается некая глобальная картина событий глубокой древности), а яв-

¹ Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая. — «СА», 1960, № 4.

ления, имеющие при ближайшем рассмотрении кардинальное по важности значение.

Именно с такой точки зрения значительный интерес представляют первые сообщения о 10 радиоуглеродных датах археологических памятников Китая, полученные экспериментальной лабораторией Института археологии АН КНР в 1965—1966 гг. и опубликованные в начале 1972 г.² Работа над специально отобранными образцами проходила, судя по беглым информационным заметкам, следующим образом. Археологи строго, продуманно выделили образцы с местонахождений, которые вместе охватывали период, начиная с верхнего палеолита и кончая эпохой Западной Хань. Этим достигался, с одной стороны, по возможности максимально полный и сквозной охват экспериментом главных эпох, исследования по которым ведутся в стране, а с другой, — что не менее важно, проверялась точность работы оборудования лаборатории, поскольку определения возраста памятников эпохи Инь, Чжоу (этап Чжаньго) и Хань в общем не вызывали у археологов сомнений. Экспериментаторы, согласно условиям опыта, естественно, не знали, откуда происходят образцы, а тем более как археологи предполагают датировать памятник, где обнаружены уголь, зола или дерево. Исследования на всех этапах проводились при поддержке, помощи и консультациях институтов геологии и географии АН КНР.

Из палеолитических памятников внимание экспериментаторов привлек Цзыян (провинция Сычуань), где в 1951 г. на одной из террас р. Хуаншань был обнаружен череп *Homo sapiens*, названный цзыянским человеком³. После раскопок 1933—1934 гг. в Верхнем гроте Чжоукоудяня, где Пэй Вэнь-чжун обнаружил остатки семи погребений поздней поры верхнего палеолита, первых к западу от Палестины палеоантропологических остатков *Homo sapiens* Азии⁴, открытие в Цзыяне стало первой после длительного перерыва находкой, которая вновь со всей остротой поставила проблему времени и места формирования человека современного типа и его расовых подразделений. Сложность, однако, заключалась в том, что стратиграфические условия Цзыяна, геологические и палеонтологические характеристики памятника допускали возможность датировки черепа временем, начиная от средних стадий верхнего плейстоцена (в таком случае это были остатки древнейшего на территории Восточной и Юго-Восточной Азии представителя монголоидного расового ствола) и кончая самыми финальными подразделениями его. В абсолютных датах определение возраста цзыянского человека колебалось, по мнению палеоантропологов и археологов, от нескольких десятков тысяч лет до десяти с лишним тысяч лет назад.

Понятно поэтому, с каким нетерпением китайские палеоантропологи и археологи ожидали результата радиоуглеродного анализа куска дерева, извлеченного в Цзыяне из того же геологического горизонта, в котором залегал череп и остатки фауны (многочисленные куски дерева и обломки костей животных находились именно в верхней половине слоя, где располагался и череп; нижнюю часть слоя составлял в основном галечник, дерево здесь отсутствовало, а редкие кости животных оказались разломанными и окатанными). Тех, кто ожидал подтверждения глубо-

---

² Ань Чжи-минь. О периодизации эпох первобытного общества нашей страны. — «Каогу», 1972, №1, с. 57—59; Хронологизация с помощью радиоуглеродного анализа. Результаты хронологизации с помощью радиоуглеродного анализа. — Там же, с. 52—56 (на кит. яз.).

³ Пэй Вэнь-чжун и У Жу-кан. Цзыянский человек. Пекин, 1957 (на кит. яз.).

⁴ Пэй Вэнь-чжун. Культура Верхнего грота Чжоукоудяня. Пекин, 1948 (на кит. яз.); Цзя Лань-по. Человек Верхнего грота. Шанхай, 1953 (на кит. яз.). Подробный обзор хода работ и характеристику обнаруженных в Верхнем гроте материалов см. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 2. Азия и проблема локальных культур (исследования и идеи). Новосибирск, 1972.

кого в пределах верхнего плейстоцена возраста цзяньского человека, результат анализа разочаровал. Датировка черепа определялась сотрудниками лаборатории в 7500 ± 130 лет (5535 ± 130 лет до н. э.; индекс образца ЗК-19). Даже ожидавшие самых поздних дат не предполагали его голоценовой древности.

Данные по радиоуглеродному анализу куска дерева из слоя с черепом вызвали оживленный обмен мнениями. Сторонники глубокой древности высказали предположение о большом промежутке времени, в течение которого формировался горизонт с находками. По их мнению, дерево датировало самые поздние стадии отложения песков и галечника (3-й слой в стратиграфической колонке Цзяня, мощность его 1—1,5 м), в то время как череп и фауна попали в него значительно раньше. Однако сомнительно, чтобы слой определялся в рамках столь продолжительного времени. Поэтому значительно более предпочтительной и отвечающей реальному положению дел кажется точка зрения тех, кто считает Цзянь местонахождением очень поздним и без колебаний принимает радиоуглеродную дату. Этому, кстати, по существу, не противоречит и фаунистический ансамбль, сопровождающий цзяньского человека. Если исключить из комплекса животных, обнаруженных вместе с ним, остатки слона, которые, возможно, как раз и располагались в самой нижней части горизонта с находками, то остальные принадлежат по видовому составу к разновидностям современного животного мира (лошадь, мускусная кабарга). Климатические условия в то время, судя по всему, не отличались существенно от современного, сравнительного жаркого климата Сычуани. Это Ань Чжи-минь считает дополнительным фактом, подкрепляющим уверенность в правильности вывода о не очень значительном промежутке времени, отделяющем цзяньского человека от неолитической эпохи. Во всяком случае у него не возникли сомнения в том, что вопрос датировки цзяньского человека и связанные с ним проблемы следует решать, основываясь не на субъективных рассуждениях и пристрастиях, а на данных точных наук, не доверять которым нет оснований. Ко всему прочему, мезолитический или раннеолитический возраст черепа из Цзяня ставит на повестку дня не менее интересные и сложные проблемы ранней истории Китая, чем в случае датировки его верхнеплейстоценовым временем.

Следующая серия, состоящая из 4 радиоуглеродных дат, позволяет обратиться к вопросам, связанным с неолитической эпохой бассейна Хуанхэ. С момента открытия И. Г. Андерсоном первых в Китае памятников с крашеной керамикой прошло более полувека⁵. За это время многое изменилось в картине главных событий, характерных для поздней поры каменного века Восточной Азии, по сравнению с тем, как они представлялись его первооткрывателю⁶. Если говорить о самом существенном, то исследования китайских археологов конца 20-х и в 30-е гг. показали, что описанная И. Г. Андерсоном культура яншао на самом деле «сконструирована» им из материалов двух, по крайней мере, комплексов — раннего (так называемой культуры расписной или крашеной керамики) и, судя по стратиграфическим наблюдениям, приведенным Лян Сы-юном при раскопках в районе Апяня, несколько более позднего — культуры луншань. Последующие исследования подтвердили вывод о существовании в бассейне Хуанхэ в конце III — начале II тыс. до н. э.

⁵ Andersson J. G. An early Chinese culture. — In: Geological Survey of China. Peking, 1923; Andersson J. G. Children of the Yellow Earth. London, 1934; Andersson J. G. Researches into the prehistory of China. — «Bul. of the Museum of Far Eastern Antiquities», 1943, vol. 15; Andersson J. G. Prehistoric sites in Honan. — Там же, 1947, vol. 19.

⁶ Инь Да. Эпоха неолита в Китае. Пекин, 1955 (на кит. яз.); Инь Хуан-чжан. Неолитические стоянки в Восточном Китае. Шанхай, 1955 (на кит. яз.); Достижения археологии в Новом Китае. Пекин, 1961. (Раздел: Первобытно-родовое общество) (на кит. яз.).

двух поздненеолитических культур яншао и луншань, сосуществующих или сменяющих друг друга. Позже стало окончательно ясно, что луншань на определенном этапе вырастает из яншао и сменяет ее за несколько веков до «зари цивилизации» — июньской эпохи, блестящей культуры бронзового века Китая.

Дело, однако, заключалось не только в том, что И. Г. Андерсон из-за подъемного характера большинства его сборов, а также небрежностей в стратиграфических наблюдениях при раскопках стоянок совместил в единую культуру находки, относящиеся как к яншао, так и луншань, что в конце концов привело к невероятно искаженной картине характера и особенностей неолита Хуанхэ. За первой ошибкой последовала вторая, не менее печальная по последствиям: он сделал вывод, не имея в общем-то к тому веских оснований, о более раннем возрасте стоянок с черной и серой керамикой по сравнению с местонахождениями, где преобладает крашеная керамика. Отсюда последовали непоправимые просчеты в хронологической классификации стоянок, а вслед за тем, естественно, и культурных этапов или стадий. Речь идет не о колебаниях и изменениях точек зрения И. Г. Андерсона относительно попыток дать абсолютную датировку каждого из этапов неолита и бронзы Китая. За просчетами в определениях возраста части типовых памятников, как и следовало ожидать, скрывалось нечто значительно большее: следуя неверной посылке происхождения культуры крашеной керамики от некоей культуры, на поселениях которой расписная посуда отсутствовала, И. Г. Андерсон выдвинул гипотезу о далеких западных корнях земледельческого неолита бассейна Хуанхэ. Поиски следов эмигрантов с запада завели его в Ганьсу, где была открыта самая ранняя, по мнению И. Г. Андерсона, стадия неолита Китая — культура циззя. Самым, может быть, парадоксальным в этой теории стало то, что исходной для неолитических комплексов с крашеной керамикой стала на западе страны культура, не имеющая керамики с росписью! Не меньшее удивление вызывало упорное нежелание И. Г. Андерсона считаться с открытием культуры луншань и со стратиграфическими наблюдениями над многослойными неолитическими стоянками Хэнани. В неосведомленности его заподозрить трудно, если припомнить, что в 1937 г. он после долгого перерыва снова посетил Китай, где в Нанкине имел с Инь Да беседы по проблемам культур яншао — луншань и соглашался с тем, что в его сборах из Хэнани есть типичные луншаньские сосуды. Тем не менее в последующие годы И. Г. Андерсон так и не пересмотрел своих концепций, возможно, потому, как это ни прискорбно, что критики затрагивали слишком существенные и основополагающие стороны его представлений об эволюции неолитических культур Восточной Азии.

В свете сказанного выше представляется далеко не случайным, что первые радиоуглеродные даты по неолиту Китая касаются памятников западных районов страны. Китайские археологи приложили ранее массу усилий, чтобы опровергнуть выводы И. Г. Андерсона в части его представлений, касающихся происхождения культуры новокаменного века бассейна Хуанхэ и выделения в ней определенных стадий. В особенности болезненно воспринимались ими мысли И. Г. Андерсона и его довольно многочисленных сторонников, зарубежных археологов, о западных корнях земледельческого неолита Китая с характерной для него крашеной керамикой. Если бы радиоуглеродный анализ подтвердил поздний возраст неолитических памятников запада по сравнению с поселениями так называемого «ядрового ареала», то теории И. Г. Андерсона был бы нанесен сокрушительный удар, после которого ее несостоятельность стала бы совершенно очевидной.

Две радиоуглеродные даты касаются культуры циззя, которую И. Г. Андерсон считал древнейшей в неолите Китая (2500—2200 лет до н. э. согласно последнему варианту его таблицы абсолютной хронологии; ранее

И. Г. Андерсон датировал цзя на тысячелетие ранее: 3500—3200 лет до н. э.). Первая проба (ZK-15) сделана на основании анализа угольков второй опорной балки жилища № 7 стоянки Юнцзиндахэ (провинция Ганьсу). Возраст ее оказался равным 3690 ± 95 лет тому назад (1725 ± 95 лет до н. э.). Вторая проба (ZK-23) сделана на основании анализа угольков и золы из того же жилища. Разница составляла 30 лет — 3660 ± 95 лет тому назад (1695 ± 95 лет до н. э.). Таким образом, культура цзя провинции Ганьсу оказалась значительно более поздней, чем предполагал И. Г. Андерсон. Она относилась к началу иньской эпохи, и, следовательно, ее можно включать в семейство культур ранней бронзы Центральной и Восточной Азии. Собственно, оснований для такого вывода у китайских археологов имелось достаточно и ранее, хотя точно определить возраст в пределах II тысячелетия было нелегко. Можно вспомнить в этой связи, что только лишь стратиграфические наблюдения свидетельствовали о более позднем возрасте памятников культуры цзя, по сравнению с яншао ареала Ганьсу. К тому же на таких стоянках цзя, как Хуаньяннтай, Увэйдахэй (Юнцзин) и Циньвэйцзя, удалось обнаружить бронзовые изделия, чего никогда не находили на поселениях с крашеной керамикой. Так, из Хуаньяннтай известны бронзовые нож и пило (примечательно, что примесь к меди олова составляла в них всего лишь 0,1—0,3%).

Китайские археологи считают, что культура цзя выросла на базе яншао Ганьсу и поэтому она представляет большой интерес для раскрытия до сих пор загадочной проблемы происхождения культуры бронзы Китая. Следует, однако, иметь в виду, что цзя имеет чрезвычайно яркие черты культур ранней бронзы не собственно Китая (бассейн среднего течения Хуанхэ), а Монголии и Сибири, — обстоятельство, которое, несмотря на его исключительную важность, как ни странно, остается вне поля зрения китайских археологов. Эта тема ввиду ее особого интереса, бесспорно, заслуживает специальной разработки, а пока можно сказать, что высокоразвитая техника отделения с нуклеусов призматического и конического типа правильных ножевидных пластин, использование характерных для северного ареала культур вкладышевых инструментов с костяной основой, впервые, кстати, обнаруженных И. Г. Андерсоном, позволяют включить цзя в полосу гибридных культур контактной зоны Восточной Азии с одной стороны, Центральной и Северной — с другой. Если сравнивать цзя с иньской культурой, то первая, несомненно, представляет как раз тот мир племен запада, который иньские ваны позже называли варварским. Но есть значительные основания считать, что цзя представляли как раз тех «варваров», скотоводов и земледельцев запада, которые через семь веков, составив грозный союз чжоуских племен, наголову разгромили в битве при Муе деморализованные войска иньской империи, после чего последнему императору Синю не оставалось ничего другого, как сжечь себя во дворце вместе со своими сокровищами.

Вернемся, однако, к сюжету статьи. Поздняя радиокарбоновая датировка культуры цзя мало что дала, если бы одновременно не были проведены анализы угля со стоянок яншао провинции Ганьсу. Дело в том, что И. Г. Андерсон выделял в местном яншао два этапа — культуры баньшань и мачан, датируя их соответственно 2200—1700 до н. э. и 1700—1300 до н. э. Цзя, таким образом, представлялась как более поздняя по сравнению лишь с баньшань, но предшествовала мачан. Китайские археологи, очевидно, именно поэтому доставили в экспериментальную лабораторию угли со стоянок, представляющих в Ганьсу этапы баньшань и мачан — Цинганча (Ланьчжоу) и Мацзявань (Юнцзи).

О том, что Цинганча, вне всякого сомнения, действительно относится к баньшаньскому периоду, свидетельствуют, по мнению Ань Чжи-миня, 12 сосудов, обнаруженных в жилище № 1. Три расписных кувшина типа

гуань и 2 кувшина типа гуань со сливом, изготовленные из грубого теста, представляют типичные баньшаньские формы. Для анализа были привлечены угольки сгоревшей балки, составляющей часть конструкции полуподземного жилища (образец ZK-25). Согласно результатам, полученным в лаборатории, баньшаньский период следует датировать временем 4030 ± 100 лет тому назад (2062 ± 100 до н. э.). Что касается стоянки Мацзявань, то керамика этого памятника, существовавшего строго определенный период времени, представляет типично мачанские образцы. Среди сосудов, найденных в жилище № 3, имеются кувшины гуань с двумя ушками, а крашенный доу с двумя ручками хотя и отличается своеобразием, но по форме его тоже следует отнести к мачан. Лаборатория датировала жилище по углю, собранному при его раскопках, временем 4150 ± 100 лет тому назад (2185 ± 100 лет до н. э.). Таким образом, датировки И. Г. Андерсона этапов баньшань и мачан не подтвердились. Точно так же ошибочными выглядели его соображения о их хронологических взаимоотношениях. Баньшань и мачан — этапы культуры крашеной керамики Ганьсу, отстоящие друг от друга на не очень значительный промежуток времени. Носители этой культуры — современники и соседи мощного племенного союза Ся, памятники которого так безуспешно и долго отыскивали историки древнего Китая. И так, то, что И. Г. Андерсон считал более древним, оказалось, напротив, более молодым. Что касается наиболее ранних памятников культуры яншао «ядрового района» Китая, то радиокарбоновая дата Баньшо достаточно древняя — 4080—3600 лет до н. э. Это также расходится с представлениями И. Г. Андерсона о времени появления керамики с росписью на лессовых плато бассейна Хуанхэ.

Китайские археологи в результате полевых исследований 50—60-х гг. XX в. установили важный факт сходства, культурного и хронологического, местонахождений Баньшань, Мачан и Мацзяю. В то же время они пришли к выводу о том, что, несмотря на бесспорное своеобразие, культура мацзяю сходна в главном с культурой яншао и возникла на ее основе. Мацзяю сменила яншао, но ареал распространения первой культуры иной: она занимает более западные районы, образуя вместе с баньшань и мачан своеобразный культурный комплекс, поселения которого охватывают восточья Хуанхэ — провинции Ганьсу и Цинхай. Несколько более поздний возраст памятников «ганьсуйского варианта» крашеной керамики свидетельствует о западном направлении миграции неолитических земледельцев, где они, освоив новые территории, дольше, чем в «ядровом районе», сохранили традиции исходной культуры, одним из наиболее ярких компонентов которой была керамика с красочными росписями. В заключение следует сказать, что не нашла подтверждения точка зрения И. Г. Андерсона на различия в керамике, найденной в Ганьсу при раскопках погребений и поселений: так называемые погребальные урны и их обломки встречались на территории стоянок, а «кухонная посуда» ставилась в могилах рядом с умершими.

Остальные радиокарбоновые даты, опубликованные в 1972 г., касаются памятников иньско-чжоуского и ханьского времени. Определения возраста их, сделанные ранее археологами, совпадают с датами лаборатории, что свидетельствует о точности принятой методики анализов. ZK-5: уголь из могильника, раскопанного у дер. Угуцунь (Аньян), датировал погребения 1085 ± 100 лет до н. э. (археологи определяли возраст памятника концом иньской эпохи — XI в. до н. э.); ZK-4: деревянная статуэтка из могилы № 406 Чанша датировала погребение 445 ± 90 лет до н. э. (по датировке археологов — начало периода Чжаньго — V в. до н. э.); ZK-3: доска от гроба могилы № 2, открытой около дер. Гуюань, датировала памятник 290 ± 80 лет до н. э. (по датировке археологов — конец периода Чжаньго — III в. до н. э.); ZK-17: зола из могильника, открытого в районе «Летней пагоды» Уйгурского автономного района, датировала памятник 65 ± 90 лет до н. э.; ZK-6: фрагмент лодки из могилы № 203, Чанша да-

тировал захоронение 35 ± 80 лет до н. э. (археологи определяли возраст памятника концом эпохи Западная Хань — I в. до н. э.).

Радиоуглеродные даты открывают широкие перспективы для изучения дискуссионных проблем ранней истории Китая.

Т. И. К а ш и н а

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КИТАЯ И ПРОБЛЕМА ЗАПАДНЫХ КОРНЕЙ КУЛЬТУРЫ ЯНШАО

Плодотворные исследования выдающегося советского археолога С. В. Киселева оставили заметный след в изучении общих проблем происхождения, развития и взаимосвязей культур Центральной и Восточной Азии. Особый интерес вызывают его работы, посвященные древностям Северного Китая. В конце 1959 г. С. В. Киселев совершил поездку в КНР с целью изучения неолита и бронзового века Китая. Результаты научной командировки были опубликованы в 1960 г. Его статья представляет собой, в частности, ценный источник для решения конкретных вопросов происхождения и периодизации одной из ярких самобытных неолитических культур Китая — культуры расписной керамики.

Исследования С. В. Киселева в этой области актуальны еще и потому, что до сих пор остаются далеко не выясненными глубинные корни культуры яншао. Так, одни исследователи, подчеркивая сходство крашеной керамики яншао с изделиями переднеазиатских неолитических культур, указывают на западные корни яншао, другие, напротив, отстаивают идею самостоятельного ее происхождения. К последним относится большинство советских археологов. В частности, С. В. Киселев еще в 1960 г. отмечал, что попытки видеть в крашеной керамике Китая «просто» результат каких-то западных инвазий оказываются все более и более примитивными, по мере того как все более изученными оказываются районы Западного Китая, Северной Индии, Памира, Киргизии, Семиречья и Ферганы. Теперь уже совершенно невозможно, выхватывая отдельные элементы орнаментальных мотивов, конструировать ни на чем не основанные тысячелетние движения от Херонен до Хуанхэ¹.

Известно, что идея западного происхождения яншао выдвинута первооткрывателем расписной керамики Китая шведским археологом И. Г. Андерсоном, который еще в 1923 г. обратил внимание на сходство некоторых орнаментальных мотивов на керамических изделиях яншао, Анау и Триполья². С тех пор многие исследователи, особенно зарубежные, с рвением поддерживали эту идею, основываясь зачастую лишь на случайном сходстве мотивов узора, не вникая в существо вопроса и не привлекая для доказательств достаточно обширные материалы. Китайские археологи, традиционно отстаивающие автохтонность происхождения яншао, в последнее время обратили внимание главным образом на северо-запад Китая, стремясь именно там выявить факты для доказательства своей точки зрения. Радиоуглеродная датировка ряда известных ранее стоянок яншао в провинции Ганьсу, осуществленная недавно, а также дополнительные, более тщательные, исследования этих памятников позволяют вновь обратиться к наиболее сложной для решения теме об истоках куль-

¹ Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая. — «СА», 1960, № 4, с. 258.

² Andersson J. G. Report on archaeological research in Kansu. — «Geological Survey of China Memoirs. Ser. A», 1925, № 5.

туры крашеной керамики Восточной Азии³. Точно датированные керамические комплексы Ганьсу и связанные с ними орнаментальные мотивы как возможный чуткий индикатор для определения возраста других памятников и их хронологических сопоставлений заслуживают в этой связи самого тщательного описания и изучения.

Согласно данным радиоуглеродного анализа такие яншаоские стоянки в Ганьсу, как Мацзявань и Цинганча, датируются соответственно: 4150 ± 100 лет тому назад (2185 ± 100 до н. э.), 4030 ± 100 лет тому назад (2062 ± 100 до н. э.)⁴. Наибольший интерес в этой связи с точной абсолютной датировкой вызывает керамика — наиболее ясный показатель изменений в этнической, общественной и экономической жизни древних обитателей бассейна Хуанхэ. Чтобы определить уровень развития гончарного ремесла яншаосцев, рассмотрим керамику стоянок Мацзявань и Цинганча по следующим двум аспектам: технология производства и типология сосудов. В эпоху яншао неолитические обитатели района современной Ганьсу использовали, по существу, один способ изготовления керамических изделий: сосуды делали вручную, спирально-ленточным методом. По качеству гончарное тесто делилось на два вида — чистое, лишенное каких-либо примесей, из которого преимущественно делали столовую посуду, и грубое песчаное тесто, употреблявшееся для изготовления хозяйственной и кухонной утвари. Обжиг изделий производился окислительным методом, при строго определенной температуре, что придавало черенку красный цвет. Полихромной росписью чаще всего украшалась столовая посуда, а сосуды, изготовленные из грубого теста, в большинстве случаев оставались неорнаментированными и лишь иногда покрывались незатейливыми вдавленными или налепными узорами.

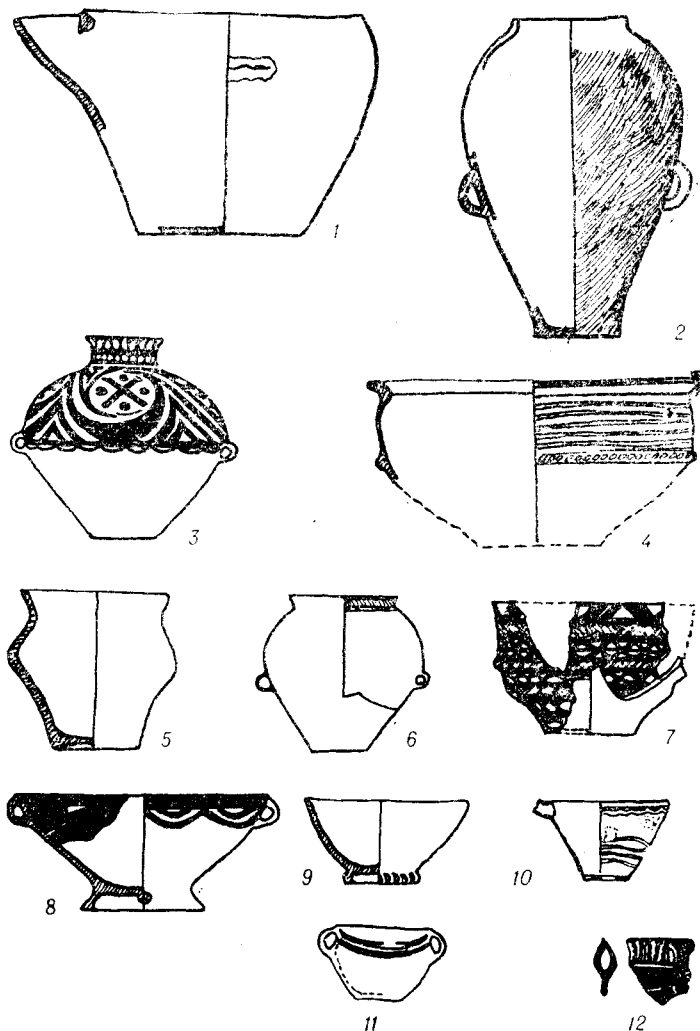
Если в технологии производства керамики стоянок Мацзявань и Цинганча наблюдается полное тождество методов и принципов изготовления сосудов, то в типологии изделий можно заметить некоторые существенные различия, проявляющиеся прежде всего в формах сосудов и видах орнамента. Это дает основание выделить два разных стиля в единой керамической традиции яншаосцев из Ганьсу: стиль мачан, представленный стоянкой Мацзявань, и стиль баньшань, характерный для керамики Цинганча. Чтобы ответить на вопрос об их различии, следует внимательнее изучить керамику того и другого памятника. Стоянка Мацзявань включает следующие категории керамических изделий: столовую посуду — чашки бо, миски пэнь, пиалы вань и бокалы доу; хозяйственную и кухонную утварь — горшки вэн, кувшины ху и гуань. К сожалению, китайским археологам пока удалось реставрировать лишь часть находок, главным образом миски пэнь, бокалы доу и кувшины гуань. Об остальных категориях сосудов можно судить лишь по описаниям⁵.

Миска пэнь (см. рисунок, 7) представляет собой сосуд с довольно глубоким овальным туловом, широким устьем и маленьким плоским доннышком. В центре тулова, по обеим его сторонам, расположены два выпуклых налета, используемых в качестве ручек. Внешняя поверхность пэнь расписана сложным полихромным узором, в котором присутствует черный и красный цвет. Венчик миски украшен широкими черными волнистыми полосами. Остальная часть тулова расписана широкими крас-

³ Сообщение о раскопках стоянки Мацзявань уезда Линься провинции Ганьсу.—«Каогу», 1961, № 11, с. 609—610; Ма Чэн-юань. Исследование неолитических стоянок Хуэйцзиэр и Цинганча в провинции Ганьсу.—«Каогу», 1961, № 7, с. 355—359; Сообщение о раскопках стоянки Цинганча в Ланьчжоу провинции Ганьсу.—«Каогу», 1972, № 3, с. 26—34, 53—54.

⁴ Хронологизация с помощью радиоуглеродного анализа. Экспериментальная лаборатория Института археологии АН КНР.—«Каогу», 1972, № 1, с. 52—56.

⁵ Хронологизация с помощью радиоуглеродного анализа.—«Каогу», 1961, № 11, с. 609—610.

ными горизонтальными полосами, а также черным узором, напоминающим цепочку.

Бокал доу 8 отличается неглубоким туловом, очень широким устьем и небольшим основанием на красивом, изящном поддоне. У самого устья по бокам тулова расположены небольшие круглые ручки. Орнамент, покрывающий только верхнюю часть сосуда, представлен своеобразным узором «полог», который состоит из широкой черной горизонтальной полосы, окаймленной снизу «гирляндами».

Кувшины гуань из Мацзявань 11, 12 отличаются небольшими размерами, узким основанием и широким устьем, двумя круглыми ручками. У гуань с высокой горловиной обычно расписаны шейка и верхняя часть тулова, причем украшению шейки мастера придавали особое значение, так как узор выполнен тщательно, он сложен и весьма своеобразен. Для остальных кувшинов гуань характерен более простой орнамент. Чаще всего он представляет собой полосы в виде гирлянд, украшающих плечики тулова.

Следует заметить, что описанные выше и им подобные изделия по формам и орнаментальному стилю близки к мачанским образцам.

Керамика второго памятника, Цинганча, представлена в основном следующими категориями: кувшинами гуань и ху, мисками пэнь и сосу-

дами люгуань⁶. Кувшины гуань, составляющие большинство находок, подразделяются на два типа: расписные и нерасписные.

Расписные гуань 3, сделанные из красного чистого теста, — наиболее яркая и характерная особенность стоянки. Как по формам, так и по манере росписи их смело можно отнести к баньшаньскому стилю. Все гуань имеют глубокое, почти шаровидное тулово, небольшое доньшко и очень узкое устье на высокой шейке. Посредине тулова, по бокам, обычно расположена пара небольших ручек.

Полихромный орнамент, состоящий из двух цветов (красного и черного), носит ярко выраженный баньшаньский стиль, отличительная черта которого наличие двух цветных спиралевидных узоров. Орнамент, покрывающий верхнюю половину сосуда, имеет локальный характер. Обычно он состоит из четырех частей, каждая из которых обязательно включает две параллельные спиральные полосы (черную и красную), образующие в центре зоны круг, заполненный такими узорами, как шахматное поле, крест с точками, вертикально-волнистые полосы. Высокие шейки сосудов украшены своеобразным зубчатым узором, также характерным для баньшаньской росписи.

Грубые кувшины гуань 6, предназначенные для хозяйственных целей, по форме близки к расписным изделиям, но отличаются от них более низкой шейкой и широким устьем. Плечики их обычно украшены простым незамысловатым орнаментом, состоящим из одной или нескольких параллельных полос, расположенных горизонтально или в виде дуги. Кувшины ху и миеки пэн из Ципганча, сохранились лишь в виде фрагментов. Тем не менее все же удалось установить, что они относятся к типу расписных изделий. По характеру росписи ху и пэн, состоящая из разнообразных полихромных зубчатых узоров, полностью совпадает с баньшаньским орнаментом.

Что касается сосудов люгуань 10, то они представлены одной формой — невысоким сосудом с узким основанием и широким устьем с небольшим носиком для слива. Сосуды, как правило, изготовлены из грубого теста и украшены вдоль устья небольшими волнистыми и горизонтальными полосами. Нижняя часть тулова иногда украшена несколькими параллельными полосами. В центре тулова по бокам расположены миниатюрные ручки.

Выявленные особенности технологии производства, а также анализ форм и росписи керамических изделий из Мацзявань и Ципганча показывают, что по характеру эти стоянки не только органично входят в группу памятников яншао, расположенных в Ганьсу, но и характеризуют собой два особых стиля: мачан и баньшань. Несмотря на небольшие хронологические и стилистические отличия (разрыв во времени между стоянками составляет всего 100 лет), эти памятники несомненно представляют два последовательных звена в единой цепи эволюции керамических традиций обитателей Северного Китая в эпоху культуры яншао.

Еще больше убеждает в этом сравнение керамики ганьсуйских стоянок с находками из центральной равнины, в первую очередь с Баньпо и Мяодигоу⁷. Наличие огромного фактического материала позволяет провести аналогии по двум направлениям: технологии производства и типологии сосудов. Яншаоэцы южного течения Хуанхэ также использовали для производства керамики лессовый ил, имевшийся в неограниченном количестве недалеко от поселений. Идентичен и выбор теста для столовой, а также кухонной и хозяйственной посуды, способы и методы изготовления сосудов, их обжиг. Химический анализ черепков, взятых из

⁶ Хронологизация с помощью радиоуглеродного анализа. — «Каогу», 1961, № 7, с. 355—359; 1972, № 3, с. 26—31, 53—54.

⁷ Баньпо. Сянь. Пекин, 1963 (на кит. яз.); Мяодигоу и Саньмяняо. Пекин, 1959 (на кит. яз.).

Ганьсу и Хэнапи, показал, что по качеству гончарное тесто абсолютно одинаково⁸.

Сосуды, изготовленные из грубого теста, отличались несколько шероховатой поверхностью, покрытой иногда налепным или вдавленным орнаментом, чаще всего так называемым «веревочным» узором. Поверхность чистых сосудов в большинстве случаев покрывалась ангобом, а затем расписывалась. Классификация форм изделий свидетельствует о том, что все категории сосудов (бо, вань, пэнь, доу, гуань, ху, люгуань), характерные для Ганьсу, также обнаружены при раскопках памятников Центральной равнины. Более того, если сравнивать ганьсуйские сосуды с материалами из Баньпо и Мяодигоу, то окажется, что они в значительной мере близки друг к другу. Так, кувшин гуань из Мяодигоу 5 сходен с гуань из Мацзявань 11, 12, он не имеет ручек, а миска пэнь из Мяодигоу 4, близка по форме пэнь из Мацзявань 7 и лишь тем отличается от последней, что вместо росписи ее поверхность украшена налепным орнаментом. Чапа доу из Мацзявань 8 повторяет форму сосудов из Баньпо и Мяодигоу, за исключением ручек 9. В Цинганча прослеживаются не менее любопытные параллели: кувшины гуань и сосуды люгуань поразительно сходны с подобными же изделиями из Баньпо (ср. 2 и 6, а также 1 и 10). Примечательно, что все сосуды из Баньпо и Цинганча сделаны из грубого теста, а сосуды пэнь, гуань и доу из Мяодигоу и Мацзявань — из чистого красного теста.

Если сравнить образцы орнамента на керамических изделиях памятников верхнего и нижнего течения Хуанхэ, то также можно отметить едва ли случайное тождество, проявляющееся как в способах нанесения узора, так и в некоторых видах орнамента. Во-первых, в Центральной равнине, как и в Ганьсу, представлены все способы орнаментации: резной, штампованный, налепной и росписной. В Баньпо и Мяодигоу широко применялись различные виды штампованных узоров. Особенно часто на поверхности изделий прослеживаются отиски веревок, которыми обычно украшали бутылки пин, кувшины гуань и ху. Точно такие же отиски встречаются на поверхности сосудов из Ганьсу. Налепной орнамент — самый распространенный после росписи прием украшения керамики не только в Баньпо и Мяодигоу, но и в Ганьсу. И там и здесь особенно популярны выпуклый налеп и разнообразные полосы; в росписи использовались преимущественно два цвета: красный и черный. Перед росписью поверхность сосудов чаще всего покрывалась белым или красным ангобом. Так же, как и в Ганьсу росписной орнамент на керамических изделиях из Центральной равнины распадается на 4 больших группы: антропоморфные, зооморфные изображения, растительные и геометрические узоры. Сравнивая элементы росписного орнамента на керамических изделиях Баньпо, Мяодигоу и Ганьсу, убеждаемся, что между ними существовала тесная взаимосвязь и преемственность традиций. Достаточно сказать, что все элементы геометрического орнамента, украшавшие сосуды Ганьсу, прослежены и на изделиях из центральной равнины (разнообразные полосы, круги, квадраты, шахматный узор, полог, узоры в виде букв S, C и иероглифа жэнь). Последнее особенно примечательно, так как впоследствии именно из этих узоров в Ганьсу возникает характерный бапшаньский стиль.

Все изложенное выше позволяет отметить не только тесную взаимосвязь между двумя крупными ареалами распространения культуры яншао, но и определенную преемственность традиций, проявляющуюся как в технологии производства керамики (выбор и качество теста, способ изго-

⁸ Meyerberg P. Bericht über die Untersuchung Alt-Chinesischer Tonsherben der Andersson-schen Ausgrabungen.—«Palaeontologica Sinica. Ser. D», vol. 1, fasc. 2, p. 35—40; Sundius N. Some Aspects of the technical development in the manufacture of the Chinese Pottery wares of pre-ming age.—«BMFEA», 1961, vol. 33, p. 103—124.

товления, обработка поверхности, обжиг сосудов), так и в ее типологии (категории сосудов и способы их орнаментации). Более того, сопоставление керамических находок дает возможность в какой-то мере определить хронологическую взаимосвязь между ними.

До сих пор при сравнении материалов различных стоянок особое внимание обращалось на то общее, что объединяет оба района. Теперь следует попытаться выявить черты своеобразия каждого из них. Что касается технологии производства, то можно отметить несколько существенных моментов: если на первом этапе изготовлялось много грубой керамики, то на втором, в Ганьсу, заметно увеличилось количество чистой расписной посуды. Вместо остродонных чаш бо, мисок пэнь и бутылей пин появляются изящные плоскодонные сосуды. На некоторых изделиях, вроде кувшинов гуань и ху, мисок пэнь и бокалов доу, теперь прикреплялись ручки. Размеры многих сосудов увеличиваются, прежде всего это относится к кувшинам ху и гуань. Если вначале для украшения керамики широко применялся наклепной орнамент, то затем его сменяет расписной. В Ганьсу для ангобирования изделий использовали не только белую, но и красную краску. Здесь по сравнению с Баньпо и Мяодигоу преобладает полихромная роспись.

Кроме того, гончары из Ганьсу, используя простейшие элементы росписи Баньпо и наследуя опыт и традиции расписных дел мастеров неолита бассейна Хуанхэ, достигли такого совершенства, что с помощью всевозможных сочетаний простых элементов получали сложнейшие и оригинальные по вариациям узоры. При этом, однако, не следует забывать, что и Баньпо, и Мяодигоу характеризуются также ярко выраженным своеобразием, что позволяет рассматривать их как отдельные комплексы.

Сказанное выше позволяет не только подтвердить вывод о безусловном единстве и определенной преемственности между двумя районами распространения яншаоской керамики, но и открывает возможность по-иному решать вопрос о происхождении культуры яншао. Это тем более кажется оправданным, поскольку в последнее время китайским археологам удалось с помощью радиоуглеродного анализа установить дату стоянки Баньпо (4080 ± 3600 лет до н. э.), что окончательно убеждает в значительно более раннем возрасте ее по сравнению с неолитическими памятниками Ганьсу. Следовательно, искать истоки культуры яншао на западе, как предпочитают решать проблему некоторые археологи, теперь будет более чем затруднительно, а может быть, и вообще невозможно. В этой связи значительно большего внимания заслуживают южные районы Китая, где в неолите была широко распространена красная с веревочным тиснением керамика, которая существовала задолго до появления расписной посуды. На юго-восточные корни яншаосцев наводят также и некоторые антропологические факты (череп из Баоцзи, провинция Шэньси)⁹. Во всяком случае никто из антропологов не опроверг вывода о том, что наиболее ранние представители культуры яншао относятся к южномонголоидной ветви монголоидного расового ствола. Можно, следовательно, со значительной долей вероятности предположить, что предки тех, кто оставил в бассейне Хуанхэ памятники культуры яншао, мигрировали на север Китая с юга, а не с запада.

⁹ Янь Инь и др. Исследование человеческих костей на стоянке Баньпо, Сиань.— «Каогу», 1960, № 9, с. 36—47; Янь Инь. Неолитические скелеты, найденные в Хуасянь, пр. Шэньси.— «Каогусяэбао», 1962, № 2, с. 85—104.

II. ЭПОХА МЕТАЛЛА

В. П. Левашева

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АБАКАНЕ В 1945 Г.

Город Абакан сравнительно молодой. Он образовался из слияния бывшего старинного села Абаканская Управа с поселком при железнодорожной станции Абакан, возникшем в 1925 г.

В разных пунктах городской территории встречаются остатки древних могильников, один из которых был раскопан нами в 1945 г. близ церковной ограды, т. е. в самом центре бывшего села Абаканская Управа. Возможно, что где-то неподалеку еще в 1898 г. производил раскопки А. Адрианов¹.

Исследованный нами могильник состоял из девяти каменных гробниц, расположенных по отношению друг к другу без определенного порядка и обнесенных общей оградой из вертикально врытых каменных плит, края которых местами выступали на поверхность (рис. 1). Возможно, что прежде всего это был невысокий курган, 15—20 м в диаметре, но ко времени наших раскопок насыпь дороги, проходящей через могильник, была совершенно развезжена, лишь в некоторых местах выступали на поверхность края вертикально врытых плит.

Гробницы представляли собой прямоугольные, реже — трапециевидные ящики из вертикально поставленных плит, ориентированные головным концом в юго-западном направлении. Лишь в одном случае (гробница № 7) покойники были ориентированы головой на северо-запад, а в другом (гробница № 2) — на юго-восток.

Все гробницы в древности были покрыты каменными плитами, но до нашего времени дошли лишь остатки этих покрытий, так как выступавшие наружу плиты еще в старину использовало местное население. Только на одной гробнице (№ 8) уцелели довольно крупные плиты, целиком покрывавшие трапециевидный в плане ящик. В нем найдены разрозненно лежавшие (некоторые в сочлененном положении) кости скелета взрослого человека и при них, в центральной части могилы, 3 черепа (два теменем вниз и один на боку).

Часто дно гробницы устилали каменными плитами или сплошь (гробницы № 5, 6), или частично (№ 2—4, 9). Иногда наблюдалось понижение дна могилы к ногам, а череп лежал на некотором возвышении, на более толстой или косоположенной плите.

Как правило, исследованные захоронения находились в непо потревоженном состоянии, но иногда встречались только отдельные кости неполных скелетов, одного или нескольких.

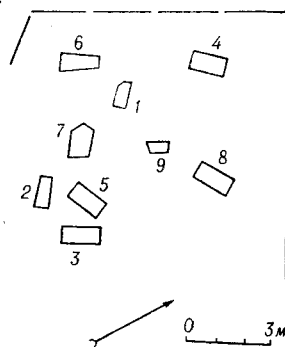

Рис. 1.

¹ Адрианов А. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924.

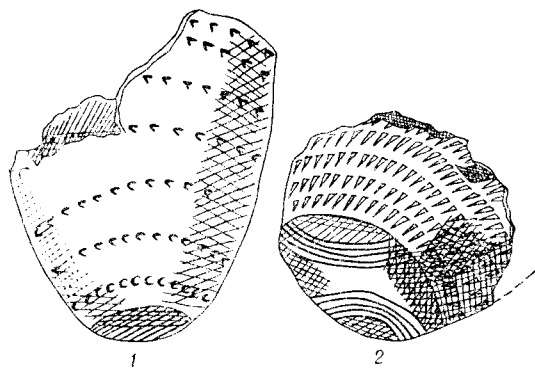

Рис. 2.

ниями на пол. Здесь же, в восточном углу, в щели между плитами стенок, где проходила нора животного, найден опрокинутый вверх дном сосуд (рис. 2, 2). В противоположном конце на глубине 0,4 м на полу тоже лежала большая плита, а середина гробницы не была вымощена. Мелкие части сосуда попадались на глубине 20—25 см в средней части могилы.

Гробница № 2 представляла собой трапециевидный каменный ящик длиной 0,8 м, шириной 0,5 м в юго-восточном конце и 0,4 м в северо-западном, глубиной 0,35 м. На дне его вдоль юго-западной стенки лежал на спине с согнутыми ногами, головой на юго-восток костяк ребенка лет четырех². Череп лежал несколько приподнято на небольшой плитке. У правого виска его найдено бронзовое височное кольцо с заходящими концами (рис. 3, 1), а обломки второго кольца оказались под черепом. В восточном углу гробницы на каменной плитке лежал на боку небольшой глиняный сосуд.

Прямоугольная **гробница № 4** длиной 1,3, шириной 0,65, глубиной 0,35 м, вытянутая с северо-востока на юго-запад, содержала погребение женщины и младенца, сопровождающиеся самыми интересными и важными из находок данного могильника.

Плиты стенок каменного ящика поставлены несколько наклонно (гробница суживается ко дну), покрытие не сохранилось, на дне гробницы кое-где (под грудной клеткой, под кистью правой руки и под ступнями) были положены небольшие плитки.

Костяк женщины лежал на спине, головой на юго-запад. Череп несколько приподнят, правая рука вытянута вдоль корпуса, кисть ее под тазом, левая слегка согнута в локте, кисть на тазу. Ноги скрещены и круто согнуты в коленях, так что поставленные на пол ступни почти прижаты пятками к тазу.

Детский костяк очень плохой сохранности лежал с левой стороны от женского костяка, ориентирован в том же направлении. Крупные части черепа и трубчатые кости ребенка находились над левой половиной таза женщины и с внешней стороны ее левого локтя (рис. 4, а).

Тут же найдены 2 уникальные костяные пластинки с графическим изображением человеческого лица на каждой. Одна пластинка (рис. 5, б) лежала изображением вниз на левом локте (под резцом бобра), другая (рис. 5, а) — изображением вверх, рядом, на обломке детского черепа.

Около середины правой плечевой кости женщины найдены бусины: 6 из белой пасты округлых и биконических (см. рис. 3, 4), 2 мелкие цилиндрические из сероватого камня (см. рис. 3, 3) и пастовая пронизка в

Так, например, в прямоугольной **гробнице № 3**, сложенной из хорошо подогнанных плит и имевшей длину 1,3, ширину 0,43, глубину 0,5 в северо-восточном конце и 0,4 м в юго-западном, на большой плите, занимавшей во всю ширину северо-восточный конец покатого в этом направлении пола, найдены в сочлененном положении кости ног с левой половиной таза и кисти левой руки. Ноги были круто согнуты в коленях и поставлены ступ-

² Индивидуальные детские захоронения были еще в двух гробницах (№ 1 и 9), но в них оказались лишь отдельные кости плохой сохранности.

виде четырех неразделенных биконических бусин (см. рис. 3, 2). Судя по месту находки, все эти бусины могли составлять браслет.

У юго-восточной стенки, в ногах покойницы был вертикально воткнут в пол костяной игольник, и в нем костяная игла с ушком (см. рис. 3, 8, 9). Около игольника лежала привеска из просверленного зуба животного. В области таза женского костяка были найдены 4 таких же резца, как лежавший на уникальной пластинке. В восточном углу гробницы, с левой стороны черепа лежал на боку глиняный сосуд баночной формы, сплошь покрытый подтреугольными вдавлениями в 7 рядов (см. рис. 2, 1).

Гробница № 6, тоже содержащая погребение женщины с ребенком, представляла собой трапециевидный ящик из хорошо подогнанных плит. Длина гробницы 1,32, ширина 0,63 в юго-западном конце (при глубине 0,18 м) и 0,5 м в северо-восточном (углубленном до 0,3 м). Пол был выложен тонкими плитами, а в головном конце лежала более толстая. Обломки плит покрытия попадались в засышке гробницы.

Костяк женщины лежал ближе к юго-восточной стенке могилы, на спине, головой на юго-запад. Череп приподнят, позвоночный столб несколько изогнут, руки вытянуты вдоль корпуса, кисти рук под тазом. Ноги резко согнуты в коленях по направлению к юго-восточной стенке и кверху, стопы поставлены на плиту пола.

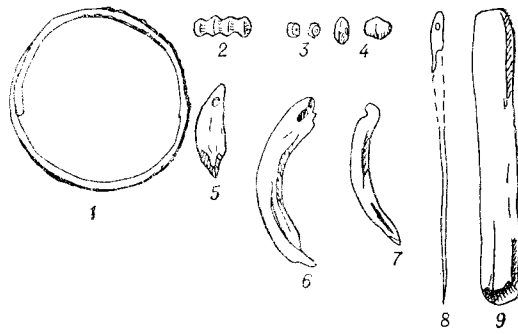

Рис. 3.

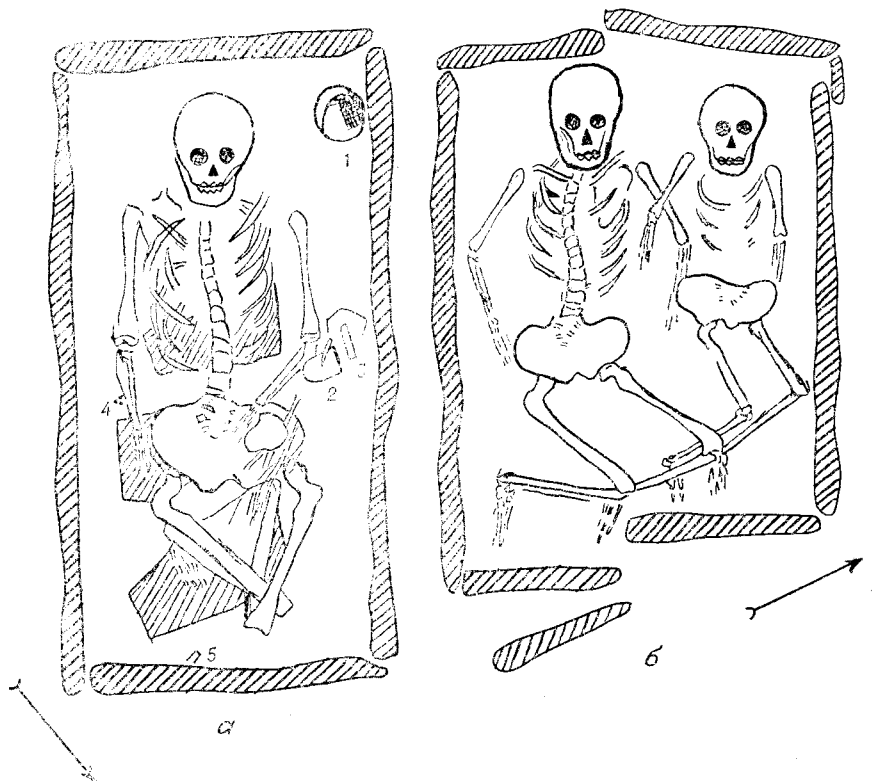

Рис. 4.

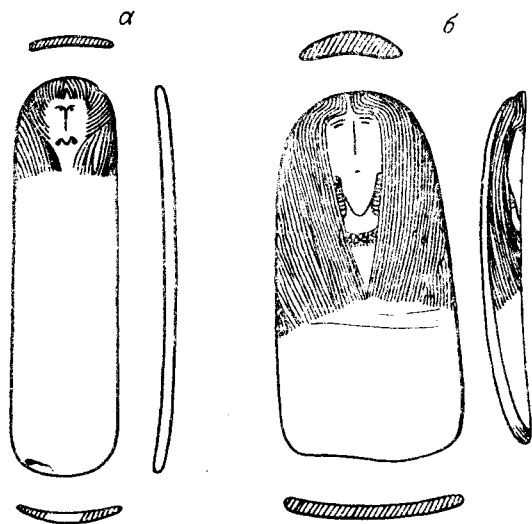

Рис. 5.

В засыпке могилы, преимущественно в восточной половине, встречались разрозненно лежавшие (но некоторые в сочлененном положении) кости взрослого человека; в верхних слоях того же восточного конца выступили коленные суставы скелета, лежавшего на дне могилы.

Положение и ориентировка лежавшего на дне гробницы костяка — обычные для данного могильника — на спине, руки вытянуты, ноги круто согнуты в коленях, ступни поставлены на пол, череп этого скелета отсутствует.

В западной и центральной частях гробницы выше скелета основного погребения находился в потревоженном состоянии костяк ребенка лет 5—6, лежавший на спине, головой на юго-запад, с согнутыми (коленями к северу) ногами. В северо-западном углу гробницы против черепа ребенка лежал на боку небольшой орнаментированный сосуд обычной формы. Других вещей в могиле не было.

Гробница № 7 при обычной длине 1,3 и глубине 0,3 м выделяется среди остальных своей шириной (0,85 м) и кривизной стенок из небрежно поставленных плит (см. рис. 4, б). В этой могиле оказалось парное захоронение взрослого мужчины и подростка (или женщины?).

Костяк взрослого человека лежал в юго-западной половине гробницы на спине, головой на северо-запад; руки откинута в стороны и согнута в локтях. Кисть правой руки подходит к внешнему краю таза; левая плечевая приходилась под правым плечом соседнего костяка, а локтевая с лучевой под правым краем таза подростка (женщины?). Ноги резко согнуты в коленях, ступни лежали боком.

Второй костяк (женский?) лежал в таком же положении, как и первый. Левая рука вытянута, правая плечевая кость немного сдвинута и перекрывает плечо мужчины, а нижние части берцовых костей и ступни лежали под левым коленом первого костяка.

В правой половине верхней части грудной клетки мужчины найден каменный наконечник стрелы подтреугольной формы с выемкой в основании, причем один уголок нижнего края отломан. находка наконечника в грудной клетке позволяет думать, что покойный был убит стрелой, пронзившей его сбоку под лопатку. Положение рук и ног скелетов говорит об одновременном захоронении умерших.

* * *

В 1945 г. окуневскую культуру еще не выделили, но характерная форма сосудов, найденных при раскопках 1945 г., была знакома нам

Костяк ребенка лет двух лежал слева от женского, вытянуто, на спине, головой на юго-запад. От него сохранились лишь черепная крышка и трубчатые кости конечностей (за исключением правых локтевой и лучевой). Вещей в могиле не найдено.

Гробница № 5 содержала захоронение трех покойников. Длина этой гробницы, ориентированной с запад—юго-запада на восток—северо-восток, 1,3, ширина 0,5, глубина 0,3 в восточном и 0,15 м в западном конце, пол был выложен плитками (за исключением восточного конца).

по материалам Минусинского музея, где такие сосуды определялись С. А. Теплоуховым как андроновские, и по находке горшочка в наших раскопках 1930 г. в каменном ящике впускного погребения в кургане афанасьевской культуры близ улуса Красный Яр³. Напрашивалась датировка переходным временем от афанасьевского к андроновскому, что соответствовало позднему этапу афанасьевской или раннему андроновской культуры. С такой датировкой согласился и С. В. Киселев⁴.

М. Н. Комарова, опубликовавшая в 1947 г. материалы раскопок С. А. Теплоухова близ Окунева улуса, отнесла такого рода памятники (включая и две могилы из числа исследованных в 1899 г. Адриановым у Абаканской Управы) к раннему этапу андроновской культуры⁵. Л. Р. Кызласов, не соглашаясь с М. Н. Комаровой, считал памятники с подобной керамикой афанасьевскими⁶. Наконец, благодаря работам Красноярской экспедиции на р. Черновой, где исследовано больше 100 погребений, с материалами, аналогичными окуневским, была выделена особая окуневская культура первой половины II тыс. до н. э.⁷

О сходстве нашей керамики с общепризнанной окуневской уже говорилось; другими общими признаками М. Н. Комарова и Г. А. Максименков считают каменные гробницы и положение покойников на спине с согнутыми ногами и юго-западную ориентировку. Все эти признаки есть и в могильнике у Абаканской церкви. Бронзовые височные кольца, подобные нашему (см. рис. 3, 1), известны из раскопок на р. Черновой⁸ и почти такие же из могильника Окунева улуса⁹. Костяной игольник с иглами, аналогичный нашим (рис. 3, 8, 9), найден Л. Р. Кызласовым на р. Уйбате в гробнице окуневской культуры, и такие же встречались в могильниках Окунева улуса и на р. Черновой¹⁰.

Интересные находки раскопок 1945 г. — это костяные пластинки из гробницы № 4 (см. рис. 5). На одной из них (более широкой), лежавшей изображением вниз, на левом локте женского костяка, выгравировано лицо человека с длинными волосами, которые разделены на прямой пробор и спускаются на грудь, обрамляя щеки и шею. Нос прямой и длинный обозначен вертикальной линией, а рот — маленькой горизонтальной. Также прямыми линиями изображены брови и глаза, отнюдь не раскосые, как определяла Э. Б. Вадецкая¹¹, — ведь обращенные к носу концы их не опущены, а, наоборот, приподняты. Гравировка на шее изображает ожерелье или отделку круглого ворота. Вдоль длинного подбородка спускаются привески или серьги.

Вторая пластинка, лежавшая изображением вверх, на обломке детского черепа, длиннее и уже первой. На ней тоже выгравировано человеческое лицо, тоже с длинными волосами, но спускающимися только до плеч. Нос такой же прямой, но сросшиеся над ним брови изображены округлыми линиями, а глаза — точками. Неясно, что обозначает ломаная, с завитками линия на месте рта — может быть губы с усами? Волосы зачесаны несколько иначе, чем у первого изображения. Никакие другие детали не обозначены.

³ Левашева В. П. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакасии. — В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962.

⁴ В раскопках могильника принимали участие археологи Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев.

⁵ Комарова М. Н. Погребения Окунева улуса. — «СА», 1947, № 9.

⁶ Кызласов Л. Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь. — «СА», 1962, № 2.

⁷ Максименков Г. А. Окуневская культура в Южной Сибири. — «МИА», 1965, № 130.

⁸ Там же, рис. 2, 3.

⁹ Комарова М. Н. Указ. соч., рис. 3, 7, 8.

¹⁰ Кызласов Л. Р. Указ. соч., рис. 4, 9—11; Комарова М. Н. Указ. соч., рис. 3, 2, 3; Максименков Г. А. Указ. соч., рис. 2, 6.

¹¹ Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. Л., 1967, с. 15.

Ничего похожего на эти предметы среди древних произведений графического искусства археологи в 40-х гг. не знали.

Длинные, спускающиеся на плечи волосы, обрамляющие лицо с острым подбородком и прямым носом, напоминали хранящуюся в Минусинском музее плиту из Усть-Еси, но этот памятник с реалистическим изображением лица сам стоял особняком среди массы изваяний фантастических существ, древних памятников Минусинской котловины.

Пришлось пересмотреть вопросы развития местного изобразительного искусства и датировки его памятников. Поэтому, хотя отчет о раскопках не был еще опубликован, изображения наших пластин и соображения о датировке и семантике их неоднократно появлялись на страницах изданий¹².

Только в 1960-х гг., в раскопках тех же памятников на р. Черновой, благодаря которым окончательно выделена окуневская культура, были найдены в женских могилах такие же костяные пластинки с изображениями длинноволосых женских головок, аналогичные нашим. На основе сравнительного этнографического материала исследователи могильников на р. Черновой определяют эти костяные пластинки (так же, как и каменные скульптурные головки на шее-столбике) как домашних идольчиков, представляющих женское божество. Таким образом, загадка наших находок в гробнице № 4 разрешилась.

Ж. В. Андреева

СЛЕДЫ МЕСТНОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В ПРИМОРЬЕ В ПАМЯТНИКАХ II ТЫС. ДО Н. Э.

На протяжении многих веков металлургия определяла общий уровень материального развития. Именно эта область человеческой деятельности оказывала революционизирующее влияние на все сферы хозяйственной жизни человеческих коллективов. В этой связи большое значение имеет выяснение вопроса о появлении и развитии местной металлургии в Приморье. Находки металлических предметов свидетельствуют лишь о знакомстве с тем или иным металлом. Только выявив весь комплекс процессов, включающих в себя добычу сырья, его переработку и получение готовых изделий, можно доказать, что металлургическое производство было местным.

Первые следы знакомства с металлом и металлургией в Приморье связаны с памятниками конца III—II тыс. до н. э. На поселении этого времени, расположенном на восточном побережье Приморья, в бухте Валентин, в процессе раскопок Г. И. Андреевым было найдено большое количество каменных мотыг, терок, терочников. В результате проведения трасснологического анализа С. А. Семенов пришел к выводу, что мотыги с этого поселения служили для добывания руды, а дальнейшая обработка и дробление ее производилось на плитах из морских галек

¹² Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.—«МПА», 1949, № 9, табл. VIII, 3, 4; Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами.—«СА», 1950, № 12; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2-е. М., 1951; Он же. К изучению минусинских каменных изваяний.— В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, рис. 1.

курантами яйцевидной формы. По мнению А. С. Семенова, недифференцированность форм мотыг, плит для растирания, курантов свидетельствует о начальной стадии металлургического производства¹.

Г. И. Андреевым на поселении найдены 2 глиняные ошлакованные льячки. Анализ показал, что шлак был железный². Известно, что при плавке флюсом могла служить охра³. Во время раскопок на этом поселении в 1972 г. найдены металлические слитины, обломки ошлакованных глиняных сосудов⁴.

На более поздних памятниках появляются изделия из камня, имитирующие бронзовые. На поселении конца II тыс. до н. э. в пади Харинской найдены наконечник копья и бляшка, имитирующие бронзовые предметы⁵. В группе поселений конца II тыс. до н. э., расположенных в Восточном Приморье, в Ольгинском районе, также среди находок известны каменные книжалы и наконечники копий, подражающие литым бронзовым: на поселении в бухте Морьяк Рыболов⁶, поселении этой же культуры в с. Пермском, в пещере у подножия Синих Скал, в нижнем слое поселения Синие Скалы⁷.

В 1970 г. во время раскопок на поселении железного века (V—VIII вв. н. э.)⁷ Синие Скалы на его западной окраине были найдены остатки литейной мастерской.

Мастерская, как и остальные сооружения данного поселения, представляла собой полуземлянку, расположенную на склоне сопки. Западная стенка котлована находилась в нескольких метрах от обрывистого гребня сопки и шла почти параллельно этому гребню. Стенки котлована были почти вертикальными и наибольшей глубины (около 1 м) достигали в западной части. В ряде случаев вдоль стен прослеживались углистые прослойки, следы деревянной обшивки стен. Дно котлована неровное, с неглубокими бесформенными ямками, с выходами материковой скалы и щебня. Лишь в отдельных местах удалось проследить небольшие площадки, покрытые тонким слоем светлой глины. В центре западной части котлована на полу отмечено углистое пятно.

Пол в центральной части мастерской был несколько опущен. Наиболее интересна юго-восточная часть сооружения. Это место представляло собой площадку, приподнятую над уровнем основного пола мастерской. Юго-восточную часть площадки занимало овальных очертаний скопление обожженной красной глины (2,2 × 1,2 м). При приближении к западной окраине площадки находилось несколько ям. В западной части поселения почти на поверхность выходят скальные породы. Поэтому стенки ямок вертикальные, почти сплошь состояли из крупного обломочного материала, дно ямок плоское.

Диаметр ямки в юго-западной части площадки 40, глубина 40 см. Возле северного борта ямки — углистое пятно. Две другие ямки находились в северной части площадки. Диаметр восточной 60, глубина 70 см. Западная ямка примерно таких же размеров была заполнена древесным углем и почти на половину своей глубины имела желобовидное соединение с северным краем площадки. Возле ямок шел углистый слой. Против

¹ Семенов С. А. Каменные орудия эпохи ранних металлов.—«СА», 1969 № 2, с. 5, 6, 8, 9, рис. 1, 2 (а, б).

² Андреев Г. И. Исследования в бухте Валентин.—«КСИА», 1964, вып. 97.

³ Черников С. С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, с. 52.

⁴ Гарковик А. В. Возобновление раскопок на поселении в бухте Валентин Лазовского района.— В кн.: Археологические открытия 1972 г. М., 1973.

⁵ Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия.—«СЭ», 1969, № 2, с. 6.

⁶ Окладников А. П. Древнее поселение в бухте Пхусун.— В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.

⁷ Андреева Ж. В. Древнее Приморье. М., 1970, с. 126—127.

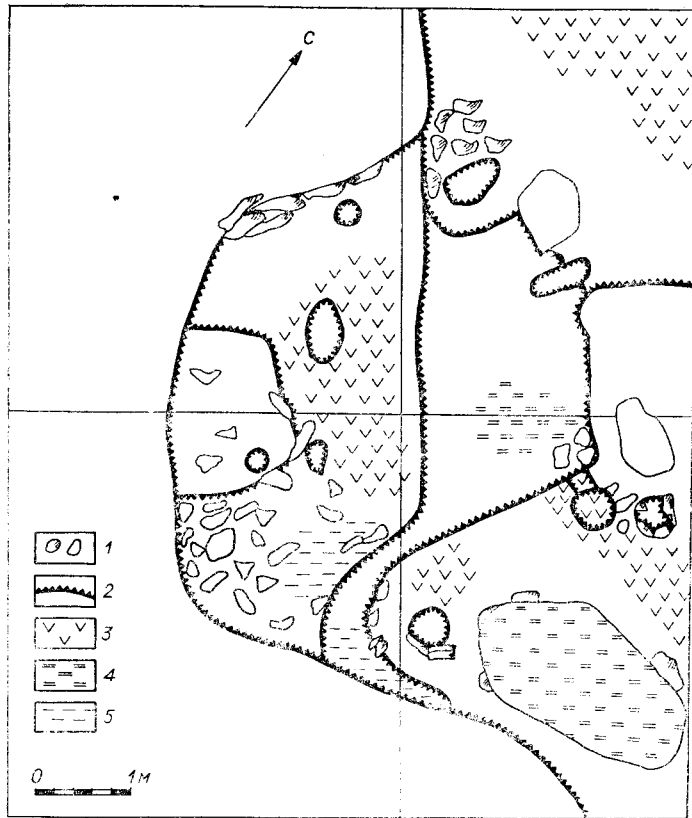

Рис. 1. Окончательный план раскопа литейной мастерской поселения Синие Скалы.

1 — камни; 2 — границы углублений; 3 — углистые скопления; 4 — скопления жженой глины; 5 — светлая глина.

северо-западной ямки на нижней площадке прослеживалось скопление жженой красной глины (рис. 1).

Находки из заполнения котлована обычны для поселения Синие Скалы. Некоторая особенность прослеживалась лишь в малом количестве чисто бытовых предметов да в обилии обломков светильников. Интересно, что светильники точно такие же, как найденные в гончарной мастерской на южной окраине поселения. Но наиболее интересные находки, связанные с литьем металла, были в юго-восточной части мастерской, вдоль края площадки и над площадкой (рис. 2). В числе этих находок есть литейные формы.

Первая литейная форма (находки 12, 12а) представляла собой каменный брусок удлиненно-четырёхугольных очертаний ($11,3 \times 3,3 \times 1,3$ см). Форма разбита, разлом проходит почти посередине. Рабочая часть формы представляет собой цепочку из пяти конусовидных углублений, соединяющихся краями. Крайнее углубление соединено с торцевой стороной формы коротким литником. На этой же торцевой стороне были небольшие выемки цилиндрической формы — следы крепления со второй половинкой, которой в раскопе не оказалось. Данная форма служила для отливки пуговиц. В 1972 г. при раскопках в южной части поселения были найдены в одном из жилищ 3 бронзовые пуговицы, отлитые если не в только что описанной, то в такой же форме. Бронзовые предметы, обломки ошлакованных глиняных сосудов, капли свинца и куски свинца и ранее находили на этом поселении, но только теперь можно

говорить о местном бронзолитейном производстве здесь в середине I тыс. н. э. (рис. 3, а).

Еще больший интерес представляют обломки второй литейной формы (находка 24, см. рис. 3, б). Размеры сохранившейся части $17,7 \times 4,7 \times 1,4$ см. Полностью форма не подбирается. Форма почернела, несет следы длительного употребления. Как и первая, сделана она из камня и представляет собой брусок удлиненно-четырёхугольных очертаний. Одна широкая поверхность служила для отливки пуговиц, точно таких же, как на первой форме, и крючков. Другая же широкая поверхность формы служила первоначально одной из половинок для отливки крупного втульчатого наконечника копья. Форма пера неизвестна, так как в этом месте первоначальная поверхность изделия сточена и на защищенной поверхности нанесен желобок для отливки крючка. Втульчатые литые бронзовые наконечники копий неизвестны в Приморье на памятниках первой половины и середины I тыс. н. э., но зато известны имитации бронзовых предметов в камне в памятниках маргаритовской культуры, датировемых концом II тыс. до н. э. Именно к этой культуре относится материал нижнего слоя поселения Синие Скалы. Только что описанная литейная форма несет на себе следы вторичного употребления. При строительстве жилищ и мастерских в поздний период обитания поселения, т. е. в середине I тыс. н. э., при рытье котлованов под сооружения разрушался культурный слой пхусунской культуры. При этом были найдены и использованы вторично древние формы для литья.

Примером неоднократного использования форм может служить следующая находка (находки 14, 18; см. рис. 3, в). Она также представляет собой брусок удлиненно-четырёхугольных очертаний ($12,3 \times 3,3 \times 1$ см). Одна из широких сторон служила некогда составной частью формы для отливки втульчатого наконечника копья с пером листовидных очертаний, вторая широкая сторона — для отливки двух втульчатых наконечников стрел с вытянутым треугольным пером и двумя жальцами. На этой же стороне, но на противоположном конце бруска отливался крючок. Описываемая форма состоит из двух обломков. Через трещину прочерчены три черточки, с той стороны, на которой отливали наконечники стрел и крючок. Складывается впечатление, что вторичное использование формы произошло еще в конце II тыс. до н. э. для отливки наконечников стрел и, возможно, крючка.

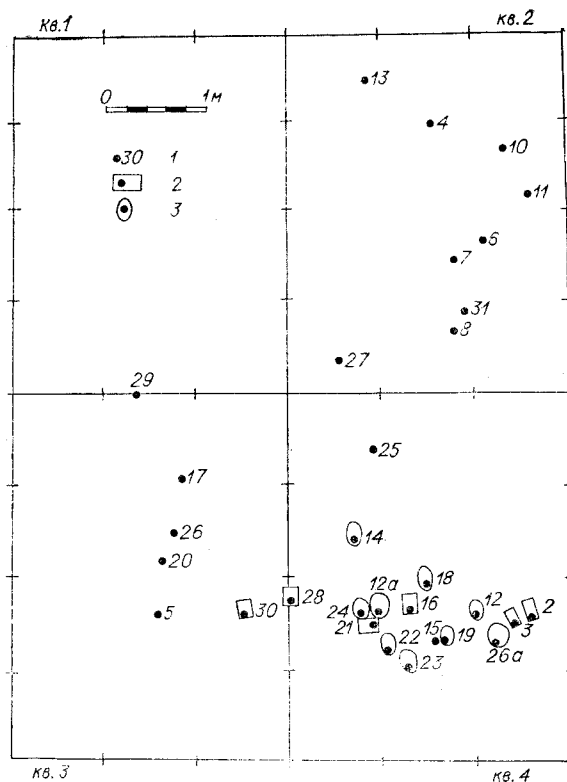

Рис. 2. План расположения наиболее интересных находок в литейной мастерской поселения Синие Скалы.

1—находки; 2, 3 —обломки литейных форм.

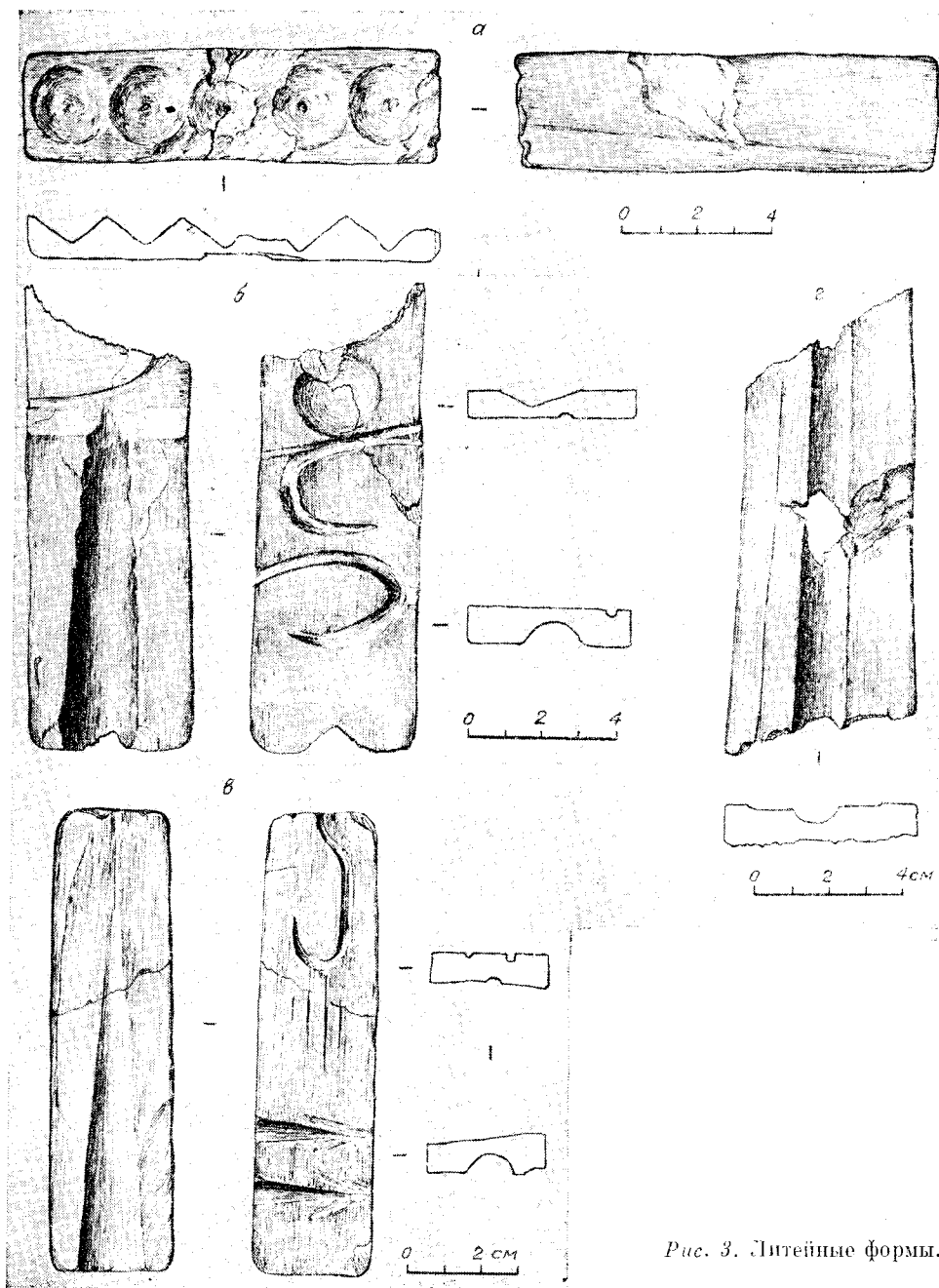

Рис. 3. Литейные формы.

Наконечник копья, его форма напоминают одну из случайных находок эпохи бронзы из Забайкалья⁸. В типологическом отношении он сходен с наконечниками сеймско-турбинского типа, которые встречаются на обширной территории от европейской части нашей страны через Поволжье, Западную Сибирь до Южной Сибири и Забайкалья⁹.

В этой же мастерской найдено еще 4 обломка сильно разрушенной литейной формы из той же серой кристаллической породы, возможно,

⁸ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улац-Удэ, 1958, табл. XXI, 3.

⁹ Кривцова-Гракова О. А. Бессарабский влад. М., 1949, табл. I, II, с. 19—24, 28.

с примесью графита, что и остальные (находки 16, 21, 22, 23; см. рис. 3, з), для отливки кинжала с узким плоским лезвием и почти цилиндрической осевой частью. Предметы, которые отливались в описанных формах, очень напоминают каменные имитации бронзы, находимые в памятниках пхусунской культуры, датируемой второй половиной — концом II тыс. до н. э.

Особенностью каменного инвентаря памятников названной культуры является обязательное наличие шлифованных и полированных кинжалов, подражающих карасукским образцам, наконечников копий, имитирующих литые бронзовые; шлифованных предметов из вулканического туфа, напоминающих по внешнему виду пашки; более высокого процента, чем в одновременных памятниках Приморья иных культур, ножевидных пластин, изделий из них и вкладышевых орудий. Для керамических изделий характерны сосуды с воротничковым венчиком, украшенным оттисками гребенчатого штампа, насечками, и неорнаментированными стенками; сосуды с туловом, украшенным прочерченным вертикальным зигзагом или елочным узором, и гораздо реже — сосуды с поверхностью, окрашенной в яркий малиновый цвет, с нанесенным по этому фону темной краской узором.

Находки, сделанные на поселении Синие Скалы, позволяют утверждать, что обитатели Приморья во второй половине II тыс. до н. э. не просто знали изделия из бронзы, но и изготавливали их.

В течение нескольких лет ведутся раскопки интересного памятника Синий Гай в районе оз. Ханка. В слое, содержащем находки, аналогичные находкам из поселения в пади Харинской, были найдены бронзовые предметы, близкие к позднекарасукским образцам, которые можно датировать рубежом II—I тыс. до н. э.¹⁰

В результате широких археологических исследований, проводимых последние два десятилетия на территории Приморья вначале Дальневосточной археологической экспедицией, а затем и Сектором археологии (теперь Института истории, археологии и этнографии ДВНЦ АН СССР) и Дальневосточным государственным университетом, собран большой фактический материал, изучение и анализ которого позволяют сделать вывод о существовании в Приморье во II тыс. до н. э. бронзового века, поскольку в этот культурно-исторический период обитатели Приморья не только знали металл, но умели добывать руду и плавить металл.

В последующий культурно-исторический период, в эпоху раннего железного века, сохраняются и дальше развиваются традиции, которые складываются в металлургии Приморья во II тыс. до н. э. Изделия из бронзы на поселенях раннего железного века янковской культуры крайне немногочисленны, но для этого периода и этой культуры характерны многочисленные поделки из камня, имитирующие литые бронзовые. Чаще всего копируются совершенно определенные категории вещей — боевое оружие: ножи, кинжалы, наконечники копий. Эти шлифованные предметы из сланцевых пород образуют целые серии. Часть из них лишь отдаленно напоминает металлические оригиналы, часть же воспроизводит их довольно точно. Сходство наиболее ярких имитаций с бронзовыми оригиналами позволило исследователям использовать указанную особенность описываемой категории находок для датировки янковской культуры. Отдельные находки, как, например, нож с о. Попова, напоминают карасукские ножи. Но гораздо больше кинжалов, подражающих более поздним тагарским образцам. Эти находки

¹⁰ Бродянский Д. Л. Раскопки у с. Синий Гай в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972.

известны и из окрестностей Тавричанки, и с п-ова Песчаного, и с поселения Малая Подушечка, и из других мест¹¹.

Область распространения изделий из камня, имитирующих литые бронзовые, довольно широка и охватывает памятники долины р. Амур, Корейский полуостров, Японские острова и отражает своеобразие знакомства с бронзой в этих районах Восточной Азии¹².

Каков характер бронзы, типологическая принадлежность изделий из бронзы в памятниках Приморья конца II, рубежа II—I тыс. до н. э.? Из наиболее мощных центров древнего металлургического производства, известных в наши дни, особенно близки географически к Приморью два: один из них был расположен в долине р. Хуанхэ, второй — в Южной Сибири.

При описании изделий из бронзы, найденных в Синем Гае, литейных форм из поселения Синие Скалы, кинжалов и наконечников копий из поселений маргаритовской культуры и янковской культуры указывалось на сходство их с карасукскими и тагарскими образцами, сходство очень стабильное, позволяющее достаточно четко проследить временные изменения.

Мощная рудная база Южной Сибири и Восточного Забайкалья явилась основой, на которой развивались бронзовые культуры сопредельных областей. В течение многих веков существовали устойчивые связи между древними обитателями Приморья и Восточного Забайкалья, осуществляемые через бассейн Амура и, возможно, степные районы Центральной Азии. На эти связи неоднократно указывал в своих работах А. П. Окладников¹³ и доложил об этом на VIII Дальневосточной конференции историков во Владивостоке. О связи приморской бронзы с изделиями из бронзы в Южной Сибири и особенно Восточного Забайкалья говорил на той же конференции Л. Р. Кызласов.

Таким образом, результаты археологических исследований последних лет позволяют сделать вывод о существовании бронзового века во II тыс. до н. э. на территории Приморья, о существовании исторических контактов во второй половине II — первой половине I тыс. до н. э. между населением Приморья и Восточного Забайкалья.

Ю. С. Г р и ш и н

О ДРЕВНЕЙ ДОБЫЧЕ МЕТАЛЛОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Некоторые исследователи уже высказывали предположение, что Юго-Восточное Забайкалье в эпоху бронзы — один из крупнейших центров добычи металлов, который не только удовлетворял свои потребности в них, но и обеспечивал ими другие области¹. Однако это предположение больше основывалось на богатстве этого района цветными металлами,

¹¹ Окладников А. П. Приморье в I тысячелетии до нашей эры. — «СА», М., 1956, № 26, с. 78, 80, 81, 83; Он же. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 111—113 и др. его работы; Андреев Г. И. Побережье Южного Приморья в III—I тысячелетиях до нашей эры. Автореф. канд. дис. М., 1959, с. 11—12 и др. его работы; Андреева Ж. В. Древнее Приморье. М., 1970, с. 46—50; Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тыс. до н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1969, с. 15—16.

¹² Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — «МИА», М.—Л., 1963, № 112, с. 171.

¹³ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья; и др.

¹ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — «МИА», 1955, № 43, ч. III, с. 200—201; Кузнецов А. К. Предисловие к атласу археологических предметов, хранящихся в Читинском музее, с. 10.

чем на реальных данных. Хотя в настоящее время можно по-прежнему только предположить вероятность снабжения некоторыми металлами других районов, но относительно их местной добычи следует говорить утвердительно. Об этом свидетельствует ряд данных по древнему горному делу и выплавке металлов.

К сожалению, о древнем горном деле в Юго-Восточном Забайкалье имеются в основном только общие сведения и, как правило, их нет по конкретным рудоразработкам. Это объясняется главным образом тем, что древние рудники были уничтожены последующей добычей руд, особенно в последние века, а имевшие возможность наблюдать их специалисты горного дела зафиксировали только общие особенности.

В эпоху бронзы и раннего железа (II—I тыс. до н. э.) основными металлами, употреблявшимися для производства металлических изделий, были медь и олово, а в конечный период существования культуры плиточных могил начало использоваться и железо. Наличие древних рудоразработок этих металлов установлено по рекам Онону и Аргуни и некоторым их притокам². По общим свидетельствам, как и во многих других областях, это разработки преимущественно мягких и реже — твердых руд, причем велись они чаще открытым способом, в ямах и карьерах³. Имеются сведения и о добыче золота в отдельных местах Восточного Забайкалья (чаще в золотосодержащих песках), которое также иногда использовалось восточнозабайкальскими племенами эпохи бронзы и раннего железа⁴.

Доказательством того, что многие из этих рудников разрабатывались еще в эпоху бронзы, служат встречающиеся в них орудия из камня и бронзы и отсутствие железных⁵. Кроме того, некоторые известные восточнозабайкальские орудия древнего горного дела совершенно аналогичны орудиям из датированных памятников эпохи бронзы. Это прежде всего хранящийся в Читинском музее продолговатый, округлый в сечении молот, с опоясывающим его посредине углубленным желобком⁶ (см. рисунок, 1). Подобные орудия известны из рудников эпохи бронзы в Туве⁷. На древних золоторазработках были найдены также топорovidное орудие (см. рисунок, 2), в значительной мере близкое к обнаруженному на стоянке времени неолита и ранней бронзы у пос. Будулан, на р. Онон, и костяное книжаловидное орудие, близкое к известным глазковским прибайкальским, которые, однако, продолжают встречаться и в забайкальских плиточных могилах⁸.

Помимо того, косвенным доказательством разработки в эпоху бронзы и раннего железа оловянных месторождений Восточного Забайкалья и в первую очередь известных ононских могут служить и недавно опубликованные данные спектрального анализа 11 восточнозабайкальских медно-бронзовых изделий карасук-тагарских форм. Все они, за исключе-

² Озерский А. Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья. Спб., 1867, с. 44; Геннин В. Горная история. — «Горный журн.», Спб., 1828, кн. XI, ч. III, с. 102; Артемьев Б. Н. Новые данные об Ононском оловяно-медном районе. — «ВГК», 1925, № 1, с. 39.

³ Озерский А. Указ. соч., с. 35; Павлуцкий А. Краткое описание так называемых чудских древностей, имеющих вблизи Кличкинского серебряно-свинцового рудника, с указанием нахождения их и в других местах Нерчинского Горного округа. — «Зап. СОРГО», Иркутск, 1867, кн. IX и X, с. 478; Словоц П. А. Историческое обозрение Сибири. Спб., 1886, кн. I, с. 306.

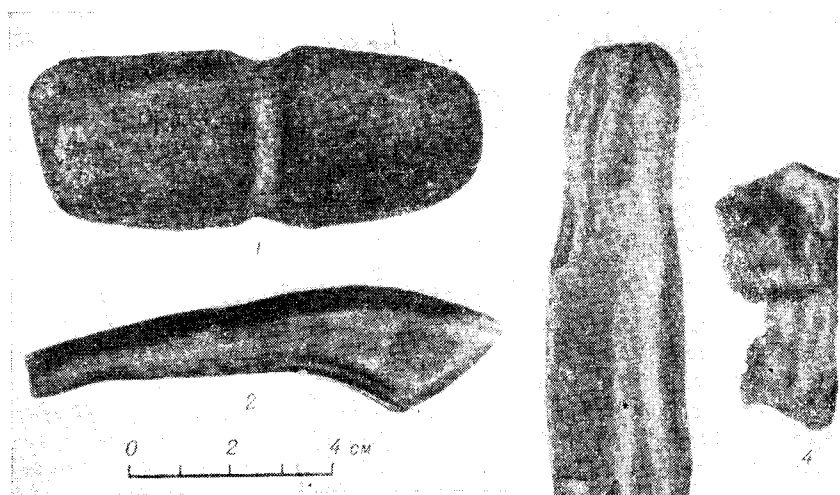
⁴ Павлуцкий А. Указ. соч., с. 507.

⁵ Там же, с. 477; Кузнецов А. К. Развалины Кондуйского городка и его окрестностей. Владивосток, 1925, с. 42.

⁶ Читинский Областной музей, инв. № 4948.

⁷ Кызласов Л. Р. Этапы древней истории. Тувы. — «ВМУ. Сер. ист.-филол.», 1958, № 4, с. 74, табл. 1, 22.

⁸ Читинский Областной музей, инв. № 879; Павлуцкий А. Указ. соч., с. 507; Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья. — «Труды Гос. Эрмитажа. Отд. истории первобытной культуры», Л., 1941, вып. 1, с. 285—286, рис. 15—2.

Предметы древнего горного дела и металлургии из Юго-Восточного Забайкалья. 1—каменный молот; 2—каменное топоровидное орудие; 3—каменный пест; 4—фрагмент глиняной льячки.

нием одного пожа, отличаются не только значительным процентом олова в бронзе, но также и его рациональным содержанием для отдельных категорий изделий, что, конечно, свидетельствует о добавлении олова к меди в качестве искусственной примеси. Так, олово в бронзовых ножах составляет 3—6%, в кинжале — 4, в мече — 7, а в орнаментированной пуговице, являющейся предметом украшения, — 10%⁹. Как-либо данных о наличии и древних разработках оловянного камня — касситерита — в ближайших соседних областях не имеется, поэтому есть все основания полагать, что олово было местным.

Имеющиеся данные относительно древней выплавки металлов из руд также очень малы. Ранние исследователи только сообщают, что в Забайкалье встречались плавильные печи, сложенные из камня, с проведенными от них небольшими трубками, около которых находились шлаки и пепел¹⁰. В них плавил главным образом медную и железную руду, причем в небольшом количестве. Георги, сравнивая их с печами русских кузнецов Восточной Сибири, полагает, что они были продолговато-четырехугольной формы и снабжались ручными мехами¹¹.

Некоторые места древних плавок в Восточном Забайкалье можно отнести по времени к бронзовому и раннему железному векам. Помимо медных шлаков, обнаруженных на некоторых стоянках с материалами эпохи бронзы (например, у пос. Ново-Казачинское на р. Ононе)¹², свидетельствующих, по-видимому, о выплавке металла на самих стоянках, имеются и специальные плавильни вне мест поселений.

Одна из таких плавильен была зафиксирована близ Читы, у оз. Шахша¹³. Наряду с металлическими шлаками здесь был найден фрагмент оплакованного сопла вместе с фрагментами красно-бурых, покрытых штри-

⁹ Гришин Ю. С. К вопросу о древней добыче олова в Забайкалье. — «ЖСИА», М., 1968, вып. 114, с. 10—12.

¹⁰ Спаеский Г. О чудских конях в Сибири. — «Сибирский вестник», Спб., 1819, ч. VII, с. 129.

¹¹ Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III, Спб., 1799, с. 31.

¹² Гришин Ю. С. Древние памятники среднего течения р. Онон. — В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 86—88, рис. 27.

¹³ Окладников А. П. Триподы за Байкалом. — «СА», 1959, № 3, с. 119.

ховкой сосудов типа триподов, от которых сохранились хорошо определенные массивные ножки (широкие, уплощенно-овальные в сечении).

Другая плавильня была исследована на правом берегу Онона, в пади Карымской, близ пос. Усть-Иля. Она располагалась на одной из небольших развеваемых песчаных дюн, на левом берегу небольшого ручейка, впадающего в Онон. Судя по находкам на этой дюне каменных скребков, проколов, нуклеусов, пластин и отщепов, она находилась, видимо, на месте более древней стоянки каменного или бронзового века. Общие сведения о раскопках в пади Карымской уже публиковались¹⁴, однако должной характеристики точного определения памятников, относящихся к плавильному производству, еще не было дано. Следует отметить, что само плавильное сооружение находилось в сильно разрушенном состоянии, в развале камней. При детальном анализе удалось выяснить, что плавильня была подчетырехугольной формы. Она выложена выделяющимися более крупными камнями лишь с трех сторон — северной, южной и восточной, причем у последней прослеживалось и наибольшее углубление внутренней поверхности — до 80—90 см, в виде пологой ямки каменного завала со скоплением угля на глубину до 30 см. Отдельные угольки, кусочки шлака и куски глиняной обмазки, пропитанные медью, вместе с отдельными камнями отмечались по всему заполнению внутренней поверхности плавильни, а куски шлака находились и вокруг нее. Следует отметить что в целом общее устройство этого плавильного сооружения в значительной мере близко к древним медно- и железоплавильням Тувы¹⁵. Правда, в этой области они не каменные, а земляные, но в некоторых случаях и здесь наблюдается обкладка их стенок камнем¹⁶. В развале камней, окружающих рассматриваемую плавильню, был найден каменный продолговатый пест грубой обивки со следами выбитости на одном его конце и заглаженности на другом (см. рисунок, 3), а также несколько мелких затвердевших кусочков, напоминающих кожу, оставшихся скорее всего от кузнечных мехов.

Важное значение для датировки этой плавильни имеет обнаруженная в развале ее северной стенки керамика. Это фрагменты стенок и прямых венчиков темных и светло-коричневых сравнительно массивных, часто покрытых итриховкой сосудов с крупнозернистыми каменными примесями, украшенные горизонтальными (иногда прерывающимися) валиками с зубчатыми и попарными рассечками, рядом жемчужин, выдавленных изнутри, елочным орнаментом, выполненным зубчатым штампом и, с внутренней стороны, вдоль венчика, отгисками широкозубой гребенки. Близкая по типу керамика имеется в материалах из плиточных могил. Некоторые из имеющихся фрагментов вполне можно отнести к триподам, обломки округлых и угловатых ножек которых, наряду со стенками и венчиками, украшенными такими же видами орнаментации, были собраны и вокруг плавильни¹⁷. Следует отметить, что, помимо указанной, здесь же была найдена и другая керамика (фрагменты стенок и венчиков сосудов, украшенные рассеченными валиками и ячеистой пашечной орнаментацией), для которой также имеются аналогии в забайкальских памятниках эпохи бронзы и раннего железа, в том числе и в плиточных могилах¹⁸. Очень важна находка фрагментов льячки, связанной с местной выплавкой металла (см. рисунок, 4). Судя по сохранившейся части, это

¹⁴ Гришин Ю. С. Поселения эпохи бронзы и раннего железа на Ононе. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1960, с. 317—319; Он же. Древние памятники среднего течения р. Онон, с. 89.

¹⁵ Сунчугашев Я. И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. — «МИА», 1969, № 149, рис. 39, 63.

¹⁶ Там же, с. 82.

¹⁷ Гришин Ю. С. Поселения эпохи бронзы и раннего железа на Ононе, с. 318, рис. 1.

¹⁸ Там же, с. 319.

была льячка той же формы, которая обычно встречается в памятниках бронзового века в Якутии¹⁹. Льячки обычно имели вид овального ковша с угольчатыми массивными стенками. На некоторых из них сохранилась короткая широкая плоская ручка, явно предназначенная не для держания рукой, а для зажима, скорее всего, в деревянных плахах-держателях во избежание обжига.

Шлаки с этой плавильни подвергались количественному спектральному анализу²⁰, который показал, что в них наблюдается высокий процент содержания, как железа, так и совместно меди и железа. По всей видимости, здесь мы имеем дело с плавкой медно-железной руды, близкой к той, которая дала металл для изготовления изделий известного Сосново-Мазинского клада в Восточной Европе. Химический состав их был исследован Е. Н. Черных. Таковыми, по его мнению, могли быть, например, медно-колчеданные руды, при выплавке меди из которых происходил сложный металлургический передел халькопирита (медного колчедана) и часто связанного с ним минералогически пирита (железного колчедана). Железо в таких случаях большей частью ошлаковывалось, но значительная его доля попадала в медь²¹.

Использование таких руд в плавильном производстве вплотную приближало древних людей к познанию процессов восстановления железа, но это происходило во многих районах, по-видимому, не раньше конца эпохи бронзы²². Об этом, в частности, может свидетельствовать и химический состав некоторых тагарских медно-бронзовых изделий Минусинской котловины, отличающихся сравнительно большим содержанием железа²³. Данное обстоятельство в какой-то мере косвенно подтверждает датировку рассмотренной плавильни, заставляя отнести ее, скорее всего, к эпохе плиточных могил, причем вряд ли ранее начала I тыс. до н. э.

Таковы имеющиеся в настоящее время еще немногочисленные данные о древнейшей добыче металлов в Юго-Восточном Забайкалье. Вполне понятна большая значимость новых открытий и исследований здесь памятников древнего горного дела и выплавки металлов.

Н. В. Рындина

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО И СПЕКТРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУДЫ И ШЛАКОВ С ПОСЕЛЕНИЯ ОЙМАК

В лабораторию спектрального и структурного анализа при кафедре археологии исторического факультета Московского университета было представлено на исследование 7 образцов шлака и 3 образца руды с поселения Оймак, датированного XIII—XIV вв. (См. статью Кызласова в этом сборнике.)

Микроскопическое изучение показало, что шлаки состоят из древовидных кристаллов магнетита (Fe_3O_4), сноповидных кристаллов фэйалита $[(FeMg)_2SiO_4]$ и нераскristализованного железистого стекла (см. рисунок). Местами на стекловидном фоне прослежены зерна кварца

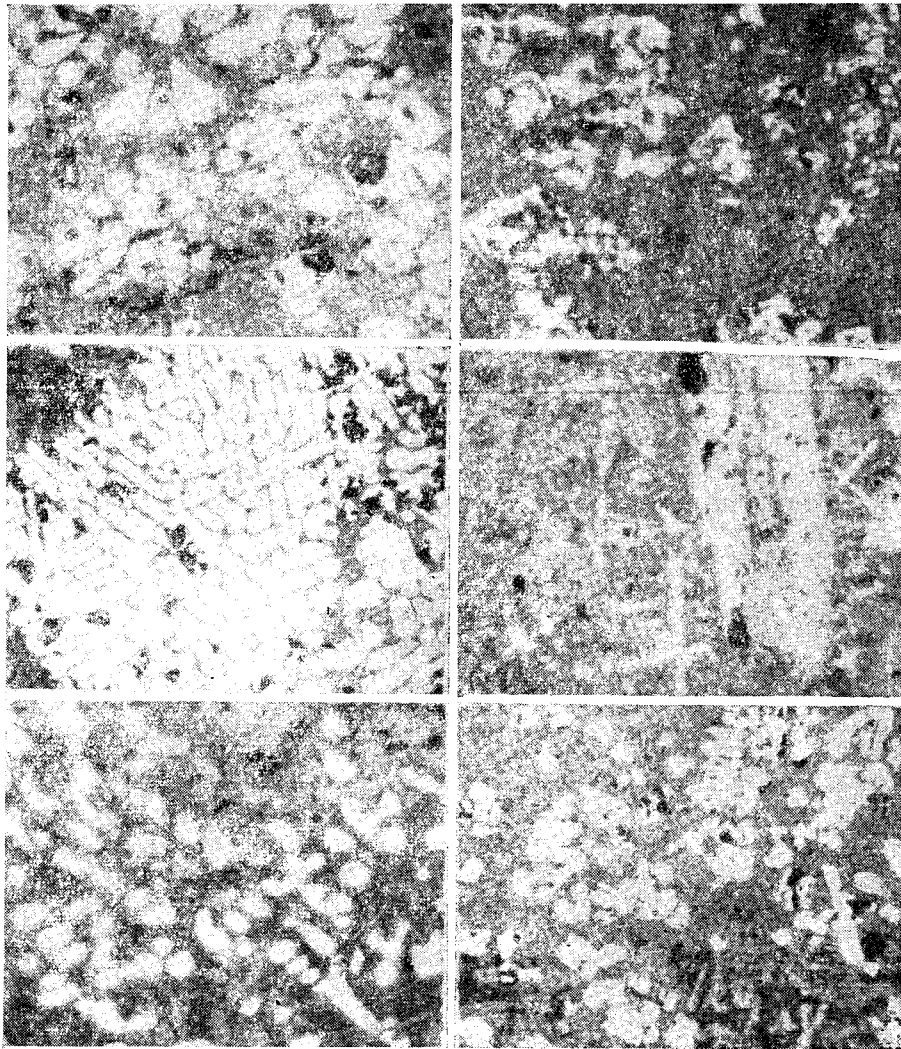
¹⁹ Окладников А. П. Ленские древности, вып. 2. Якутск, 1946, с. 89—90, 175; Он же. Ленские древности, вып. 3. М.—Л., 1950, с. 105, рис. 23, табл. XXXIV, 8; Федосеева С. А. Древние культуры Верхнего Вилюя. М., 1968, с. 146, рис. 39—1.

²⁰ Анализ был произведен в лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР В. Н. Сидоровым, за что, пользуясь случаем, приношу ему благодарность.

²¹ Черных Е. Н. О химическом составе металла клада из Сосновой Мазы. — «КСИА», 1966, вып. 108, с. 128.

²² Там же.

²³ Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху. — «МИА», 1960, № 90, с. 144.

Минералогическое строение шлаков в отраженном свете.

и оливина ($R \cdot SiO_4$, где $R — Mg, Fe, Ca$). Судя по площади, занимаемой магнетитом, выход железа в шлак составляет более 50%. Такая непроизводительная потеря железа свидетельствует о плавке руды в сыродутном горне.

Из общей массы изученных шлаков выделяется по минералогическому составу образец 12 (подъем с центральной части поселения)¹. Характерные для сыродутных шлаков железистые минералы ближе к поверхности образца сменяются глинистыми минералами с обильными кварцевыми включениями. Образец 12 представляет собой нарощую на стенке горна шлаковую массу.

Минералогический состав рудных образцов позволил выделить две совершенно разные по своей природе руды.

Кусок руды, найденный на глубине третьего пласта в юго-западном квадрате, у здания III (образец 15), представляет собой магнитный железняк. Структура руды раскрошенная. Крупные зерна магнетита, частично замещенные гематитом, раздроблены и сцементированы агрегатом крупных кристаллов гематита, среди которых видны кристаллы гра-

¹ Приведенные номера — шифр структурных анализов лаборатории.

ната (скарн —?) и псевдоморфозы гётита по гематиту, обогащенные по краям лимонитом. В магнетите наблюдаются точечные включения самородного золота. Итак, минералогический состав руды: много — магнетит, гематит; мало — гётит, лимонит; очень мало — самородное золото.

По любезному сообщению сотрудника Минусинской комплексной экспедиции Г. Н. Лукашева, в Туве имеется два месторождения железной руды такого же состава, как и наш образец. Первое расположено в 12—15 км от г. Кызыла, на правом берегу р. Ондум, в логу Дальний; второй — на южном склоне Восточного Танну-Ола, на правом берегу р. Деспен, в 1,5—2 км западнее поселка такого же названия.

В отличие от описанной выше руды два других рудных образца представляют собой бурый железняк. Оба куска обнаружены в третьем пласте, возле здания III, один — в юго-западном квадрате, другой — в северо-восточном (образцы 14а, 14). Их структура цементная. Остроугольные обломки нерудных минералов цементируются агрегатом железо- и марганец-содержащих минералов. В цементе наблюдаются участки колломорфной и оолитовой структуры. Оолиты сложены чередованием слоев гётита, гидрогётита и лимонита. В участках колломорфной структуры преобладает гидрогётит, лимонит, реже — гидрогематит, гематит и шприт. В весьма подчиненном количестве присутствуют манганит, браунит, бравоит и виоларит. Минералогический состав руды на основании изучения образцов в отраженном свете следующий: много — гидрогётит, лимонит, гётит, гидрогематит, гематит, шприт; мало — манганит, браунит; очень мало — бравоит, виоларит.

Исследование образцов в проходящем свете показало, что нерудные минералы состоят из барита, кварца, плагиноклаза, флюорита.

Из всех известных нам железорудных комплексов Тувы наибольшее сходство с нашими образцами по минералогическому строению имеет руда из зоны окисления Кара-Сугского месторождения². К сожалению, в публикациях минералогические данные по кара-сугским железистым кварцитам приводятся в далеко не полном виде. Минералогическое изучение образцов кара-сугской руды в дальнейшем позволит говорить более определенно об эксплуатации месторождения в древности.

Несмотря на полное сходство минералогического строения образцов 14 и 14а, спектральный анализ выявил некоторые различия в составе микропримесей (см. таблицу)³. Это не противоречит нашему выводу об их происхождении из одного месторождения. Как известно, распределение элементов в рудной массе почти всегда бывает неравномерным, что отчетливо проявляется как по горизонтальному, так и по вертикальному простиранию рудного комплекса⁴. В наших рудных образцах колеблется содержание ванадия, молибдена и хрома. В образце 14 хрома и ванадия меньше, а молибдена больше, чем в образце 14а. Кроме того, в образце 14а отсутствуют серебро, кобальт и фосфор.

Плавилась ли изученная нами руда в плавильных мастерских поселения? Чтобы ответить на этот вопрос, сопоставим результаты спектрального анализа образцов руды и шлаков. Такие элементы, как кремний, калий, магний, кальций, натрий и алюминий, не могут быть индикаторами для выяснения исходной руды, так как встречаются в любой пустой породе. Медь, свинец, цинк, серебро, мышьяк и сурьма при сопоставлении имеют второстепенное значение: они легко восстановимы и во время плавки пе-

² Митропольский А. С. Кара-Сугское комплексное железорудное месторождение. — «Учен. зап. Тув. НИИЯЛИ», Кызыл, 1959, вып. VII, с. 222.

³ Приведенные в таблице результаты качественного спектрального анализа определяют общую гамму химических элементов в образце, но не дают точного количественного значения. Цифры обозначают лишь относительную величину концентраций: 1 — наибольшее содержание элемента в пробе; 2 — значительное содержание; 3 и 4 — постепенно убывающее количество; 5 — следы; 6 и 7 — следы следов.

⁴ Магакьян И. Г. Рудные месторождения. Ереван, 1961.

Шифр	Наименование	Fe	Mn	Co	Ti	Cr	Mo	Sr	Ba	V	Ni	P	Cu	Pb	Sn	Zn	Ag	Sb	As	Au	Si	Mg	Al	Ca	Na	K
204-14 15	Руда; Оймак; р. III, пл. 3, кв. ЮЗ	1	6	--	5	--	5	6	--	5	--	--	6	--	5	--	5	--	--	7	5	5	5	4	5	5
239-19 14а	Руда; там же	1	3	--	4	4	7	5	4	7	7	--	5	--	--	--	--	--	--	--	3	3	4	4	4	5
199-18 14	Руда; Оймак; р. III, кв. СВ	1	4	3	4	7	4	4	5	7	6	5	5	--	--	--	6	--	--	--	4	3	4	3	5	4
238-17 9а	Шлак; Оймак; подьем, центр. часть поселения	1	3	6	4	4	5	6	6	4	6	--	--	--	--	--	5	--	--	--	4	3	4	4	4	4
239-20 9	Шлак; Оймак; яма № 1	1	3	6	3	4	7	4	4	4	5	6	5	6	--	--	7	--	--	--	3	3	3	4	4	5
238-18 10а	Шлак; Оймак; подьем, центр. часть поселения	1	5	--	5	--	7	7	--	5	--	--	--	--	--	--	6	--	--	--	4	3	4	4	4	5
199-20 10	Шлак; Оймак; р. III, ЮЗ участок	1	3	6	3	4	6	4	5	5	5	6	5	--	--	--	--	--	--	--	3	3	3	4	4	4
199-21 11	Шлак; Оймак; р. III	1	3	5	4	4	4	5	5	5	5	--	5	--	--	--	--	--	--	--	3	3	4	4	4	4
199-19 13	Шлак; Оймак; р. III	1	3	6	3	4	5	4	5	5	5	6	5	--	--	--	--	--	--	--	3	3	3	3	4	4

переходят в металл. При наличии их в руде — в шлаке они либо отсутствуют, либо содержатся в очень незначительном количестве.

При сравнении руд и шлаков необходимо исходить из содержания в них трудновосстановимых элементов: титана, молибдена, ванадия, кобальта, хрома, марганца, стронция, бария. Окислы этих металлов даже при высокотемпературной доменной плавке переходят в шлак⁵. Только незначительная их часть попадает в железо.

Прежде чем обратиться к результатам сравнения, заметим, что спектральному анализу шлаков должно предшествовать усреднение их состава: случайно взятая проба от химически неоднородного образца может привести к неправильным выводам. Усреднения мы добивались дроблением всего шлака и растиранием полученного порошка в агатовой ступке. Серия опытных анализов показала, что после этих операций несколько проб от одного шлака дают однородный спектр⁶. Только показатели содержания элементов-микропримесей могут колебаться в пределах следы — следы следов.

Сравнение спектров шлаков и руды позволяет сделать следующие выводы.

1. Шлак 10а получен при плавке магнитного железняка — образец 15.

2. Учитывая колебание в содержании элементов-микропримесей в буром железняке (образцы 14 и 14а), можно полагать, что все остальные шлаки являются продуктом его плавки.

В заключение остановимся на характере применявшегося при плавлении руды топлива. На поверхности шлака 10 (юго-западный участок III раскопа) обнаружены кусочки древесного угля и вмятинки от его раскрошившихся остатков. Это делает бесспорным вывод об использовании древесного угля.

Кроме древесного угля в гори могли добавлять кокс, который в большом количестве вместе с каменным углем встречен при раскопках городища Дён-Терек⁷.

Исследование каменного угля производилось на кафедре угля геологического факультета Московского университета. Его строение оказалось совершенно аналогичным углю, добываемому сейчас в Элегестинских шахтах.

В. И. Мошинская

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ К ВОПРОСУ О ДРЕВНИХ КОНТАКТАХ В УРАЛЬСКОЙ СРЕДЕ

По мере того как в Среднем Приобье стали разворачиваться полевые археологические исследования, здесь начали появляться неизвестные ранее находки мелкой пластики. Недавно было обнаружено глиняное зооморфное изображение, теперь появилась новая, скорее всего, антропоморфная фигурка. Это своеобразное изделие имеет любопытные параллели, в силу чего ей и должно быть уделено особое внимание.

Фигурка найдена неподалеку от с. Большой Ларьяк Нижневартовского района Тюменской области. В полукилометре к юго-юго-западу от

⁵ Липин В. И. *Металлургия чугуна, железа и стали*, т. I. Л., 1925, с. 81—90, 98, 339—341.

⁶ Хранение архива лаборатории, пласт. № 242:14—24.

⁷ Кызласов Л. Р. *Городище Дён-Терек*. — В кн.: *Древнемонгольские города*. М., 1965.

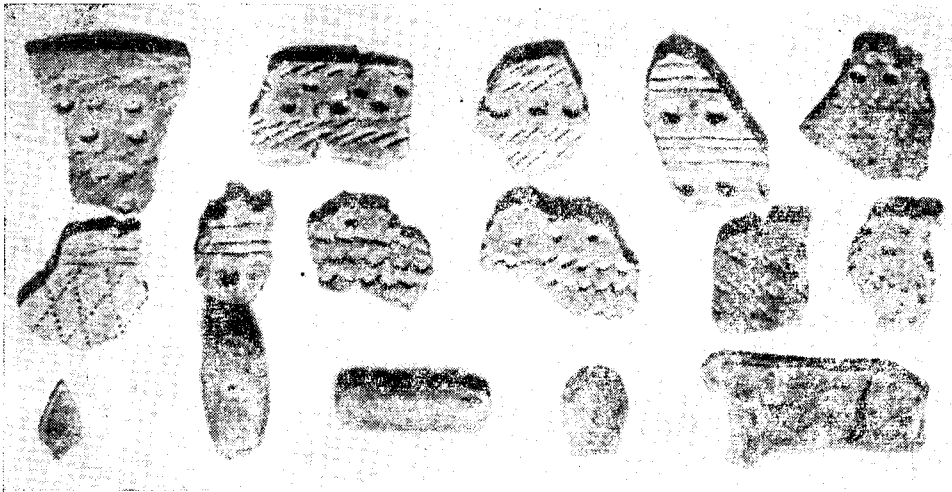

Рис. 1. Находки на полу жилища в Большом Ларьяке.

этого селения находится городище, которое расположено на склоне затеженной 2-й надпойменной террасы, на мысу, образуемом ручьем, впадающим в р. Пасол, и Пасолом — протокой р. Вах. Внутри городища сохранились следы четырех неглубоких впадин округлой формы диаметром 5—6 м. Они расположены в ряд вдоль берега и отстоят одна от другой на 15—20 м. Пятая впадина находится за пределами городища, несколько северо-восточнее его¹.

В 1971 г. начаты раскопки этого городища, а также проведена траншея через впадину № 5, находящуюся за его пределами. По данным В. А. Посредникова, который копал этот памятник, здесь отчетливо прослеживалось жилище, углубленное на 50—60 см в материк. На этом участке лишь в верхнем горизонте, непосредственно под дерном, найдены обломки городищенской керамики. Ниже, на уровне пола, как сообщает автор раскопок, были собраны обломки плоскодонных сосудов, украшенных сверху донизу чередующимися поясами ямок и отпечатков крупнозубого гребенчатого штампа² (рис. 1). Вместе с этой керамикой найдено и интересующее нас антропоморфное изображение (рис. 2).

Оно представляет собой вылепленную из глины и плохо обожженную глиняную фигурку, которая сделана довольно грубо и схематично. Туловище показано обобщенно — руки не выделены, ноги не разделены. Не показаны ни детали тела, ни детали одежды. Моделировано лишь лицо — грубым защипом обозначен сильно выступающий массивный нос, маленькими, но глубокими ямками отчетливо намечены глаза и рот. Особо следует указать, что отмечены и уши. Так же, как глаза и рот, они выделены углублениями³. Но самой характерной особенностью этой небольшой (5 см) фигурки является ее поза — с согнутой спиной и несколько наклоненной вперед головой. Такие фигурки М. Е. Фосс называла глиняными статуэтками с бобовидным торсом⁴.

¹ Посредников В. А. Отчет о полевых исследованиях Ваховского отряда Среднеобской археологической экспедиции в 1970 году. — «АИА», 1970, д. 4096, с. 13.

² Посредников В. А. Отчет о полевых исследованиях Ваховского отряда Среднеобской археологической экспедиции в 1971 году. — «АИА», 1971, д. 4408, с. 9—11.

³ Хранится в Музее археологии, этнографии и истории Томского университета.

⁴ Фосс М. Е. Культурные связи севера Восточной Европы во II тыс. до н. э. — «СЭ», 1948, № 4, с. 29.

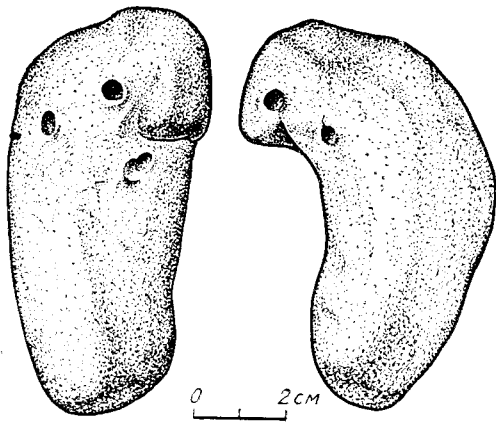

Рис. 2. Антропоморфная глиняная фигурка из жилища в Большом Ларьяке.

Поза этих фигурок послужила критерием для выделения их в особую группу⁵. Ни в Сибири, ни на Урале мелкой пластики подобной формы до сих пор не было известно. Вылепленные из глины фигурки были найдены лишь в последнее время, когда шире стали разворачиваться систематические научные раскопки. Распространение их зафиксировано пока значительно западнее.

Интерпретировались эти своеобразные вещицы по-разному, и в соответствии с этим они описывались и публиковались под разными наименованиями — чаще как изображения человека, иногда как изображение медведя⁶, в редких случаях как изображения фаллоса⁷.

Как уже было сказано, фигурки в подобной позе известны с территории, удаленной далеко на запад от Среднего Приобья. Они представляют собой одну из групп мелкой пластики, характерной, как показал А. Европеус, для северных культур гребенчатой керамики⁸. Такого рода изображения известны на р. Онеге⁹, в Карелии¹⁰, на Карельском перешейке¹¹, в Финляндии¹² и, наконец, в Восточной Прибалтике¹³.

При внимательном рассматривании всех этих фигурок обнаруживаются довольно значительные различия в деталях. Мы не будем останавливаться на всех разновидностях этих изображений, скажем лишь о тех, с которыми большеларьякское обнаруживает наибольшее сходство. Если принимать во внимание детали, то большеларьякскую фигурку можно сопоставить с известными глиняными антропоморфными изображениями из Кубенина¹⁴, Хонканиemi¹⁵ и Хьетанеми¹⁶. Все они сходны между собой детализированной и выполненной пластически трактовкой лица.

⁵ Miettinen T. En Idol fran Hietaniemi i Luopainen (Ein tönernes Idol aus Hietaniemi Gem. Luopainen), FM LXXI, 1964, S. 35—44.

⁶ Яните Л. Ю. Неолитическое поселение Валма. — В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959, с. 55; Загорские Ф. А. Могильник Звейшпек. — В кн.: Археологические открытия за 1971 г. М., 1972, с. 422.

⁷ Ailio J. Die steinzeitliche Wohnplatzfunde in Finland. Helsingfors, 1909, S. 164, Fig. 75; Pälvi S. Rinkjärven ja Piis kunsalmen kivik asuip Kaukolova. — «SMYA», Helsinki, 1920, XXVIII, S. 192, Tab. XIX, 5.

⁸ Europeus A. (Aarapää A.). Die Tonfiguren der kammkeramischen Kultur. — «SMYA», 1941, XLVIII, S. 122.

⁹ Фосс М. Е. Стоянка Кубенино. — «СА», М., 1940, № 5, с. 35, табл. I, рис. 11; табл. XI, рис. 15.

¹⁰ Фосс М. Е. Культурные связи..., табл. 5, рис. 3; Панкрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964, табл. 35—4; Титов Ю. В. Раскопки в Калевальском, Медвежьегорском и Пряжинском районах Карельской АССР. — В кн.: Археологические открытия за 1967 г. М., 1968, с. 5; Журавлев А. П. Скульптурки и некоторые другие глиняные изделия из энеолитического поселения Выгайшаволок I. — В кн.: Археологические исследования Карелии. Л., 1972, с. 91, табл. XI, рис. 1—4.

¹¹ Ailio J. Die steinzeitliche..., Th. I, S. 94; Th. II, S. 75.

¹² Europeus A. Der Steinzeitliche Wohnplatz bei Honkaniemi im Ksp. Askola, Eine Abweichung von den Lahndhebungsobasen (Referate). — «SMYA», 1929, XXXVI, S. 20, Fig. 13; Miettinen T. Op. cit., S. 35, Fig. 1.

¹³ Яните Л. Ю. Неолитическое поселение Валма, с. 55, 65; табл. 11, 7; Загорские Ф. А. Могильник Звейшпек, с. 422.

¹⁴ Фосс М. Е. Стоянка Кубенино, табл. I, рис. 11; табл. XI, рис. 15.

¹⁵ Europeus A. Der Steinzeitliche... S. 20, Fig. 13.

¹⁶ Miettinen T. Op. cit., S. 35, Fig. 1.

Характерен во всех случаях подчеркнутый массивный нос. Еще ближе между собой фигурки из Большого Ларьяка, Кубенина и Хонканиеми. Особенностью их является трактовка ног полуовалом (не разделены). Это отличает их от скульптуры из Хьетаниеми. В отличие от последней и ряда других фигурок они не имеют сделанного зашипом гребня на спине и лишены какого бы то ни было орнамента.

Сходство фигурок из Кубенина и Хонканиеми в свое время поразило М. Е. Фосс. В статье о культурных связях на севере Восточной Европы она писала: «Особенно поразительно сходство глиняных фигурок, одна из которых найдена в Хонканиеми в Финляндии, а другая — в Кубенине. Несмотря на пластические свойства глины, способствующие случайному варьированию формы, здесь мы имеем почти одинаковое воспроизведение характерного бобовидного торса, слегка вытянутой верхней части головы и почти одинаковые размеры. Сходство настолько велико, что наводит на мысль, не вышли ли фигурки из рук одного и того же мастера, т. е. в данном случае произошло не заимствование, а проникновение самого предмета из одной области в другую»¹⁷.

Такое мнение, может быть, несколько преувеличено. Но тем не менее, глядя на эти фигурки, к которым с полным основанием можно причислить и большеларьякскую, невольно приходишь к мысли, что в изготoвлении их проявляется устойчивая традиция. К этому следует добавить еще и то обстоятельство, что и большеларьякская и кубенинская найдены в жилище¹⁸.

Распространение сходных элементов культуры по всей полосе северных лесов Восточной Европы и Северной Евразии давно отмечалось исследователями. Некоторые считали возможным говорить даже и о более обширной территории. Так, норвежский археолог Г. Йессинг полагал, что существовали две синхронные «циркумполярные», как он их называл, культуры — приморская и внутриматериковая. В построении Г. Йессинга они выступают в виде зон, по которым с древнейших времен осуществлялись культурные связи. Приморский пояс тянется вдоль арктического побережья, через Берингов пролив в Новый Свет, внутриматериковый — через зону хвойных лесов Северной Европы, Северной Евразии и Северной Америки. Основным фактором развития культуры Г. Йессинг считал диффузию, хотя и признавал возможность конвергенции при условии тождественности географической среды¹⁹. Г. Йессинг рассматривал искусство, в частности анималистическую скульптуру. Он полагал, что родина евразийского анималистического стиля лежит к востоку от Перми и считал возможным всю круглую скульптуру этого стиля возводить к уральской — пигирской и горбуновской.

Общие элементы культуры в Северной Европе и Северной Евразии, включая, конечно, Сибирь, неоднократно отмечали и обсуждали многие исследователи²⁰. Есть и специальные работы, посвященные этому вопросу. Среди них прежде всего следует указать на цитированную выше статью М. Е. Фосс. Отмечая ряд общих черт в различных культурах лесной полосы этой обширной области, она писала, что сходства могут объясняться различными причинами — иные из них представляют собой явления «стадиальные», как тогда говорили, другие обусловлены контактами,

¹⁷ Фосс М. Е. Культурные связи..., с. 29.

¹⁸ Фосс М. Е. Стоянка Кубенино, с. 35; Поерседников В. А. Отчет о полевых исследованиях..., 1971, с. 9—11.

¹⁹ Giessing G. Circumpolar Stone Age. Kbenhavn, 1944.

²⁰ Ibid., p. 57—59; Ailio J. Zwei Tiersculpturen.—«SMYA», Helsinki, 1912; Sirelius U. T. Über Art und Zeit der Zähmünd des Renntiers.—«JSFOU», Helsinki, 1916—1920, vol. XXXIII, 2; Nordman C. A. Die steinzeitlichen Tiersculpturen Finnlands, IPEK, 1936—1937; Tallgren A. M. Arctic Bronze Age.—«ESA», Helsinki, 1937, XI; Фосс М. Е. Культурные связи.; Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея.—«СА», 1957, № 1.

вследствие которых возникают заимствования, и, наконец, в некоторых случаях могут быть отмечены и прямые проникновения вещей²¹.

Интересные наблюдения были сделаны А. П. Окладниковым, рассматривавшим древние культуры Среднего Енисея под углом зрения выявления культурных связей. «О связях позднего неолита Красноярского края с Зауральем, а через него с более отдаленными районами, лежащими к западу от Урала,— писал А. П. Окладников,— свидетельствуют некоторые факты из области искусства и верований»²². К таким фактам он относит найденную в Базаихе крошечную каменную статуэтку, изображающую человеческую фигурку в своеобразной, несколько изогнутой в поясице позе. Прямую аналогию ей он видит в статуэтке из Пярну²³. А. П. Окладников счел возможным сравнивать ее также с глиняными антропоморфными изображениями из Кубенина и Хонканими и деревянной скульптурой из 6-го разреза Горбуновского торфяника. Если сопоставление скульптур из Базаихи, Пярну и Горбуновского торфяника вполне закономерно, как нам кажется, так как все эти три изображения в профиль действительно очень близки, то привлечение в качестве аналогий глиняных фигурок едва ли оправдано, поскольку здесь трудно найти близкое сходство. Однако это едва ли столь существенно меняет дело. «Тот факт,— писал А. П. Окладников,— что кубенинские изображения сделаны из глины, а не из камня и рога, не уменьшает значения этого сопоставления, а, наоборот, усиливает его, подтверждая наличие определенной стилевой традиции, возможно, сходного смыслового содержания таких изображений»²⁴. Появление этой традиции на Енисее А. П. Окладников объясняет распространением на восток уральцев, в частности самоедов, которые, по его мнению, передвинулись на Енисей с запада — с Урала и из прилегающих лесных районов Восточной Европы²⁵.

Каковы бы ни были представления об исходной территории и путях расселения уральцев, ясно лишь, что в пору распространения культур гребенчатой керамики население обширной зоны хвойных лесов Северо-Восточной Европы и Северной Евразии характеризуется рядом общих культурных черт. Некоторые из них свидетельствуют о прямых контактах. Многие исследователи неоднократно отмечали находки в Финляндии деревянных изделий, изготовленных из сибирского кедра²⁶. Находки полозьев от нарты, сделанных из этого дерева, неопровержимо свидетельствуют о том, что люди ездил с востока на запад. Можно думать, что двигались они и в противоположном направлении — с запада на восток. Не исключено, что большеларьякская фигурка — одно из свидетельств этих постоянных контактов.

Е. А. Окладникова

ПЕТРОГЛИФЫ КУЮСА

(долина р. Катунь, Алтай)

На территории Сибири в настоящее время насчитывается много мест, где найдены наскальные рисунки. Открытия последних лет дали новый богатый материал исследователям не только в уже изученных областях,

²¹ Фосс М. Е. Культурные связи..., с. 23—35.

²² Окладников А. П. Указ. соч., с. 47.

²³ Моога Н. Die Vorzeit Estlands.— In: Zur estnischen Kulturgeschichte. Tartu, 1932, S. 13.

²⁴ Окладников А. П. Указ. соч., с. 47.

²⁵ Там же, с. 55.

²⁶ Ailio J. Die steinzeitliche...; Sirelius U. Über Art und Zeit...; Nordman C. Die steinzeitlichen...

но также и в новых районах, например на берегах р. Пегтымель (Чукотка)¹, на Амуре² и Алтае³.

В Горном Алтае известно несколько пунктов, где в последние годы были найдены интересные наскальные изображения, в том числе Куюс, Бичекту-Бом и долина р. Дьелангаш. В двух последних районах работы еще ведутся. Что же касается писаниц Куюса, то о них имеется лишь краткое предварительное сообщение Б. А. Фролова и А. А. Сперанского. Оно написано в плане отчета об археологической разведке на Алтае в 1964 г. под руководством Е. М. Берс. Авторы называют наиболее интересные рисунки лося и оленей, а также сцены охоты. Привлекая такие аналогии, как изображения лосей на петроглифах Каменных островов Ангары, авторы статьи сделали попытку датировать некоторые группы изображений Куюса.

На территории Онгудайского района и у дер. Бичекту⁴ за Семишским перевалом до Шебалинского района и от с. Усть-Сема до дер. Куюс отрядом Е. М. Берс произведены разведочные работы. Маршрут отряда проходил по правому берегу р. Катунь. У подножия одной из скал, где были обнаружены наскальные изображения, заложен был также разведочный раскоп.

Петроглифы Катунь, в том числе у дер. Куюс, в 1965 г. вновь обследованы отрядом под руководством А. П. Окладникова при участии автора данной статьи. В ходе разведочных работ обнаружены новые рисунки на скалах и выполнены работы по фиксации этих изображений на кальке, уточнены и дополнены ранее полученные сведения.

В настоящей статье делается попытка анализа части наскальных изображений Куюса в искусствоведческом плане, преимущественно же с точки зрения эволюции их стиля⁵.

Долина Катунь, поистине царственной реки, что несет свои бурные пенящиеся воды по узким каменистым плёсам среди гор, покрытых лессами, необыкновенно живописна. Слово «царственная» по отношению к Катунь вовсе не случайно. Оно на разных тюркских языках означает «царица», «властительница», «хозяйка», «владычица».

Писанные скалы и камни расположены на открытых, легкодоступных местах по правому берегу реки на протяжении 10 км. Конечно, в настоящее время не так просто можно увидеть наскальные изображения, так как многие из них покрыты лишайниками. Другие вообще трудно обнаружить на фоне «скального загара». Цвет выбитых в древности изображений почти такой же по тону и глубине, как естественный цвет поверхности камня, открытой действию солнца, ветра и атмосферной влаги.

В отдаленной древности, когда были сделаны эти рисунки, они контрастно выделялись на темной поверхности камня и, несомненно, обращали на себя внимание всех, кто проходил у подножия писаных скал. Древние художники располагали свои рисунки на открытых местах, вольно или невольно адресовали их зрителю, будущим поколениям.

Основное местонахождение рисунков — живописная скала с небольшим гротом на правом берегу Катунь. Эта скала стоит отдельно от общего массива гор, окаймляющих долину реки. Грот расположен в нижней части скалы. Раньше над его входом нависал выступ, теперь он обвалился, и размеры грота уменьшились. Но и сейчас в нем может разместиться несколько человек. Видимо, в древности люди часто посещали это место,

¹ Диков Н. Н. Петроглифы Чукотки. М., 1970.

² Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.

³ Фролов Б. А., Сперанский А. А. Исследование древних наскальных изображений в Горном Алтае. — В кн.: Археологические открытия. М., 1966.

⁴ Название дер. Бичекту происходит от слова «бичик» — письмо. Это указывает на наличие здесь надписей или рисунков, «писаных камней».

⁵ Пользуясь случаем, выражаю благодарность Е. М. Берс и А. П. Окладникову за предоставленные мне материалы разведочных работ на Куюсе.

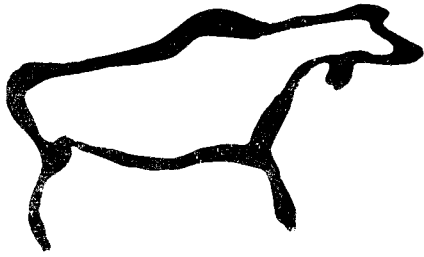

Рис. 1. Лось (скала с гротом).

так как скала расположена очень удобно, сразу за спуском с высокого перевала. Кроме того, именно здесь можно перебраться через быструю Катунь вплавь, что в других ее местах не представляется возможным. Далее же, через два дня пути по тропам можно выйти в район современного Онгудая, минуя Семинский перевал. Около скалы можно найти чистую воду горного ручья.

Путники, по-видимому, использовали грот как место привала.

Над входом в грот четко видны два великолепных фриза. На одном из них (рис. 1) изображен лось, на другом — торжественное шествие оленей (рис. 2). Среди всех остальных рисунков Куюса эти изображения выделяются своими размерами. Они самые крупные из всех, найденных в районе, — в длину фигуры оленей достигают 2 м.

Массивное и грузное тело лося на рисунке напоминает по очертаниям прямоугольник. Это производит на первый взгляд впечатление примитивности и схематичности обрисовки фигуры животного. Но, присмотревшись к рисунку внимательнее, можно увидеть, что древний художник стремился к наиболее точной передаче натуры, подчеркивая типичные черты облика зверя. На спине животного характерный, обозначенный более широкой линией выбивки горб, мягко обрисовывается согнутая в колене задняя нога. Более тонкая линия выбивки очерчивает вытянутую вперед шею животного с чуть опущенной длинной головой. Голова лося так же тщательно проработана, изящно выбиты отвисающая нижняя и приподнятая верхняя губы. У животного небольшие уши или рога, направленные вперед. Под мордой располагается длинная подшейная серьга, деталь немаловажная для древнего мастера. Древние охотники Сибири, как известно, верили, что именно в подшейной серьге живет душа зверя. Волос подшейной серьги они носили при себе как амулет. Тонкие ноги животного расставлены в шаг, копыта не обозначены. Художник изобразил окончания ног лося остроконечными. Создается

Рис. 2. Изображения оленей на скале с гротом.

зрительный контраст: облегченные прямые ноги животного и грузное тело делают образ еще выразительнее, еще «сочнее».

Неподалеку от фигуры лося, на верхнем ярусе скалы над гротом, имеется композиция, состоящая из фигур благородных оленей-маралов. Их было, возможно, и больше, но сохранилось три рисунка: олень-самец, самка и маленький олененок. Фигура животного, открывающего это шествие, плохо видна, осталась лишь часть крупа и задней ноги. Две другие фигуры целые. Древний художник запечатлел торжественное шествие с приподнятыми головами и устремленными вперед телами.

Фигура оленя-самца была исполнена в два приема. Сначала мастер, видимо, поставил перед собой задачу создать легкий и плавный рисунок туловища животного, о чем свидетельствует длинная гибкая шея. Линия, очерчивающая ее, сохранилась и составляет как бы одну из сторон образованного треугольника. Но затем художник отказался от первоначального замысла и изобразил тело зверя более грузным и мощным.

Почти прямоугольное по очертаниям туловище животного держится на изящных тонких ногах, расставленных в широком шаге. Характерна для работы автора рисунка манера выбивки и ее техника. Для сравнения можно привести упоминавшийся выше рисунок лося. Линия выбивки, очерчивающая туловище лося, весома и широка. И лишь в контуре головы она становится более тонкой, облегченной. Такой подход к использованию силы линии (подчеркнуто широкой полосы рисунка) соответствует характеру изображаемого объекта, грузной и массивной фигуры лося, ее мощной силе. Изображение грациозных благородных оленей-маралов выполнено облегченным силуэтом, тонкой гибкой линией.

Первые наиболее яркие аналогии, возникающие в памяти в связи с этими рисунками, — это лоси Каменных островов на Ангаре⁶. Среди многих других изображений в них можно отыскать такие, которые по красоте и плавности линий силуэта созвучны нашим алтайским рисункам. Ангарских лосей и оленей относят к неолиту⁷. Естественно, что, полагаясь лишь на одни далекие аналогии, нельзя категорически датировать изображения скалы с гротом у Кююса этим же временем.

Однако среди сюжетов петроглифов Кююса мотив оленей и лосей не редкость, но ни один такой рисунок по технике и образу не может быть поставлен в ряд с оленями из грота и лосем, о которых шла речь.

В пользу мысли о принадлежности каменному веку описанных рисунков лося и группы оленей, как и на Ангаре, свидетельствует и тот факт, что при раскопках рыхлых отложений, заполняющих дно грота, обнаружены каменные изделия весьма архаического облика, может быть мезолитические или даже палеолитические по возрасту.

К совершенно иной стилистической группе следует отнести рисунки двух лосей, расположенных один над другим (рис. 3). У животных прямоугольное туловище, которое завершается неестественно узкой и длинной шеей с непропорционально вытянутой мордой, похожей на хобот. Художник обозначил также подшейную серьгу и отвислую нижнюю губу — наиболее важные детали, свидетельствующие о том, что перед нами именно лось, а не какое-либо другое животное. В этих изображениях можно видеть завершающий этап развития того стиля, который можно назвать архаическим. Перед нами, видимо, распад древнего реалистического искусства, созданного охотниками каменного века, своего рода звериного эпоса, неразрывно связанного с охотничьей мифологией. Образы зверей — те же, что и прежде: лоси или олени. Сохраняется и стремление передать с наибольшей точностью физический облик животного во всех его характерных деталях — серьгу, отвислую нижнюю губу, тяжелую голову. Но нет уже того мастерства, нет былого ощущения реальности. Так же

⁶ Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.—Л., 1966, с. 42.

⁷ Там же, с. 43.

Рис. 3. Лоси (западная стена грота).

контрастны по отношению ко всем другим и остальные изображения в гроте, составляющие определенные группы, композиции.

Первая такая группа — сцена охоты на лося. Охотник, вооруженный луком, стреляет в зверя (рис. 4). Здесь уже определенное осложнение сюжета: на рисунке изображен не только зверь, но и человек, притом человек активный, охотник. Иначе, чем раньше, передана и фигура лося. Задняя часть туловища его не сохранилась, видны лишь концы задних ног. Тело покоится на прямых и длинных ногах, что делает фигуру облегченной. На шее животного непропорционально большая голова, спинная горбинка перенесена на шею. Такие анатомические неточности в передаче строения тела говорят о значительно меньшем интересе художника к созданию возможно близкого к натуре образа.

Не менее характерны и по-своему выразительны изображения, находящиеся на западной стенке грота. Это, во-первых, рисунок лошади (рис. 5), выполненный с подчеркнутым изяществом, артистично. При этом художника явно не интересовала проблема передачи типичных деталей, отличающих один вид животного от другого. Он

стремился лишь к выражению динамики зверя, хотел запечатлеть его в момент призывного ржания. Все тело лошади устремлено вперед. Перед нами не конкретное животное, а как бы внутренний идеализированный образ, рожденный волей художника.

Рисунок исполнен выбивкой по контуру, что придает силуэту определенную облегченность. При взгляде на это изображение в памяти возникает зафиксированная древними летописями легенда о лошадях так называемой «небесной породы».

Рядом с конем находится рисунок одного зверя (рис. 6). Стилистически этот рисунок сходен с изображением лошади. Особенность его заключается в позе животного. Фигура заключена как бы в овал: ноги подогнуты, небольшая голова с раскрытой пастью повернута назад. Рисунок изогнутого хвоста повторяет общую линию изгиба шеи. На спине зверя видна маленькая антропоморфная фигурка. Общий силуэт ее напоминает крест. Возможно, что это шаман в позе адорации или человек, укрощающий зверя.

Что касается манеры исполнения, то рисунок выбит в камне с той же артистичностью, как и изображение лошади. Но в данном случае выбивка занимает всю площадь изображения, поэтому отсутствует впечатление облегченности тела, которым замечательно предыдущее изображение.

Всю эту группу рисунков дополняют фигуры хищников кошачьей породы. Они столь же изящны, как фигуры лошади и фантастического зверя.

Эту стилистическую группу изображений Куюса в целом характеризует не только повествовательность (лось и лучник), но и ее «артистический» стиль, склонность к фантастике (животное с повернутой назад

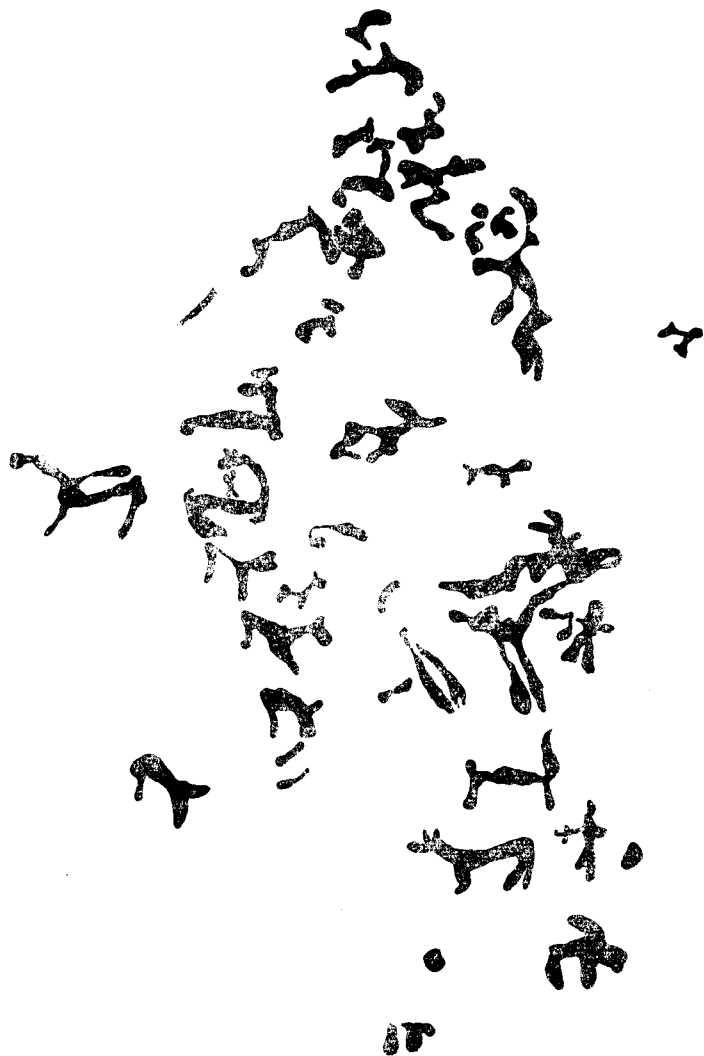

Рис. 4. Сцены охоты, изображение коня и фантастического зверя (западная стена грота).

головой), искания новых форм в передаче сюжета. Нужно думать, что перед нами произведения художников, уже далеко ушедших от первобытности, людей нового времени, с принципиально иным, чем прежде, мировоззрением. Скорее всего, эти произведения наскального искусства уже относятся к эпохе металла, может быть, к раннему железному веку, когда резко расширяются культурные связи, происходят коренные перемены в социальной структуре и образе жизни древних племен Алтая. Именно к этому времени, как известно, относятся и те памятники искусства Алтая, в которых обнаруживается расцвет фантастики звериного стиля, представленной великолепным искусством пазырыкской культуры.

Однако все же здесь еще нет ни характерных пазырыкских сюжетов борьбы зверей, ни тех специфических приемов стилизации, которые свойственны искусству Пазырыка. Соответственно можно полагать, что этими рисунками Куюса представлен или предшествующий этап развития звериного стиля, или в них отражено только косвенное влияние пазырыкского художественного стиля.

Отдельно следует остановиться на стилистической характеристике самых многочисленных в Куюсе и вообще на Алтае, как и в Средней Азии

Рис. 5. Изображение лошади (западная стена грота).

Рис. 6. Фантастический зверь с антропоморфной фигуркой на спине (западная стена грота).

и Монголии, изображений козлов. Они, несомненно, разновременны. Не исключено, что культ козла, отраженный в этих рисунках, восходит к каменному веку и существовал до недавнего времени. Об этом свидетельствует стилевое разнообразие изображений козлов, особенности их трактовки. К самым ранним можно отнести некоторые композиции, характеризующиеся реалистической выразительностью рисунка и динамичностью.

Перед нами проносятся вереницы стремительно мчащихся животных, потом вдруг неожиданно вся эта «вакханалия» застывает перед каким-то невидимым препятствием. Лишь отдельные звери продолжают стремительный бег, закинув на выгнутую спину роскошные рога. Но на множестве других изображений прослеживается все усиливающаяся тенденция к стилевому упрощению. Рисунки эти характеризуются примитивностью трактовки, скованностью в передаче движения. Вместо реалистических фигур козлов появляются образы-схемы, упрощенные формулы. Подобных рисунков немало вблизи грота, на отдельных выступах скал и валунах.

Замечательно, что такие фигуры козлов иногда сопровождаются солярными знаками, как и козлы на петроглифах Средней Азии⁸. Таким образом, наблюдается сочетание усложненной солярной мифологии, такой же в принципе, как в Средней Азии, с резко выраженной схематизацией рисунка.

Таким образом, район Катунц, где находятся все эти наскальные изображения,—один из крупных центров древнего искусства наскальных изображений в Сибири.

Композиционное, сюжетное и стилистическое богатство петроглифов Куюса дает представление не только о тонком художественном вкусе создателей, но и о широте их представлений об окружающем мире, о сложном мировоззрении. Стилистическое разнообразие петроглифов Куюса позволяет использовать их как исторический источник, как произведения искусства, выполненные в разное время, в которых отражалась история культуры древнего населения Сибири на протяжении многих веков и даже тысячелетий.

По Алтайским горам проходили пути, связывающие древнейшие государства Средней Азии, Китай, Монголию с их западными соседями. Эти связи носили не только торговый и политический характер, но и куль-

⁸ Бернштам А. Н. Наскальные изображения Саймалы-Тап.—«СЭ», 1952, № 2.

турный. Изучая древнее искусство алтайских племен, можно видеть взаимовлияния различных культур.

Все это богатство исторического прошлого Алтая отразилось в рисунках на скалах Куюса. Здесь оставили память о себе, как мы видели, люди каменного века — древние охотники, первые скотоводы бронзового и железного века. Алтай был, как полагают, также и родиной тюркских племен — тамгой «голубых тюрков» служило изображение козла, недаром это самый распространенный сюжет петроглифов Куюса.

В. И. М а т ю щ е н к о

МОГИЛЬНИК У ДЕР. РОСТОВКА

Могильник у дер. Ростовка, вблизи Омска, исследован автором в 1966—1969 гг. В настоящее время имеется несколько публикаций, посвященных этому памятнику¹, и подготовлено полное издание материалов могильника². Все исследователи единодушны в том, что этот памятник принадлежит кругу турбинско-сейминских.

Однако до сих пор остается невыясненным, является ли могильник у дер. Ростовка обособленным памятником Прииртышья или он — только один из подобных памятников в этом районе. Нам представляется более верной вторая точка зрения. Чтобы подтвердить ее, достаточно напомнить, что в Прииртышье известна большая серия бронзовых находок, аналогичных известным из могильника Ростовка.

Таковы турбинско-сейминские кельты из Ханты-Мансийска, с устья Туры, из бывшей Каргалинской волости Тобольской губернии, из Омского клада (рис. 1, 4), с Колбинского хребта, из Майкопчета, из окрестностей Омска (рис. 1, 3, 5), конья с устья р. Тары (рис. 2, 1), из Евгащинского пункта «Заготзерно» (рис. 1, 2), из окрестностей Омска (рис. 2, 2), из Омского клада (рис. 1, 1) и ножи из Омского клада (рис. 1, 6), Омской стоянки, с дачи «Саламандра», литейные формы для кельтов с устья Туры, из дер. Тюково, с жертвенного места Сузгун II, комбинированная Иртышская форма, форма из Манчупкура и некоторые другие находки³.

В бассейне Иртыша найдены также 6 каменных скульптур: 3 головы лошади, голова верблюда, 2 головы человека, одна из них двойная, состоящая из слившихся затылками голов⁴.

В советской литературе различают два аспекта в определении культуры: культурно-хозяйственный и этнокультурный. Наиболее четко эту мысль выразил В. Н. Чернецов: «К первому относятся функционально обусловленные черты материального быта, которые возникли и развились в процессе освоения местной экологической среды. Ко второму

¹ Матющенко В. И., Ложникова Г. В. Раскопки могильника Ростовка. Полевые работы 1969 года. — В кн.: Из истории Сибири, вып. 2. Томск, 1970.

² Матющенко В. И., Ложникова Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. В печати.

³ Сведения об этих находках см. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья. — «МИА», 1953, № 35, с. 52, табл. XIX — 2, 3, 4; Мошинская В. И. Жертвенное место Сузгун II. — «МИА», 1957, № 58, с. 132, рис. 5; Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы Прикамья и Южного Урала. — «МИА», 1960, № 90, табл. II — 1, 6, 9; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — «МИА», 1960, № 88, с. 163, табл. XI—3, 4, XVIII—9, XVI—1—4; Матющенко В. И. Бронзовое копье из Омского музея. — В кн.: Вопросы истории Сибири, вып. 6. Томск, 1972.

⁴ Славин П. П. Каменный жезл с головкой коня. — «КСИИМК», 1949, вып. XXV; Черников С. С. Указ. соч., с. 116, рис. 21 (ОМК, № 1134); Мошинская В. И. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья. — «КСИИМК», 1952, вып. XLIII, рис. 16—1, (ОМК), рис. 16 — 2 (Тобольский музей, № 1714, к. п. № 5840), вып. XLII, рис. 17а, 17б — 1; Moshinskaja W. I. Über einige antropomorphe Darstellungen aus West Sibirien. Glaubenswelt und Folklore der sibirischen völker. Budapest, 1963, Abl. 5—8.

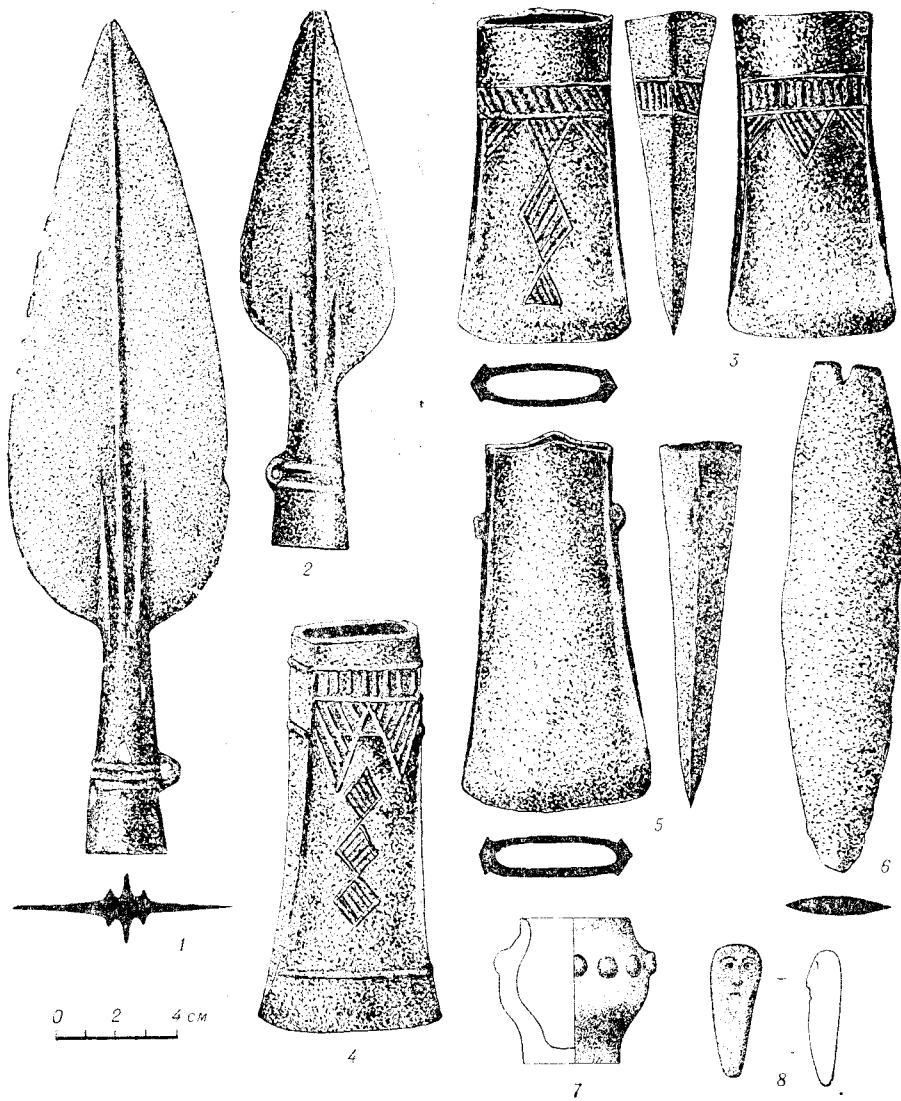

Рис. 1. Находки из Прииртышья

1, 4, 6 — Омский влад (ГИМ, № 4162), 2 — Евгачинский пункт «Заготзерно» (Большереченский народный музей), 3, 5 — из г. Омска (Ормитаж, № 443), 7, 8 — окрестности Тюмени (музей АЭС ТГУ, № 1074, 1075).

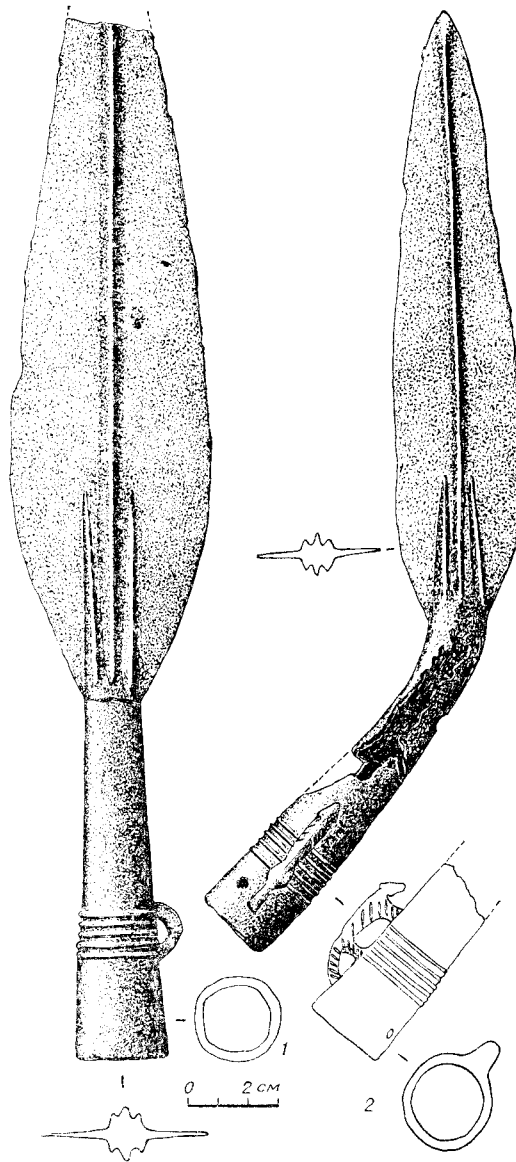
следует отнести те функционально не обусловленные формы и детали, которые составляли традиционно сохранившиеся черты культуры данного общества (например, орнамент, украшения жилища и одежды, характерные приемы обработки камня и т. д.)⁵. Если оценивать указанные находки с этих позиций, то справедливо будет считать, что предметы бронзолитейного дела не могут быть исследованы с целью определения культурной принадлежности памятника. Тем не менее детали, не имеющие определенного функционального значения или придающие изделию своеобразие, могут играть в этом отношении заметную и даже определяющую роль.

⁵ Чернецов В. Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Сибири в эпоху неолита. — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвящающих итогам полевых исследований 1969 года. М., 1970.

Кроме того, интересен и еще один аспект изучения культурной принадлежности памятников. Мы имеем в виду конкретное сочетание инвентаря в комплексах. Инвентарь может быть представлен определенным набором предметов, характерным для данной культуры. Так, например, И. С. Каменецкий отмечает, что черняховская культура выглядела бы совсем иначе при исключении из ее состава римских монет, а меотская культура не была бы таковой без античного импорта⁶.

Культура населения могильника Ростовка была бы совсем иной, если бы в составе ее инвентаря не присутствовали такие изделия, как типично турбинско-сейминские кельты и копыя с дугообразно-обушковыми жоками и втульчатыми долотами.

Рис. 2. Находки из Прииртышья.
1 — устье р. Тары (музей ЛЭС ТГУ,
№ 6889), 2 — находка южнее Омска
(ОМК).

Турбинско-сейминские изделия не характерны для определенной культуры, и потому по ним нельзя судить о специфике культуры населения Ростовки. Но местное производство этих изделий, именно

⁶ Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — «СА», 1970, № 2.

определенных форм и типов, составляет ту черту, которая обособляет жителей Ростовки и от Турбино, и от Сеймы, и от андроновцев, и от самусьцев, т. е. это становится уже специфической чертой культуры изучаемого населения.

Кроме того, сочетание этих изделий с предметами, характерными для других культур, а иногда и производство этих предметов жителями Ростовки делает специфику их культуры еще более выразительной.

Каменная скульптура имеет сравнительно ограниченный район распространения, а именно только Прииртышье. Н. В. Леонтьев провел очень интересное исследование всех известных ему каменных жезлов Сибири⁷. По его сведениям, в восточных районах (Саяно-Алтайское нагорье и Тува) такие жезлы были увенчаны головками быков или баранов, тогда как западные (Иртыш) — головками лошади. Добавим к этому, что кроме головы лошади прииртышские скульпторы украшали жезлы и головками людей. Интересно, что Н. В. Леонтьев на основании анализа сюжетов жезлов и окуневских стел приходит к выводу об окуневском возрасте их, по крайней мере восточных жезлов.

Такая локализация сюжетов жезлов, видимо, отражает существование в ту пору определенных общностей на Иртыше и на Саяно-Алтайском нагорье. Но эти общности слишком велики, чтобы можно было отождествлять их с понятием культуры.

Не пытаясь окончательно решить вопрос о культуре населения Ростовки, тем не менее уже сейчас можно определить некоторые ее черты, которые, по нашему мнению, составляют ее своеобразие. К этим чертам мы относим следующее.

Широкое использование и производство бронзовых орудий труда и оружия определенного набора, который входит в состав металлического инвентаря могильника Ростовки и других памятников. Это положение требует пояснений. Аналогичный бронзовый инвентарь известен по материалам Турбинских I и II и Сейминского могильников. Но в могильнике Ростовка присутствует особый набор инвентаря, отличающийся и от представленного в могильнике на Сейме, и в могильниках Турбино. Кроме того, в Ростовке было налажено производство бронзовых орудий, тогда как в Сейме и Турбино такое производство отсутствовало.

Производство специфической формы кельтов-лопаток. Такие изделия отсутствуют в других местах, следовательно, их можно считать предметом локальной распространенности.

Производство специфической формы копий с вильчатым стержнем и шипом. Отдаленную аналогию этим копьям можно видеть только на востоке, в пределах современного Китая. Возможно, возникновение этой формы копий на востоке объясняется непосредственным воздействием иртышских традиций литейного дела.

Богато развитое художественное творчество, проявляющееся в разных направлениях, развитие каменной скульптуры, основными объектами которой были человек и лошадь.

Развитие бронзового литья (скульптурная группа на ноже, бляшка в форме кошки из могилы 36 из Ростовки, фигурка животного кошачьей породы на копье из окрестностей Омска).

Использование золота для украшений в отличие от серебряных колец в турбинских и сейминских комплексах. Эта черта роднит ростовкинцев с восточноандроновскими племенами, у которых золотые украшения были очень частыми.

Сравнительно редкое применение нефрита в качестве материала для украшений. Действительно, в могильнике Турбинском I обнаружено 25,

⁷ Леонтьев Н. В. О каменных жезлах Сибири. Рукопись. Автор приносит искреннюю благодарность Н. В. Леонтьеву за любезное разрешение ознакомиться с этой рукописью.

в Сейминском 6 нефритовых колец и ни одного в Ростовке, откуда происходят нефритовые бусы. Ни одного экземпляра таких бус нет ни в Турбинском I, ни в Сейминском могильниках. Кроме того, в материалах могильника Ростовка обнаружена лазуритовая бусина, что указывает на иные связи, чем нефрит.

Использование горного хрусталя в погребальном обряде. Об этом свидетельствуют находки кристаллов минерала в могилах Ростовки. Нам неизвестны другие места Евразии, где этот минерал занимал бы подобное место в погребальном ритуале населения.

Своеобразные черты керамического производства немногочисленны, но выразительны, чтобы можно было говорить об особых традициях этой сферы деятельности прииртышского населения.

Мы можем говорить о такой черте культуры племен Среднего Прииртышья, как длительное сохранение некоторых древних форм материальной и духовной культуры: сохранившиеся формы коленчатых составных пожей, широкое использование камня для производства орудий труда, сохранения обряда погребаний без черепа и одного черепа. И это тем более примечательно, что население, оставившее могильник у дер. Ростовка, шло в ногу со временем, оно могло производить высококачественные бронзовые изделия, которые успешно сосуществовали с каменными.

Такое нечеткое определение черт культуры могильника Ростовка, естественно, не позволяет выяснить районы расселения носителей этой культуры. Но некоторую попытку в этом направлении попытаемся сделать.

В этом отношении показательной может быть только керамика. Нам известна керамика ростовкинского типа на таких памятниках Прииртышья, как Омская стоянка и стоянка Преображенка III на Оби, исследованная В. И. Молодиным⁸. Последняя обнаруживает наибольшее сходство с Ростовкой. Это сходство заключается в распространенности сходных форм сосудов и одинаковой орнаментации, одинаковых форм каменного инвентаря. Так, на Преображенке III типичны крупные плоскодонные сосуды митровидной формы, покрытые сплошь орнаментом из плотных оттисков гребенки, которые состоят из вертикально расположенных оттисков или выполнены приемом «шагающей» гребенки. Часто встречаются паленные валики по верхней части сосуда.

Кроме того, розовый цвет глины, сравнительно слабый обжиг, грубое заглаживание внутренней поверхности подкрепляют близость ростовкинской и преображенской керамики.

Сходство Преображенки III и Ростовки представляется еще более убедительным потому, что кремневые наконечники стрел из Преображенки III имеют две формы — мелкие уплощенные черепшковые и подтреугольные с усеченным основанием. Обе эти формы представлены и в могильнике Ростовка. Видимо, в данном случае речь должна идти о принадлежности поселения Преображенка III и могильника Ростовка одному типу культуры.

В. Ф. Геннинг, Т. М. Гусенцова и другие выделяют на Иртыше группу памятников логиновского и кротовского типов, на которых собрана керамика, характеризующаяся такими же чертами, что и керамика могильника Ростовка⁹. Интересно, что, по мнению этих исследователей, кротовская керамика — логическое продолжение развития логиновской.

⁸ Материалы хранятся в кабинете археологии Новосибирского пединститута.

⁹ Геннинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья. — В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 21—32.

В. Ф. Генинг и его сотрудники выявили логиновские комплексы на Ишиме и в Нижнем Притомье, а кротовские — на Иртыше и Верхней Оби. Эти исследователи хронологически разделяют кротовский и логиновский типы керамики. Правда, в пользу этого они не приводят достаточных доводов. Однако в материалах опубликованных ими памятников можно обнаружить свидетельства известной синхронности этих типов керамики: в культурных слоях памятников, содержащих и тот и другой тип керамики, встречены черешковые наконечники стрел двух типов, полностью повторяющие виды наконечников из комплексов могильника Ростовка. Кроме того, среди материалов памятников с текстильной керамикой имеются треугольные наконечники стрел с прямым основанием, которые столь характерны для могильника Ростовка. В. Ф. Генинг с сотрудниками признают, что поселения с текстильной керамикой могут быть в известной мере синхронными логиновским и кротовским памятникам.

На основании приведенных материалов можно заключить, что культура населения Ростовки локализовалась в Среднем Прииртышье, от устья Ишима и до района Омска, включая и бассейны некоторых притоков Иртыша. Более точно определить границы этой культуры пока невозможно.

Материальная культура населения, оставившего могильник у дер. Ростовка, несет много черт, позволяющих говорить о прочных связях ее с культурами Востока и Юго-Востока.

Восточная линия связей Ростовки прослеживается через материалы памятников самусьской культуры. Это выражается в сходстве форм самусьских и ростовкинских сосудов, в сплошной орнаментации от венчика до дна, в плотном расположении орнамента, в высокой степени однородности орнаментальных мотивов на одном сосуде, в присутствии на сосудах обеих культур орнамента, выполненного способом «отступающей» гребенки, в виде горизонтальных или волнистых лент; но этот мотив сравнительно редок в Ростовке и многочислен в Самусь IV; в наличии орнамента «шагающей» гребенки на самусьской и ростовкинской керамике, особенно часто таким орнаментом в виде прямых прочерченных линий и концентрических линий из ямочек украшали плоские днища сосудов.

Особенно много общих черт у ростовкинской керамики и керамики самусьских памятников Верхней Оби, а именно памятников у оз. Иткуль, исследованных Б. Х. Кадиковым: Коровья Пристань II и III, Ляпустин Мыс и другие.

Эта общность проявляется в наличии валиков в верхней части сосудов (причем в некоторых случаях валики орнаментированы оттисками зубчатого штампа), линий из «жемчужника» в верхней части сосудов (эти линии располагаются сравнительно редко, а между ними может быть нанесен орнамент в виде ленты гребенчатых оттисков).

Каменный инвентарь Ростовки и самусьской культуры также обнаруживает известную близость. Общими для этих двух культур являются черешковые крупные и мелкие наконечники стрел, а также треугольные с усеченным основанием; асимметричные вкладышевые ножи, прямоугольные ножи-вкладыши, булава каменная, которая известна не только по материалам Самусь IV, но и в других местах расселения самусьских племен, гладилки.

На это же, восточное, направление связей Ростовки указывают находки бронзовых изделий в Приобье, в районе расселения самусьских племен: бронзовые двушковые и безшковые кельты, происходящие из самусьских памятников (оз. Иткуль, Косиха), литейные формы с Самусь IV, бронзовые ножи турбинского бесчерешкового типа, наконечники копий со стержнем ромбического сечения, дугообразно-обушковые ножи.

Находки бронзовых изделий турбинско-сейминского облика в Минусинской котловине уводят нас еще дальше на восток, в бассейн Енисея.

В этом направлении проявляется известная общность и в других материалах Ростовки и Минусинской котловины. Так, окуневская керамика очень многими деталями близка ростовкинской: баночная форма сосудов, густота орнамента, сплошная орнаментация. Это свидетельствует о большой и очень древней общности культур этих районов. О большой глубине родственных, большой древности родственных связей Ростовки и Окунево свидетельствуют другие факты: «жемчужник» в орнаментации сосудов, который не был свойствен пртышской керамике предшествующего времени, не зафиксирован и в доокуневское время в Минусинской котловине; ленты из вертикальных печатных оттисков гребенчатого штампа, зафиксированные у окуневцев, хорошо представлены и в ростовкинской керамике; шары-булавы из камня; вкладышевые ножи прямоугольной формы; асимметричные ножи; ножи составные (кожяная рукоять с бронзовым лезвием).

Интересно также, что в культуре населения могильника Ростовка и в окуневской культуре, а также в близких ей на Саяно-Алтайском нагорье культурах получили распространение жезлы со скульптурными изображениями, о чем упоминалось выше.

О древних восточных связях могильника Ростовка свидетельствует и тот факт, что бронзовые кельты ангаро-красноярского типа обнаруживают известное родство с турбинско-сейминскими кельтами.

Наличие восточных связей подтверждают и некоторые другие данные. Так, например, изображение горного козла, исполненное на одном из кельтов-лопатонок из Ростовки, находит полные аналогии среди наскальных рисунков Саян¹⁰. Такого типа рисунки встречаются во многих местах Саяно-Алтайского нагорья.

Определенное сходство ростовкинской керамики обнаруживает с керамикой канайского типа Восточного Казахстана. Оно проявляется в форме сосудов, в стиле орнаментации. Кроме того, металл могильника Ростовки явно восточного происхождения¹¹.

По-видимому, восточная линия культурного воздействия на племена Прииртышья не ограничилась только Средним Прииртышьем, а далеко уходила за его пределы.

В этом отношении заслуживает внимания один интересный факт. Еще в XIX в. в Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета были переданы небольшой горшочек и глиняное изображение головы человека, найденные под Тюменью (рис. 1, 7, 8).

Сосуд горшковидной формы, сильно раздутый в середине, изготовлен из серой глины, покрыт черной ангобой, хорошо обожжен. Верхнюю часть тулова украшает ряд из 12 выпуклых налепов¹². В этом горшке лежало глиняное изображение головы человека, исполненное в виде сужающегося книзу и немного уплощенного конуса. Лицо человека передается очень простыми приемами: нос чуть выступает, рот намечен неглубокой впадиной, глаза сделаны углублениями, а брови прочерчены линиями в форме скобки¹³. Это изображение по типологическим признакам особенно сильно напоминает альмагатитовые фигурки из окуневских памятников: размеры, форма, стиль рисунка — все это до удивления сближает описанную находку с окуневскими.

Тип сосуда также близок окуневским. Наибольшую аналогию ему имеет сосуд из погребений в Ярках у с. Батеней¹⁴, а также 1 сосуд из

¹⁰ Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. М., 1910, с. 160, табл. I—XII.

¹¹ Черных Е. Н. Загадка «бронзовой цепи». — «Вокруг света», 1969, № 1.

¹² Музей археол. и этногр. Сибири Томского ун-та, № 1074.

¹³ Там же, № 1075.

¹⁴ Комарова М. Н. Погребение Окунева улуса. — «СА», М.—Л., 1947, т. IX, рис. 6—6.

Черновой VIII (раскопки Г. А. Максименкова). Историческая обстановка II тыс. до н. э. в Западной Сибири была такова, что проникновение отдельных вещей окуневского происхождения в среду населения, родственного окуневскому, вполне объяснимо. В частности, в районе Тюмени имеются памятники, которые наряду с самусьскими и окуневскими можно включать в состав урало-сибирской культурно-исторической провинции: Андреевская, Липчинская стоянка и другие памятники.

Западные и северо-западные связи культуры населения могильника Ростовка прослеживаются по многим элементам культуры. Так, могильники Турбинские I, II, Усть-Гайвенский и Сейминский обнаруживают большое число параллелей с могильником Ростовка как в бронзовом, так и в каменном инвентаре. Эти параллели выступают не только в типологическом сходстве инвентаря, но и в определенной близости состава металла бронзовых изделий обеих групп памятников.

О связях прииртышского и приуральского (гаринско-борского) населения можно судить и на основании керамического материала, хотя в этом случае и нет таких полных параллелей Прииртышья и Волго-Камья, какие существовали в бронзе и камне.

Сходство керамики из Ростовки с керамикой из гаринско-борских памятников заключается в следующем. У тех и других сплошная орнаментация сосудов от венчика до дна, присутствуют общие элементы орнамента: гребенчатая горизонтальная елочка, гребенчатая «качалка», гладкая «качалка», резные волнистые линии, отступающая гребенка. Это сходство также отражает только самые общие черты, связывающие керамику двух районов. Можно отметить и то, что в орнаментации керамики Ростовки и гаринско-борской преобладают печатно-гребенчатые узоры. На этом сходство керамики Ростовки и гаринско-борской кончается. Зато различия выступают более определенно.

Гаринско-борская керамика преимущественно круглодонная, тогда как в Ростовке нет ни одного круглодонного сосуда.

Орнаментация первой более разрежена и облегчена. В ней присутствуют треугольники, зигзаговые ленты, ромбы, косые штрихованные ленты, чего почти нет в Ростовке. О. Н. Бадер связывает появление таких элементов орнамента в Прикамье с проникновением их с востока, из-за Урала¹⁵.

В орнаментации Ростовки полностью отсутствуют ямочные узоры и прежде всего линии из ямочек по венчику. Надо заметить, что ямочная орнаментация на гаринско-борских памятниках тоже немногочисленна, но она достаточно выразительна и образует хорошо различимый и четкий комплекс.

Следовательно, керамика могильника Ростовки при известном сходстве с гаринско-борским обнаруживает отчетливый комплекс различий.

Таким образом, население Среднего Прииртышья, оставившее могильник Ростовка, имело устойчивые связи со своими современниками как на востоке, так и на западе. Эти связи проявлялись многообразно и, вероятно, отражали существовавшее у прииртышского населения родство с населением лесной и лесостепной части Приобья, Саяно-Алтайского нагорья, Среднего Урала и Волго-Камья. Но родство населения Ростовки с самусьским и окуневским проявляется в значительно большей степени, чем с населением Волго-Камья.

Иная картина обнаруживается при исследовании южных связей населения Ростовки. При сравнении керамики этого могильника с андроновской выявляются такие бесспорные, отчетливые различия, что нет

¹⁵ Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. — «МИА», 1961, № 99, с. 37, рис. 13.

никаких оснований хоть в какой-то мере сближать их. Можно отметить только некоторые самые общие черты сходства: баночная форма сосудов, редко встречающиеся в Ростовке геометрические элементы. Но принимать в расчет баночную форму сосудов нет смысла, так как она ничего не говорит нам ни о сходстве, ни о различиях Ростовки с андроновской культурой. Что же касается других форм сосудов, то в Ростовке присутствует своеобразный тип горшка, аналогии которому в андроновских комплексах нет. Не может указывать на связь с андроном и такая манера орнаментации в Ростовке, как налел и зашип. Эта деталь орнаментации ставит керамику Ростовки в особое положение на Иртыше.

Геометрические элементы орнаментации Ростовки кроме геометризма не обнаруживают ничего общего с андроновскими. Если для андрона характерна мелкозубчатая гребенка, которой исполнены все геометрические узоры, то орнаменты Ростовки нанесены отступающей или прорезанной дощечкой, гребенкой с крупными зубьями. Эти орнаменты имеют грубый вид, придают всему узору тяжеловесность в противоположность легкости и изяществу андроновского рисунка.

Конечно, в комплексе могильника Ростовка присутствуют некоторые изделия, которые мы можем типологически связывать, скорее всего, с андроновским миром. Этими изделиями являются ножи срубноандроновского облика: нож с закругленным черешком, нож с перехватом у основания лезвия, нож с приостренным концом черешка. Кроме того, известным образом сходны с андроновскими и височные золотые кольца. Эти изделия появляются в Среднем Прииртышье в результате контактов с южными племенами, скорее всего андроновскими.

О связях с южными областями населения Ростовки говорят также находки бус из лазурита. Этот древнейший минерал, используемый для украшений, мог проникнуть на Средний Иртыш только из южных, скорее всего, среднеазиатских районов.

На это же направление связей, хотя, возможно, и не столь определенно, указывает и скульптурное изображение лошади на ноже из могильника, а также изображение хищника из семейства кошачьих на наконечнике копья из окрестностей Омска.

Таким образом, южные связи населения Ростовки, как бы далеки они ни были, не имели большого, определяющего значения, мир южных степных племен для жителей Ростовки иной, в известной мере чуждый миру таежного населения Западной Сибири.

Приведенные наблюдения позволяют сделать некоторые выводы. Могильник Ростовка принадлежал к кругу культур эпохи бронзы, которые составляли урало-сибирскую культурно-историческую провинцию, включавшую такие культуры, как самусьскую и окуневскую. В пределах этой провинции складывались родственные культуры, генетически связанные с предшествующими неолитическими культурами Западной Сибири и Среднего Иртыша. Именно этим, по всей видимости, следует объяснить сходство, которое обнаруживают памятники названных культур, сходство, уходящее в глубокую древность. Из всех культур этой провинции Ростовка представляется, пожалуй, самой поздней, наиболее долго сохранившей многие архаичные черты.

Культура населения, оставившего могильник у дер. Ростовка, в настоящее время известна нам пока не полностью. Тем не менее очевидно, что могильник Ростовка принадлежал иной культуре, чем самусьская или окуневская, она занимала своеобразное место среди культур урало-сибирской культурно-исторической провинции и достаточно отличалась от других культур лесной полосы Западной Сибири и Среднего Енисея. Вместе с тем она обнаруживает известное родство с культурами Волго-Камья, но это родство имеет, видимо, еще более глубокую древность.

КУЛЬТУРА ЯЁЙ И ЕЕ СВЯЗИ С МАТЕРИКОВЫМИ КУЛЬТУРАМИ

Одно из центральных мест в японской археологии занимает культура яёй. С этой культурой в историографии связывается период образования японского этноса и японской культуры¹. Впервые керамика типа яёй была обнаружена в марте 1883 г. Арисака Сёдзо на улице Мукэока яёй-мати в районе Бункёку в г. Токио. Это сосуд, хранящийся сейчас как реликвия в антропологической лаборатории Токийского университета. На следующий год Арисака в парке Уэно около Синсака вновь обнаружил керамику подобного вида, но в то время еще никто не задумывался над тем, что эти находки могут быть не керамикою дзёмон, а чем-то иным. Даже ветеран антропологической лаборатории профессор Цубои Сёгоро, который в 1888 г. готовил черновые наброски проекта доклада по Каидзюка яёй-мати, назвал эти находки «керамикой каменного века», полагая, что они ничем не отличаются от керамики дзёмон. Это вполне естественно, так как керамики было обнаружено небольшое количество, что не позволяло установить ее особенностей и своеобразия. Однако в 1892—1893 гг., по мере того как увеличивалось количество найденной такой керамики, исследователи стали находить признаки, отличающие ее от керамики дзёмон. На кафедре антропологии стало уже обычным название «керамика с улицы яёй», и вскоре термин «керамика яёй» — закрепился окончательно. Затем слово «яёй» стало названием эпохи самостоятельной культуры. Впервые это название появилось в статье Макита Комадзиро в 1895 г., а в 1897 г. Яги Сёдзабуро в своем сообщении предположил, что она похожа на керамику района Малайн и назвал ее «новыми находками малайского типа». Его соображения были основаны на том, что найденные им вместе с керамикою бронзовые кинжалы и копьё походили на бронзовое индонезийское оружие типа «крис», и на том, что найденная керамика существенно отличалась от керамики дзёмон. Кроме того, в то время появилась точка зрения об инфильтрации предков японцев с материка. Все эти обстоятельства побудили С. Яги предположить, что найденная керамика имеет общие черты с материковой культурой. В 1901 г. Оно Унагай опубликовал статью, в которой отнес эту керамику к периоду захоронений, а в 1905 г. С. Яги назвал ее «керамикою промежуточного периода» между эпохой дзёмон и периодом захоронений.

С 1912 г. Тории Рюдзо и Хамада Гэнсаку начали исследования остатков культуры яёй в районе Кинки. На основании раскопок, проведенных в г. Осака, а также предшествовавших им раскопок в Ибусуки префектуры Кагосима, Г. Хамада установил, что керамика эпохи яёй находилась в более верхних слоях, чем керамика эпохи дзёмон. Кроме того, тщательные исследования раскопок в Северном Кюсю позволили Накаяма Хэйдзиро сделать вывод, что керамика эпохи яёй совпадала по времени с бронзовым веком. Таким образом, все большее признание получила точка зрения, согласно которой культуру яёй относили к периоду, сочетавшему признаки каменного века и эпохи металла.

¹ Kidder J. E. Japan before Buddhism. L., 1966, p. 90—130; Kaneko E. Japan. — «Asian Perspectives», 1964, vol. VIII, № 1, p. 24—68; Kaneko E. Japan. A review of Yayoi Period Burials practices. — «Asian Perspectives», 1966, vol. IX, p. 1—26; Sugihara S. The Origin and Growth of farming community in Japan. Tokyo, 1961, p. 3—11; Beardsley R. Japan before History: A Survey of the archaeological Record, p. 317—346; Культура яёй. Токио, 1959, с. 3—316 (на японском яз.); Симидзу Дзюндзо, Курато Эсиро. История первобытного общества. Культура яёй. Токио, 1960, с. 3—184 (на японском яз.); Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1957, с. 60—72.

В 20-е и 30-е гг. XX в., начиная с исследования древних зеркал, обнаруженных при раскопках в Суку археологом Фудзирока Гэндзо, а также последующими исследованиями бронзового оружия (кинжалов, сабель и т. п.), проведенными и опубликованными Такахаси Кэндзи, а также исследованиями Умэхара Суэдзи бронзовых колокольчиков был сделан большой шаг вперед в деле изучения бронзовых предметов и орудий, относящихся к культуре яёй.

В 1935 г. С. Умэхара провел исследование бронзовых орудий, которое показало, что процент содержания олова в бронзе у предметов, найденных при раскопках в Японии, значительно отличался от содержания его в поделках, завезенных с материка. В 1929 г. сотрудниками университета в Киото были проведены раскопки в районе Суку, а затем результаты раскопок были обобщены в таблицах и публикациях под названием: «Керамика яёй», «Бронзовая утварь», «Стрелы из обработанного камня», «Холодное оружие из обработанного камня», в результате чего совершенно изменился подход к проблеме исследований культуры яёй. Были также опубликованы в форме сообщений результаты исследований С. Умэхара по материалам раскопок в префектуре Тоттори и Симада Садахико в префектуре Сига. Собранных материалов становилось все больше и больше. Большую ценность имели и материалы, представленные на обсуждение учеными Тории Рюдзо и Явата Итиро, собранные в результате раскопок в пяти уездах префектуры Ногао: Сува, Каминна, Симонна, Минамисаку и Китасаку.

Немалый вклад в изучение культуры яёй внес Моримото Рокудзи — один из основателей Токийского археологического общества, которое являлось центром изучения культуры яёй. Р. Моримото назвал культуру яёй, развивающуюся, как он считал, под влиянием китайской (ханьской) культуры, «бронзовым веком Японии». Керамические и бронзовые предметы, найденные в различных местах, он разделил по форме, затем обработал результаты типологического деления и составил классификацию по признакам формы и хронологии. Бронзовые предметы были им разделены на две крупные группы: колокольчики и утварь. Керамику он разделил на две функциональные группы: сосуды для кипячения и сосуды для хранения запасов.

Большой вклад в дальнейшее развитие этих исследований внесли Кубаяси Юкио и Сугихара Сосукэ. Они установили ранний, средний и поздний периоды. Следом за этим в свет вышла книга Накаяна Хэдзиро «Керамика Онгава».

В 1930-е гг. были сделаны обобщения результатов раскопок в Токио в районе Кухаро, в Хиёси префектуры Канагава, в Сувада г. Итикава, в Синдзава и Карако префектуры Нара в Такацуки г. Явата, в Татэива г. Идзука, в Хиэ г. Фукуока. В результате этих исследований более ясной стала конструкция жилища типа татэана, усиленно начали развиваться исследования стоянок. Кроме того, исследования, проведенные в больших масштабах близ Карако и давшие огромный материал по керамике, также помогли прояснить некоторые вопросы хронологии яёйской культуры и внести некоторую ясность в результаты раскопок в районах с повышенной влажностью. Были также исследованы найденные в большом количестве деревянные предметы.

В 40-е и 50-е гг. XX в. расширились масштабы археологических исследований в Японии. Большое значение имели работы двух крупных экспедиций, организованных Восточным археологическим обществом в Ики и Харуноцудзи. Кроме того, на Северном Кюсю были открыты «мегалитовые дольмены (кромлехи)». Подтвердилась гипотеза о наличии тесных связей культуры яёй с Южной Кореей.

Затем в течение четырех лет предпринимались экспедиции по раскопкам в Торо. Поселение было открыто в 1943 г. при строительстве завода. В экспедиции приняли участие ученые самых различных специальностей,

в том числе и естественного профиля, из различных учебных заведений Японии, что знаменовало собой новый этап в развитии японской археологии. В результате плодотворных исследований прояснились многие вопросы, связанные с поселениями человека и рисосеянием, а также внесена ясность относительно назначения и применения многочисленных деревянных изделий.

Специальная комиссия по изучению культуры яёй при Японском археологическом обществе особое внимание уделяла экспедициям, изучающим вопросы перехода от культуры дзёмон к культуре яёй. В различных местах были предприняты экспедиции, насчитывающие большое число участников. Керамика итацуки — самая древняя керамика эпохи яёй, и керамика яусу, считающаяся промежуточной между керамикой яёй и дзёмон, были найдены на Северном Кюсю. Помимо этого, сделано много новых находок в центральной части Японии и Тохоку.

Большим успехом японских археологов является открытие мест захоронений времен культуры яёй в Догиахаси и Кадзикарихама префектуры Ямагути, где в большом количестве были обнаружены человеческие кости. Согласно имеющимся данным, обнаружены останки более ста человек. До этого было мало палеоантропологических материалов для изучения физического типа человека, жившего в эпоху яёй, и поэтому очень трудно было судить о наличии сходства и различий между людьми эпох яёй и дзёмон, что очень усложняло решение вопроса о преемственности этих двух культур и о происхождении японцев. Тот факт, что было обнаружено большое количество останков людей, живших в эпоху среднего яёй, является сам по себе очень большим и важным научным событием, и можно ожидать, что в скором времени японские ученые опубликуют результаты тщательных антропологических исследований.

К яёйскому времени в Японии относятся поселения и различного рода захоронения. Наиболее полно исследованным яёйским поселением является Торо, которое было процветающей общиной в эпоху среднего и позднего яёй. При раскопках этого поселения вскрыто 11 жилищ и 2 зернохранилища. Такое же по размерам поселение раскопано в Хиёси. Значительно больше поселение в Короко префектуры Нара, которое состояло из 100 жилищ типа татэана. Наиболее оптимальными для яёй были поселения, состоящие из 15—20 жилищ трех типов построек: татэана (полуподземные жилища), наземные дома и дома с высоким полом. Поселения всегда окружались круговыми рвами и земляными валами. Первые оборонительные сооружения обнаружены в Хиэ и Итацуки префектуры Фукуока и близ г. Хикари префектуры Ямагути. Они окружали жилища типа татэана. В Хиёси, расположенном в районе Канто, известны рвы с U-образным и прямоугольным сечением. Здесь же обнаружены двухрядные неглубокие каналы, соединяющие жилища. Их ширина немногим более 1 м. Возможно, это были ходы сообщения, но их истинное назначение пока не выяснено. Остатки оборонительных сооружений и тот факт, что среди человеческих останков периодов культур яёй часто можно встретить скелеты, пронзенные стрелами с каменными, бронзовыми и железными наконечниками, свидетельствуют о бурных политических событиях, которые были характерны для этого периода. При раскопках, проводимых Оно Тадахиро в префектуре Ямагути, подобные поселения с оборонительными сооружениями были обнаружены на вершинах возвышенностей довольно-таки неудобных для жилья. Одни из них можно отнести к концу начального и большей части среднего периода, другие же — к самому позднему периоду яёй. Жилища именно этих периодов находились на неудобных возвышенных местах, представляющих собой естественные крепости. Изучение вопроса о размещении яёйских поселений позволяет установить, что (раскопки в Короко в префектуре Нара) места для поселений выбирались с использованием естественных убежищ в долинах рек. В поздний период культуры яёй для поселений выбирались не только низ-

менные места, но и горные районы. В районе Такай в таких местах, как Уридзато и Торо, поселения располагались в долинах рек с учетом естественных условий. По форме поселения, расположенные в низменных местах, заметно отличаются от поселений периода культуры дзёмон. Однако при раскопках в районе Южного Канто не было установлено такой резкой границы между поселениями периодов дзёмон и яёй. Те и другие размещались преимущественно по холмам и другим возвышенностям.

Рассматривая характер поселений, необходимо обратить внимание и на каидзука (раковинные кучи). Такие поселения известны на западе Японии: Караками в Ики (Нагасаки), Гатибана префектуры Фукуока, Симодзё префектуры Оита; на побережье Японского внутреннего моря: Ахо префектуры Айти, Матори и Нисияма префектуры Хиросима, Корн, Кадота и Ямакагэ префектуры Окаяма, Тамоноин префектуры Симанэ, улица Тиёда г. Химэдзи префектуры Хёго и др. Имеются также сообщения о небольших скоплениях каидзука в окрестностях г. Хиросима.

Таким образом, к культуре яёй относятся различные поселения и с различным числом жилищ. К яёйскому времени относятся и погребения в кувшинах, каменных гробах коробчатой формы, дольменах.

При погребении в кувшинообразных гробах (урнах) умершего обычно либо предварительно кремировали, либо его деформированные останки помещались в керамический кувшинообразный сосуд. Во времена культуры яёй были также случаи, когда умершего без какой-либо предварительной обработки помещали в большие керамические сосуды. Причем встречаются различные сосуды для захоронений. Обнаружены захоронения в одном сосуде и захоронения в двух составленных друг с другом венчиками сосудах. В литературе их обычно называют сосудами для захоронений из двух подогнанных половин.

Эти сосуды для захоронений типичны для культуры яёй. Встречаются сосуды как с разными по величине половинами, так и с одинаковыми. После помещения тела в одну половину сосуда она закрывалась другой, а щель между ними тщательно замазывалась глиной. Такой способ захоронений с использованием сосудов больших размеров являлся особенностью зоны культуры Северного Кюсю; на востоке эта зона простиралась до префектуры Ямагути. К востоку от Киюки таких захоронений мало. Если использовался один сосуд, то его в большинстве случаев зарывали в землю вертикально, делая из камня или дерева крышку. В случае использования сосудов из двух подогнанных половин они зарывались в землю горизонтально или с наклоном до 30°, причем наклонное положение более распространено. Положение погребенного в сосуде не всегда одинаковое. Встречаются захоронения вверх и вниз головой. Согласно недавно проведенным японскими археологами исследованиям, имеются случаи, когда сосуды для захоронений зарывались в землю, а сверху на поверхности это место обозначалось каменными плитами. В Итацуки префектуры Фукуока обнаружены небольшие могильные холмики. Кроме того, близ Тэтэива префектуры Фукуока вокруг могил были обнаружены невысокие оградки из камней. Известны случаи, как, например, в Суку, когда над могилами вертикально устанавливались высокие камни. Иногда такие камни использовались как опознавательные знаки кладбища.

Применявшаяся для погребения керамика — частично в стиле онгава, а большая ее часть — в стиле суку. Известно, что керамика этих двух стилей была в свое время наиболее распространенной, а керамика позднего периода получила крайне ограниченное распространение. Кроме того, в позднем периоде встречается крайне мало захоронений с останками человека, чаще, очевидно, захоронению подвергался пепел после сжигания. Редко также встречаются в местах захоронений и специальные обрядовые предметы, которые зарывались вместе с покойником. Очень редко встречаются захоронения с изделиями, привезенными с материка. При раскопках в Суку префектуры Фукуока обнаружены зеркала китай-

ской работы, бронзовое холодное оружие с обоюдоострым лезвием, бронзовые наконечники копий, драгоценности из стекла, бусы цилиндрической формы из драгоценных камней. В Микумо найдено 35 китайских зеркал, 2 бронзовых книжала с обоюдоострыми лезвиями, драгоценные камни.

При раскопках в Сакурабаба префектуры Сага в одном гробу обнаружено множество бронзовых браслетов, китайских зеркал, бронзовых предметов полукруглой формы. Кроме того, в Нагата совместно с хорошо сохранившимся скелетом в гробу было одно китайское зеркало. В глиняный шов гроба, которым скреплялись две его половины, был замурован большой железный нож с серповидным лезвием.

Для культуры яёи характерны также захоронения в каменных ящиках, когда для умершего из плоских плит делались гроб и крышка. Дно многих из них устилалось плоскими каменными плитами. Центром их распространения, как и кувшинообразных гробов, является Северный Кюсю. На Кюсю такие гробы прослеживаются только в префектуре Ямагучи. В северной части Кюсю их можно встретить в больших количествах в таких отдаленных от центра периферийных районах, как, например, равнина Тикуси префектуры Нагасаки, Оита в восточной части Фукуока, где находится центр захоронений в кувшинообразных гробах. Известны случаи совместного нахождения захоронений того и другого типа. Иногда попадались могилы с небольшими могильными холмиками. В Хараяма префектуры Нагасаки над местами захоронений встречались дольмены. В районе Хита префектуры Оита были обнаружены захоронения, в которых внутри каменных ящиков коробчатой формы находились кувшинообразные гробы.

Что касается предметов, встречаемых при раскопках погребений в каменных ящиках коробчатого типа, то они по качеству уступали предметам, обнаруженным в погребениях в кувшинах, а многие виды изделий совершенно отсутствовали. В погребениях в каменных ящиках очень часто встречались бронзовые книжалы и копья. В одном из каменных гробов коробчатой формы в Гакиноки на о. Цусима были одновременно найдены положенные вместе с телом погребенного камешные, бронзовые и железные книжалы. За последнее время в Донгахаме и Кадзикарихаме префектуры Ямагучи обнаружено при раскопках большое количество каменных гробов, где с погребенным были в основном предметы вооружения. В Донгахаме обнаружены ящики не только с остатками нескольких человек, но и с большим количеством палеоантропологических останков вокруг них. В таких захоронениях применялись два способа погребения: тело зарывали в землю без каких-либо сооружений или обкладывали его вокруг камнями. Ряд исследователей, в том числе Симидзу Дзюндзо и Курата Еспро, утверждают, что в каменных гробах хоронились какие-то особые, важные члены яёйского общества. Сугихара Сосукэ не считает это достаточным основанием, чтобы предполагать, что в каменных гробах коробчатой формы якобы хоронили каких-то выдающихся лиц.

Над каменными гробами, найденными в Кадзикарихаме, обнаружены остатки насыпных холмиков и каменных плит. Небольшие курганчики над яёйскими захоронениями известны и в других районах Японии. Возможно, что небольшие круглые надмогильные холмики — прототипы больших курганов, так широко распространенных в следующем культурном периоде — кофун.

Дольмены — большие каменные плиты или глыбы, покоящиеся на нескольких подложенных под них мелких камнях, под которыми находилось захоронение, не так широко распространены в Японии. В Маньчжурии и Корее их обнаружено большое количество, причем формы их различались. Обнаруженные в Японии дольмены очень похожи на южнокорейские. В настоящее время в Японии открыто более десяти мест, где встречены дольмены. В четырех пунктах проведены раскопки. Одним из центров их распространения являются прибрежные районы северной части

префектуры Сага и западной части префектуры Фукуока. Другая группа дольменов известна в северной части префектуры Кумамото и на п-ове Симахара. Под погребальными сооружениями типа дольменов больше всего встречалось погребений в кувшинах. Известны также случаи захоронения в каменных ящиках, а иногда встречаются захоронения в ямах без гробов.

Время сооружения дольменов можно отнести к среднему периоду культуры яёй. Если же учесть нахождение в местах захоронений керамики онгагава, то можно предположить, что они существовали и в ранний период. Камни, применяемые для дольменов, имели большие размеры, а стало быть, и вес и находились часто на весьма далеком расстоянии от места предполагаемого захоронения.

На Северном Кюсю кроме описанных выше способов захоронения встречались случаи захоронения без гробов, при которых тела зарывались в могилы прямоугольной формы, так называемые доко. Бывали случаи, когда поверх укладывалась каменная плита. Такие могилы известны как доко с каменной крышкой. Они имеют, возможно, самую тесную связь с дольменами, а именно с теми из них, под которыми умершие хоронились без гробов. Встречен еще один вид захоронений — ямы с настилом из камней. Они не являются особым видом могил, а могут рассматриваться как разновидность доко. Причем захоронения в доко и других подобных могилах совершались параллельно с захоронениями в каменных гробах коробчатого типа. Это подтвердили результаты раскопок в Донкэгама. Интересно, что даже в одной и той же культурной зоне Северного Кюсю одновременно существовали различные виды захоронений.

Непосредственное отношение к погребальным обрядам культуры яёй имеют позы и положения погребенных тел. Прежде считалось, что для периода культуры дзёмон характерно погребение умершего в скорченном состоянии, а для культуры яёй — в вытянутом. Исследования последних лет показали, что во времена культуры дзёмон довольно широко были распространены захоронения с вытянутым костяком, тогда как при раскопках близ Осака обнаружены погребения, относящиеся к культуре яёй, в которых умерший лежал в скорченном положении. Это свидетельствует о том, что труположения в культурах дзёмон и яёй принципиально отличаются друг от друга.

Племена культуры яёй в использовании каменных и костяных орудий мало чем отличались от племен позднего этапа культуры дзёмон. Их отличало от дзёмонцев прежде всего использование металлических орудий и освоение прогрессивной и новой техники изготовления многих изделий из различных материалов. Яёйцы изготавливали разнообразные изделия из дерева, а металлические предметы отливали как из бронзы, так и из железа.

В яёйских памятниках встречались изделия из бронзы, не имевшие практического значения, что свидетельствует не только о высокой технике литейного производства, но и о широком его распространении. Около 10% найденных бронзовых орудий изготовлено на континенте. Всего на яёйских памятниках обнаружено около 400 предметов местного производства, кроме 300 бронзовых зеркал. Это свидетельствует о том, что производство бронзовых орудий в культуре яёй находилось на довольно высоком уровне.

При решении вопроса о бронзолитейном производстве важен вопрос о степени использования для выплавки металла местных руд. В целом нельзя сказать, что Япония бедна медными рудниками. Исигава Цумэтаро провел раскопки в префектуре Миядзаки. Там он обнаружил следы шлака и предположил, что именно здесь производилась выплавка металла. Необходимо иметь также в виду, что олово в Японии — один из редких металлов. По этой причине с давних пор считалось, что бронзовые орудия, отлитые в Японии, изготавливали путем переплавки завозимых

с материка металлических предметов. В Японии олова добывалось очень мало, и поэтому в сплавах, где оно необходимо, его пытались заменить, в частности, сурьмой. От этого качество сплава значительно ухудшалось. Внешний вид изделия тоже менялся, но плавкость сплава улучшалась. Даже чрезвычайно тонкие бронзовые плоские мечи или широкие наконечники копий выплавлялись из такого сплава. У бронзовых зеркал крупных размеров при химических анализах установлена та же тенденция. Имея в виду плохое качество бронзовых изделий, некоторые японские ученые считают, что они не имели практического применения, а их делали больше из прихоти и как украшения.

При отливке изделий из бронзы делали из песчаника литейную форму: две плитки с углублениями зеркально-одинаковой формы соединяли и полученную таким образом полость заполняли расплавленным металлом. В Корее обнаружены аналогичные литейные формы. Что касается изготовления бронзовых зеркал, которые найдены при раскопках в районе с центром в Кинки, то надо отметить, что для них невозможно было сделать каменную форму. По мнению японских ученых, для них делалась форма из формовочной массы, для которой использовался песок, перемешанный с воском. Считается, что различные виды бронзовых мечей японского производства, найденные в Сэтопайкой, тоже изготовлены этим способом. Для отливки некоторых бронзовых зеркал использовались одинаковые литейные формы.

Железные орудия по назначению отличались от бронзовых. Это подтверждает хотя бы тот факт, что железные орудия в отличие от бронзовых распространены повсеместно. В яёйской культуре они, бесспорно, были главными среди других изделий и играли основную роль в жизни человека. Что касается времени появления в Японии железных орудий, то необходимо отметить, что они появились не раньше, а немного позднее бронзовых орудий. Существовая одновременно с железными орудиями, бронзовые орудия не могли с ними долго соперничать, и поэтому постепенно они стали применяться как украшения и для ритуальных целей.

Очень важно установить, принесли ли пришедшие с материка племена железные орудия или они принесли только бронзолитейное производство, а коренное население Японских островов вместе с другими новшествами самостоятельно пришло к изготовлению и применению железных орудий. Пока на этот вопрос ответить чрезвычайно трудно. Необходимо только констатировать, что яёйцы на ранних этапах хорошо овладели мастерством изготовления железных орудий. Необходимо учитывать также ту роль освоения производств железа, которую сыграли навыки других мастеров в изготовлении бронзовых орудий. Используя железное зубило, людям удавалось исправлять дефекты бронзовых отливок и обрабатывать их. Это видно по следам на бронзовых мечах и бронзовых зеркалах японского производства.

В Японии добывается немного железной руды. В разделе Баньчэнь источника «Вэйчжи», повествующем о Корее, написано так: «... в этой стране имеется железо. Корейцы и японцы его добывают». Вполне возможно, что железная руда в основном привозилась из Южной Кореи. По данным Окадзакэ Кэй, при раскопках в Ики были обнаружены остатки, напоминающие руду. Он считает, что это является подтверждением существовавшего импорта сырья. Однако железистого песка в Японии неисчерпаемые запасы. Его стали широко применять еще в те времена, когда древние мастера научились изготавливать знаменитые японские мечи. Из железистого песка можно получить высококачественный металл, но очень трудно. Не исключено, что для изготовления железных орудий в Японии в качестве сырья использовали местный железистый песок.

При производстве железных орудий в эпоху яёй применялись два технических приема: литье иковка. Хотя литейное производство и было трудоемким, оно получило более широкое распространение, даже несмо-

тря на то, что литые изделия обладали низкими механическими качествами: они непрочны, хрупки и их нельзя длительное время употреблять в качестве инструмента.

Исследователь Сэкино Масару, занимавшийся изучением остатков деревянных предметов при раскопках в Торо, обнаружил 4 вида деревянных орудий: ручной топор, обработанный железным инструментом, топор, долото и клин. При раскопках в Караками района Ики были обнаружены также инструменты для строгания и резания дерева. Такой разнообразный набор инструментов позволял изготавливать очень многие предметы из дерева. Не случайно племена яёй стали воздвигать такие сложные сооружения, как плотины и дамбы, на рисовых полях в Торо, делали различного рода хорошо обработанные деревянные стенки и сваи. На яёйских поселениях обнаружено несколько тысяч досок и множество различных деревянных предметов обихода и орудий,— все это свидетельствует о высоком уровне техники обработки дерева.

Стремительное развитие приемов изготовления деревянных орудий и предметов связано с появлением и распространением железных орудий. Для того чтобы предотвратить коробление и порчу деревянного изделия после изготовления, из заготовки предварительно вынимали сердцевину. Эта техника пришла к мастерам культуры яёй в результате длительного опыта. Следует также упомянуть и способы соединения различных частей при помощи пазов, шипов и штифтов, которыми владели яёйцы. При раскопках в Ямачи подобные конструкции соединений были обнаружены в строительных сооружениях. Низкий одноместный обеденный столик, найденный при раскопках в Карако, имел подставку, состоящую из двух частей, соединенных между собой при помощи паза и штифта. Яёйским мастерам в то время уже, несомненно, был известен способ последовательного изготовления сборки деталей.

Среди находок при раскопках в Карако были обнаружены мотыги, изготовленные следующим образом. Сначала обрабатывалась большая деревянная заготовка значительной ширины, когда эта заготовка получала вполне законченный вид, она разделялась на несколько изделий.

Очень важен вопрос о керамическом производстве в культуре яёй. Посуда, одноместный обеденный столик, найденные при раскопках в Карако, сделаны с удивительной тщательностью, что позволило Кобаяси Юкио предположить, что их изготовление связано с применением гончарного круга. Ему решительно возражал Гото Морихити, который считает, что еще в культуре дзёмон тоже были великолепные изделия из керамики, но это совсем не говорит о том, что и тогда уже существовал гончарный круг. Наиболее вероятно, что в позднем дзёмоне и в культуре яёй древние мастера применяли приспособление, похожее на вращающуюся подставку.

В яёйских поселениях обнаружены корзины из бамбука тонкой работы, мало чем отличающиеся от современных. Такая тонкая, ювелирная работа стала возможна в яёйский период с момента появления железных орудий и инструментов. Нет сомнения в том, что у яёйцев существовала специальная техника обработки коры, лозы для изготовления всевозможных плетеных изделий. Керамические кувшины яёйские мастера очень искусно оплетали сверху. Причем горловину плотно оплетали спиральными кольцами древесной лианы, а тулово сосуда — той же древесиной, но уже в форме корзины. Такой сосуд был обнаружен при раскопках в Карако.

Наряду с различными приемами механической обработки дерева люди культуры яёй долгое время применяли различные способы покрытия изделий лаком. В карако найдены 2 лука, выкрашенные в черный цвет, и декоративная тарелка с красивой ажурной резьбой, покрашенная киноварью, а также деревянный браслет и гребень. Известно, что применение лака было распространено еще в последний период культуры дзёмон в рай-

онах Канто и Тохоку. Возможно, что яёйские мастера заимствовали эту традицию от племен культуры дзёмон, хотя на материке в ханьский период в Китае изготавливались великолепные лаковые изделия. В Корее также найдены в большом количестве изделия, покрытые лаком.

Искусство изготовления керамики в яёйский период по сравнению с керамикой дзёмон продвинулось вперед. Так, например, появились кувшинообразные сосуды, которые стали использоваться как гробы при захоронениях. Сосуды культуры яёй имеют определенную форму.

Наиболее распространенные типы сосудов — кувшины, бутылки, горшки, миски с подставками и кубки². Они встречаются вместе в одних и тех же погребениях.

Кувшины, использовавшиеся в качестве сосудов для хранения, разнообразны. Среди них можно выделить огромные полусферической или сферической формы сосуды с узким горлом, сосуды с узким в виде воронки горлом и широко отогнутым венчиком, редко встречались слабо профилированные сосуды с широким и узким горлом и кувшины с ручками, сосуды с носиками, тыквообразные кувшины. Тулово сосудов в большинстве случаев орнаментировалось.

Горшки, служащие для приготовления пищи, имеют сферическую или близкую ей форму с широким горлом, часто с крышкой чуть большего диаметра. Они сравнительно грубо обработаны, и их разновидностей мало. Можно заметить большое количество разнообразных по размерам горшков, однако диаметр всех горшков, обнаруженных в жилищах, 20—30 см; их высота также постоянна. Донышко и тулово горшков обычно хорошо обжигались. С внешней стороны они закопченные, а внутри на стенках встречались подгорелые частички пищи (преимущественно риса). Горшки такого вида употреблялись и как сосуды для воды. Некоторые имеют отверстие в донышке и использовались для варки риса на пару.

Миски с подставками очень разнообразны по высоте и ширине их подставок, а также по своей глубине. Эти признаки являются характерной особенностью для определенных этапов яёйской культуры. Стенки таких сосудов тонкие, поэтому целые сосуды такого типа — большая редкость в памятниках яёйской культуры.

Кубки имеют множество разновидностей. Наблюдаются локальные и хронологические различия в их форме. Большинство кубков обожжено и орнаментировано. Некоторые из них имеют ручки.

Маленькие земляные ручные грелки характерны для последнего этапа культуры яёй. Кроме того, существовал особый вид керамики — такацуки — одноногий низкий одинарный обеденный столик. К особенностям яёйской керамики следует отнести изготовление керамических гробов и предметов, предназначенных для праздничных ритуалов.

Украшались яёйские сосуды довольно просто. Основным узором был «лопаточный орнамент», видное место занимает также «ракушечный узор», часто применялся орнамент в виде рельефных прямых линий. Криволинейных элементов в орнаментике яёйских сосудов почти нет, а если и встречаются, то только в виде дуг. Гребенчатый орнамент, характерный для культуры дзёмон, очень широко распространен на яёйских сосудах. Очень редки случаи, когда орнаментом покрывали весь сосуд. На востоке Японии, восточнее г. Сидзуока, часто встречается на яёйских сосудах веревочный орнамент, характерный для культуры дзёмон. В позднем яёй орнаментированные сосуды встречаются редко.

Инструментами для нанесения орнамента на поверхность сосудов служили лопаточки, штампы, колотушки. Обжиг сосудов осуществлялся при температуре примерно 600—800°C. В керамике начального периода культуры яёй преобладал серо-коричневый цвет. В средний период и в более позднее время преобладали светлые тона: желто-коричневый или свет-

² Kaneko E. Japan. — «Asian Perspectives», 1964, vol. VIII, № 1, p. 29—33.

ло-красно-коричневый. Судя по цвету, температура окисления глины этой керамики была очень высокой. Только при высоких температурах можно было получать изделия именно такого качества. Так как на поверхности керамики не заметно цветных пятен, можно предполагать, что нагрев шел равномерно. Возможно, в это время уже появляются печи.

Важен вопрос о социальной организации яёйского общества. Согласно сообщениям о раскопках в Торо, сделанным Сугихара Сосукэ, деревня в Торо состояла из 12 или 18 дворов. В каждом дворе в среднем по 5 человек, т. е. 60—90 человек в поселении. Эти люди изготовили несколько тысяч досок и свай, употреблявшихся на сооружение системы заливных рисовых полей. В Торо и в Каракэ найдены различные деревянные мечи, которые, очевидно, служили для исполнения культовых обрядов. В то время несомненно было развито, как это принято вообще у японских крестьян, поклонение силам природы. Эти мечи принадлежали, видимо, жрецу-руководителю. По мнению С. Сугихары, хотя такой руководитель и существовал, но он не имел большой власти. При раскопках не обнаружено также особого строения, предназначенного для такого рода людей. Хранилища (строение с высоким уровнем пола) не принадлежали каждому отдельному семейству, а находились в отдалении и, очевидно, служили местом хранения урожая всего поселения. Следовательно, в яёйском обществе еще нет фактов, указывающих на дифференциацию внутри общества, хотя во главе общин, по мнению японских исследователей, уже стоял глава — старейшина. В целом вопрос о социальной организации населения в культуре яёй до конца не решен, и только дальнейшие исследования в этой области могут окончательно на него ответить.

В настоящее время яёйская культура подразделяется на три периода: ранний яёй — III—II вв. до н. э., средний яёй — I в. до н. э.— I в. н. э., поздний яёй — II—III вв. н. э.

Некоторые японские исследователи, неудовлетворенные таким делением культуры яёй на три периода, предпринимают попытки провести более дробное деление, что, естественно, вызывает бесконечные разногласия и дискуссии очень широкого круга ученых. Радиоуглеродные датировки, которые, видимо, в ближайшее время будут известны по культуре яёй, позволят более точно установить возраст этой культуры, выделить наиболее ранние памятники и, следовательно, сравнить их с памятниками более раннего времени.

Один из самых сложных вопросов в изучении яёйской культуры — ее происхождение и истоки. Можно считать вполне установившимся мнением среди ученых, что культура яёй не возникла в Японии сомобытно, как самостоятельная культура³. Эту точку зрения поддерживают и советские исследователи⁴. Такие характерные черты культуры, как рисосеяние на заливных полях, применение металлических предметов, — особенность континентальных культур, проникших на острова. Однако по вопросу, где, когда, кем и каким образом культура яёй была перенесена на острова, существует очень много различных точек зрения, и по этой проблеме нет единого мнения. Самым древним очагом культуры яёй, ставшим в последствии центром ее формирования, является Северное Кюсю.

³ Jamamura I. The Skill and other Skeletons of the Stone age people Ro Round near Ung-keni Pao. Corea.— *J. Anth. Soc.*, Tokyo, 1932, № 2; Ridder I. E. Op. cit., p. 90—92; Sugihara S. Op. cit., p. 4—7.

⁴ Окладников А. П. К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре.— *СЭ*, 1946, № 4; Арутюнов С. А. К оценке миграций в древней истории Японии.— Там же, 1960, № 1; Он же. Этническая история Японии на рубеже нашей эры.— *Труды Ин-та этногр.*, 1961, т. 23; Он же. Проблемы классификации языков народов Восточной Азии в свете их этнической истории.— В кн.: VII Междунар. конгресс антропологов и этнографов. М., 1969; Левин М. Г. Некоторые проблемы этнической антропологии Японии.— *СЭ*, 1961, № 2.

Судя по сходству находок, обнаруженных при раскопках в этом районе, можно установить сходство культуры яёй с южнокорейской культурой. Однако этот вопрос не настолько прост, как это может показаться с первого взгляда, и главным образом потому, что керамика, которая наиболее ярко может подтвердить сходства и различия культур, в данном случае его не подтверждает: в Корее не обнаружено керамики, которая была бы совершенно одинаковой с керамикой яёй.

В то же время имеются черты сходства с керамикой Окинавы, юго-западного архипелага и Южного Кюсю. При продвижении далее на юг элементов такого сходства становится все меньше. Трудность заключается в том, что пути распространения культуры яёй чаще всего идут в южном направлении, в районы, которые еще слабо изучены. Однако рисосеяние на заливных полях является специфической чертой агротехники народов Юго-Восточной Азии, и ни в коем случае нельзя исключить тот факт, что в нравах и обычаях народности «во», описанных в «Вэйчживожэньчуань», прослеживается много южных элементов. В традиционной мифологии, нравах, обычаях и языке японцев уже в историческом периоде заметны густые и колоритные краски юга. Пока не существовало культуры яёй, не было и той благодатной родственной среды, в которой могли быть восприняты и поглощены эти нравы и обычаи. Если продолжить поиски истоков сходных культур, то параллели можно довести до побережья Восточно-Китайского моря, провинций Фуцзянь и р. Янцзы, т. е. до районов, археологически плохо исследованных. Одновременно помимо южной линии, прослеживающейся по результатам раскопок, имеются также многочисленные свидетельства общности культуры яёй с культурой Южной Кореи. Есть предположения, что предки японцев из южных частей Китая через Корею проникли в Японию. Среди корейской керамики была такая, которая находит близкие аналогии в керамике культуры яёй, и такая, которая относится к типу лощеной керамики, раскрашенной киноварью, причем, по мнению Фудзита Рёсаку, она имеет самую тесную связь с керамикой яёй. Таким образом, видно, что культура яёй не была простым перенесением корейской культуры, и можно полагать, что это была культура южных народов, которые по побережью китайских морей пришли на север и, впитав древнекорейскую культуру, принесли ее на территорию Японии, где она окончательно оформилась в культуру яёй.

Следующими вопросами, требующими разрешения, являются вопросы о расовой принадлежности и происхождении людей — носителей культуры яёй, об их отношениях с предшественниками — людьми времен культуры дзёмон. Эта проблема также имеет непосредственное отношение к решению вопроса происхождения культуры яёй. Последнее время много японских ученых примыкают к числу тех, которые уверены в том, что японцы прошли следующие ступени развития: дзёмон, яёй, период захоронений, исторический период, и что они являются представителями одной этнической группы. Привлекая для решения этой проблемы материалы эволюции сосудов, можно установить, что находки, относящиеся к культуре дзёмон, на первый взгляд резко отличаются от яёйских. Но с установлением промежуточной категории керамики между этими двумя культурами некоторые ученые стали рассматривать появление керамики яёй как следствие дальнейшего развития керамики дзёмон под сильным воздействием пришедшей на острова континентальной культуры.

Область размещения культуры яёй менее обширная, чем культуры дзёмон. Хотя она и тянется на юге от Амами в сторону Кюсю, Сикоку и Хонсю, но не достигает северо-западной части Тохоку. Самая северная граница распространения остатков культуры яёй, установленная археологическими раскопками, находится в районе Мидзусава, в южной части префектуры Иватэ. Что касается побережья Японского моря, то там северная оконечность области распространения культуры яёй приходится на районы между префектурами Иигата и Ямагата. При этом очень инте-

респно отметить, что именно северо-западная часть Тохоку, где не встречались памятники культуры яёй, была одним из самых больших и развитых центров культуры позднего периода эпохи дзёмон. Культура яёй не известна и на Хоккайдо. Таким образом, во всех областях размещения этой культуры — на большей части Хонсю, Сикоку и Кюсю — можно выделить несколько некрупных очагов, каждый из которых характерен своей особой фазой развития этой культуры. Прежде всего надо отметить культурный очаг с центром на Северном Кюсю; его влияние простирается на запад до провинции Тюгоку. Затем — культурный очаг с центром в Кинае; он включает также большую часть Тюгоку и Сикоку. На западе он доходит до Нагоя — Гифу — Фукуи. Большая часть Сикоку и западная часть Тюгоку, захваченная этими двумя культурными очагами, подверглась одновременно большому влиянию и Кюсю и Киная. Что касается районов, расположенных к востоку от Нагоя, то там культура яёй является периферийной; здесь в разных местах найдена керамика с четкой спецификой, присущей именно этим местам. Среди прочих находок в этих районах многие резко отличаются от предметов, обнаруженных в западных районах.

Два больших центра культурных очагов Северного Кюсю и Киная также резко отличаются друг от друга не только по керамике, но и по металлургическим предметам. Очень сильно их различие проявляется в мастерстве древних яёйцев при изготовлении бронзовых предметов: пик, мечей и колокольчиков. Особенности каждого культурного очага, несомненно, связаны с определенными этапами развития культуры во времени, и все они являются доказательством развития локальных вариантов в пределах одной культуры.

Связи культуры яёй с материковыми культурами прослеживаются не только по материалам древних памятников Кореи и побережья Китая, но и Приморья и Приамурья. А. П. Окладников после экспедиции 1935 г. на Амур отмечал некоторые общие черты в материальной культуре племен раннего железного века Приамурья и племен яёйской культуры⁵. Позднее такие памятники были открыты им и в Приморье⁶. Раскопки на Амуре показали, что наиболее тесные связи с Японией прослеживаются в польцевской культуре⁷.

Рассматривая взаимоотношения культуры яёй и польцевской, необходимо отметить следующие их общие черты. Для раннего этапа культуры яёй характерны хорошо профилированные сосуды, украшенные прочерченными линиями и налепными валиками, и баночные сосуды. По орнаментации и формам они близки к польцевским. В среднем яёй появляются хорошо профилированные сосуды с блюдовидными отогнутыми венчиками, по отогнутому краю которых прочерчивались глубокие линии. Тулова таких сосудов украшались валиками или прочерченными линиями. Эти сосуды аналогичны сосудам польцевского типа и сосудам второго горизонта поселений на Сенькиной Шапке и Синих Скалах. Сходство между польцевской культурой и культурой яёй прослеживается также и в каменном инвентаре и в некоторых типах изделий из металла⁸.

Таким образом, в формировании культуры яёй приняли участие также и племена Приамурья и Приморья. Все это свидетельствует о том, что культура яёй представляет собой исключительно сложное явление, и последующие исследования должны более полно ответить на вопрос об истоках этой культуры и времени ее формирования.

⁵ Окладников А. П. У истоков культуры народов Дальнего Востока. — В кн.: По следам древних культур. М., 1954, с. 255—256.

⁶ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 166—167.

⁷ Деревянко А. П. Новые данные по археологии Среднего Амура. — «Известия Сиб. отд. АН СССР», 1964, № 9. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 137—138.

⁸ Деревянко А. П. Ранний железный век Дальнего Востока, ч. II. Новосибирск, 1972, с. 268—270.

СИБИРСКИЕ РЕШЕТЧАТЫЕ БРОНЗОВЫЕ ПЛАСТИНЫ

Ажурные художественные бронзовые бляхи из Сибири, поражающие изяществом и совершенством форм, привлекали внимание ученых еще с конца XIX в. Повышение интереса к ним в зарубежной литературе в середине 20-х — в 30-х гг. XX столетия связано с находками серий близких и аналогичных бронзовых пластин в районе Ордоса. В 1929 г. ассистент музея Восточного искусства в Кёльне Альфред Сальмони посетил наши центральные и сибирские музеи. Особое впечатление произвела на него археологическая коллекция Минусинского музея. Он писал: «Мартыновский музей в Европе каждому занимающемуся восточной археологией известен. Несмотря на это, я должен признаться, что содержимое музея полнотой своих коллекций и художественностью их превзошло мои ожидания»¹. Результатом этой поездки явилась статья о минусинских бронзовых пластинах, которые А. Сальмони рассмотрел в связи с вопросом о времени и месте появления прототипов ордосских бронз. Однако, как отметил и сам автор, представленный им обзор минусинских художественных бронз страдает неполнотой².

Серия минусинских и ордосских блях была опубликована и интерпретирована С. В. Киселевым в монографии «Древняя история Южной Сибири». Подвергнув рассмотрению случайно найденные рельефные бляхи из Сибири, Монголии и Ордоса, С. В. Киселев подчеркнул исключительную важность для датировки этих вещей обломка бронзовой четырехугольной бляхи из кургана Б. Барандат³ — единственной в то время находки из Южной Сибири прорезной пластины в могильном комплексе⁴.

В последние годы находки ажурных пластин в составе Косогольского клада, в погребальных комплексах Минусинской котловины, Тувы и Забайкалья способствовали оживлению интереса к ним со стороны археологов-сибиреведов⁵. Эти открытия дают надежные основания для датировки пластин, случайно найденных и разбросанных по многим музеям нашей страны.

В настоящей статье рассматривается отдельная категория ажурных пластин — решетчатых и сделана попытка определения их места среди подобных древностей великого пояса азиатских степей.

Пластины с решетчатым орнаментом составляют многочисленную группу среди сибирских ажурных художественных блях. Эти пластины можно разделить на две группы: 1) с решеткой из волнистых линий и 2) с решеткой из ломаных линий.

Бляхи первой группы в бассейне Енисея встречены в количестве 14 экз.⁶, в Забайкалье обнаружена 1 подобная пластина⁷.

¹ Цит. по: Кузнецов И. С мировой известностью. — «Красноярский рабочий», 1937, 26 февраля, с. 4.

² Salmony A. Les plaquettes de bronze de Minussuisik. — «Gazette des Beaux-arts», Paris, 1934, t. XI.

³ Большой Барандат, «курган за поскотиной», раскопки Г. О. Оссовского в 1895 г. Хранится в ГИМ, инв. № 36518. Опубликован: Киселев С. В. Тагарская культура. — «Труды Секции археологии РАНИОН», 1929, т. IV, рис. 59.

⁴ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 270.

⁵ Нащекин Н. В. Косогольский клад. — В кн.: Археологические открытия 1966 г. М., 1967, с. 163—165; Савинов Д. Г. Погребение с бронзовой бляхой в Центральной Туве. — «КСИА», 1969, вып. 119, с. 104—108; Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах. — «СА», 1971, № 1, с. 93—105.

⁶ Минусинский музей, инв. № 9061, 9062, 9063, 9064; Красноярский музей, инв. № 4722—3—7, 4387—1,3; ГИМ, инв. № 49439; Эрмитаж, инв. № 5531—1389.

Волнистую решетку образуют плавно изгибающиеся туловища четырех змей, которые размещены одна над другой внутри прямоугольной рамки (рис. 1). Головы животных примыкают к одной боковой стороне рамки, хвосты — к другой. Между соприкасающимися и волнообразно расходящимися змеиными телами сквозные отверстия имеют подромбическую форму, а между рамкой и изгибами туловищ — подтреугольную. Вдоль хребтов змей проходит один или несколько узких желобков. Такими же желобками украшались рамки. Иногда в процессе многократных воспроизведений пластины желобки на рамках превращались в нерегулярные интрихи или исчезали совсем. Отливка

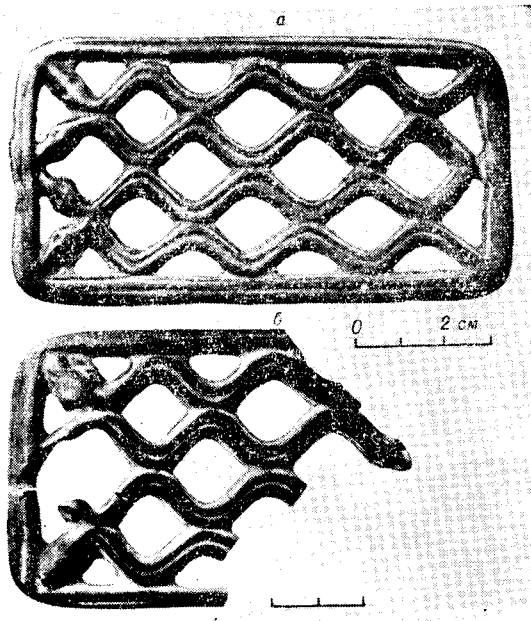

Рис. 1. Бронзовые пластины. а — из Государственного исторического музея; б — из Эрмитажа.

ажурных блях производилась в глиняных формах с употреблением в качестве моделей уже готовых изделий. Возражая против мнения о том, что бляхи отливались в одних и тех же формах, Ю. С. Гришин на примере прямоугольных блях в виде пары стоящих быков показал, что при сходстве даже мельчайших деталей у каждой пластины можно наблюдать различную степень их выраженности: у одних эти детали выступают более отчетливо, у других менее, а у третьих выглядят как бы совсем «смазанными»⁸. Видимо, по одной модели могли быть сделаны две пластины, найденные в с. Марьясово и хранящиеся в Минусинском музее. При общем совпадении друг с другом они имеют различия в отдельных деталях. На этих пластинах изображения змей приобрели чисто орнаментально-декоративный характер: головы и хвосты не обозначены, туловища гладкие. Понять, что на них представлены змеи, можно лишь по аналогии с образцами, в меньшей степени утратившими черты оригинала.

При сравнении минусинских пластин с забайкальской обращает на себя внимание схематичность последней. Она не могла быть оригиналом для минусинских блях и, как видно, сама является результатом многократных воспроизведений первоначального образца.

2575—10 раскопки Э. Б. Вадецкой в 1967 г. (в двух могилах найдено 2 обломка, возможно, одной и той же бляхи). Опубликовано: Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. VIII, рис. 3; Martin F. R. L'age du bronze au musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893, tab. 30, fig. 17, 19; Strzygowski J. Altai — Iran und Volkerwanderung. Leipzig, 1917, Fig. 106; Salmony A., Op. cit., pl. 14; Egami N., Mizuno S. Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. — «Archaeologia Orientalis, B. Series», Tokyo and Kyoto, 1935, vol. I, p. II, pict. 76 — 1, 2

⁷ Иволгинское городище см. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.—Л., 1962, рис. 56; Jettmar K. Die frühen Steppenvölker. Baden-Baden, 1964, S. 157.

⁸ Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху. — «МИА», М., 1960, № 90, с. 165.

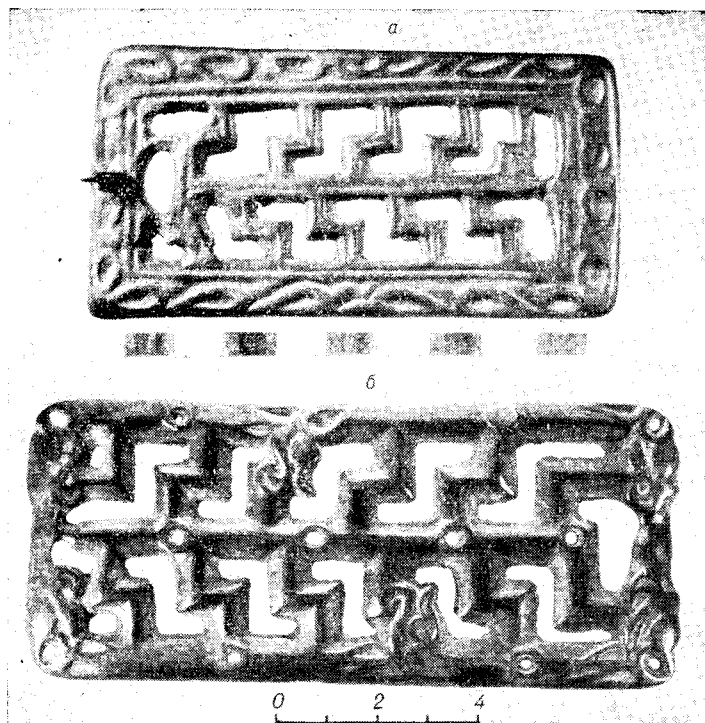

Рис. 2. Бронзовые пластины.
 а — из Эрмитажа; б — из Музея археологии и этнографии Томского университета.

Вторую группу решетчатых пластин составляют бляхи с геометрической решеткой. Их ареал в пределах Сибири ограничивается бассейном Среднего Енисея. Здесь обнаружено 12 пластин⁹.

Геометрический узор образуют вписанные в рамку прямая и ломаные линии. Продольная центральная перемычка посредством поперечных ступенчатых соединяется с ободком. Число ступенчатых перемычек колеблется от 4 до 6 с каждой стороны. Рамки бывают гладкие, а также украшенные либо листовидным орнаментом (рис. 2, а), либо изображением голов ушастых грифонов и животных (рис. 2, б). Листовидное обрамление рамки — сравнительно ранний хронологический признак. Принято считать, что бляхи с листовидным бордюром представляют собой копии золотых оригиналов, где листовидные углубления служили ячейками для цветных вставок. Цветная инкрустация, широко применявшаяся для золотых вещей, в бронзе отсутствует.

Несколько блях украшено по рамке изображениями головок зверей и фантастических птиц. Уши, клювы, а также лунки, находящиеся под головами животных, имеют листовидную форму и снабжены ячейками, которые, по образному выражению А. Сальмони, «напоминают о первобытной инкрустации»¹⁰. Стилистические изображения фантастических птиц

⁹ Минусинский музей, инв. № 9054, 9055, 9058, 9059, 8685 (место находки неизвестно); Красноярский музей, Косогольский клад (2 экз.); Эрмитаж, инв. № 5531—1387. Минусинский округ, верховья Теса, в инвентаре точное место находки не указано.; Музей Томского университета, инв. № 4017; Абакан; Венгерский национальный музей, Минусинский округ (3 экз.). Опубликованы: Martin F. R. Op. cit., tab. 30, pl. 18, 20; Strzygowski J. Op. cit., Fig. 106; Fettich N. Bronzeguss und nomadenkunst. Prague, 1929, Fig. XII, Fig. 1, 2; Salmony A. Op. cit., Fig. 13; Egami N., Mizuno S. Op. cit., pict. 76—3; Нащекин Н. В. Указ. соч., стр. 164.

¹⁰ Salmony A. Op. cit., p. 8.

сходны с головками грифонов на навершиях тагарских железных княжалов.

Производная форма от решетчатых прямоугольных пластин—бляхи с двумя углами, скругленными таким образом, что одна из узких сторон пластин имеет вид дуги¹¹. Решетка внутри рамки переплетена в более сложный и вычурный рисунок, чем у прямоугольных блях.

Переходную форму между решетчатыми прямоугольными пластинами и пластинами с дугообразным завершением одной стороны представляет бляха, у которой продольные стороны рамки имеют форму лесенок или уступчиков¹² (рис. 3). Орнаментальная схема решетчатого заполнения рамки совпадает с узором внутри прямоугольных пластин, что свидетельствует о их генетической связи. Пластины с дугообразными, а также с уступчатыми сторонами имеют гладкие рамки, лишённые листового орнамента и желобков. Они, надо полагать, относительно менее древние, чем бляхи с ячейками для инкрустаций.

Бронзовые ажурные пряжки получили распространение на Среднем Енисее в конце III—I в. до н. э., о чем свидетельствует наличие датируемых вещей в составе Косокольского клада, а также находки обломков пластин в погребальных комплексах. Датировка минусинских пластин последними веками I тыс. до н. э. согласуется с хронологическим определением забайкальских и северокитайских пряжек.

В памятниках ранней и средней поры тагарской культуры прототипов решетчатым бляхам нет.

По мнению А. Сальмони, бляхи со змеями имеют сибирское происхождение и восходят еще к изображениям змей из Мальты¹³. Однако между этими произведениями искусства слишком велик хронологический разрыв при отсутствии связующих звеньев, чтобы можно было принять точку зрения А. Сальмони. Общее между ними только одно — сюжет, что никак не может свидетельствовать о генетической связи изображений.

Представляется, что образцом для отливки сибирских бронзовых пластин, сильно переработанным и потерявшим первоначальный реализм изображения, могла служить бляха, подобная ордосской, происходящей из коллекции Давид-Вейль¹⁴ (рис. 4). Общие очертания блях сходны.

В отличие от сибирского варианта пластин, где зигзагообразно извивающиеся туловища четырех змей расположены в рамке в четыре ряда, на ордосской бляхе представлены змеи, попарно перевившиеся между

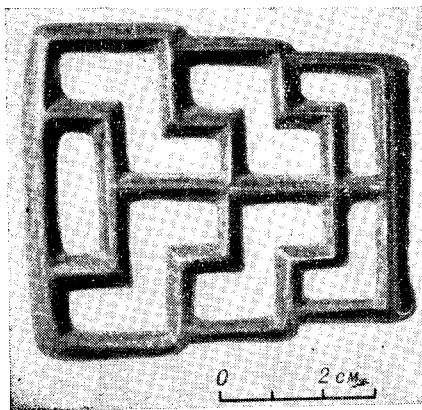

Рис. 3. Бронзовая пластина из Эрмитажа.

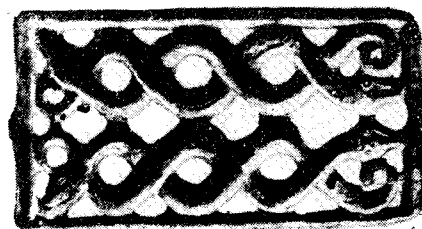

Рис. 4. Ордосская бронзовая пластина из собрания Давид-Вейль.

¹¹ Минусинский музей, инв. № 9056, Трифоново (у Ф. Мартина пластина опубликована как происходящая из с. Марьясова); инв. № 9057, Абаканское. Martin F. Op. cit., tabl. 30, pict. 16.

¹² Эрмитаж, инв. № 1126-214, место находки неизвестно.

¹³ Salmony A. Op. cit., p. 8.

¹⁴ Janse O. L'Empire des Stepps.—«Revue des arts Asiatiques», Paris, 1935, vol. IX, № 1, tabl. X.

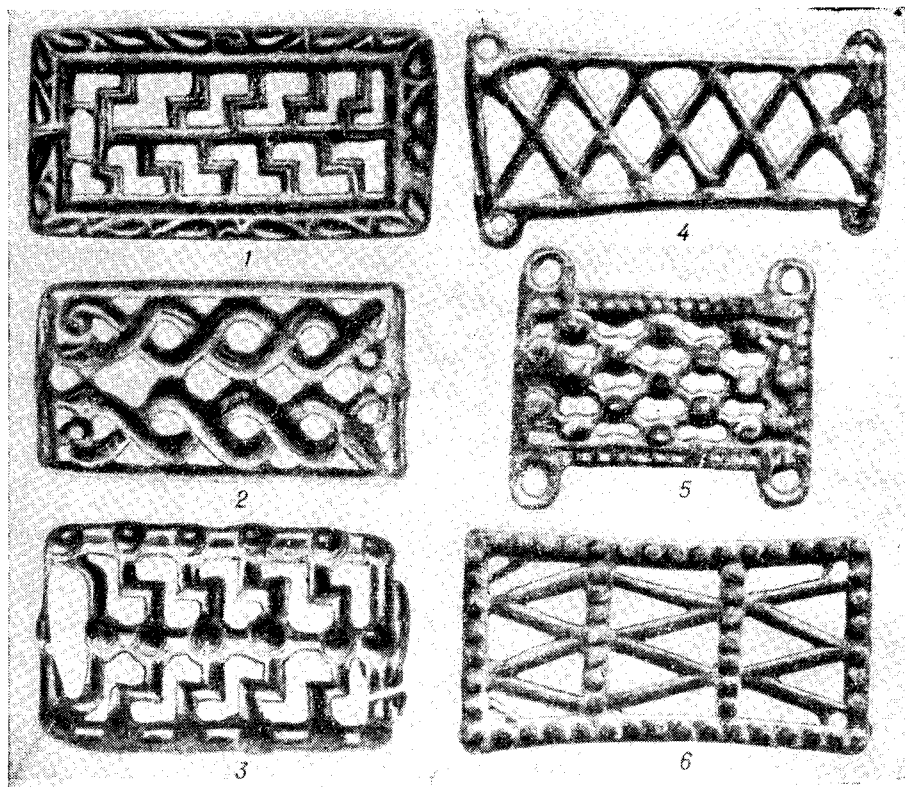

Рис. 5. Ордосские решетчатые бронзовые пластины из собрания Давид-Вейль.

собой. У каждой пары животных головы и хвосты направлены в противоположные стороны, тогда как на минусинских образцах змеиные головы либо не выделены, либо направлены все в одну сторону. Если на сибирских бляхах изображения змей в разной мере стилизованы и орнаментальны, то на пластине из Ордоса реалистичны и, пожалуй, даже натуралистичны. У каждого животного тщательно проработаны голова, глаза, хвост, рисунок на коже. По мнению зоологов, здесь представлена ядовитая змея крайт из семейства гадюковых, обитающая в Юго-Восточной Азии. Эти змеи в пределах минусинской котловины не встречаются. Представляется, что в результате многократных воспроизведений многие черты ордосского образца оказались на минусинских пластинах утраченными и частично видоизмененными.

Что касается блях с геометрическим узором, то в районе Ордоса и во Внутренней Монголии имеются как наиболее древние варианты пластин с листовидным обрамлением рамки¹⁵ (рис. 5, 1), которые, очевидно, не отошли еще далеко от подлинника, выполненного в золоте и снабженного цветной инкрустацией, так и различные варианты пластин с геометрическим узором другого рисунка¹⁶ (рис. 5, 2—6).

Можно отметить элементы сходства между бронзовыми решетчатыми пластинами с геометрическим орнаментом и золотой поясной пряжкой

¹⁵ Andersson J. G. Hunting magic in the animal style.—«BMFEA», Stockholm, 1932, № 4, tabl. XXXIV, pict. 2; Salmony A. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Paris, 1933, tabl. XXIX, pict. 6; Egami N., Mizuno S. Op. cit., fig. 75, 1; Janse O. Op. cit., tabl. X; Griessmaier V. Sammlung baron Eduard von der Heydt. Wien, 1936, Fig. 9; Руденко С. И. Культура хуннов и Ноннулинские курганы. М.—Л., 1962, рис. 55 — г.

¹⁶ Janse O. Op. cit., tab. X.

с Х-образной фигурой внутри ободка из коллекции Петра I¹⁷. К сожалению, до сих пор еще не ясно, с какой территории получены древности, входящие в эту коллекцию.

Как известно, большинство вещей так называемой ордосской бронзы имеет хуннское происхождение¹⁸. Проникновение ордосских блях на Енисей можно связывать с обитанием хуннов на этой территории. По приведенным с востока образцам местные мастера отливали подобные пластины. Ярким доказательством тому является находка клада у оз. Большой Косоголь в Ужурском районе. Принадлежность клада мастеру-литейщику не вызывает сомнений, так как наряду с такими высокохудожественными произведениями искусства, как ажурные бляхи и прочие предметы, здесь находились бронзовые слитки, стружка, поломанные изделия.

Анализ металла енисейских пластин произведен в лаборатории спектрального анализа ЛОИА С. С. Миняевым¹⁹. Им же исследован химический состав ажурных блях из Дерестуйского могильника в Забайкалье. Гуннские изделия содержат значительную примесь свинца, тогда как в Минусинской котловине бляхи отливались из мышьяковистой бронзы. По составу металла решетчатые бляхи из Эрмитажа (коллекция И. А. Лопатина) местного изготовления, а обломок, найденный в пункте Новая Черная V (могила 5), по составу соответствует забайкальским бронзам гуннского времени.

Картографирование решетчатых ажурных пластин дает интересную картину их распространения в бассейне Среднего Енисея: они, как и прочие прорезные бляхи, локализуются к западу от Енисея, особенно в междуречье Урюпа и Чулыма. Далее на запад решетчатые пластины не распространяются, однако некоторые зарубежные ученые прослеживают сходство между минусинскими и аварскими поясными бляхами (рис. 6, 1—2).

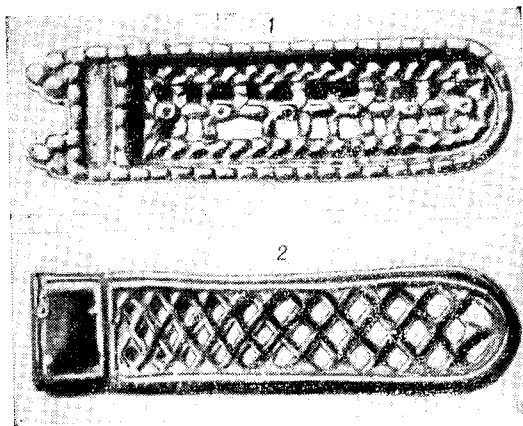

Рис. 6. Аварские пластины (по Н. Феттиху).

К. Ф. Смирнов

САРМАТЫ-ОГНЕПОКЛОННИКИ

Существенная черта религиозных воззрений североиранских народов — поклонение огню и солнцу. В античных источниках имеется лишь одно прямое указание на поклонение огню у сарматов. В сохранившихся отрывках сочинений Нимфодора Сиракузского (III в. до н. э.), автора «Варварских законов», есть прямое сообщение о том, что «савроматы» (сарматы) почитали огонь¹.

¹⁷ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.—Л., 1962, с. 12, табл. XXIII — 44.

¹⁸ Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы, с. 76.

¹⁹ Приношу глубокую благодарность С. С. Миняеву за разрешение сослаться на еще не опубликованные результаты анализов.

¹ Mullerus C. Fragmenta Historicorum Graecorum, vol. 2, Paris, 1850, p. 379.

Ближайшие родственники восточных савроматов — аральско-прикаспийские массагеты, судя по сообщению Геродота, особо почитали солнечное божество: «Из богов же чтут только солнце — Гелпос, которому приносят в жертву лошадей. Смысл этой жертвы такой: быстрейшему из богов они посвящают быстрейшее животное»². Надо думать, что это прямым образом касалось и савроматов, у которых в погребальном обряде лошадь выступала как одно из главных жертвенных животных. Именно в приуральских районах огненно-солнечный культ в савроматское время особенно часто выступал в погребальном обряде. Это же можно наблюдать и позже. Здесь в качестве заупокойной пищи очень часто в могилы клали части туш лошади (молодого быстрого жеребенка). Лошадей приносили в жертву и при совершении погребальных тризн. Правда, археологических аналогий у нас еще мало. Однако яркий пример дал большой курган № 1 западной части Новс-Кумского могильника (раскопки 1971 г.) Оренбургской области³. Под восточной полкой этого кургана сохранились остатки четырех тризн. Они состояли из четырех скоплений костей лошади, в каждом из них найдены нижние челюсти (остатки конских черепов). Около этих костей обнаружены черепки сарматской посуды IV—III вв. до н. э., обломок какой-то железки и бронзовый наконечник стрелы.

Хотя конские захоронения у сарматов встречаются очень редко, однако конь как атрибут солнечного культа играл большую роль в савроматских обрядах. Об этом говорят не только жертвенные части коня в сарматских могилах, но и частые случаи положения в могилу частей конской сбруи — удила, псалий, частей уздечного набора. Серебряный ахеменидский ритон, положенный как часть сокровищ у богатой могилы упомянутого кургана под Орском, представлен не случайно в виде протомы скачущей лошади⁴.

Много было высказано предположений о том, что у сарматов могли существовать особые святилища огня, связанные с их погребальным культом⁵. Красная прокаленная земля, которая входит в состав ряда насыпей сарматских курганов, вероятно, символизировала огонь и солнце. Эта земля, вероятно, часто готовилась отдельно — в специальных кострищах того типа, что представлены на сарматском могильнике «Шиханы» у с. Липовки в бассейне Бузулука⁶. Интенсивный слой красной прокаленной земли как бы огненным солнечным кольцом окружал центральную могилу савромато-сарматского кургана IV в. до н. э. в I группе курганов у с. Аландское Кваркенского района Оренбургской области (раскопки М. Г. Мошковой)⁷. Этот слой красной земли, вероятно, тоже был нанесен к подножию кургана специально в горячем виде. Каменные кольца, окружавшие по периферии ряд курганов савроматской и прохоровской культур Приуралья, вероятно, также символизировали солнце.

В Приуральских курганах культ солнца и огня выступает в описанной форме значительно выразительнее, чем в Поволжье, особенно на савроматском и раннесарматском (прохоровская культура) этапах.

Культ огня и солнца в погребальном обряде сарматов особенно четко проявляется в различных формах присутствия огня в кострищах, сожжениях надмогильных сооружений (перекрытий), засыпке могил остатками костра, иногда с частичным обожжением покойников. Продукты

² Геродот. История в девяти книгах, т. 1. М., 1888, с. 216.

³ Смирнов К. Ф., Попов С. А. Орские курганы. Археологические открытия 1971 года. М., 1972, с. 221—222.

⁴ Савельева Т. Н., Смирнов К. Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале. — «Вестник древностей истории», 1972, № 3, с. 115, рис. 5.

⁵ Смирнов К. Ф., Попов С. А. Сарматское святилище огня. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 210, 211.

⁶ Смирнов К. Ф., Попов С. А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовки Оренбургской области. — «МИА», М., 1972, № 153, с. 3, 4.

⁷ Мошкова М. Г. Сарматские погребения Северо-Восточного Оренбуржья. — «МИА», М., 1972, № 153, с. 50—51, рис. 1.

горения часто заменялись иными веществами, обычно белого цвета — кусками мела и гипса, меловой посыпкой, серой или реальгаром.

Погребальные кострища иногда обнаруживаются на древнем горизонте в курганах, близ самих сарматских могил. Еще чаще эти погребальные костры, вероятно, разжигались за пределами курганов. Засыпка остатками горящего костра сарматской могилы практиковалась чаще, чем само разведение костра у могилы. Например, у сарматов Илека (в Мечетсае) остатки горящего костра у могилы и на ее перекрытии отмечены в 25% могил, причем костер у могилы фиксируется у 12% могил, а засыпка остатками костра — еще чаще (16%). Аналогичную картину дает бельская группа курганов Башкирии того же прохоровского времени. У сарматов прохоровской культуры Юго-Западной Башкирии и западных районов Оренбуржья могилы засыпаны остатками горящего костра даже еще больше — таких могил 27%. Эта особенность обряда сохранялась и в сусловской культуре Приуралья, здесь около 21% могил с костровой засыпкой.

В Поволжье этот обряд мало отличается от приуральского. Огненный ритуал в описанной форме присутствует в Саратовском Заволжье — в 33% могил, а в довольно полно раскопанном Сусловском могильнике — даже 58%⁸. На Еруслане он также четко прослеживается (в целом 12,5%), особенно в курганах у с. Политотдельского (около 44,5%)⁹. Южнее низовья Еруслана и до низовья Ахтубы число погребений, совершенных по этому обряду, заметно уменьшается (до 6—7% могил); на Ахтубе же их 16%.

В междуречье Дона и Волги кострища у могилы и на перекрытии, а также засыпка могилы кострищем проявляются значительно менее заметно, хотя тоже по-разному. В некоторых могильниках эта черта обряда совсем или почти совсем не отмечена, в других же, как, например, Жутово на Аксае, этот обряд встречался в 12% могил.

Ослабление этого ритуала в Дону-Волжском междуречье отчасти лишь кажущееся, так как в наши подсчеты могил вошли в значительной части и более поздние могилы с южной ориентировкой. На позднем же сарматском этапе засыпка кострищем могил практиковалась значительно реже, если не считать положения в могилу отдельных кучек золы или кусочков угля. Кроме того, этот обычай в силу каких-то причин все более и более вытесняется заменителями огня, которые присутствуют во всех могилах параллельно с продуктами горения или отдельно от них. Трупосожжения совсем чужды сарматам. Лишь иногда засыпка горящим костром приводила к обожжению трупов, но все же не в такой степени, как это иногда встречалось у савроматов. У сарматов же заменители огня в виде белого или (значительно реже) красного вещества встречаются очень часто. Так, в Мечетсайском могильнике на Илеке в Оренбургской области меловая посыпка и куски мела отмечены в 60% могил, т. е. их в 2 с лишним раза больше, чем остатков продуктов горения. Причем почти повсюду меловая посыпка встречается чаще, чем положение кусков мела, белых раковин и других светлых веществ. Лишь в сарматских могилах в районе Орска и в бассейне Верхнего Урала, где значительная часть могил относится к раннему прохоровскому времени, еще заметно преобладание продуктов горения, вероятно, как прямое наследие савроматской культуры. То же наблюдается и в районе Оренбурга.

В Старых Кшишках Башкирии заменителей огня больше, чем продуктов горения, — около 31% (ср. 24%)¹⁰. А в «Папасне» у с. Любимовка

⁸ Рыков П. Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925.

⁹ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. — «МИА», М.—Л., 1959, № 60, с. 206—322.

¹⁰ Садыкова М. Х. Сарматские памятники Башкирии. — «МИА», 1962, № 115, с. 242—273; Она же. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Кшишки. — В кн.: Археология и этнография Башкирии, т. I. Уфа, 1962, с. 88—122.

на Бузулуке ¹¹ все подбойные могилы прохоровской культуры содержат меловую посыпку.

Преобладание над продуктами горения меловой посыпки и кусков мела заметно и в Поволжье. И здесь меловая посыпка встречается чаще, чем куски мела. В некоторых могильниках, как Новая Липовка на Карамане Саратовской области, тот же процент могил с меловой посыпкой и кусками мела, что и в Мечетсай, т. е. до 60%. В некоторых районах Заволжья, например в левобережье между низовьями Еруслана и Верхней Ахтубой, огненный ритуал и заменители огня встречаются в равной степени. Такая же картина в могильниках бассейна Ахтубы.

Так же неизменно преобладают заменители огня в сарматских могильниках Доно-Волжского междуречья. Это особенно заметно по курганам Астраханщины — у с. Старица, где засыпка костра встречается очень редко, а белое вещество в 19% могил.

Таким образом, по всей Азиатской Сарматии ярко прослеживается со временем постепенная замена культового огня белым веществом (кусками мела и его порошком). К тому же не ослабевает и старый обычай иногда класть при покойнике кусочки реальгара. Следует отметить 3 региона, где реальгар в погребениях прохоровской культуры встречается чаще всего. Это Илекская группа (10% могил с реальгаром), Бельская группа (5,5%), особенно Старые Кишки (до 6%) и некоторые курганы Правобережной Астраханщины — хуторов Кузин и Балкин (более 8%). Эти кусочки реальгара, как иногда и куски мела, клались у изголовья покойника, часто около зеркала, курильницы и прочих вещей, тесно связанных с ритуалом и поверьями.

Среди погребального инвентаря, безусловно, с определенным ритуалом и прежде всего с культом огня связаны глиняные и каменные курильницы, появившиеся еще в конце савроматского периода и существовавшие на протяжении всей истории сарматских племен ¹². Они, безусловно, с начала прохоровской культуры заменили каменные переносные жертвенники ¹³. Их главное назначение — воскурение божествам ароматических веществ, сжигавшихся в курильницах. Таких курильниц для прохоровской и сусловской культур Азиатской Сарматии мною учтено более 200. Они найдены во всех районах сарматского расселения, как в мужских, так и в женских и детских могилах, хотя в женских они явно преобладают, вероятно, как наследие прежнего (савроматского) времени. Формы этих курильниц различаются по времени, но территориально очень близки и не составляют локальных особенностей, как это можно было ожидать. Это объясняется, конечно, большим родством отдельных сарматских племен, их идеологическим единством. Локальные (племенные) различия, а также сходство между отдельными группами племен можно уловить лишь в мелких деталях. Форма и орнаментика лепных курильниц свидетельствуют о каких-то более тесных связях между отдельными районами сарматского расселения в прохоровское и сусловское время. В прохоровское время, что заметно и по ряду деталей погребального обряда, наблюдается определенное сходство курильниц бассейнов Илека и р. Белой в Башкирии (Старые Кишки, Бишаулунгарово). Курильницы же Илека как бы послужили образцами и для некоторых форм Заволжья в Бережновских, Быковских и особенно Калиновском могильниках ¹⁴. Эту цепочку можно продолжить и на запад — на территорию

¹¹ Смирнов К. Ф. Новые сарматские памятники на Бузулуке. — «КСИА», М., 1962, вып. 89, с. 83—93.

¹² См. подробнее Смирнов К. Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в Древности. М., 1973.

¹³ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 162—170.

¹⁴ Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953). — «МИА», М., 1959, № 60, с. 39—205; Он же. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.) — «МИА», М., 1960, № 78, с. 10—168; Смирнов К. Ф. Быковские курганы. — «МИА», 1960, № 78, с. 168—268; Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. — «МИА», 1959, № 60, с. 323—523.

междуречья Нижне о Дона и Нижней Волги в пределах Астраханской и Ростовской областей. Одинаковые формы и орнаментация сарматских кургильниц ярко свидетельствуют о единстве сарматских культов на всей территории расселения отдельных племенных групп.

Таким образом, на основании изучения сарматских погребальных памятников восточных областей расселения сарматских племен, т. е. восточнее Дона — древнего Танаиса, мы можем сделать бесспорный вывод об огромной роли огня в верованиях этого ираноязычного народа, что и подтверждает античное свидетельство о сарматах как огнепоклонниках.

Г. А. Максименков

О ЗНАЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТАГАРСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Роль С. В. Киселева в изучении древней истории Южной Сибири общеизвестна. Ему принадлежит единственное по полноте приведенных фактов и уровню обобщений монографическое исследование прошлого этой части нашей страны¹. Несмотря на то, что с момента выхода его книги прошло уже более 20 лет, в течение которых на Енисее работала крупнейшая в нашей стране Красноярская археологическая экспедиция, добывшая огромное количество новых, к сожалению, еще не опубликованных фактов, значение работы С. В. Киселева сохраняется и до настоящего времени. Без этой книги не могут обойтись исследователи, по ней знакомятся с историей Сибири новые поколения археологов.

Особенно велик вклад С. В. Киселева в изучение тагарской культуры. Если С. А. Теплоухов², впервые выделивший эту культуру, привел только ее археологическую характеристику, что диктовалось состоянием источников и уровнем развития науки того времени, то С. В. Киселев не только описал ее, но и наполнил конкретным историческим содержанием, вскрыв внутренние особенности и характер общества, оставившего эту культуру, а также попытался выяснить ее исторические корни и происхождение³.

Изучая эти вопросы, С. В. Киселев обратил внимание на некоторые могилы, которые, по его мнению, являлись наглядным свидетельством происхождения тагарской культуры от предшествующей карасукской.

Несмотря на то, что представления о тагарской культуре в основном базируются на изучении могильников и отдельных курганов, получить сведения о некоторых деталях жизни и быта тагарцев позволяют и другие, не комплексные материалы, в том числе и необычные погребения.

Настоящая работа посвящена публикации этих тагарских погребений, их значению и роли в изучении тагарской культуры, а также тем историческим выводам, которые они позволяют делать.

Рассматриваемые погребения представлены двумя видами. Первый из них — это захоронения тагарцев в курганах и оградах более ранних культур. Второй вид — могилы, находившиеся на тагарских кладбищах, но в составе инвентаря которых оказались более ранние, несвойственные тагарцам вещи. Несмотря на внешнюю разнохарактерность изучаемых погребений, между ними существует тесная взаимосвязь, благодаря которой их можно рассматривать вместе.

¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

² Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. — «Труды Музея этнографии», Л., 1929, т. IV, вып. 2, с. 41.

³ Киселев С. В. Разложение рода и феодализм на Енисее. — «Известия ГАИМК», 1933, вып. 65; Он же. Древняя история..., с. 184.

Наличие тагарской керамики в составе инвентаря карасукских могил С. В. Киселев отмечал несколько раз ⁴. Впервые такой случай представился ему при раскопках Карасукского могильника у с. Быстрая в 1929 г. Здесь в могиле 2 среди костей женщины найдены карасукские бронзовые обоймочки, аналогичные находкам из других могил, и обломки двух тагарских сосудов ⁵.

Второй раз подобную картину он наблюдал в 1932 г. во время раскопок Карасукского могильника под Ильинской горой, у с. Тесь. Здесь в одной из могил находилось карасукское погребение, а в другой оказались раннетагарский нож и горшок. Эти находки послужили основой для важных исторических выводов ⁶.

Третий случай был зафиксирован в 1938 г. Исследуя Карасукский могильник на р. Бее, С. В. Киселев в могиле большого, до 30 м диаметром, кургана, обнаружил остатки впускного тагарского погребения, а на дне часть скорченного скелета с карасукскими вещами ⁷. С. В. Киселев упоминает еще одну такую же могилу, открытую А. Н. Липским во время раскопок карасукских погребений на площади перед церковью в Абакане. Здесь в каменном трапециевидном ящике находился скелет женщины на спине, с согнутыми в коленях ногами, у правого колена лежал череп ребенка. Слева у головы стоял тагарский горшок, а слева у ноги — черепки второго горшка ⁸.

Значительное количество подобных погребений обнаружено в результате раскопок Красноярской экспедиции. Удалось открыть такие захоронения не только в могильниках карасукской эпохи, но и в более ранних памятниках.

Так, в раскопках М. П. Грязнова в 1964 г. Афанасьевского могильника под Афанасьевой горой в трех могилах оказались тагарские захоронения. В обширной грунтовой могиле 20 было 7 тагарских скелетов, при которых оказались кельт, кинжал, бляшки, костяные наконечники стрел, шило, бусы и горшки. В могиле 21 в вытянутой позе, на спине лежал погребенный, у головы которого стоял горшок, а на черепе лежали бляшки. Аналогичное погребение, также в грунтовой яме, находилось и в могиле 40, где вместе с костяком найден горшок и нож.

Впускное тагарское погребение было раскопано и автором настоящей работы в 1964 г. в кургане 417 Андроновского могильника Сухое озеро I. В центре сильно разрушенной ограды под кучей камней оказалась могила. Это был каменный ящик размером 160×100×90 см, ориентированный с востока-северо-востока на запад-юго-запад, сооруженный из вертикально поставленных плит. В заполнении беспорядочно находились кости трех скелетов: мужчины до 40 лет, женщины 45 лет и ребенка 4—5 лет. В северо-западном углу лежал раздавленный горшок, второй стоял в юго-западном углу. Следов основного андроновского погребения не осталось.

Но особенно много впускных тагарских погребений открыто в карасукских оградах, в разных местах ложа Красноярского водохранилища. В Карасукском могильнике Сухое озеро II такие погребения обнаружены в трех оградах.

Курган 56, 1963 г. Кольцеобразная ограда из плашмя положенных плит. В центре — развал камней, под которыми — могила в виде трапециевидного каменного ящика 180×65 (северо-восток) — 50 (юго-запад)×

⁴ Киселев С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. — «СА», 1937, т. III, с. 137; Он же. Советская археология Сибири периода металла. — «Вестник древней истории», 1938, № 1, с. 234; Он же. Древняя история. . . , с. 187, 188.

⁵ Киселев С. В. Древняя история. . . , с. 188.

⁶ Киселев С. В. Карасукские могилы. . . , с. 137; Он же. Советская археология Сибири. . . , с. 234; Он же. Древняя история. . . , с. 187, 188.

⁷ Киселев С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. — «Вестник древней истории», 1939, с. 256.

⁸ Липский А. Н. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году. — «КСИИМК», 1949, вып. 25, с. 81.

×60 см. Могила ориентирована с северо-востока на юго-запад, ящик из вертикально поставленных плит. В ящике — разрушенное впускное погребение. Найдены кости скелета, обломки горшка и бронзовая бляшка.

Курган 147, 1964 г. Круглая ограда из положенных плашмя плит. В центре — трапецевидный каменный ящик 160×85 (северо-восток) — 75(юго-запад)×65 см из вертикально поставленных плит, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Остатки плит покрытия находились по краям могилы. На дне — скелет взрослого человека в вытянутой позе, на спине, головой на юго-запад, для которого могила мала. В северо-западном углу — горшок, второй — у правого плеча, слева у груди — бляшка, в юго-восточном углу — кости барана, а рядом с первым горшком — кости коровы.

Курган 247, 1966 г. Прямоугольная ограда из вертикально врытых с овальной пристройкой из плашмя положенных плит. Основная могила — каменный прямоугольный ящик 190×100×70 см, ориентированный с востока на запад. В могиле скелет взрослого вытянут на спине, головой на запад. У головы и в ногах — 2 тагарских горшка, у ног — кости барана, у правой руки — бронзовый нож. От основного карасукского погребения в записи могилы встречались черепки сосуда. Во второй могиле оказалось разрушенное карасукское захоронение.

Далее к югу по Енисею аналогичное погребение раскопано в известном могильнике Карасук I. В центре круглой ограды № 51 находился трапецевидный каменный ящик 200×100 (северо-восток) — 50 (юго-запад) × 80 см, перекрыт плитами. На дне лежал скелет молодого человека в вытянутой позе, на спине, головой на юго-запад, в узкой части могилы у левого локтя стоял сосуд на поддоне, на левой тазовой кости лежала бронзовая бляшка, а рядом — нож.

В 1,5 км к северо-западу от с. Батени такое погребение обнаружено в местности Черемуховый Куст. В 1963 г. здесь раскопано два кургана.

Курган 1 — четырехугольная ограда из вертикально поставленных плит. В ней две могилы — основная и поздняя впускная. Основная могила — трапецевидный ящик 205×130 (северо-восток) — 85 (юго-запад) × 70 см — перекрыта плитами. В могиле в беспорядке кости двух людей: юноши 16—18 лет и взрослого мужчины. Кости ног юноши лежали на дне, судя по ним, он был погребен в вытянутой позе, на спине, головой на юго-запад, т. е. в узком конце могилы. Здесь первоначальное карасукское захоронение было выброшено из могилы, а на его месте похоронили юношу-тагарца. Когда могила подверглась вторичному разграблению, кости мужчины и черепки карасукского горшка попали в заполнение могилы.

Два тагарских впускных захоронения встретились Л. П. Зяблину во время раскопок Карасукского могильника у с. Малые Копены.

Курган 32. В круглой ограде из плашмя положенных плит был трапецевидный ящик, а с внешней стороны располагались две пристроенные детские могилы. В тагарское время на этом месте сделали прямоугольную ограду и соорудили вторую могилу. В основной могиле — трапецевидном ящике 210×100×105 см, ориентированном с востока на запад, — на разных уровнях встречены разрозненные кости человека, кости животного и обломки тагарского горшка. Во второй (тагарской) могиле — грунтовой яме со срубом в два венца, размерами 190×100×160 см, — на дне лежал в вытянутой позе, на спине скелет взрослого человека. Слева от груди у него находился топор, у левого локтя — нож, в северо-западном углу — горшок, у правой ступни — плочка, около северо-восточного угла — кости животных.

Курган 57. В центре четырехугольной ограды из вертикально поставленных плит находился трапецевидный каменный ящик 160×65×65 см, ориентированный с северо-востока на юго-запад. В нем на дне лежал скелет мужчины в вытянутой позе, на спине, головой на юго-запад, в узком конце могилы.

В обширном Карасукском могильнике у совхоза Советская Хакасия в 1966 г. М. П. Грязнов раскопал аналогичное погребение.

Курган 66. В прямоугольной оградке из вертикально поставленных плит находился трапециевидный ящик 180×60 (северо-восток) — 50 (юго-запад)×70 см. По краю ящика была вымостка из плит. В заполнении оказались кости ребенка 2—6 лет и тагарский горшок. На дне же могилы в заполнении встречались кости мужчины 20—25 лет. По сохранившимся ступням можно судить о том, что погребенный здесь мужчина был положен в могилу у северной стены, на правом боку, головой на северо-восток. Из вещей этого основного погребения найдены 2 бляшки, 8 бронзовых бус, обломки карасукского горшка и кости овцы.

Такие же погребения оказались и на правом берегу Енисея, у дер. Байкаловой, где в 1965 г. автор и сотрудник Минусинского музея П. В. Леонтьев проводили разведывательные раскопки.

Курган 2. Относительно высокий земляной холм, в основании которого выявлена круглая оградка, состоящая из 7—10 рядов плит. Над могилой — разрушенная кладка из плит песчаника, среди которых встречены кости человека и обломки круглодонных карасукских горшков. Под плитами выявлен ящик из вертикально поставленных плит, ориентированный с востока на запад. В нем скелет взрослого человека в вытянутой позе, на спине, головой на запад. В северо-восточном углу стояла площадка, на тазовых костях — бронзовый нож, у кисти левой руки — клык собаки, в северо-восточном углу — кости животных. Кости первоначального карасукского погребения выброшены из могилы, и в ней похоронен тагарец.

Курган 3. Округлая насыпь, в основании которой оказалась прямоугольная оградка из вертикальных плит. В центре под кладкой из камней — могила. В оградке встречались обломки костей человека и черепки от тагарских и карасукских горшков. В могиле — скелет взрослого мужчины, в вытянутой позе, на спине, головой на запад, на тазовых костях — кинжал и просверленный зуб животного, а в северо-восточном углу — горшок. Под этим погребением остатки более раннего захоронения, также полежащего на спине, судя по костям ног, головой на восток. Это основное карасукское погребение.

Имеются аналогичные сведения и из более южных районов Хакасии, уже за пределами Красноярского моря. Так, сообщая о работах 1948 г., А. Н. Липский, описывая раскопки 8 карасукских могил в Абакане, Аскировке и Аскизе, замечает, что в одной из них найден тагарский нож. По всей видимости, там было тагарское погребение в карасукском ящике⁹.

Видимо, приведенные сведения о впускных тагарских могилах недостаточно полные и количество таких захоронений несколько большее. В частности, можно предполагать, что в раскопках С. А. Теплоухова у с. Первомайского в 1925 г. и в раскопках И. П. Кузнецова-Красноярского у д. Шира в 1909 г. также были подобные погребения.

Рассматривая описанные выше могилы, можно заметить, что они как бы распадаются на две группы. В ряде могил кроме тагарских погребений или их остатков встречаются и следы более ранних, основных захоронений, то в виде сохранившихся костей и вещей, лежащих ниже впускных погребений, то в виде обломков и остатков основных погребений, находящихся в заполнении или рядом с могилой. В этих случаях впускной характер тагарских захоронений никаких сомнений не вызывает.

В другой группе могил остатков более ранних погребений не обнаружено, а найдены только захоронения тагарцев. Внимательно анализируя эти памятники, можно заметить, что во всех случаях оградки и конструкция могил не тагарские, а характерные для других эпох. Так, под Афанасьевой горой оградки и могилы — афанасьевские, на Сухом озере I —

⁹ Липский А. Н. Археологические раскопки в Хакасии. — «РСИММ», 1956, вып. 64, с. 119.

андроновская, а в других случаях типично карасукские. В некоторых из последних, особенно там, где были трапециевидные ящики, впускные тагарцы лежали головой не в широкой северо-восточной части могилы, как это делалось в карасукское время, а в узкой юго-западной. Некоторые могилы оказывались короткими для тагарских захоронений, и в них погребенные как бы втиснуты. Все это свидетельствует, что и в данном случае, несмотря на отсутствие следов предшествующего основного погребения, имеет место вторичное захоронение в более раннюю могилу.

В период накопления массового материала по карасукской и тагарской культурам, в 30-е гг. XX в., С. В. Киселев на основании нахождения в карасукских могилах тагарских погребений сделал вывод о зарождении тагарских форм в недрах карасукской культуры.

Так, по поводу находок под Ильишской горой и у с. Быстрой он писал: «Таким образом мы встречаемся с фактом сосуществования типично тагарской посуды с еще карасукской оградкой, разделенной пополам, с каменными ящиками и с архангелской формой бронзового пожа. Это еще раз убеждает нас, что находки, сделанные в могиле № 2 около с. Быстрой, где также в одном ящике оказались карасукские украшения и тагарская керамика, не могут считаться простой случайностью, они пополняются аналогичными фактами из других мест, наглядно иллюстрируя тесную связь предшествующего с последующим в долине Среднего Енисея. Повидимому, выделяется целая серия «переходных» памятников, и наша дальнейшая задача заключается в необходимости объяснить причины этого перехода»¹⁰. В то время такой вывод и методически и исторически был закономерен и не вызывал каких-либо возражений, так как, несомненно, С. В. Киселев совершенно прав, считая, что обе культуры, карасукская и тагарская, генетически связаны. Но связь эта основывается не на рассматриваемых погребениях, а подтверждена целым рядом других фактов. Как правильно отмечает С. В. Киселев, сходство их проявляется в обрядовости, хозяйстве, металлургии, в зверином стиле, в развитии общества¹¹.

Что же касается самих рассматриваемых погребений, то они на фоне этих совершенно правильных представлений были в то время наглядной их иллюстрацией. Но в настоящее время после детальной разработки многих вопросов культуры карасукского и тагарского времени, как самим С. В. Киселевым, так и другими исследователями, стало ясно, что из фактов нахождения тагарских вещей в карасукских могилах делать выводы о генетической преемственности и происхождении тагарской культуры нельзя. Не только потому, что все найденные тагарские впускные погребения не самые ранние, т. е. не переходного периода, что должно было бы быть, а относятся к развитой тагарской культуре, к подгорновскому ее этапу, но также и потому, что подобные и одновременные захоронения встречаются, как было показано, и в более ранних, чем карасукские, афанасьевских и андроновских могилах. Все это свидетельствует только об одном: в тагарскую эпоху был распространен обычай хоронить умерших в могилах более раннего времени. Хоронили ли так какую-то особую категорию людей, для которых считалось целесообразным сооружать специальную ограду и могилу, или это делалось по каким-либо другим причинам, пока остается неясным. Важно здесь другое, что тагарцы часто разрывали могилы предшествующих им народов.

В этой связи вспомним известный факт поразительного ограбления могил Минусинской котловины. Видимо, это результат грабительских раскопок русского населения, которое во времена освоения Сибири разоряло древние погребальные памятники с целью добычи драгоценных вещей. Может быть, это результаты раскопок бугорщиков, которых было довольно много в Минусинской котловине в дореволюционное время. Без-

¹⁰ Киселев С. В. Карасукские могилы . . . , с. 165.

¹¹ Киселев С. В. Древняя история . . . , с. 199.

условно, много памятников пострадало от этих грабительских раскопок. Но интересно, что сохранность памятников разного времени различна. Если тагарские могилы, наиболее богатые бронзовыми вещами, часто попадают археологам в сохранном состоянии, то почти на полторы тысячи карасукских могил, раскопанных к настоящему времени, едва ли наберется полтора десятка совершенно неотрешенных.

В более или менее хорошо сохранившихся карасукских могилах всегда встречаются бронзовые вещи. В разграбленных же часто можно видеть на костях следы окиси меди, указывающие на пребывание в этих могилах в свое время металлических изделий, не сохранившихся до нас. Но даже в разграбленных тагарских могилах встречаются бронзовые предметы. Отсюда следует, что их раскапывали с разной целью. Из тагарских могил бронзовые вещи часто не брали, из карасукских они изъяты. Видимо, могилы раскапывали из-за находившейся в них бронзы. Подобное предположение впервые было высказано С. В. Киселевым в связи с его наблюдениями при раскопках Карасукского могильника Усть-Ерба. Он писал: «Стимулом для грабежа здесь могла быть все та же погоня за металлом — дорогой для той эпохи бронзой не в малом количестве, как мы только что видели на примере могилы в с. Быстринском, клавшейся вместе с покойником. Погоня за металлом была упорной: из 43 раскопанных в Усть-Ербе ящиков лишь в семи оказались неполные остатки костяков с черепами, в остальных наряду со многими другими костяками отсутствовали и черепа»¹².

Но такое планомерное ограбление могло быть только в ту эпоху, когда существовала потребность в бронзе: либо в каменоложский, либо в тагарский период. Но для каменоложского этапа свидетельств добычи металла таким путем пока нет. О том же, что тагарцы разрывали могилы своих предшественников, кроме приведенных фактов впускных захоронений, свидетельствуют и другие данные.

Речь здесь идет о группе могил, где среди инвентаря оказались вещи, не свойственные тагарской культуре. Наиболее ярким памятником этого вида является курган, находившийся к северо-западу от улуса Райкова, над протокой Уйбата. На дне каменного ящика обнаружен потревоженный скелет мужчины. Слева у головы стояли 2 раздавленных сосуда, у шеи лежал клык медведя, в левой части груди и в области живота найдены 2 наконечника бронзовых стрел, за правым плечом — чекан, рядом с правым бедром — карасукский бронзовый нож, на левой тазовой кости — бронзовое зеркало, левее ее — бронзовая втулка, а рядом с ней — предмет неизвестного назначения, у левой ноги — кости лошади и коровы, а среди них — бронзовый тагарский нож. За пределами могилы внутри ограды были найдены впускные погребения: в одном случае двух мужчин, а в другом — женщины и девочки¹³.

Второе аналогичное погребение раскопано М. П. Грязновым в 1963 г. в могильнике Пристань II у с. Новоселово. Здесь в каменном ящике оказалось разрушенное тагарское погребение, в нем найдены горшок, бронзовые бляшки, пронизка, шило и карасукский нож с шином, без наконечника.

Но в составе карасукского инвентаря тагарских могил встречались не только ножи. В раскопках могильника Туран II, проведенных А. Д. Грачом в 1963 г., в могиле 2 кургана 5, относящегося ко второй половине тагарской культуры (сарагашинскому этапу), среди инвентаря, сопровождавшего 7 погребенных, кроме собственно тагарских ножей, шильев, бусин, прошивок, бляшек и горшков, оказалось 2 карасукских горшка и имитация раковины каури.

Подобные украшения были найдены и в других тагарских могилах. Так, они обнаружены при раскопках автором настоящей работы могильника раннетагарской эпохи Гришкин Лог I; в могиле 2 кургана 2, могиль-

¹² Киселев С. В. Карасукские могилы . . . , с. 156.

¹³ Липский А. Н. Археологические раскопки в Хакасии, с. 122—125.

ника Барсучиха V, раскопанного М. П. Завитухиной; в могильнике развитой тагарской культуры Подгорное озеро I, в кургане 17, могила 5, раскопки автора; при раскопках Л. П. Зяблина могильника Малые копыны IV, курган 3; в раскопках Э. Б. Вадецкой позднеатагарского кургана у с. Тесь. Кроме того, об аналогичной находке у с. Сыда в кургане 5 сообщает С. В. Киселев¹⁴.

Раковины каури и их имитации в камне широко представлены в составе инвентаря карасукских могил, где они находятся по несколько экземпляров, видимо входивших в состав ожерелий. В то же время в тагарских курганах они чрезвычайно редки, и как можно было видеть, малочисленны — одна-две штуки. Здесь следует отметить также и то, что они находятся в курганах разных этапов, а не одного, и поэтому рассматривать их как собственно тагарский инвентарь нельзя.

Нужно упомянуть и еще одну находку карасукской вещи — перстня с двумя выступами — в составе инвентаря могилы 1 кургана 9, у Откина улуса, раскопанной В. Г. Карцовым в 1930 г.

Все эти находки, несомненно, свидетельствуют, что тагарцы, раскапывая могилы более раннего времени и находя там различные вещи, некоторые из них использовали в быту.

Сами по себе подобные факты не должны вызывать удивления, так как карасукская культура, по мнению всех исследователей, предшествует тагарской, и, следовательно, попадание ранней вещи в погребение более позднее вполне возможно. При этом надо учесть, что находимые в тагарских могилах более ранние вещи в хорошей сохранности и ими можно было с успехом пользоваться. Однако некоторые исследователи (речь в данном случае идет о находке карасукского ножа у Райкова улуса) сделали на основании этой находки выводы широкого исторического значения. Для ясности необходимо напомнить, что до недавнего времени карасукская культура в том виде, как она дана у С. А. Теплоухова и С. В. Киселева, представлялась единой¹⁵. Однако в последнее время, в связи с новыми находками и более детальным изучением старых материалов, карасукскую культуру удалось разделить на два этапа: ранний, собственно карасукский, и каменнолоожский, который, по мнению выделившего его М. П. Грязнова¹⁶ (с чем согласен и автор настоящей заметки¹⁷), является поздним этапом карасукской культуры, непосредственно предшествующим тагарской. Другие исследователи памятники каменнолоожского типа называют по-разному: лугавскими (Н. Л. Членова)¹⁸ или бейскими (М. Д. Хлобыстина)¹⁹. Однако если в понимании их особенностей и характеристике, несмотря на разные названия, представления всех исследователей более или менее близки, то в вопросе о времени их бытования нет единства. Так, Н. Л. Членова и М. Д. Хлобыстина считают каменнолоожские памятники сосуществующими с карасукскими или даже более ранними.

Доказательством более поздней даты собственно карасукских памятников по сравнению с каменнолоожскими М. Д. Хлобыстина считает находку карасукского ножа в тагарской могиле у Райкова улуса²⁰. Не останавливаясь на вопросе о хронологическом соотношении каменнолоожских

¹⁴ Киселев С. В. Древняя история . . ., с. 230, 266.

¹⁵ Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае.—«Труды музея этнографии», 1927, т. III, вып. 44, с. 91; Киселев С. В. Древняя история . . ., с. 106.

¹⁶ Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции.—«КСИА», 1965, вып. 100, с. 62.

¹⁷ Макенменков Г. А. Новые данные об эпохе бронзы Минусинской котловины.—«КСИА», 1964, вып. 101, с. 49.

¹⁸ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры Южной Сибири. Автореф. канд. дисс. М., 1964.

¹⁹ Хлобыстина М. Д. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. Автореф. канд. дисс. Л., 1963.

²⁰ Хлобыстина М. Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962, с. 28.

и карасукских памятников, как не имеющем отношения к данной работе, необходимо подчеркнуть, что в свете приведенных выше фактов подобное представление не может считаться сколько-нибудь обоснованным, ибо, идя по пути М. Д. Хлобыстиной, можно было бы карасукскую культуру датировать более поздним временем, учитывая находки карасукских вещей в позднетагарских курганах, что выглядит абсурдным.

М. Д. Хлобыстина не одинока в своих попытках использовать находки карасукских вещей в тагарских погребениях для построения широких исторических выводов.

Так, находки карасукских горшков в могильнике Турана II явились основой для специального исследования М. А. Дэвлет²¹. Она пытается доказать, что в районе Сыды в течение всей тагарской эпохи жили потомки карасукцев и что иногда они изготовляли такие же горшки, как бытовавшие в глубокой древности. Иными словами, М. А. Дэвлет считает, что эти горшки не карасукские, а сделаны тагарцами по древним образцам. Но это положение не обосновано. Даже из приведенной ею фотографии одного из горшков видно, что это, несомненно, карасукский сосуд. Более того, в настоящее время в результате размыва берегов Красноярским морем в непосредственной близости от Турана II выявлен ранее не известный Карасукский могильник, посуда из которого, хранящаяся в школьном музее с. Лебяжье, аналогична найденной в тагарской могиле Турана II. Кроме того, в этой же могиле, как указывалось, была и имитация раковины каури — вещь явно карасукская. Все это не позволяет согласиться с М. А. Дэвлет в отношении изготовления в позднетагарское время карасукских горшков. Да и трудно допустить, что спустя почти 1000 лет местное население могло изготавливать посуду, характерную для их очень далеких предков.

Таким образом, находки карасукских вещей в тагарских памятниках не позволяют делать какие бы то ни было широкие исторические выводы как хронологического, так и генетического порядка. Они свидетельствуют только о том, что тагарцы использовали вещи, находимые ими при раскопках более ранних могил. Но основная причина раскапывания тагарцами могил своих предшественников — добыча бронзовых вещей. Это подтверждают результаты анализов тагарских бронз, часть из которых по своему составу не отличается от бронзовых вещей предшествующих эпох, в том числе и карасукской²².

Все эти факты свидетельствуют о том, что тагарцы наряду с разработкой месторождений меди широко пользовались и добычей металла из могил народов, живших в Минусинской котловине до них. Правда, стоит отметить, что докарасукские могилы тагарцы раскапывали в значительно меньшем количестве. Видимо, они хорошо представляли, в каких именно видах могил, оставленных их предшественниками, можно было добыть больше ценного для них металла. Легкость такой добычи и относительное богатство бронзой именно карасукских могил сделали их предметом постоянных грабительских раскопок. Только этим можно объяснить, что в потревоженных тагарских могилах бронзовые вещи сохраняются, так как их грабили уже в эпоху железа, когда надобность в бронзе отпала, а карасукские пусты. Часть вещей, добытых из могил, шли в переплавку, а некоторые наиболее хорошо сохранившиеся использовались тагарцами.

Установление того факта, что тагарцы доставали бронзу из более ранних могил, объясняет поразительную ограбленность дотагарских памятников и открывает одну их сторон деятельности тагарцев, связанную с добычей металла.

²¹ Дэвлет М. А. О брахивранном компоненте в составе населения тагарской культуры.—«СЭ», 1969, 5 №, с. 94.

²² Богданова-Берзозвская И. В. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины.— В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.—Л., 1963, с. 115.

В то же время рассмотренные виды могил ни в коей мере не могут служить основой для широких исторических выводов. Они не дают возможности датировать карасукскую культуру более поздним временем и не свидетельствуют о длительном существовании в отдельных районах традиций карасукской культуры. Они также не являются показателем зарождения тагарской культуры в недрах карасукской.

Последнее отнюдь не значит, что тагарская культура не связана с предшествующей карасукской. Об этой связи не говорят данные могилы, но и не опровергают ее. С. В. Киселев указал достаточное количество фактов, которые с несомненностью свидетельствуют о генетической связи этих культур, и только один из его аргументов оказался неточным в этом конкретном вопросе. Отмеченная С. В. Киселевым связь между рассмотренными могилами и ограблением карасукских могил с целью добычи бронзы полностью подтверждается новыми материалами.

Э. Б. Вадецкая

ТАГАРСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЛОЖА

На Енисее интересны курганы сарагашенского этана тагарской культуры с отчетливыми земляными насыпями, огороженными, как правило, огромными вертикальными камнями. Эти курганы обычно расположены группами. Не удивительно, что они оказались жертвами как любознательности, так и корысти буговщиков. Например, богатые курганы у с. Верхний Суэтук несколько лет раскапывал старик-эстонец Прёмбиш¹; около с. Ербинское — приказчик торговца Хапрова²; у с. Бейского — земский заседатель Семенов и учитель Данилов³. Раскопаны курганы и у деревень Харловой⁴, Кужебар, Каратуз и ряд других.

Обилие бронзовых вещей в курганах привлекало внимание археологов. Среди первых археологических раскопок на Енисее, главным образом А. В. Адрианова, наибольшее количество составляют памятники сарагашенского этана.

В советское время только одна Красноярская археологическая экспедиция исследовала сарагашенские курганы в 10 пунктах Енисейского водохранилища. Коллекции из сарагашенских курганов давали возможность конкретно и всесторонне изучить материальную культуру этих племен. В то же время представления о погребальных конструкциях, деталях обряда и социальных отношениях были не только неполными, но чаще всего отрывочными. Экспедиция пополнила эти представления новыми данными, но, к сожалению, ее результаты еще не опубликованы. Поэтому публикация материалов каждого сарагашенского кургана, особенно не рядового, а принадлежавшего знати, приобретает большое значение.

В данной работе описан курган племенной знати, раскопанный автором в 1971 г., где впервые удалось проследить полный комплекс погребального сооружения с его разнообразными деталями, что дополняет представления о погребальном обряде.

Село Тесь (на р. Тубе, правом притоке Енисея) известно по раскопкам, проводимым в его окрестностях, у подножия горы Георгиевской, С. В. Киселевым. На нашей, между селами Тесь и Малая Иня, имеется около 100 курганов сарагашенского этана, столько же подгорновского и

¹ ЛОИА. ф. 1, 1895, № 72 и 99.

² Там же, 1903, № 33 и 32.

³ Там же, 1890, № 68 и 17.

⁴ Там же, 1883, № 46 и 161.

9 тесинского. Один из последних раскопан И. Р. Аспелиным в 1889 г. Сарагашенские курганы расположены 13 группами, имеют земляную насыпь диаметром 15—30 м, высотой 0,7—2 м. В 1971 г. были раскопаны 2 кургана в группе, находящейся в 0,8—1,2 км к юго-западу от с. Тесь, по дороге на с. М. Иню. Пункт получил наименование Тесь I.

Насыпь большого кургана имела круглую форму, диаметр ее 28, высота 2 м. Признаков ограбления не было видно. Под насыпью оказалась прямоугольная ограда 23 × 19,5 и из поставленных на ребро плит. По углам и середине сторон ограды вкопаны большие камни, укрепленные контрфорсами. С восточной стороны камни образовывали вход в ограду, закрытый плитам. Насыпь, сооруженная из дерна, первоначально покрывала 4 основные могилы, расположенные в ряд, вытянутый с севера на юг. Сами могилы ориентированы с запада на восток. Позже на месте между дерновым куполом и оградой в ее юго-восточном углу захоронен ребенок в колоде 115 × 40—35 см. Еще одна могила сооружена ближе к юго-западному углу, почти вплотную к одной из основных (рис. 1).

Эта могила 4 рядом черт отличается от основных. Она не имела каменного покрытия, камни стояли только по углам, оконтуривая бревенчатый вакат над ямой, содержала коллективное погребение. Размеры ямы 300 × 320 см, ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-восток. На дне ямы стоял сруб в 2 венца, высота его 35—40 см, он перекрыт двумя накатами бревен толщиной 40—60 см. Еще один накат был сооружен над ямой. Глубина могилы от древней поверхности 160 см. Благодаря особенностям почвы в этой могиле, как и в других данного кургана, хорошо сохранилось дерево, однако скелеты чрезвычайно плохой сохранности, от них в ряде случаев остался лишь белесый тлен. Поэтому было невозможно определить точное количество погребенных здесь людей, хотя могила не граблена. Судя по количеству бронзовых зеркал, было похоронено не менее 5 человек, а судя по количеству ножей, целых и в обломках, — не менее 8 человек. Зафиксировать же удалось только 3 скелета, кости их с некоторыми бронзовыми предметами были смещены к южной стенке сруба. Под ними сохранились остатки легких носилок, на которые они, видимо, укладывались при погребении. Создается впечатление, что в этой могиле труны последовательно подхоранивались. Вещи располагались по всей могиле и около трех смещенных скелетов. Здесь найдены, как указывалось, 8 бронзовых ножей и 5 зеркал, а также чекап, бронзовый наконечник стрелы, 2 бронзовых изображения оленя, шило, игла, имитация раковины каури, бронзовые полусферические бляшки, бусы, пронизки. В центре сруба найдены остатки колчана из бересты и кожи, несколько древков, а также второе бронзовое шило и вторая бронзовая стрела. Наиболее интересная находка — так называемый «предмет неизвестного назначения», оканчивающийся головками лошадей и имеющий с внутренней стороны петельку. По двум углам, западному и северо-восточному, стояло по два раздавленных сосуда. Остатки еще одного сосуда, видимо блюда, находились под черепом одного из скелетов.

Четыре основные, расположенные в ряд могилы, были необычны.

Могила 1 сооружена в кургане первой. Это центральная и самая большая могила. Выкопанная яма имела размеры 550 × 360 см, глубина ее 140 см. На дне стоял сруб 280 × 210 см в 4 венца, высотой 95 см, покрытый потолком и несколькими накатами бревен толщиной 115 см. Размеры каждого бревна 20—25 см. Бревна сруба чуть стесаны с внутренней стороны. Бревенчатый накат над могилой был обложен камнями, образуя к моменту раскопок покрытие в виде купола. Толщина каменного покрытия 35 см, под которым вырыта могила глубиной 250 см. Накаты над могилой нарушены грабителями. Размеры грабительского лаза незначительны, 100 × 75 см, а между тем могила ограблена почти полностью. Видимо, ограбление произошло в древности, пока потолок не рухнул и земля не просочилась в камеру. Под верхним накатом на бревнах в разных местах раз-

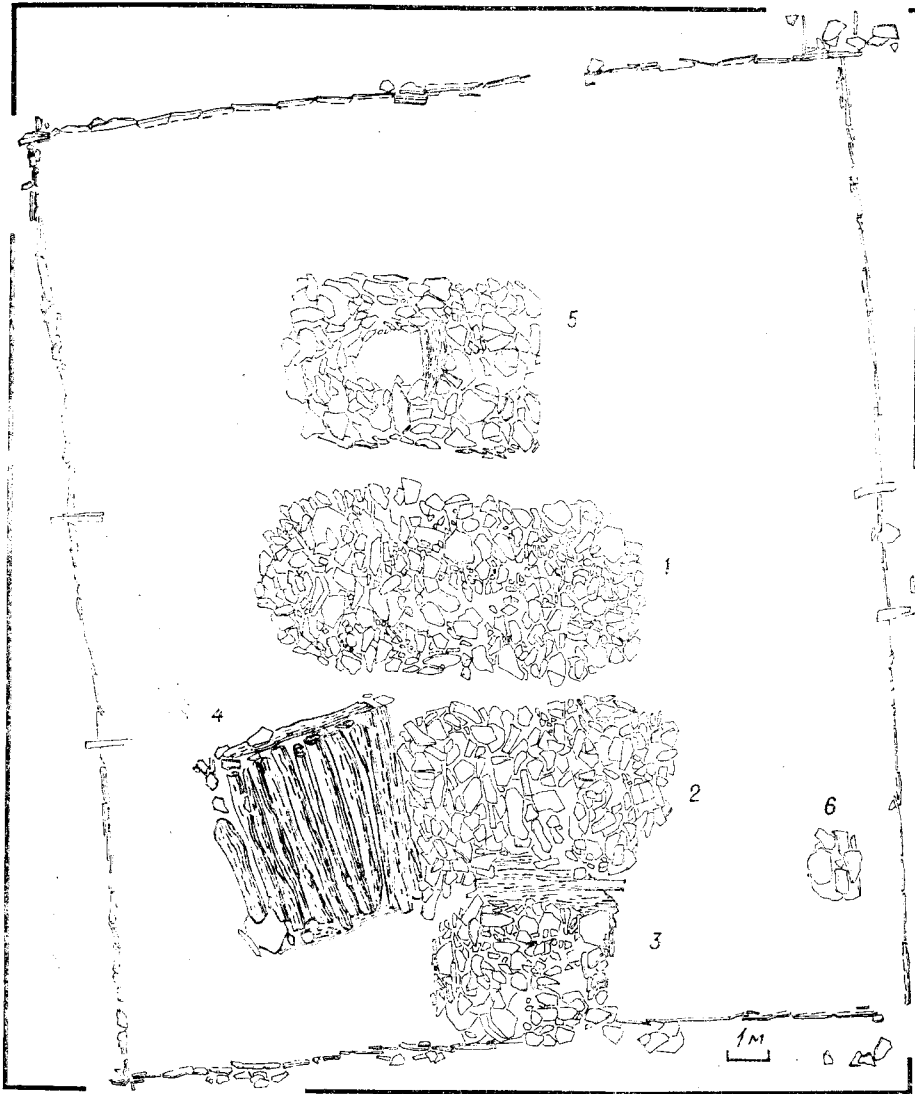

Рис. 1. План кургана 1 (Тесь I).

бросаны в большом количестве сердоликовые и бирюзовые бусы, угольки. Бревна местами обуглены. Вероятно, перед тем как положить последний ряд бревен, над могилой устраивали поминальный костер, сжигая какую-то часть одежды, украшенную бусами. В срубе разбросаны кости от одного скелета, обломки деревянного блюда с костями животного, обломки горшка. Среди них найдена голова от деревянной скульптурки лошади и еще одна деревянная пластинка с изображением головы лошади. Несмотря на сильное ограбление, могила очень ценна тем, что внутри сруба сохранились все детали погребального ложа: стойки, боковые и продольные стенки с орнаментом, дно. Разумеется, бревенчатые накаты, доски ложа и пола представляли собой спрессованную массу дерева. Но эту могилу мы копали последней, уже зная отдельные детали ложа в предыдущих. Это позволило путем тщательной и последовательной расчистки отделить горбыли и доски пола от жердочек и лежавших на них досок, составляющих дно ложа, на котором лежал погребенный (рис. 2). Горшок же и деревянные блюда с остатками мясной пищи, находились на полу

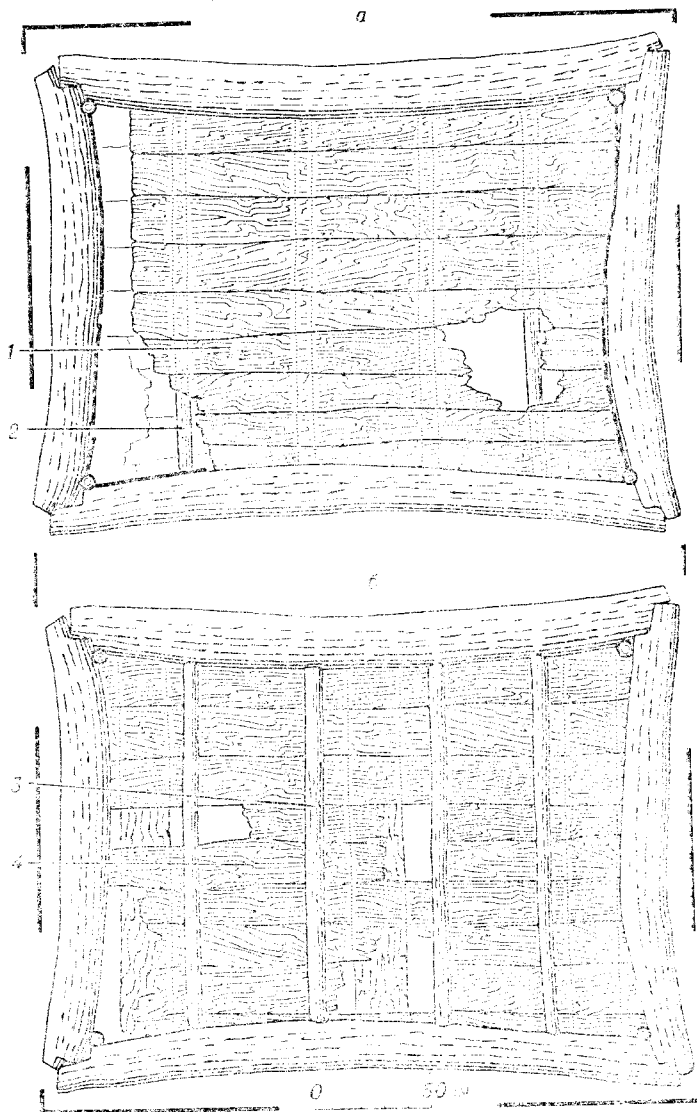

Рис. 2. Пол камеры и дно ложа могилы 1 (Гель I, курган 1).
 1 — горбыли под досками пола; 2 — доски пола; 3 — жердочки, вставленные в пазы стен, на них лежали доски ложа; 4 — доски ложа.

сруба и выше дна ложа. Потолок сруба был из полубревен. Между потолком и идущим выше накатом сохранились куски циновки из камыша.

К югу от центральной ямы помещались еще две (2 и 3), разделенные между собой небольшой земляной перегородкой, но покрытые общим каменным настилом и общим верхним деревянным накатом.

Могилы 2. Представляла собой грунтовую яму глубиной 220 см от каменного покрытия. На дне сруб, 260×180 см, в 3 венца, высотой 80 см. Сруб имел бревенчатый потолок, придавленный еще двумя накатами из бревен. Кроме того, еще два наката покрывали яму. Могилы, как и центральная, разграблены. От деревянного ложа сохранились 2 боковые продольные доски с орнаментом, частично поперечные и в северо-западном и юго-западном углах деревянные стойки с бронзовыми навершиями. Скелет одного взрослого человека в плохой сохранности лежал в вытянутой позе, на спине, головой на восток. В головах — 2 раздавленных горш-

ка, вокруг головы — бронзовые полусферические бляшки, расположенные группами по 3 штуки. Группа бляшек, бронзовых пронизок и имитаций раковины каури лежали у правого локтя. Около пояса — бронзовое зеркало и изображение оленя. В юго-западном углу, у стойки «кровати» с навершием, находился штандарт. Более 20 бронзовых пронизок были разбросаны вдоль северной стенки сруба. Видимо, это украшение несохранившейся ткани, может быть служившей балдахином над ложем.

Могилы 3. Глубина ямы от каменного покрытия 210 см. Конструкция могилы такая же, как и могилы 2. Могилы не граблены. Сруб размером 300×200 см, в 4 венца, высотой 70 см. Потолок сруба под накатами сделан из плаха. В могиле почти истлевшие кости двух взрослых людей и ребенка. Ребенок лежал вдоль северной стенки сруба. В головах его стояла плочка. Один скелет взрослого лежал чуть южнее, почти посередине сруба. У головы находились остатки бронзовой диадемы и 3 группки бронзовых бляшек, по 3 штуки в каждой. Между бляшками размещались 2—3 бирюзовые бусинки. Все вместе составляло украшение головного убора. Около места несохранившегося таза погребенного находились бронзовое зеркало и чекан с длинной частично сохранившейся деревянной рукоятью, оканчивающейся втыком. Рукоять обмотана листовым золотом. На голених скелета — бронзовые пластинчатые браслеты; в ногах — большой горшок, внутри которого было бронзовое изображение оленя. Второй взрослый скелет лежал вдоль южной стенки, головой на восток. В головах — большой горшок, внутри которого на кусочке бересты стоял штандарт. От головного убора сохранились куски бронзовой диадемы, у места таза — бронзовый нож и зеркало с остатками кожаного чехла. На коленях были пластинчатые браслеты, в ногах — ребра коровы, барана. Под костями животных найдено изображение бронзового козла. Между скелетами ребенка и первого взрослого лежали бронзовые пронизки, чередующиеся с пастовыми голубыми бусинами: пронизка, бусина, пронизка и так далее. От погребальной ложа сохранились доски дна и основания стоек.

Могилы 5. Глубина ямы от каменного покрытия 240 см. Конструктивно отличалась от прочих двумя дополнительными деталями: под каменным покрытием весь верхний накат бревен был устлан берестой в несколько листов толщиной 5—8 см; кроме того, наружные стенки сруба по углам укреплены врытыми плитами. Размер сруба 280×220 см, в 3 венца, высотой 80 см. Между стенками ложа и срубом в нескольких местах были зажаты кусочки кожи, видимо, покрывавшие ложе. Могилы ограблены. Почти не сохранившийся скелет лежал головой к востоку. В области головы найдены сердечковидные бусины, бронзовые бляшки, 2 золотые бляшки и пластинка из листового золота. В ногах большой горшок. Помимо этого, найдены чекан и втык, бронзовый наконечник стрелы, зеркало, остатки берестяной коробочки с орнаментом в виде полосок из выдавленных штрихов, кости животного и под ними костяная проколка. От ложа сохранились 4 вертикальные стойки с пазами и вставленные в них длинные боковые доски со следами орнамента из зигзагообразной линии. На двух стойках сохранились бронзовые навершия, два других были без наверший, но покрыты кусками кожи (рис. 3).

Несмотря на разную, но в общем довольно хорошую сохранность могил, выяснилось, что их конструкция одинакова. Это дало возможность определить порядок сооружения и конструктивные особенности всех четырех могил.

На площадке, окруженной оградой, выкапывали прямоугольную обширную яму с уступом, на дне которой возводили сруб из 3—4 венцов толстых сосновых бревен, затем клали горбыли, покрытые сверху настилом из досок, образовавшим пол. Внутри погребальной камеры устанавливали ложе. Сруб покрывали плахами, досками или полубревнами, заходящими за его стенки, а также двойным накатом. Погребальные ложа

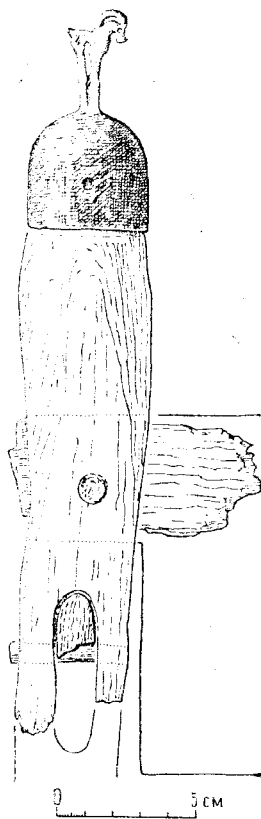

Рис. 3. Деревянная стойка кровати с пазами для стенок ложа, украшена наверху, могила 5.

являются, безусловно, самым значительным открытием при раскопках данного кургана. Остатки их обнаружены в каждой из четырех основных могил. Ложе имело вид кровати, стоявшей на 4 стойках, круглых в сечении, со стенками и дном. Стенки из тонких широких досок, обструганных в части, вставляемой в пазы стоек и плотно прилегавших в них. Дно «кровати» сделано из тонких жердочек и досок: вдоль нижнего края длинных стенок ложа имелись прорезы, в которые сначала поперек ложа вставлялись тонкие жердочки, а поверх них клались еще продольные доски. Наружные стенки ложа расписаны охрой, узорами в виде полукруглых или зигзагообразных линий. Сверху одно ложе было покрыто, видимо, кожаным покрывалом, от которого сохранились обрывки. Другое ложе было закрыто ковриком из камыша. Раскопанные ложа имеют еще одно украшение— бронзовые наверхия на верхних концах стоек (рис. 4).

Как указывалось, ложа покрывались ковром или покрывалом, а весь сруб — потолком и двойным накатом бревен. Для этого сначала по краям, на уровне древней поверхности, клали полубревна, образующие раму. Ее застилали двумя накатами бревен, которые обкладывали мелкими плитами песчаника, в виде низкой усеченной пирамиды (рис. 5).

Таким образом, раскопанные могилы представляли собой сооружения достаточно сложные как в своей наземной, так и подземной части.

Умерших укладывали на ложа вместе с украшениями и оружием, а горшки и деревянное блюдо с остатками мяса, видимо, ставили под ложе.

Среди находок есть редкие. К ним прежде всего относятся бронзовые наверхия двух видов (рис. 6). Наибольшее количество наверхий найдено в виде колоколовидных втулок с фигурками козлов. На территории Минусинских котловин эти предметы известны еще из двух могил (г. Самохвал, курган 1, могила 1; с. Монок) и до наших раскопок считались наверхиями боевых значков⁵ или булав⁶. Имелась и еще одна гипотеза, высказанная С. Кузнецовым, который видел в них наконечники шестов, поддерживающих палатку вождя⁷. Как ни странно, эта гипотеза оказалась ближе к истине, чем последующие. В описываемом кургане колоколовидные втулки найдены в первоначальном положении, а именно они надеты на верхние концы четырех стоек ложа, т. е. являются их наверхиями. Тем самым иное толкование стало невозможным. В связи с этим нельзя не вспомнить и не убедиться в правдивости следующего сообщения П. С. Палласа, полученного им от буговцев у с. Ужур: «Меня совершенно уверяли, что в сих могилах находят остатки деревянных гробов, в кои мертвые тела были кладены. Я достал слитые полукруглые пустые пуговицы с изображением сайги, которая на четырех ножках такого ящика была утверждена⁸. Похожие наверхия на погребальных носилках вождей,

⁵ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, 1951, с. 232.

⁶ Егоров В. Л. Древний штандарт из Хакасско-Минусинской котловины. — «СА», 1967, № 1, с. 251.

⁷ ЛОИА, ф. 1, № 1889, № 62, п. 8.

⁸ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства, кн. II, ч. II. Спб., 1770, с. 453—454.

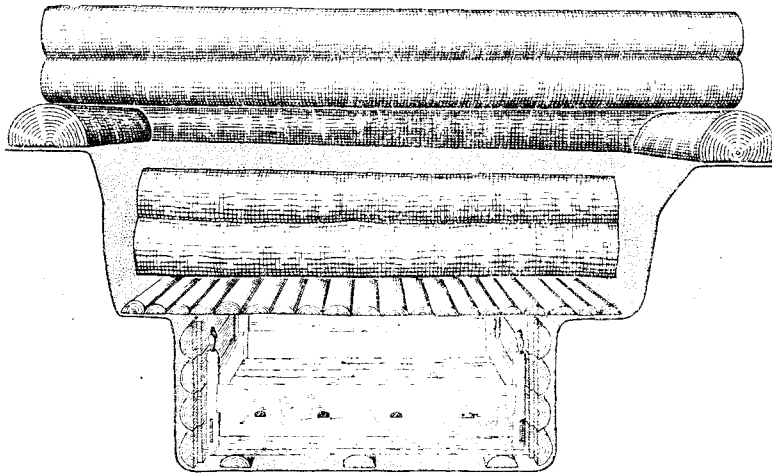

Рис. 4. Реконструкция погребальной камеры.

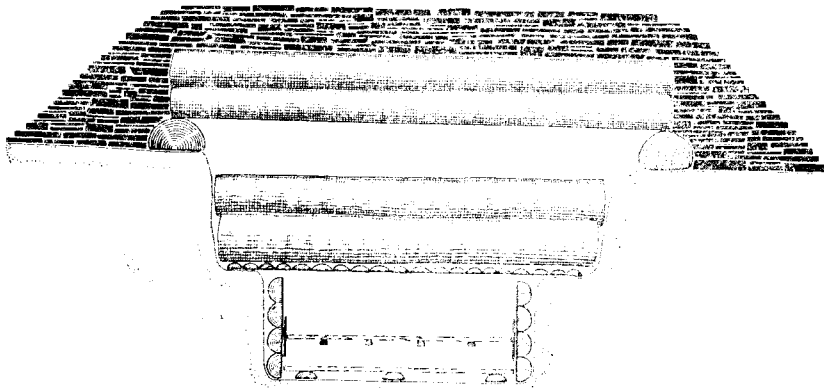

Рис. 5. Реконструкция камеры и надмогильного сооружения.

известные еще в эпоху ранней бронзы далеко за пределами Еписея, вплоть до Анатолии⁹.

На территории Сибири в ту же тагарскую эпоху бронзовые колоколо-видные навершия с объемной фигуркой барана найдены в двух могилах Тисульского могильника Кемеровской области, в раскопках А. И. Мартынова (курган 18, могилы 2, 3). В могиле 2 находилось 8 таких наверший, расположенных по углам и в середине могилы. В могиле 3 этих наверший 3 штуки, два из них лежат вдоль одной стенки (могила 3). Некоторые навершия были надеты на деревянный стержень. Размещение этих предметов в могиле не оставляет сомнения в том, что и здесь они украшали стойки погребального ложа, которых в одной могиле было поставлено два (размеры могилы 400 × 380 см это вполне позволяли), а в другой — одно¹⁰.

Два навершия иного назначения имеют вид прорезного остова скифского котла. Оба с втулкой внизу. Сверху у одного помещены 4 фигурки стоящих козлов. В Минусинских котловинах аналогичные вещи встречены в уже упоминавшейся сарагашенской могиле 1 на горе Самохвал (курган 1). Известны еще 2 случайные находки. Они считаются навершиями боевых значков¹¹. П. С. Паялас, со слов буговицков, называет их подсвечни-

⁹ Zloyd S. Early Highland Peoples of Anatolia. L., 1967, p. 26, fig. 10.

¹⁰ Сведения сообщены автору А. И. Мартыновым.

¹¹ Киселев С. В. Указ. соч., с. 232.

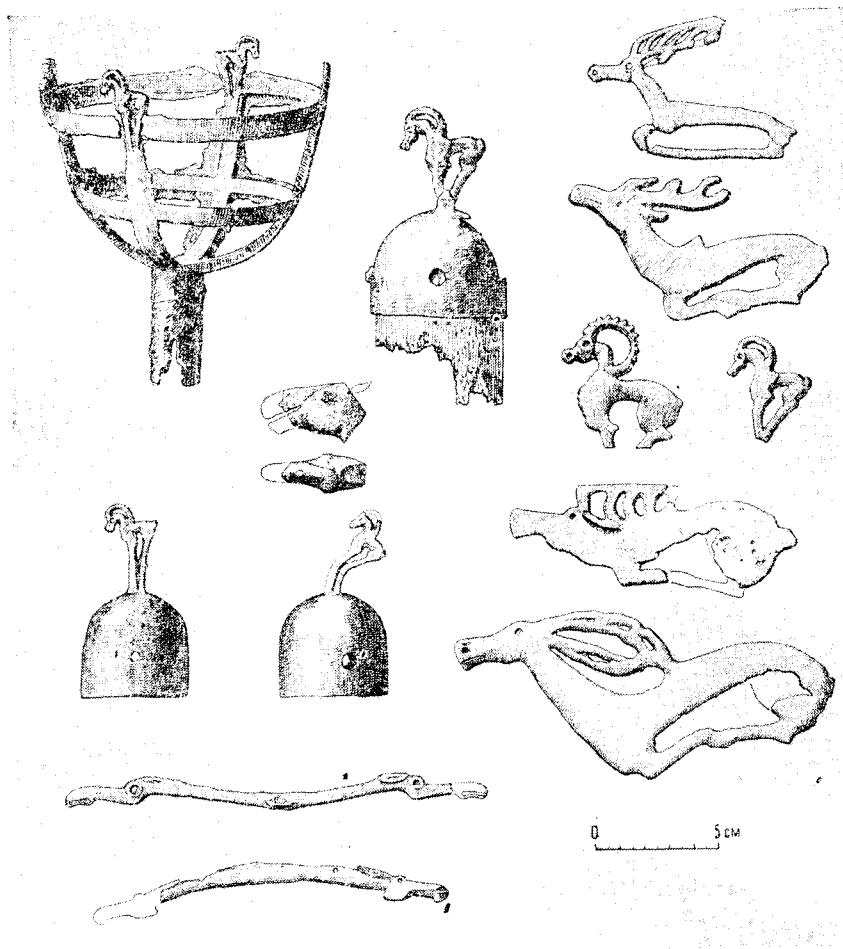

Рис. 6. Предметы искусства из могил кургана 1 у с. Тесь.

камин¹². К сожалению, новые находки полной ясности в их интерпретации не вносят. Одно из наверший найдено у стойки ложа, другое первоначально стояло под кроватью, на деревянной крышке, покрывающей глиняный горшок. Внутри навершия лежал кусок бересты. Можно предположить, что данный предмет был не навершием, а обкладкой берестяного кубка на деревянном или берестяном поддоне. Однако пока это лишь еще одна интерпретация. Учитывая, что в Кемеровской области таких наверший найдено значительно больше, можно надеяться, что их назначение станет явнее после публикации.

В настоящее время известно большое разнообразие курганов сарагашенского этапа, оно, видимо, объясняется причинами как хронологического, так и социального порядка. Основную серию исследованных могил составляют большие коллективные погребения с малым количеством предметов по отношению к числу погребенных¹³. Гораздо меньше могил, в которых похоронено по 1—3 человека. Часть из них сооружена в оградах, типичных для подгорновского этапа и, видимо, относится к раннему сарагашенскому периоду, сохраняя предыдущую традицию индивидуальных и малых погребений. К таким намятникам, например, относится Улук-

¹² Паллас Н. С. Указ. соч., с. 453—454.

¹³ Грязнов М. Н. Тагарская культура. История Сибири, 1968, с. 191.

Кюзюр, курганы 2 и 5¹⁴. Интересно, что ряд могил с одним-двумя погребенными богаче коллективных, в них попадаются золотые украшения, бронзовые вещи часто украшены скульптурами животных. Это и дало основание предполагать, что здесь погребены высшие слои общества¹⁵. К подобным памятникам относятся Тагарское озеро I (курган 1, могила 2); Тагарское озеро IV (курган 32, могила 1; курган 33, могила 1, курган 35, могила 2); Сарагашенское озеро (курган 3); Улуг-Кюзюр (курган 1); Туран II (курган 4, могилы 1, 2). Но представляется слишком разительным контраст между перечисленными памятниками и знаменитым курганом вождя в ур. Салбык. Раскопанный курган у с. Тесь свидетельствует о еще большей, чем ранее казалось, дифференциации общества. В этом кургане сложные сооружения сочетаются с богатыми индивидуальными погребениями и уникальными вещами. Вот почему именно в нем, а не в упоминавшихся выше могилах следует видеть погребения высших слоев общества. Косвенно аристократическими могилами для Минусинских степей можно считать и те, где найдены бронзовые навершия с козлами, а именно на горе Самохвал, у сел Монок, Ужур, поскольку навершия, как и погребальные лежа для индивидуальных покойников, очевидно, отражают критерии ценностей сарагашенского общества и его социальную иерархию, ибо в культуре каждой общности принята определенная система ценностей и определяемая ими иерархия¹⁶.

В. П. Алексеев

К ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ ГОРНОГО АЛТАЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

В 1948 г. в сводной работе по палеоантропологии СССР Г. Ф. Дебец описал первый палеоантропологический материал из курганов так называемых алтайских скифов¹. Восемь черепов из курганов в урочищах Туекта и Курай (Курай III) были отнесены в соответствии с господствовавшей тогда археологической периодизацией к V—IV вв. до н. э. (маймирский и пазырыкский этапы), пять черепов из курганов в урочищах Шибе, Катанда и Курай (Курай V) — ко II в. до н. э.— I в. н. э. (шибинский этап). Для характеристики этой последней группы Г. Ф. Дебец использовал не только свои оригинальные измерения, но и данные, предоставленные ему М. И. Комаровой. Вскоре после появления книги Г. Ф. Дебеца С. И. Руденко опубликовал измерительные данные о двух мужских черепах из третьего и четвертого Пазырыкского курганов². Автор данного сообщения исследовал все сохранившиеся черепа повторно и определил на них признаки, характеризующие уплощенность лицевого скелета и носовых костей³. Наконец, в публикации результатов своих раскопок Башадарских и Туектинских курганов С. И. Руденко привел отдельные измерения и описательные характеристики пяти черепов из этих курганных групп⁴.

¹⁴ Ишеницына М. П. Раскопки могильника Улуг-Кюзюр на Енисее. — В кн.: Археологические открытия 1965 г. 1966, с. 144—145.

¹⁵ Там же, с. 19.

¹⁶ Щенальский Ян. Элементарные понятия социологии. М., 1969, с. 53.

¹ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — «Труды Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер.», М.—Л., 1948, т. IV.

² Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.

³ Алексеев В. П. Палеоантропология Алтая эпохи железа. — «Сов. антропология», 1958, № 1.

⁴ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960.

Каковы возможности исторической интерпретации всего этого небольшого материала и те выводы о генезисе населения горной полосы Алтая в скифо-сарматское время, которые можно сделать из анализа материала? Г. Ф. Дебец обратил особое внимание на морфологические особенности черепа из кургана 6 Туектинского могильника, сделав вполне правомерный вывод о том, что в скифское время отдельные представители центральноазиатских монголоидов пропикали на территорию Алтая с юго-востока. Позже это единичное наблюдение было подтверждено сравнением средних величин всего комплекса крапиологических признаков у двух групп населения Алтая — предгорной и горной: в горных районах в эпоху раннего железа монголоидная примесь была выражена сильнее, чем в предгорных, а содержание этой примеси соответствовало таковому в наиболее европеоидных группах казахов.

Совершенно ясно, что находящийся в нашем распоряжении фрагментарный материал не дает сколько-нибудь адекватного представления об антропологическом составе населения, занимавшего большую горную страну, и поэтому необходимы дальнейшие исследования. В этой связи определенное значение приобретает небольшая крапиологическая коллекция, хранящаяся в настоящее время в отделе археологии Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР и происходящая из двух могильников в высокогорном урочище Улацдырк, в 9 км от Ташанты. Раскопки этих могильников велись в 1968—1969⁵, а затем в 1972—1973 гг. Автор раскопок В. Д. Кубарев датирует оба могильника на основании погребального инвентаря, характера погребений и конструкции надмогильных сооружений V—IV вв. до н. э. и относит их к назырыкской культуре. Не исключено, что они могут быть датированы одним-двумя веками позже. Вопрос о датировке памятников этого времени в Горном Алтае сложен и пока не решен окончательно.

В табл. 4 приведены индивидуальные измерения шести исследованных черепов — четырех мужских и двух женских. Четыре из них сохранились вместе со скелетами, в этом случае определение пола произведено на основе одновременно морфологических особенностей черепа и тазовых костей. В принципе половой диморфизм выражен вполне отчетливо, и исключение в этом отношении составляет только череп из кургана 7, принадлежавший костяку 1. Но как раз по отношению к данному случаю строение тазовых костей, бесспорно, свидетельствует о мужском поле захороненного.

Наличие значительной монголоидной примеси в составе группы населения, оставившей могильник в ур. Улацдырк, бесспорно. О наличии этой примеси можно судить по вариациям многих признаков — уплощенности лицевого скелета и носовых костей, уменьшению высоты переносья. Наряду с круглой формой черепной коробки комплекс этих признаков позволяет включить население Горного Алтая скифской эпохи в состав обширной группы кочевых популяций эпохи поздней бронзы и раннего железа, занимавшей огромное пространство степных и горных районов Центральной Азии, западных районов Южной Сибири и Казахстана. Восточные контакты этой группы популяций с районами Восточной и Внутренней Монголии постоянно приводили к проникновению кочевников центральноазиатского происхождения и монголоидного облика и к включению их в состав этих популяций. Таким образом, нарисованная С. В. Киселевым⁶ широкая картина культурных и этнических контактов для населения Горного Алтая в скифскую эпоху как с западными, так и с восточными территориями находит полное подтверждение в налсоантропологических данных.

⁵ Кубарев В. Д. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае. — В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972.

⁶ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — «Материалы и исследования по археологии СССР», М., 1949, № 9; Изд. 2-е. М., 1951.

Таблица 1

Индивидуальные измерения изученных черепов из могильников I и II

Параметры	Мужской пол				Женский пол	
	I, кург. 7, костяк			II, кург. 5, костяк 1	I, кург. 3	II, кург. 5
	1	2	3			
Продольный диаметр	174	188	181	187	171	170
Поперечный »	145	134	153	143	141	132
Высотный диаметр от базиса	130	139	140	131	133	130
» от орбитов	115	117	118	116	117	112
Длина основания черепа	96	105	104	107	98	94
Наименьшая ширина лба	99	94	92	99	92	87
Наибольшая »	123	115	124	121	114	112
Биаурикулярная ширина	127	122	132	124	125	116
Ширина затылка	115	108	110	117	100	100
Длина основания лица	97	104	95	98	101?	91
Верхняя ширина »	104	103	104	107	102	98
Скуловая »	134	132	143	137	127	123
Средняя » лица	97	98	97	94	95	91
Полная высота »	109	120	113	121?	98	104
Верхняя »	68	70	64	74	59?	61
Межглазничная ширина	17,5	20	19	20,5	20	19,5
Ширина орбиты от максиллофронтале (лев.)	43,5	40	42	45	40,5	38,5
» » от дакриона (лев.)	42	36,5	39	43	38	36
Высота орбиты (лев.)	33	33	32,5	35,5	34	33,5
Ширина носа	27	25	26	24	24	25
Высота »	50	49	51	57	45	46
Дакриальная ширина	18,4	20,2	20,2	16,7	19,1	20,8
» высота	10,2	13,0	10,2	13,7	10,0	8,4
Симметрическая ширина	8,0	11,1	8,3	8,6	8,9	8,6
» высота	4,0	4,5	3,7	5,9	3,7	2,0
Длина нёба	49	50	42	44	—	43
Ширина »	—	39	39	44	—	40
» клыковой ямки (лев., мм)	7,5	6	3,5	6	5,5	2,5
Указатель высоты изгиба скуловой кости (лев.)	21,4	21,7	21,8	25,8	21,2	18,0
Угол профиля лба от назнона	83	86	86	77	88	85
» » от глабеллы	80	79	77	73	80	80
Общий угол профиля лицевого скелета	84	81	86	89	83	82
Угол среднего лицевого »	84	84	86	91	83	86
» альвеолярного отдела лицевого скелета	84	73	86	81	83	68
» носовых костей к горизонтали	62	57	58	62	57	64
Угол носовых костей к линии профиля	22	24	28	27	26	18
Назомаллярный угол	147	145	152	139	148	146
Зигмаксиллярный »	135	134	139	134	135	145
Длина нижней челюсти от мышцелков	99	107	110	—	95	97
Мышцелковая ширина	114	110	128	—	106	104
Бигонимальная »	96	100	114	—	90	94
Наименьшая ширина ветви нижней челюсти (лев.)	29	34	38	34	36,5	35
Форма черепной коробки (вид сверху)	Sfe- noi- des	Pen- tago- noi- des	Sfe- noi- des	Ovo- ides	Sfe- noi- des	Ovo- ides
Развитие надбровья	2	3	4	4	2	2
» сосцевидных отростков	2	3	3	3	1	2
Форма нижнего края грушевидного отверстия	Ост- рая	Пред- нос. ямка		Ост- рая		
Развитие передненосовой ости	3	2	3	3	3	2

При всей фрагментарности находящихся в нашем распоряжении материалов все же есть возможность рассмотреть особенности населения Горного Алтая по группам, оставившим отдельные курганные могильники — Туектинский, Пазырыкский, Курайский и Уландрыкский. Можно пред-

Таблица 2

Средние размеры мужских черепов скифо-сарматского времени из
горной зоны Алтая по могильникам

Параметры	Туэта	Пазырык	Курай III	Уландрык
Продольный диаметр	186,2(4)*	181,0(2)	184,0(4)	182,5(4)
Поперечный »	147,5(4)	150,5(2)	145,0(4)	143,8(4)
Высотный диаметр от базиса	135,8(4)	135,0(2)	134,3(3)	135,0(4)
Наименьшая ширина лба	101,0(4)	97,0(2)	98,8(4)	96,0(4)
Скуловая »	144,0(3)	144,5(2)	135,7(3)	136,5(4)
Верхняя высота лица	76,5(4)	76,5(2)	70,7(3)	69,0(4)
Ширина орбиты от максиллофронтале (лев.)	45,1(4)	43,2(2)	43,7(3)	42,6(4)
Высота орбиты (лев.)	36,0(4)	35,0(2)	34,8(3)	33,5(4)
Ширина носа	26,8(4)	28,5(2)	25,3(3)	25,5(4)
Высота »	54,5(4)	54,5(2)	52,3(3)	51,8(4)
Общий угол профиля лицевого скелета	86,7(3)	86,0(2)	86,7(3)	85,0(4)
Угол носовых костей к линии профиля	25,7(3)	24,0(2)	25,0(2)	25,2(4)
Симметрическая высота	4,4(3)	5,1(2)	4,1(3)	4,5(4)
Назональный угол	146,7(3)	148,5(2)	146,0(4)	145,8(4)
Зигмаксиллярный угол	137,0(3)	138,5(2)	133,5(2)	135,5(4)

* В скобках — число наблюдений.

полагать, что эти группы составляли отдельные популяции. Для вычисления средних по курганным группам (табл. 2) использованы индивидуальные измерения (табл. 2)⁷. Для Туектинского могильника использованы также отдельные измерения мужского черепа, сделанные С. И. Руденко⁸. В группу Курай III включены измерения одного мужского черепа из могильника Курай V. В табл. 2 фигурируют данные только по мужским черепам, так как женских очень мало.

Разбивка материала по могильникам дает положительные результаты. Население, оставившее Курайский и Уландрыкский могильники, морфологически очень сходно, тем более что и расстояние между обеими группами сравнительно невелико, а перевал между Курайской и Чуйской котловинами легко доступен. Туектинская серия отличается от других очень большими размерами лица — признаком, в первую очередь характерным для центральноазиатского монголоидного комплекса. Поэтому можно думать, что представители этого комплекса прежде всего концентрировались в Горном Алтае в долине Катуня, ниже впадения в нее Чуи. Этот вывод справедлив и для населения, оставившего Пазырыкские курганы, и для населения на междуречье Чулышмана и Башкауса. По-видимому, проникновение кочевых групп — носителей центральноазиатского монголоидного комплекса — из Центральной Азии в северо-западном направлении происходило не только по долине Чуи, но и по каким-то другим путям.

Л. Р. Кызласов

ГОРОДИЩЕ ОЙМАК НА УЛУГ-ХЕМЕ

С. В. Киселев был инициатором археологического изучения древних и средневековых городов и поселений на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Особое внимание им было обращено на изучение проблемы древнемонгольских городов XIII—XIV вв.¹ В соответствии с выработанным им планом автор настоящей статьи вел поиски и исследования древне-

⁷ Алексеев В. П. Указ. соч.

⁸ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая.

¹ Киселев С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р. и др. Древнемонгольские города. М., 1965.

монгольских городов на территории Тувинской АССР². Ниже публикуются материалы, полученные на одном из этих городов.

В 1957—1958 гг. автором были открыты и подвергнуты раскопкам остатки города в ур. Оймак, которое находится в Улуг-Хемском районе, на расстоянии около 25 км к юго-востоку от г. Шагонара. Урочище Оймак расположено в долине Улуг-Хема (Енисей), в самых верховьях его левого притока рч. Боянкольчик, воды которой в низовьях, возле известной горы Хайыракан, разбираются для орошения полей.

Руины города занимают овальное возвышенное место, со всех сторон окруженное лесом³. Размеры его с севера на юг 1060 м и с запада на восток 443 м. Общая площадь составляет около 40 га. С западной стороны плато ограничивает ручей (одна из вершин Боянкольчика), а за ним, в 1 км на запад, расположена горка Шавыхалыг-Даг, являющаяся одной из вершин небольшого хребта. С северо-запада, северо-востока, востока и юго-востока плато окружено болотом, пересеченным ручьями и заросшим густым лесом. Только с южной стороны есть прогалина, по которой проходит грунтовая дорога. За лесом, в 1 км от Оймака на восток, находится колхозный поселок Арыг-Бажи. На плато в 1957 г. были вырыты многочисленные ямы для добычи глины и силосные траншеи. При осмотре обнаружилось, что ур. Оймак покрыто низкими или сравнительно высокими буграми и небольшим количеством оплывших валов, которые извиваются без определенного порядка. Впрочем, кое-где валы принимают подчетырехугольную форму. Четких четырехугольников, однако, не видно, как не заметно и плановости в расположении бугров.

Во всех ямах для добычи глины наблюдался выделяющийся культурный слой, состоящий из углей, золы, костей домашних животных и редких обломков кирпичей и черепицы с текстильными оттисками снизу.

Наиболее часто встречающаяся стратиграфия следующая (в м):

	Яма 1	Яма 2
Дерн и слой лёсса	0,4	0,3
Культурный слой	0,2	0,3
Слой лёсса	0,4	0,3
Галечник на глубине	1,0	0,9

Первоначально нами обследована яма 1 в плоском небольшом бугорке. У северной стенки ямы удалось расчистить часть поверхности кана рядового жилища 1, которую составляли, как обычно, каменные плиты (рис. 1), находившиеся на глубине 0,8 м от верхнего уровня почвы. На поверхности кана найден обломок сосуда с рифлеными боками и с двусторонней темно-зеленой глазурью, и целый обожженный, грубо сформованный кирпич размерами 34×17×9 см т. е. совпадающий по размерам с кирпичом из объекта № 1 в Дён-Тереке. В яме собраны еще обломки толстых (1,5—1,8 см) нижних желобов черепиц серого обжига с отпечатками ткани и кусок шлака.

В яме оказалась лишь задняя стенка кана, а две другие уходят в северном и восточном направлении. Ширина кана в открытой части 1 м. Плитки положены в два ряда, и под ними открыты два отопительных канала высотой 17 см. Каналы наполнены сажей и угольками; стенки их были сделаны из глины, перекрывающие плиты посажены на глиняный раствор.

Здание II находилось на восточной окраине поселения возле леса. Здесь расположена группа пирамидальных и подпрямоугольных холмов.

² Обобщение собранных материалов см. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, гл. V.

³ «Оймак» по-тувински означает «поляна в лесу». Фотографию см. Кызласов Л. Р. Указ. соч., рис. 51 — I. Это место посетил в 1907 г. финский географ И. Г. Гранэ, осмотревший скульптуры, но не увидевший руин города (Granö I. G. Archäologische Beobachtungen von meinem Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in der Jahren 1906 und 1907.—«Journal de la Societe Finno — Ougrienne», Helsinki, 1909, XXXVI).

Рис. 1. Северный кан в здании I. Вид с востока.

С южной стороны холма был заложен длинный, вытянутый с юга на север раскоп 16×4 м (рис. 3), с отметками через 2 м. Кроме того, в 6 м от северного борта раскопа к югу, была оставлена поперечная перемычка для фиксации стратиграфии в этом месте (рис. 4).

После снятия дернового слоя по всей площади раскопа выявился мощный серый перемешанный слой с рассеянными в нем угольками и золой толщиной 1 м у северного борта раскопа и выклинивающийся к южному краю на поверхность. В верхней части слоя, в северо-западном углу раскопа, под тонкой прослойкой алебаstra (на глубине 0,32 м от верха холма), обнаружен большой жернов из серого мелкозернистого песчаника, раздавленный на четыре куска⁵. По типу этот жернов совершенно такой же, как и половинка жернова, обнаруженная в доме № 2 в Дён-Тереке (рис. 5)⁶.

Этот верхний жернов мельницы имел диаметр 87 и толщину 10 см. В центре его находилось отверстие диаметром 12 см и расположенные по одной прямой прямоугольные выемы для вращавшей жернов железной порхлицы (ширина выемов 9,5 см). Вокруг отверстия по кругу залегает легкая выпуклость диаметром 47 см, а по краям идут глубокие насечки для растирания зерен, разделенные на 8 сегментов (см. рис. 5). Сбоку на одинаковом расстоянии друг от друга находились три ушка, отверстия которых преломлялись под прямым углом (их размеры 4×3 ; $4 \times 3,5$ и $4,5 \times 4$ см).

В этом же слое на глубине 0,4 м найдена кожаная розетка, но керамики или костей животных в раскопе не обнаружено.

В смешанном слое обнаружен ряд из 6 деревянных столбов (диаметр 12—20 см), идущий с юго-запада на северо-восток. У восточного края раскопа

На одном из них, по рассказам местных тувинцев, прежде стояла «каменная собака», которую увезли в 1940 г. На самом деле это высеченная из песчаника скульптура мифического животного—буддийской химеры⁴.

Было решено разведочно обследовать этот длинный, мягко обвалованный холм подчетырёхугольных очертаний, с уплощенной вершиной. Он был вытянут с запада на восток на 36,3 м. Ширина западной части до 21,6 м, а восточный конец более узкий—16,8 м, ширина плоской вершины 10 м, высота холма достигает 1 м.

С западного конца к холму примыкает низкий холмик ($11,7 \times 13,5$ м) со вмятиной посредине, которая разделяет его на два вала, имеющие как бы проход с западной стороны и смыкающиеся к востоку. Это напоминает план входного портика ведущего в «здание» (рис. 2). Общая длина всего комплекса 48 м.

⁴ Кызласов Л. Р. Указ. соч., рис. 60 — 3. Хранится в музее г. Кызыла.

⁵ См. Кызласов Л. Р. Указ. соч., рис. 51 — 3. Хранится в музее г. Кызыла.

⁶ Ср. Кызласов Л. Р. Городище Дён-Терек. — В кн.: Древнемонгольские города. М., 1965, рис. 35. Аналогичные жернова встречаются на средневековых городищах Монголии (Радлов В. В. Атлас древностей Монголии, вып. I. Спб., 1892, табл. 58, рис. 19) и, в том числе, в Каракоруме (Киселев С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р. и др. Указ. соч., рис. 105—1), а в настоящее время сохранились у корейцев. Такие же по типу жернова от старой водяной мельницы хранятся в музее г. Арсеньева Приморского края.

оказался еще один толстый столб (диаметр 32 см), а у западной стенки — горизонтально лежащие обломки досок (см. рис. 3, 4). Под смешанным слоем на материке залегал слой плотной глины.

Назначение и характер здания II, незначительная часть которого была вскрыта раскопом № 2, к сожалению, остались невыясненными. Обнаружена, скорее всего, насыпная платформа здания, на которой стояло каркасное сооружение, стойки каркаса опирались на каменные базы. Такой базой, очевидно, был обнаруженный старый жернов.

Шурф № 3 (2 × 1,5 м) был заложен на небольшой вдающейся в лес полянке, расположенной на восточном краю поселения, к юго-востоку от раскопа 2. На глубине 0,25 м обнаружены плиты кана рядового жилища IV, на которых залежали обломки черепицы и целый черепичный желоб длиной 37,4 и шириной 23 с одного края и 19 см — с другого; толщина 1—1,6 см. Черепица сформована на округлом шаблоне, покрытом мокрой грубой тканью типа мешковины, отпечатки которой имеются на выпуклой стороне. Желоба аналогичных размеров были найдены на объекте № 4 города в Дён-Тереке, но в Оймаке они изготовлены грубее. Шурф доведен до глубины 0,4 м, и кроме железного стерженька больше ничего в нем не оказалось.

Шурф № 4 (2 × 2 м) был заложен на северном конце поселения в самом низком месте, и под дерновым слоем здесь выявлен материк.

На северной окраине бугров, тянущихся вдоль восточного края поселения, прямо на поверхности найден обломок небольшой статуи из серого гранита. Это низ статуи будды. Сохранились очертания ног, сложенных подошвами вверх, складки шаровар и часть талии (рис. 6, I). Верхнюю часть туловища разыскать не удалось. Размеры сохранившейся части: высота 20 см; низ, расширенный в виде овала, 40 × 24 см. Снизу имеется углубление для насадки на штыврь, очевидно, лотосовидного пьедестала, на котором в свое время «восседала» эта статуя. Углубление круглое (диаметр 10 см) и неглубокое (6 см)⁷.

На юго-восточной окраине поселения, у леса, в запутанных кустах караганы, под черной ветвистой ивой, в старой яме

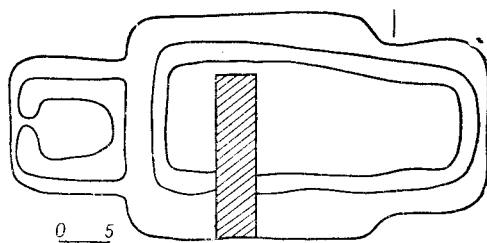

Рис. 2. План здания II и раскопа.

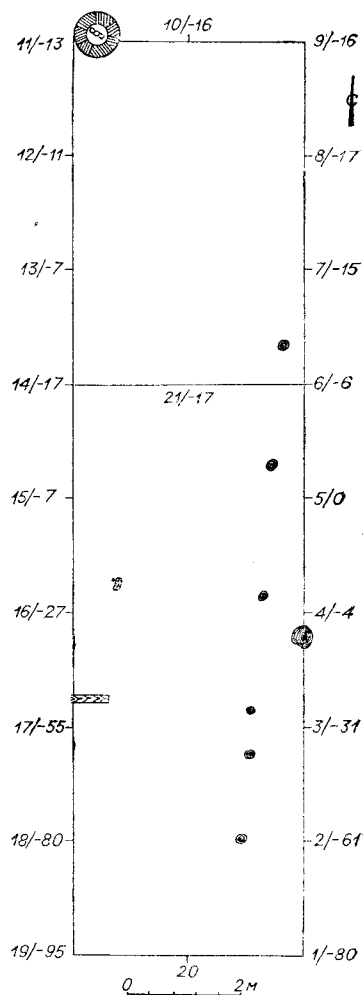

Рис. 3. План раскопа здания II (черные точки — столбики).

⁷ Эта находка доставлена в Музей кафедры археологии Московского университета. При осмотре ее в 1907 г. И. Г. Гранё у будды отсутствовала только голова и часть левой руки. Первоначально руки были сложены на груди. См. Гранё И. Г. *Op. cit.*, tabl. XV, fig. 46.

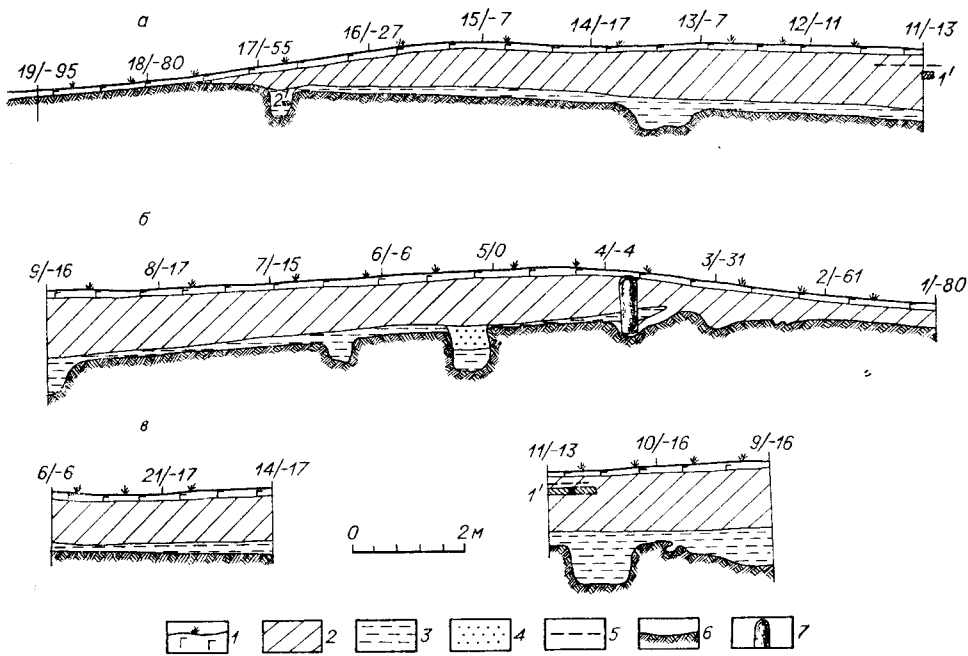

Рис. 4. Разрезы раскопа здания II.

a — западная бровка; *б* — восточная; *в* — поперечные разрезы запад—восток. 1 — дерн; 2 — серая перемешка с угольками и золой; 3 — плотная глина; 4 — желтый песок; 5 — алебастр; 6 — материк; 7 — столб; 1' — жернов; 2' — доска.

(глубина 0,75, длина 2,9 и ширина 1,6 м; вытянута с севера на юг) найдена искусно высеченная из песчаника черепаха — пьедестал для стелы с надписью. Черепаха целая, но с давно отбитой головой.

Длина черепахи 1,1 м, ширина задней части 0,86, передней 0,72 м; размеры шеи по излому 0,36 × 0,3 м. Поперек спины имеется прямоугольный вырез для укрепления основания четырехгранной стелы с четырьмя гнездами от железных штырей, закреплявших некогда стелу (см. рис. 6, 3). Размеры выреза 0,8 × 0,16, глубина его 0,15 м. Общая высота черепахи

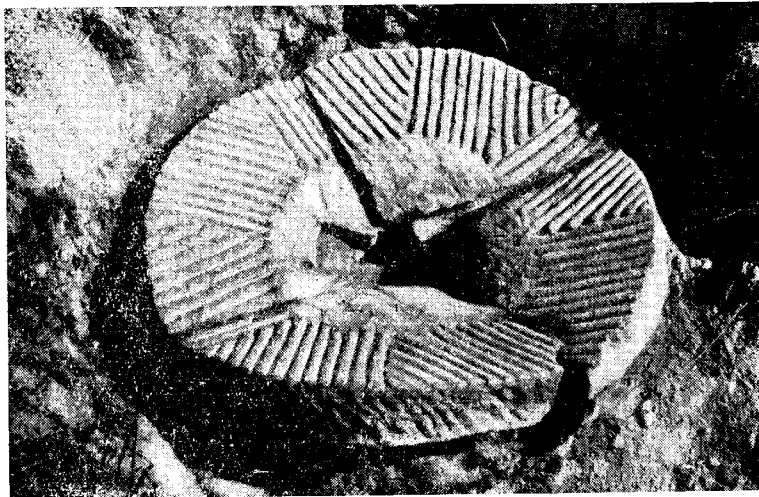

Рис. 5. Раздавленный жернов в раскопе здания II.

Рис. 6. Каменные изваяния с городища Оймак.

1 — низ статуи будды; 2, 3 — черепаха с отбитой головой (2 — вид сбоку; 3 — вид сзади).

0,37 м⁸. У черепахи кроме четко обозначенного щита и объемного хвоста хорошо выбиты только задние ноги, а перед сглажен (см. рис. 6, 2).

После извлечения черепахи из ямы была заложена траншея длиной 7 с севера на юг и шириной 1,7 м (глубина 1,2 м), захватившая старую яму, где некогда находилась черепаха головой на север. В старой яме найдены мелкие обломки плиты с подтесами с разных сторон, но без следов надписей. Один кусок отесан в форме острого угла. К северу от того места, где была черепаха, оказалась ямка (около 1,5 м в диаметре). В ней обнаружены головешки, древесные угли и необугленные кости барана: две нижние челюсти и кости передней ноги с копытцами. Вероятно, это остатки жертвоприношений, связанные с почитанием тувинцами этого каменного изваяния в недавнем прошлом.

В 1958 г. раскопки зданий были продолжены. Яма 1 (здание I) была расширена на юг и восток. Общая площадь раскопа (16 × 10 м) 160 м², при глубине до 1 м. В результате удалось вскрыть основное помещение рядового жилища, которое имело столбовые стены. По северной стене вдоль кана сохранилось 7 столбов, по восточной — 8, по южной — 5. Западная стена, к сожалению, была уничтожена ямой, вырытой строителями (рис. 7). Западный кан также уничтожен.

Северная часть кана сохранилась полностью на 13 м в длину⁹. Ее восточный конец загибался на юг и обрывался. Далее, в восточной стене имеется разрыв в 3 м и затем идет восточный отрезок кана длиной 3,6 м, также обрывающийся. Южная стена кана не имела. Ширина кана в среднем 1,2 м. Плиты перекрытия были уложены на два продольных отопительных канала с глиняными стенками. Высота каналов 16—17, ширина 20—25 см. Они были заполнены сажей.

Посредине помещения расчищен большой развал плит, камней, обломков черепицы и обожженных кирпичей (размером 37 × 17 × 7 и 35 ×

⁸ Черепаха вывезена нами и сдана на хранение в Кызыльский музей (№ 2836). И. Г. Гранэ видел в той же яме только верхнюю часть изваяния и не понял, что это черепаха: Гранэ И. Г. *Op. cit.*, tabl. XV, fig. 45. См. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 60 — 1, 2.

⁹ Фотографию см. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 51 — 2.

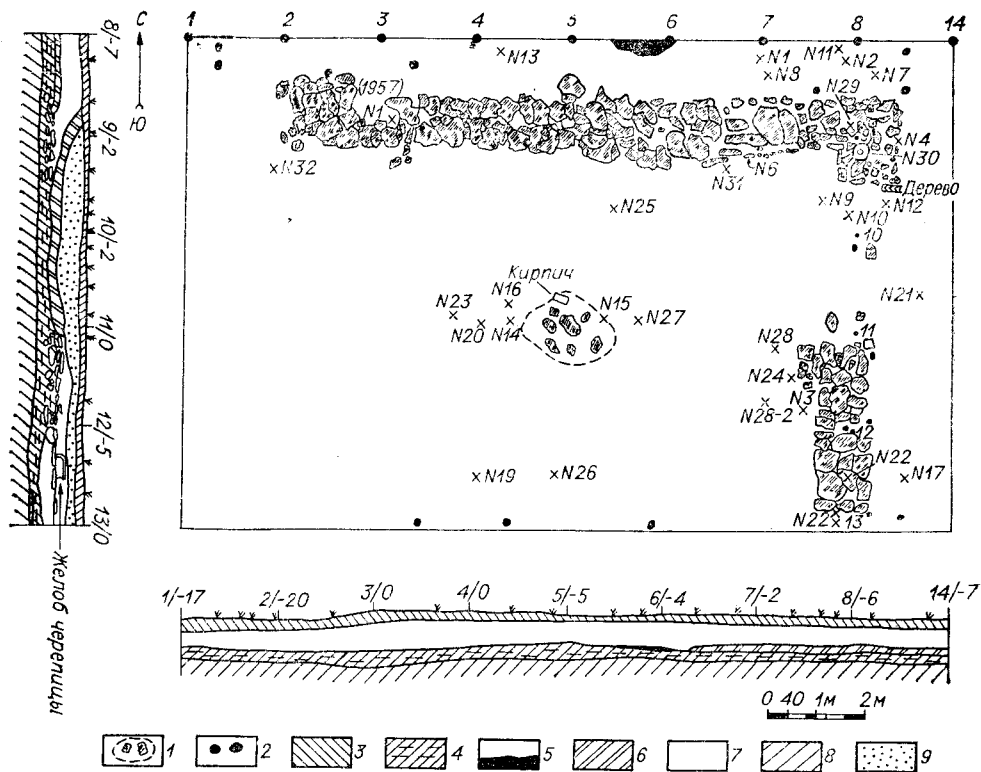

Рис. 7. План и разрезы здания I.

1 — развал из камней; черепицы, кирпичей; 2 — деревянные столбы; 3 — дерн; 4 — культурный слой; 5 — угольная прослойка; 6 — темный слой, перемешанный с углем; 7 — серая перемешка; 8 — материк; 9 — песок.

×17×5 см). Это остатки центральной кухонной печи (см. рис. 7). Обломки обожженных кирпичей найдены и в других местах, но больше всего в кане, где обнаружен и квадратный кирпич размер 39 × 39 × 5 см.

Здесь обнаружено очень много обломков черепицы и 5 целых желобов. Эти большие желоба без капельников изготовлены более грубо, чем черепица из Дён-Терека. Но они также имеют отпечатки мешковины на вогнутой стороне и те же размеры (35 × 22; 37,5 × 21,3; 36,3 × 20,4 см). Крыша исследуемой фанзы была черепичной, но состояла, видимо, из одних широких желобов, перекрывающих друг друга. Ни одного обломка полуцилиндров не встречено.

Отметим, что у западного конца развала печи обнаружен сырцовый кирпич. Это единственное обстоятельство, которое, возможно, позволяет предполагать, что стены здания при каркасной столбовой конструкции имели в нижней части цоколь из сырцовых кирпичей. После разрушения дома они были размыты и образовали небольшое возвышение над руинами жилища.

Находки, обнаруженные нами в этом жилище, разнообразны. Прежде всего отметим два старых песчаниковых жернова ручной мельницы и обломок куранта зернотерки, которые были использованы уже как камни при сооружении канов (в его северо-восточном конце). Половина верхнего жернова (диаметр 32, толщина 5,5 см; рис. 8, 1; находка № 6) была использована для укрепления борта кана, другой целый верхний жернов (диаметр 34, толщина 5,8 см; находка № 30) лежал сверху, а рядом с ним курант зернотерки (длина 15,5, ширина 8,8 и толщина 4,3 см; находка № 29)¹⁰.

¹⁰ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 62 — 1 и 3.

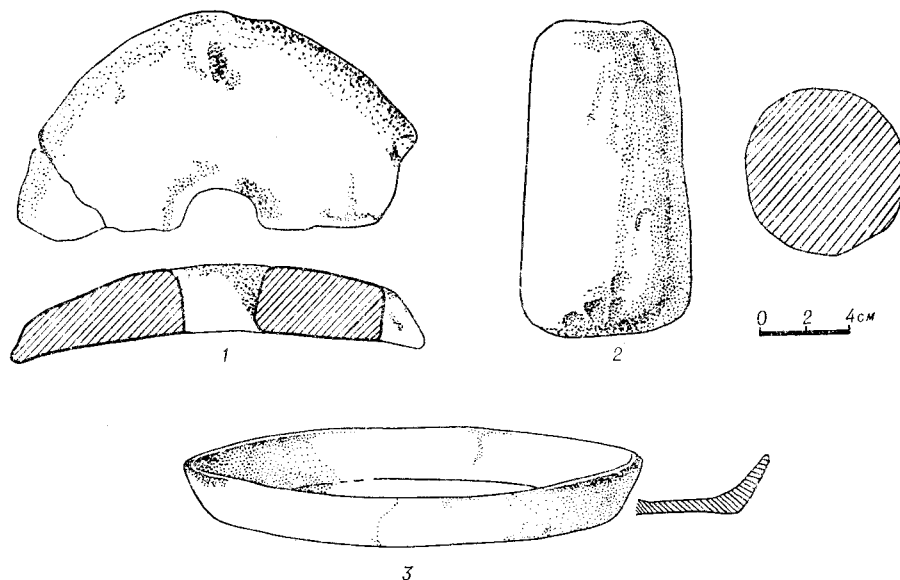

Рис. 8. Жернов, пест и сковорода из здания I.

Кроме того, с западной стороны упомянутого развала печки найдены каменный пест со следами длительного употребления (длина 13, толщина 6,4 — 7,3 см; находка № 18; см. рис. 8, 2) и сделанный из валуна уникальный пест ступы-крупорушки для очистки проса, со следами сработанности (длина 49, ширина 12—13 и толщина до 10 см; находка № 23)¹¹.

Таким образом, мы получили на этом городище богатый и неожиданный по составу набор орудий для переработки зерна в муку и крупу. Оказалось, что наряду с совершенными большими жерновами с насечками, которые использовались для получения высокосортной муки тонкого помола (в здании II), жители города употребляли каменные ручные жернова (характерные для местной земледельческой культуры уже с шурмакского времени)¹², а также такие, сохранившиеся от первобытности орудия, как зернотерки и песты¹³.

Следует зафиксировать, следовательно, значительную дифференцированность орудий размолу у жителей этого города, что позволяло им получать разноразмерную муку, толокно и разнообразные крупяные изделия.

Из других орудий труда в здании I найдены 2 ножа. Один черешковый (длина 13 см; находка № 31; рис. 9, 5), а другой специализированный, с широким тонким лезвием, с отверстием (находка № 37; см. рис. 9, 1). Здесь же обнаружен костяной разбивальник для обработки тонких ремней, употреблявшихся в шорном, седельном или обувном производстве. Разбивальник обломан. Он сделан из длинной, губчатой внутри кости и имеет характерные следы производственного износа (длина 18,5, толщина 2 см; находка № 4; рис. 10, 1)¹⁴. На кане найдена и железная игла с отломанным ушком (находка № 5; длина 2,2 см, толщина 1 мм).

¹¹ Там же, рис. 62 — 2. Хранится в музее г. Кызыла, № 3111. Аналогичные песты из длинных галек употреблялись хакасами еще в 30—40-х гг. XX столетия.

¹² Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — «Вестник Моск. ун-та. Сер. ист.-филол.», 1958, № 4, с. 94.

¹³ Зернотерки в Туве известны со времени уюкской культуры. Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы, с. 80 и 87.

¹⁴ См. Семенов С. А. Костяные разбивальники из Роданова городища. — «КСИИМК», М.—Л., 1947, вып. 15; Он же. Первобытная техника. — «МИА», М.—Л., 1957, № 54, с. 223.

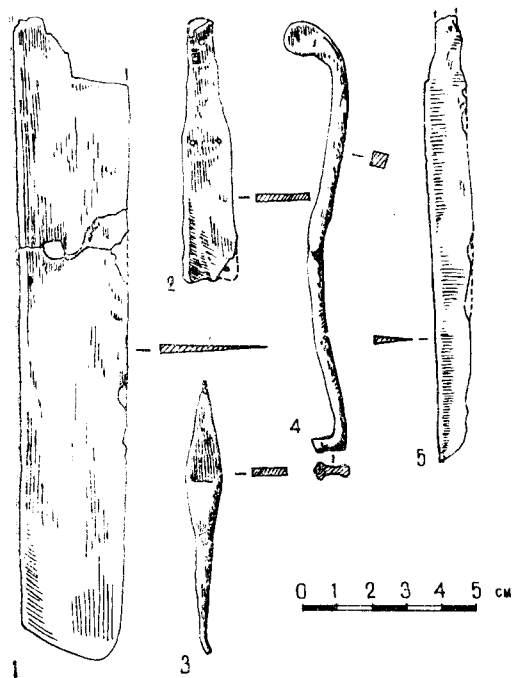

Рис. 9. Железные предметы из здания I (3 — поднято в траншее).

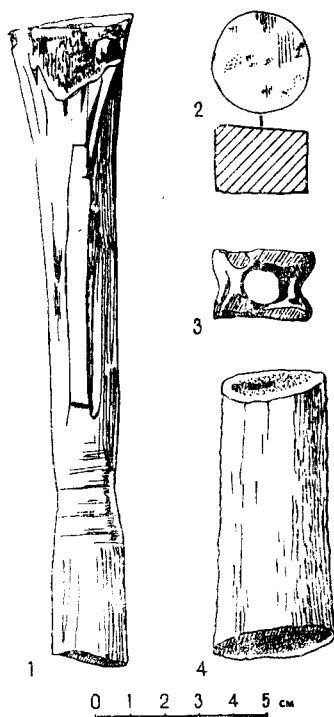

Рис. 10. Костяные и роговые предметы из здания I.
1 — кость; 2, 4 — рог; 3 — астрагал барана.

Жители здания I занимались также косторезным ремеслом, обрабатывая кость и рога диких и домашних животных. Четырежды обнаружены куски рогов благородного оленя (марала) и быков, со следами обрубки топором и распиловки пилкой типа тонкой ножовки (находки № 1, 7, 13, 22, 26; см. рис. 10, 2, 4). Возможно, изготовлялись и костяные накладки на колчаны, так как здесь найден обломок такой накладки с излюбленным для тюркских племен узором, в виде нанесенного металлическим циркулем кружка с точкой (находка № 16; рис. 11, 2).

Жители города изготовляли серую посуду на гончарном круге. В здании I найдена небольшая сковородка (диаметр 19, высота 2,4 см; находка № 28; рис. 8, 3) и обломки разнообразных сосудов типа бочек и горшков (находки № 8, 11, 33, 35), а также боковинка лешного сосуда (находка № 2).

Здесь же найдены фрагменты дорогих привозных сунских сосудов, сделанных из белого фарфора (дин-яо; находка № 17), фаянса с двусторонней синей (изюнь-яо; находка № 19; рис. 12, 4) или зеленой глазурью (находка № 34; см. рис. 12, 2). Эти сосуды изготавливались в XI—XII вв. и находились в быту у древних монголов в начале XIII в.

Из железных изделий встречены разнообразные гвозди, костыли, пробойчики (находки № 14, 27, 36, 38—40; рис. 13), а также ключ от замка, накладка на ремень (находки № 9 и 37; см. рис. 9, 2, 4), пластинки и стерженьки (находки № 10, 15, 25). Обнаружены заглаженные астрагалы коровы и овцы (№ 21, 40), один из которых имеет отверстие (см. рис. 10, 3); округлая «лепешечка» из белой пасты (находка № 12; см. рис. 11, 3) и фигурная поделка из обожженной глины (№ 24; см. рис. 11, 5). Аналогичные изделия встречаются на чжурчжэньских городищах Приморья и считают-

ся грузилами¹⁵, а стеклянные «лепешечки» известны среди находок Дён-Терека и Карако-рума¹⁶.

Отметим еще небольшое количество шлаков и, наконец, важную для датировки города находку — бронзовую монету, обнаруженную при зачистке пола жилища у западной оконечности кана (№ 32; рис. 14). Это чжурчжэньская монета с той же надписью «Да Дин тун-бао», что и все 8 монет, найденных на городище Дён-Терек. «Да Дин» — девиз правления императора Ши-цзуна из чжурчжэньской династии Цзинь (1161—1189 гг.). Но монеты Да Дин выпускались в 1178—1189 гг. У оймакской монеты на обороте имеется дополнительный иероглиф «шэнь», который свидетельствует о ее выпуске в 1188 г.¹⁷

Дело в том, что 28-й год правления Да Дин (1188 г. по европейскому летосчислению) был обозначен по принятому у чжурчжэней 60-му циклу знаками «У—шэнь», поэтому на монетах отливался знак «шэнь».

Совершенно такая же монета «Да Дин тун-бао» со знаком «шэнь» на обороте найдена была нами и в здании № 7 Дён-Терека.

Большой интерес вызывает определение костей животных, собранных в доме № 1. Кроме упомянутых выше поделок из рогов маралов,

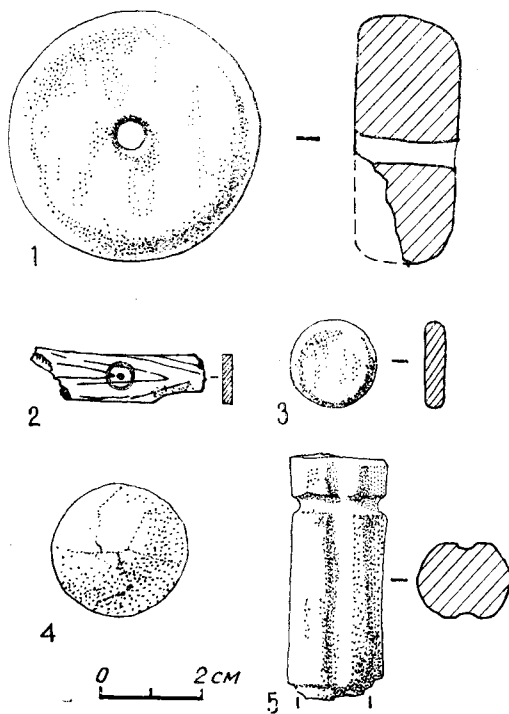

Рис. 11. Находки из Оймака.

1 — подъемный материал; 2, 3, 5 — из здания I; 4 — возле здания III. 1 — камень; 2 — кость; 3 — белая паста; 4, 5 — глина.

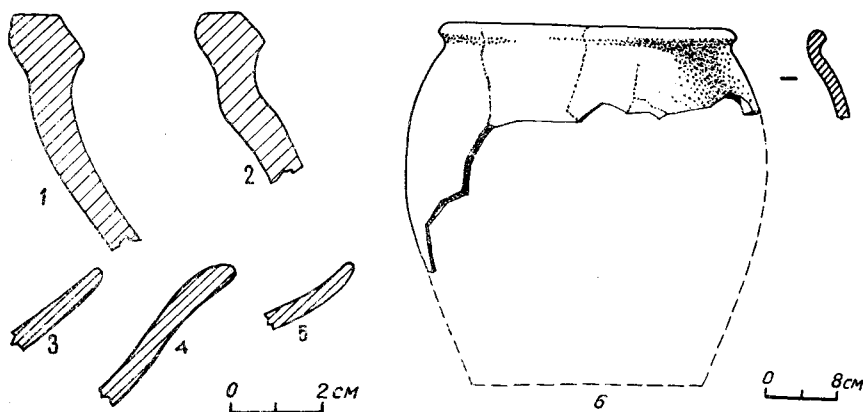

Рис. 12. Сосуды из Оймака.

1, 6 — из здания III; 2, 4 — из здания I; 3, 5 — подъемные. 1 — с черной глазурью; 2 — с зеленой глазурью; 3—5 — покрытые двусторонней синей глазурью.

¹⁵ Воробьев М. В. О работах Ворошиловского отряда в 1956 г. — «КСИИМК», М., 1959, вып. 73, рис. 47 — 4.

¹⁶ Древнемонгольские города. М., 1965, с. 70, рис. 32 — 4, 5, 6; с. 294, рис. 158—2.

¹⁷ См. «Ваньбу», 1959, № 5, 9, 11.

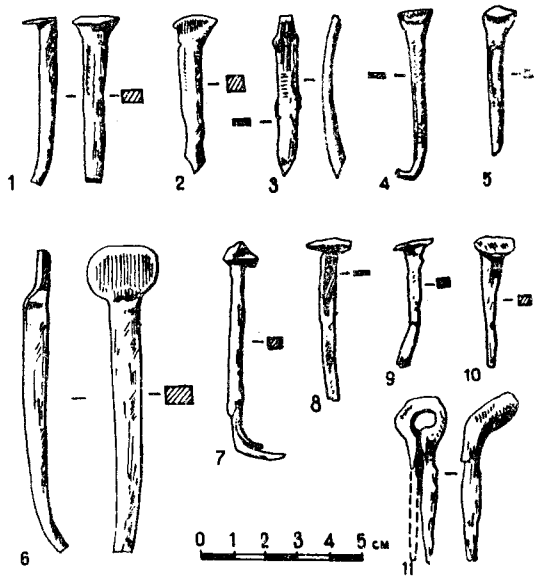

Рис. 13. Железные гвозди и пробойчик из здания I.

Здание III сооружено следующим образом. Сначала на материке была воздвигнута насыпная глиняная платформа (высота 1,3 м), а затем на ней построено здание, от которого сохранилась только нижняя часть (от поверхности холма до глинобитного толстого пола глубина 0,5—0,6 м)¹⁹.

Здание прямоугольное (13,2 × 10,4 м), столбовое по конструкции. Низ стен его устроен необычно. Сначала в основание северной и южной стенок вдоль, в два ряда были укреплены базы из плоских каменных плит или плоских речных валунов (рис. 15). Затем на наружный ряд были положены вдоль массивные деревянные плахи (в сечении 40 × 20 см), а сверху на растворе уложен ряд из сырцовых кирпичей (40—42 × 30—32 × 7—8 см, также встречены кирпичи: 30 × 22 × 12; 30 × 18 × 6; 20 × 20 × 6 см). Этот ряд состоял из кирпичей, положенных на ребро и наклоненных в одну сторону (рис. 16). Поверхность ряда снелирована раствором, а затем, судя по оплывам сырца по краям, были наращены на какую-то высоту стенки сырцового цоколя, но выше они не сохранились.

Западная и восточная стены не имели к. меньших баз, и плахи внизу их уложены на землю. Выступающие внутрь здания вторые ряды баз (расположенных вдоль северной и южной стен) так же, как и угловые базы в сырцовой стене, очевидно, поддерживали опорные стойки каркаса, на которые опиралась крыша и которые изнутри были обшиты досками. Основная нагрузка приходилась при этом на угловые базы, и потому под ними находились ямы, набитые галькой.

Центр крыши, со скатами на север и юг, опирался на ряд опорных стоек, деливших все здание на две половины по оси запад—восток. От него

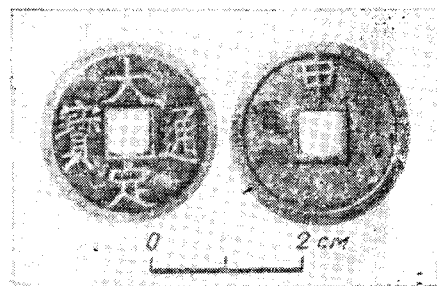

Рис. 14. Чжурчэньская бронзовая монета 1188 г.

это кости домашних животных¹⁸: крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки и одной особи домашнего осла. В Туве по климатическим условиям осел, как теплолюбивое животное, жить не может. Вероятно, на Енисей он пришел летом откуда-то с юга, скорее всего с торговым караваном.

Здание III внешне представляло собой прямоугольный холм смягченных очертаний (20 × 15,5, высота до 0,96 м), с плоской прямоугольной вершиной (12 × 8 м). В целом он имел вид низкой усеченной пирамиды и был ориентирован сторонами по странам света. Находился он на восточной окраине поселения, к северу от здания II.

¹⁸ Определения В. И. Цалкина.

¹⁹ План и разрезы здания опубликованы без пояснений, Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 59.

остался центральный ряд каменных баз, посредине которого имеется промежуток, вероятно, место двери, соединяющей два помещения. В обеих комнатах стояли деревянные столбы. В северной половине обнаружены посредине еще 2 базы, на одной из них сохранилось основание деревянной опорной стойки. Эти стойки, несущие верхние конструкции, расположены по четырехугольнику и являются, очевидно, опорой второго яруса крыши.

Вход в дом находился с западной стороны. Здесь была крытая деревянная веранда, от которой сохранились столбы и продольные полусгнившие деревянные брусья. Пол глинобитный, неоднократно подмазанный. Стены внутри, судя по остаткам, побелены алебастром. Отопительная система типа канов отсутствовала. Очевидно, это было не обычное жилое здание, так как внутри комнат не обнаружено бытовых предметов. Обломки сосудов, кости животных, шлаки и т. п. — все это найдено за

пределами стен — вокруг дома. Только чешуйки красного лака, некогда покрывавшие какой-то деревянный предмет (чашечку?), обнаружены внутри возле южной стены одной из комнат, к юго-западу от столба.

Скорее всего, это административное, а не культовое сооружение. Храмов подобной планировки, с продольным делением на 2 помещения, сообщающихся через узкую дверь, не зафиксировано. Обе комнаты кратковременно использовались и зимой, так как в них расчищены сильно прокаленные узкие участки глинобитного пола, где, очевидно, ставились длинные жаровни с раскаленными углями.

Черепиц или обожженных кирпичей нет. Крыша, скорее всего, была тростниковой, подобно крышам некоторых домов в Дён-Тереке.

Вокруг стен здания, особенно за восточной стеной, найдены немногочисленные предметы, по-видимому, из числа выброшенных остатков из окружавших жилищ. Это опиленные рога быка и бедренная кость коровы, куски шлаков, обломки сделанных на круге сосудов, преимущественно серых, с черным ангобом (рис. 17, 1, 2, 4; изредка — красно-желтых), а также обломки четырех лепных горшков (см. рис. 17, 3, 6). Здесь же собраны: железные и чугунные пластинки, шляпка гвоздя, куски чистого магнитного и бурого железняка (свидетельство добычи и доставки в город руды), чешуйки проса и обожженный глиняный шарик (см. рис. 11, 4)²⁰.

Из больших сосудов найден верх серой бочки с широким горлом (диаметр 34,5 см; см. рис. 12, 6), а из фаянсовых — часть венчика сосуда типа бутылки с двусторонней черной глазурью (хэй-яо; см. рис. 12, 1).

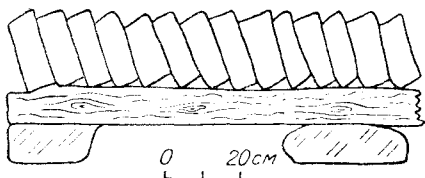

Рис. 16. Кладка стены в здании III.

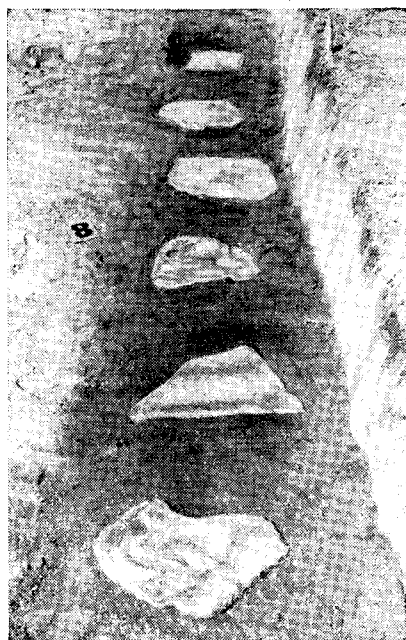

Рис. 15. Центральный ряд каменных баз в здании III.

²⁰ Аналогичный шарик найден в Дён-Терек. См.: Кызласов Л. Р. Городище Дён-Терек, рис. 67 — 2.

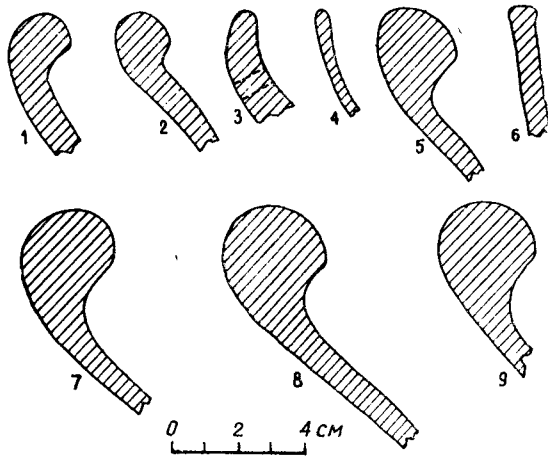

Рис. 17. Профили серых сосудов из Оймака. 1—4, 6—возле здания III; 5, 7—9—подъемный материал; 3, 6—лещины, остальные станковые.

сосудов, изготовленных в XI—XII вв. (см. рис. 12, 3, 5).

Это куски блюдец с черной (хэй-яо) и голубой (цзюнь-яо) двусторонней глазурью, обломок сосуда с гофрированной внешней поверхностью и зеленой поливой и т. п.

Работы, произведенные нами в урочище Оймак, показали, что здесь в XIII—XIV вв. находился древнемонгольский город, архитектурный облик которого характерен для ранних монгольских городов. Теперь известно, что им свойственны разнотипные каркасные здания, сооруженные с применением сырцовых или обожженных прямоугольных и квадратных кирпичей, крытые тростником или желобчатой черепицей.

Основные черты архитектуры этих городов общие для средневекового водчества многих стран Юго-Восточной Азии, но ближе всего к ним по архитектурным особенностям жилые, административные и храмовые сооружения северной полосы этих стран — от верховий Енисея на западе до Маньчжурии и Приморья на востоке. Особенно отчетливо это видно на примере распространения жилых домов типа фанз с особой отопительной системой в виде канов. Как известно, столбовые жилые постройки с канами распространялись в древности из районов расселения не только чжурчженей, но и монголоязычных киданей. Очевидно, жилища этого типа были давно известны и монгольским племенам, длительный период времени обитавшим в системе киданьского государства Ляо (X—XII вв.).

Именно монгольские строители, а не захваченные ими чужеземные ремесленники принесли этот тип жилищ на завоеванные земли, где нередко на пустом месте сооружались древнемонгольские города²¹. Это стало очевидным не только после исследования монгольских средневековых городов на территориях Монголии, Забайкалья и Тувы, но особенно после обширных раскопок золотоордынских городов в Поволжье, где также были обнаружены близкие каркасные жилища с аналогичными канами²².

В отношении строительных материалов Оймаке ничем не отличался от Дён-Терека. Но их архитектурные детали различны. Прежде всего, в Оймаке не обнаружено памятников с богатым архитектурным декором в виде рельефных облицовочных кирпичей и плит, а также фигурных украшений крыши (скульптуры драконов и фениксов, личины демонов-охра-

Среди костей определены: кости мелкого и крупного рогатого скота, лошади, свиньи домашней, а также марала и косули.

Подъемный материал был собран в силосных траншеях, где обнажился культурный слой. Здесь найдены фрагменты более разнообразных по форме серых сосудов, миниатюрной чашечки (см. рис. 17, 5, 7—9), каменное пряслице (см. рис. 11, 7), железный наконечник стрелы (см. рис. 9, 3), кольцо, куски шлаков, опиленные рога марала и быка, куски перекаленных кирпичей и 5 обломков глазурированных сунских

²¹ Чингис-хан начал строить в Каракоруме в 1220 г., а его брат Тэмугэ-отчигин «среди монголов отличался (своей) большой любовью к строительству, и везде, куда ни приходил, он строил дворцы (сарай) и загородные дворцы (кушк) и (разбивал) сады (баг)» (Рашид-ад-Дин. Собрание летописей. т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, с. 55).

²² Егоров В. Л. Жилища Нового Сарая.—«МИА», М., 1970, № 164.

нителей и т. п.). Это, быть может, объясняется еще малой площадью, раскопанной в Оймаке, но определенно, что в Дён-Тереке вообще не было зданий, сооруженных на насыпных или глинобитных платформах, подобно зданиям II и III Оймака.

Судя по всем материалам, оба города не имели стен и возникли одновременно в начале XIII в. еще при Чингис-хане. Но если Дён-Терек просуществовал короткий срок, то Оймак, вероятно, продолжал существовать и во второй половине XIII — начале XIV в. Оймак — это, вероятно, центральный город известного по «Юаньши» округа Кянь-чжоу (т. е. Кемчжоу) — Енисейского округа. По «Юаньши», в этом округе жило несколько тысяч семейств монголов и уйгур, имелись ремесленные мастерские, жители занимались и земледелием²³.

Оймак был административным центром округа. Об этом говорят не только раскопки административных сооружений, подобных зданию III, но и расположенная на его центральной площади каменная черепаха — пьедестал для бывшей здесь некогда четырехгранной стелы с высеченным на ней текстом какого-то правительственного указа. То, что у монголов в XIII—XIV вв. памятники типа черепах со стелами устанавливались не на могилах, а в городах (с указами ханов или другими распоряжениями), видно по расположению таких черепах на площадях и улицах монгольской столицы — г. Каракорума²⁴. Скругленный верх — обломок такой стелы (может быть стоявшей именно на оймакской черепахе) — хранится ныне в музее г. Кызыла, куда он поступил из «Енисейского округа». В иероглифическом тексте (испорченном изображением воина-всадника с копьём и в племени-шишаке) упоминаются округ (чжоу), «заместитель консула Кундун», армия и офицеры²⁵. Из текста видно, что на стеле был высечен официальный указ.

Но если в Дён-Тереке, городском центре «Змеиного округа» (Илань-чжоу, по «Юаньши»), не обнаружено следов религиозных памятников, то город в ур. Оймак, несомненно, был и религиозным центром. Судя по остаткам скульптур будды и химеры, в городе находились буддийские храмы или часовни. Это древнейшие следы буддизма на территории Тувы, о чем свидетельствует и буддийская ниша XIII—XIV вв., сохранившаяся в скале близ устья р. Чаа-Холь в том же «Енисейском округе»²⁶.

Находки, собранные нами при раскопках, убедительно свидетельствуют, что жители города занимались не только земледелием, скотоводством и охотой, но и ремеслом (гончарным, костерезным, каменотесным, возможно, шорным и кузнечным и т. д.), а также строительством и изготовлением стройматериалов (черепицы, сырцового и обожженного кирпича, заготовкой камня и дерева).

Находки кусков различных железных руд и шлаков, оставшихся от переплавки, изделий из железа и чугуна — свидетельства непосредственного занятия горным делом, черной металлургией и кузнечным промыслом²⁷. Все это хорошо согласуется с приведенными выше данными письменных источников. Результаты наших работ показывают, что городище Оймак, являющееся редким и весьма ценным памятником, должно быть взято под государственную охрану.

²³ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 140—143.

²⁴ Древнемонгольские города. М., 1965, с. 130, рис. 82, 83, 99. Тувинская черепаха — четвертая из каменных черепах обнаруженных на территории СССР. Две были открыты на чжурчженских кладбищах XII в. в г. Уссурийске Приморского края (Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 272); третья черепаха — близ ущелья Иссык-Ата в Чуйской долине в Северной Киргизии (Тереножкин А. И. Археологические разведки по реке Чу в 1929 г.—«Проблемы истории докапиталист. об-ва», 1935, № 5—6, рис. 14).

²⁵ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 160.

²⁶ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, рис. 52.

²⁷ См.: Рындина Н. В. Результаты петрографического и спектрального исследования руды и шлаков с поселения Оймак.

К ВОПРОСУ
О ВООРУЖЕНИИ МОХЭСКОГО ВОИНА

К настоящему времени накоплен достаточный археологический материал, позволяющий классифицировать оружие мохэцев и проследить его развитие.

Из письменных источников известно, что мохэские племена были воинственны и неустрашимы: «Там люди крепкого сложения, отважны и между восточными иноземцами считаются сильнейшими»¹. Одно из мохэских поколений — Лимо «имеет 7000 строевого войска, по большей части из храбрых ратников, и часто производит набеги на Гаоли»². «Поколение Боду имеет 7000 строевого войска, поколение Белогорное имеет строевого войска не более 3000 человек». «Черноречное поколение далеко сильнее прочих». При династии Суй к китайскому императору прибыло посольство мохэцев. После пира «они начали плясать, пляска их представляла вид сражения. Император, обратясь к своим вельможам, сказал: «Между небом и землею есть же такие существа, которые только и думают о войне. Впрочем, владения их очень удалены от Срединного государства, только Лимо и Белые горы близки»³. Из других упоминаний о нападениях и войнах мы можем заключить, что у мохэ было пешее и конное войско. Конница славилась отвагой, и «неприятели всегда впереди ставили лучшую мохэскую конницу»⁴. Таким образом, даже из этих скудных летописных сведений можно заключить, что мохэские войска были прекрасно вооружены. Опираясь на вещественные памятники, попытаемся систематизировать оружие пешего и конного воина у мохэ.

По находкам оружия в раскопанных памятниках можно установить, что у мохэских воинов было и наступательное оружие (сабли, мечи, копья, лук и стрелы), и оборонительное (металлические и костяные панцири).

Мохэские сабли (рис. 1) относятся к группе слабоизогнутых короткоконечных. Обычно у них клинки прямые, а рукояти совсем не имеют наклона. Длина клинков не превышает 0,7 м. Вся сабля напоминает обычный меч, только более короткий и однолезвийный. Кроме того, у мохэцев были в употреблении палаши — переходная форма от меча к изогнутой сабле⁵. У всех сабель клинок и рукоять выкованы из одного куска железа. Ширина клинка у перекрестия обычно равна 4—6, реже — 3,5—4 см. Все клинки однолезвийные, в сечении треугольные. У большинства сабель клинок сужается лишь в последней трети длины. У палашей имелось бронзовое перекрестие, прямое, надетое на пятю клинка. В плане оно ромбическое. Длина его 7 см.

В определенных военных условиях, при распространении новой системы конского снаряжения, подобный тип сабель появляется в Сибири (изображения на каменных изваяниях) в VII—VIII вв.⁶. Подобные сабли обнаружены были и на Дмитровском могильнике⁷.

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, с. 69.

² Там же, с. 69—70.

³ Там же, с. 72.

⁴ Там же, с. 111.

⁵ В. П. Левашева называет их однолезвийными палашами. См. Левашева В. П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. XV, рис. 9.

⁶ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. М., 1952, рис. 67; Она же. Каменные изваяния Северного Алтая. — «Труды ГИМ», 1944, вып. 16; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 520—521; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 21.

⁷ Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967, рис. 43 (1, 2).

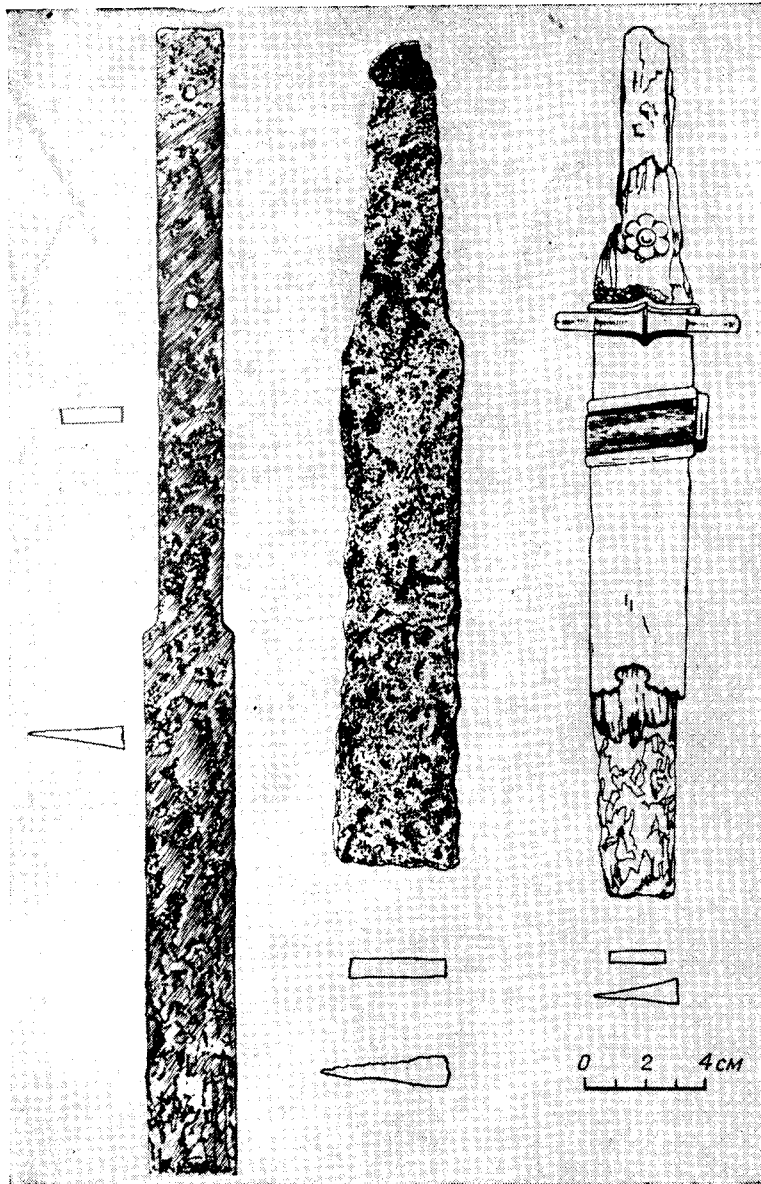

Рис. 1. Мечи и палаши в бронзовых с позолотой ножнах.

Следует отметить и узкий меч из Троицкого могильника, у которого ширина клинка равна 2,5—3,5 см, а лезвие заметно сужается лишь в нижней трети длины. Видимо, эти мечи были приспособлены не столько для рубящего, сколько для колющего удара, и, вероятно, служили оружием конных воинов. Рукояти мечей и сабель прямые, в сечении прямоугольные, они обкладывались деревом (часто на них прослежены остатки древесного тлена). Рукоять меча или сабли ненамного уже клинка. Длина рукояти колеблется от 10 до 20 см. Длину клинков установить невозможно, потому что все они обнаружены в погребениях и, согласно погребальному обряду, были сломаны. Длина сохранившихся частей 30—40 см.

Все мечи и сабли железные, носили их обычно в деревянных ножнах. Форма ножен определялась формой клинка. Найденный в Троицком

могильнике палаши были в деревянных, обернутых бронзой с позолотой ножнах, на которых в качестве украшения были шестилепестковые розетки. Но такие ножны найдены в единственном экземпляре, остальные мечи и сабли обнаружены без ножен, что можно отнести и за счет плохой сохранности дерева в земле. О способах прикрепления сабель и мечей к поясу по расположению их в погребениях ничего определенного сказать нельзя, так как чаще всего они были обнаружены во вторичных погребениях. В единственном первичном захоронении палаши лежал у правого бедра погребенного. Но, ссылаясь на каменные изваяния Сибири и Монголии, можно предположить, что и мохэские воины носили мечи и сабли на правом боку. Их подвешивали к поясу при помощи специального ремешка и бляхи с прямоугольной прорезью⁸.

Подобные мохэским мечи и сабли без наверший, с бронзовыми перекрестиями или без них, вошли в широкое употребление в Сибири, Монголии и Казахстане в первых веках нашей эры⁹.

Наконечники копий в погребениях встречаются намного чаще, чем сабли и мечи (рис. 2). Часть их найдена во фрагментарном состоянии, но форма хорошо восстанавливается. По всей вероятности, копьё, как и саблю, имели не все воины, а только богатые. Сабля, меч, копьё были дорогим оружием, кроме того, они могли служить отличительной регалией воина.

Все наконечники копий железные, втульчатые. Широкое распространение получили листовидные наконечники с узким и тонким пером. Перо сравнительно короткое — немного больше 1/2 общей длины. Наибольшая ширина — в нижней трети пера. Длина наконечников копий 25—30 см. Диаметр втулок 2—2,5 см. Переход от втулки к перу плавный.

Второй тип — наконечники с коротким листовидным пером и длинной втулкой. Широкие и длинные втулки составляют около половины общей длины — 27—30 см. Длина пера 13—15, ширина его 2—2,5 см. Диаметр втулки 3—3,5 см. Для первого и второго типа наконечников копий характерны петлевидные выступы на одной из внешних сторон втулки. Стержень от петли пересекает всю втулку до противоположной стороны и выходит наружу в виде небольшого короткого, загнутого кверху штырька. Петли имеют треугольную форму, вытянутую вверх. Основание треугольника обращено вниз. Срез низа втулки горизонтальный.

К третьему типу относятся наконечники копий с ромбическим в сечении пером. У них довольно узкое перо с прямыми, сходящимися к острию гранями. Перо резко переходит во втулку под тупым или почти прямым углом. Длина пера составляет 1/2 — 2/3 общей длины. Втулка круглая в поперечном сечении с вертикальной щелью, образованной при свертывании ее. Размеры одного из наконечников, найденного на Троицком могильнике: общая длина 28, длина втулки 13, диаметр ее у насады 2, у пера — 1,2, ширина пера 1,5—2 см. Продольное ребро на пере ярко выражено. У многих втулок на концах треугольные вырезы с двух сторон, причем такие втулки характерны и для листовидного, и для ромбического пера.

Четвертый тип — ромбические наконечники копий. У них длинная узкая втулка. Длина ее 15, диаметр 1,5 см, узкое длинное перо, как правило, было обломано при погребении в могилу. Конец втулки с двумя

⁸ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 67.

⁹ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 67; Она же. Каменные изваяния Северного Алтая; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 21; Комарова М. Н. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. — «МИА», М., 1952, № 24, рис. 27; Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 46. (табл. 1).

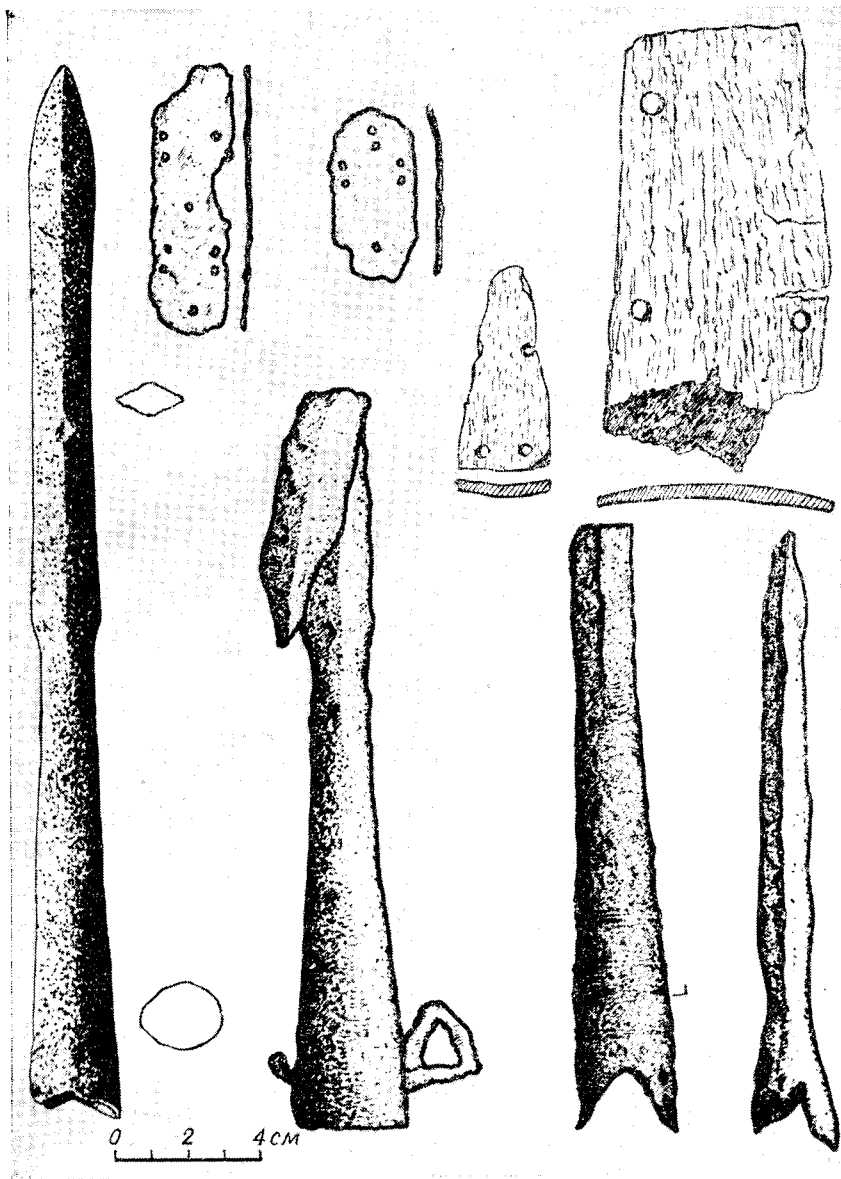

Рис. 2. Наконечники копий и латные пластины (железные и костяные).

овальными выступами, на стенках ее два круглых отверстия. От конца втулки идут горизонтальные пояски-нарезки длиной 6 см. Затем втулка принимает ромбические очертания и плавно переходит в перо, продольное ребро продолжается от втулки до острия. На одном из наконечников в 2 см от края втулки узкий (0,3 см) орнаментальный пояс, заполненный наклонными насечками. Другая втулка украшена четырьмя выпуклыми валиками, отстоящими друг от друга на 1 см. Фрагмент одного из наконечников интересен тем, что имеет самую короткую втулку (7 см), перо его ромбическое, длина сохранившейся части 6 см.

Итак, железные наконечники копий имеют и широкие листовидные перья, и узкие ланцетовидные. К. Ф. Смирнов отмечает преимущество узкого ланцетовидного пера в том, что оно «было удобно для боя с противником, защищенным металлическим чешуйчатым или пластинчатым

панцирем)¹⁰. В целом эти наконечники близки к наконечникам копий племен Сибири, Тувы, Алтая VI—VIII вв. н. э.¹¹

Самым распространенным оружием мохэсцев был лук со стрелами. В летописях читаем: «Луки для стрельбы роговые (рогом выклеенные), длиною в три фута и два дюйма»¹², т. е. около метра.

Хотя полностью мохэские луки не дошли до нас, о них все же можно составить представление по находкам костяных накладок (рис. 3). Лук у мохэсцев сложный. В первых веках новой эры подобные луки были распространены и в Сибири, и в Средней Азии, и в степях Восточной Европы. Столь широкое их распространение объясняется увеличением тяжелойвооруженной конницы, против которой старые луки и стрелы были малоэффективными. Известно, что в Сибири луки усиленного типа появились в Прибайкалье в серовское время¹³. Их сменили луки сложные, более развитые, которые А. П. Окладников назвал сложными луками «центральноазиатского типа». «Лук такого рода устроен из многих составных частей, в том числе из специфических костяных пластин серповидной формы с боковыми выемками для закрепления тетивы — расположенных попарно на их концах»¹⁴. Такой лук называют еще «рефлексирующим». На поселениях и могильниках мохэского времени обнаружено несколько костяных пластин-обкладок лука. Надо думать, что и у мохэских племен существовал рефлексирующий лук. Обнаруженные в Прибайкалье А. П. Окладниковым находки и мохэские изделия на Амуре свидетельствуют о том, что и в областях, богатых лесом, был распространен этот вид оружия, в то время как Д. Н. Анучин считал родиной сложного лука безлесные районы Северной Азии¹⁵. Лук этого типа быстро распространился на запад и восток. На восток он проник из центральноазиатских степей к племенам южной части Дальнего Востока, а затем от них в Китай.

Наконечники стрел изготавливались в основном из железа, иногда из кости и очень редко — из камня. Летописи сообщают, что наконечники стрел древние охотники намазывали ядом: «Обыкновенно в седьмой и восьмой луна составляют яды и намазывают стрелы для стрельбы зверей и птиц. Пораненный немедленно умирает. Когда варят яды, то одно испарение ядовитого состава может умертвить человека»¹⁶. Наконечники стрел у мохэсцев имели самые разнообразные формы (рис. 4)¹⁷. Железные наконечники стрел все черешковые. Они забивались в торец или вставлялись в расщеп древка и закреплялись дополнительно обмоткой и оклейкой. Среди наконечников стрел можно выделить несколько типов, которые, в свою очередь, подразделяются на группы.

Трехпластные. До середины I тыс. н. э. они были невелики, затем размеры их увеличиваются, а некоторые из них превращаются в узкие трехгранные, типа бронебойных. Эти наконечники можно разделить на пять групп:

¹⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.—«МИА», М., 1961, № 101, с. 73.

¹¹ Комарова М. Н. Указ. соч., рис. 27; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 321; Вайнштейн С. П. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году.—«Труды Тувин. комплексной археол.-этногр. экспедиции 1962—1966 гг.», Л., 1970, вып. III, рис. 12 (7), 17 (4); Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 55, рис. 4 (4,5); Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби.—«МИА», М.—Л., 1956, № 48, табл. IV, рис. 4.

¹² Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 92.

¹³ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II.—«МИА», М.—Л., 1950, № 18, с. 221.

¹⁴ Там же, с. 221—222.

¹⁵ Анучин Д. Н. Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк. М., 1887, с. 14—15.

¹⁶ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 71.

¹⁷ При характеристике наконечников стрел мы следовали классификации, разработанной А. Ф. Медведевым (Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. Свод археологических источников. М., 1966).

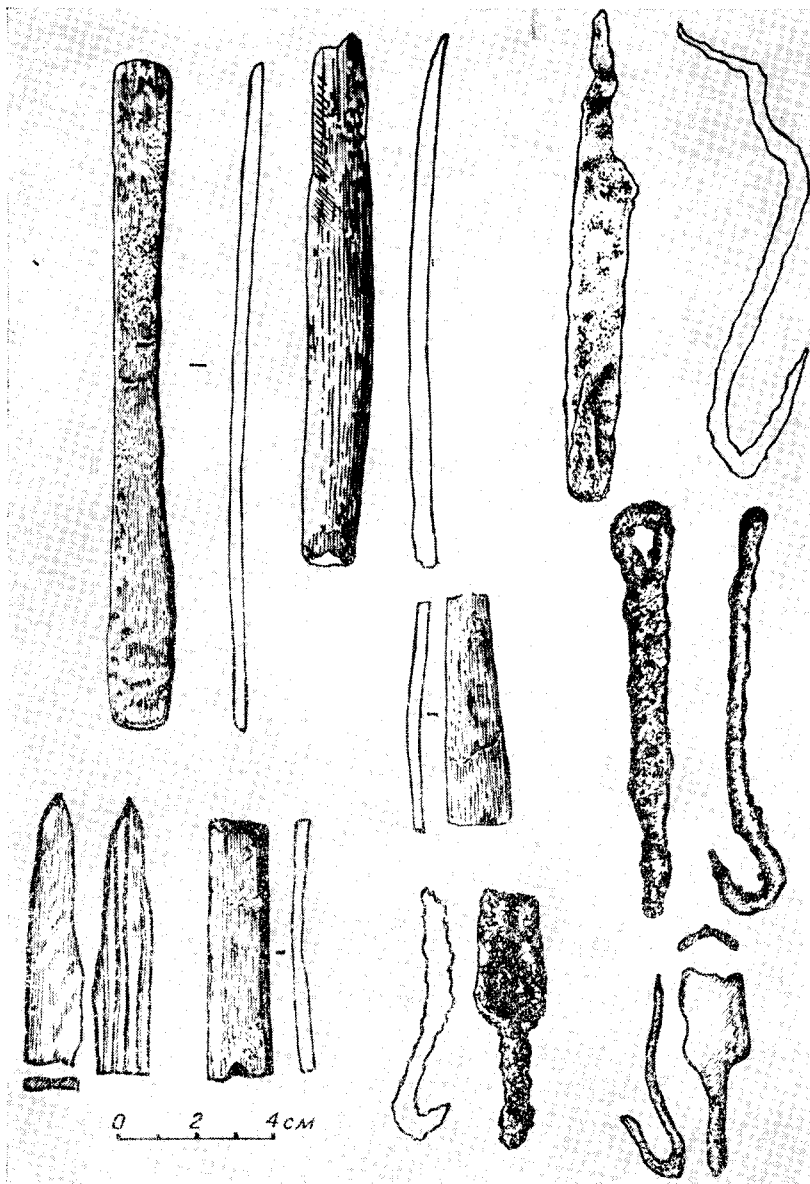

Рис. 3. Роговые накладки луков и крюки для колчанов.

остролистные трехлопастные длиной 9—10 см. Длина острия 6—7, ширина — 1—1,5 см. Насад квадратный в поперечном сечении;

треугольные трехлопастные. Лопasti представляют собой равнобедренный треугольник, основанием которого служит центральное продольное ребро. Наибольшая ширина лопасти 2 см. Длина наконечника 10 см. На каждой лопасти у насады — фигурные, трехконцевые отверстия;

килевидные узкие трехлопастные длиной 7—9 см. Длина головки 4—5, ширина — 0,7—1 см;

шипастые трехлопастные длиной 7—10 см. Длина острия 4—6, ширина — 1—1,5 см. Наконечники этого типа относятся к раннему периоду. В Европе они не выходят за рамки VIII в.¹⁸;

¹⁸ Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 58.

трапециевидные трехлопастные с серповидными отверстиями на лопастях. Они крупнее, чем все наконечники предыдущих групп. Длина их 10—11 см, длина острия 7—8, ширина лопастей 2—3 см. Некоторые наконечники стрел трапециевидной формы найдены с остатками костяных свистунков цилиндрической и овальной форм с округлыми отверстиями на них. Размеры свистунков: длина 2—10, ширина 2—4 см (рис. 5).

Некоторые исследователи предполагают, что в эти отверстия вставлялась пакля, которую потом поджигали. Стрелы с костяными свистунками древние летописцы называли «поющими стрелами». Размеры наконечников стрел варьируют от 8 до 12 см.

Такие стрелы характерны для памятников тюркского времени на Алтае¹⁹, Туве²⁰, Монголии²¹, на Тянь-Шане²², в Казахстане²³, в Павлодарском Прииртышье²⁴.

Плоские черешковые. Составляют самую многочисленную группу стрел, употреблявшихся на охоте и в военных столкновениях в начале I тыс. до н. э.²⁵ и бытовавших до средневековья на обширных территориях²⁶. Они подразделяются на следующие группы:

двушипные без упора, длиной 7—10 см. Ширина пера 1,5—2 см. Черешок квадратный, заострен книзу;

двушипные с шейкой и упором, длиной 8—10 см. Длина шейки 1 см, упора — 4 см;

треугольные с шейкой и без шейки, длина их 6—8 см. Ширина пера 1,5—2 см;

ромбовидные без упора, длиной 6—7 см. Длина пера 4 см, ширина — 3 см. Черешок квадратный в поперечном сечении;

ромбические с упором, длиной 6—8 см. Длина пера 3—4 см, ширина 2—3 см. Пропорции 1:2;

листовидные с сечением пера в виде уплощенной двояковыпуклой или односторонне выпуклой линзы. Длина наконечников 7—8 см. Подобные наконечники стрел найдены на Шайгинском городище в Приморье²⁷;

¹⁹ Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. — «Труды Гос. ист. музея», 1941, XVI, рис. 54; Гаврилова А. А. Указ. соч., табл. XVII, XIX, XXII, рис. 13, 12; табл. XI, рис. 9—13; Киселев С. В. Указ. соч., табл. XLVIII, табл. L, рис. 14, 15.

²⁰ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 20; Он же. Этапы средневековой истории Тувы. — «Вестник Моск. ун-та», 1964, № 4, табл. 1, рис. 14, 19, 90, 92; Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.). — «Труды Тувин. комплексной археол.-этногр. экспедиции. М.—Л., 1960, т. 1, рис. 75, 96.

²¹ Erdelyi I., Dorjsüren C., Navan D. Results of the Mongolian — Hungarian Archaeological Expeditions 1961—1964 (a comprehensive report). — «Acta Archaeologica Scientiarum Hungarica», 1967, № 19, p. 345; Сэр-Оджав Н. Древние тюрки (VI—VIII вв.). Улан-Батор, 1970, с. 112 (на монг. яз.).

²² Кибиров А. К. Работа Тянь-Шаньского археологического отряда. — «КСИЭ», 1957, вып. XXVI, с. 81—88.

²³ Арсланова Ф. X. Погребения тюркского времени. . . , с. 48.

²⁴ Арсланова Ф. X. Памятники Павлодарского Прииртышья (VI—XII вв.). — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, табл. I, рис. 18—22.

²⁵ Окладников А. П., Деревянко А. П. Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево. — «Матер. полевых исслед. ДВ археол. экспедиции». Новосибирск, 1970, вып. I, с. 284.

²⁶ См. Арсланова Ф. X. Памятники Павлодарского Прииртышья, с. 98—111 (типы е, и); Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры. — «МИА», 1953, № 62, рис. 16 (тип е); Плетнева С. А. Указ. соч., с. 159, рис. 7 (тип е); Гаврилова А. А. Указ. соч., рис. 5, 7 (тип а), табл. XXV, 5 (тип г), 4 (тип и), 10 (тип з); Древнемонгольские города. М., 1965, с. 194, рис. 108. 1, 7 (тип з); Комарова М. Н. Указ. соч., рис. 27, 19 (тип а); Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, табл. LIII, 8 (тип и); Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.). — «Труды Тувин. комплексной археол.-этногр. экспедиции», М.—Л., 1960, т. 1, рис. 46 (тип в).

²⁷ Галактионов О. С. Характеристика наконечников стрел Шайгинского городища. — В кн.: История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971, с. 83.

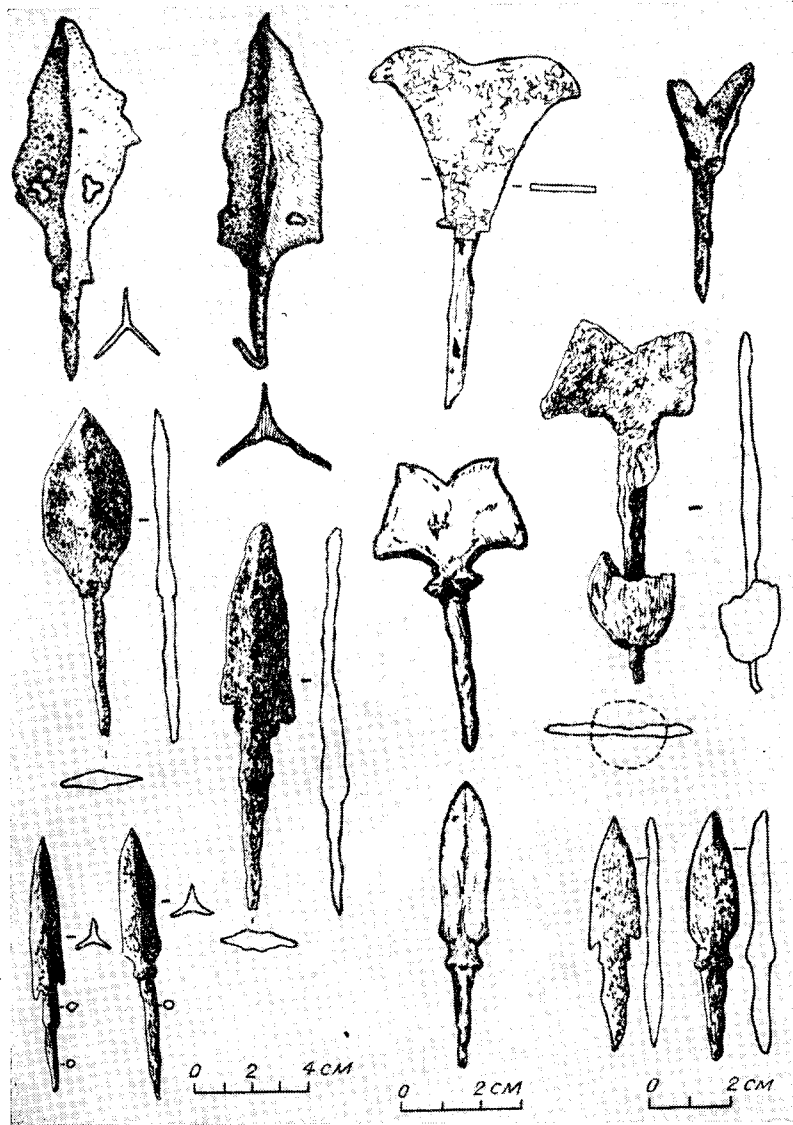

Рис. 4. Наконечники стрел.

двурогие срезни с упором. Длина их 7—9, длина пера 3—5 см. Наконечники этого типа широко распространены и в Сибири, и в Восточной Европе с начала нашей эры и до позднего средневековья. Наконечники стрел этого типа, бытовавшие у мохэцев, делятся на две группы. В первую входят наконечники с вогнутыми боковыми сторонами и выпуклыми режущими. Пропорции пера у них приблизительно 1:1. Такие наконечники (с очень широким пером) употреблялись для поражения воинов, не защищенных доспехами. Вторую группу составляют срезни вильчатые с прямыми боковыми сторонами с треугольным в плане пером. Длина наконечников 6—7 см, длина пера 3—4 см. Эти срезни без упора;

срезни в виде вытянутой лопаточки. Длина их 7—8 см, длина пера 3—4 см;

веслообразные. Длина их 9—10 см, длина пера 6—7 см, ширина — 1—1,5 см;

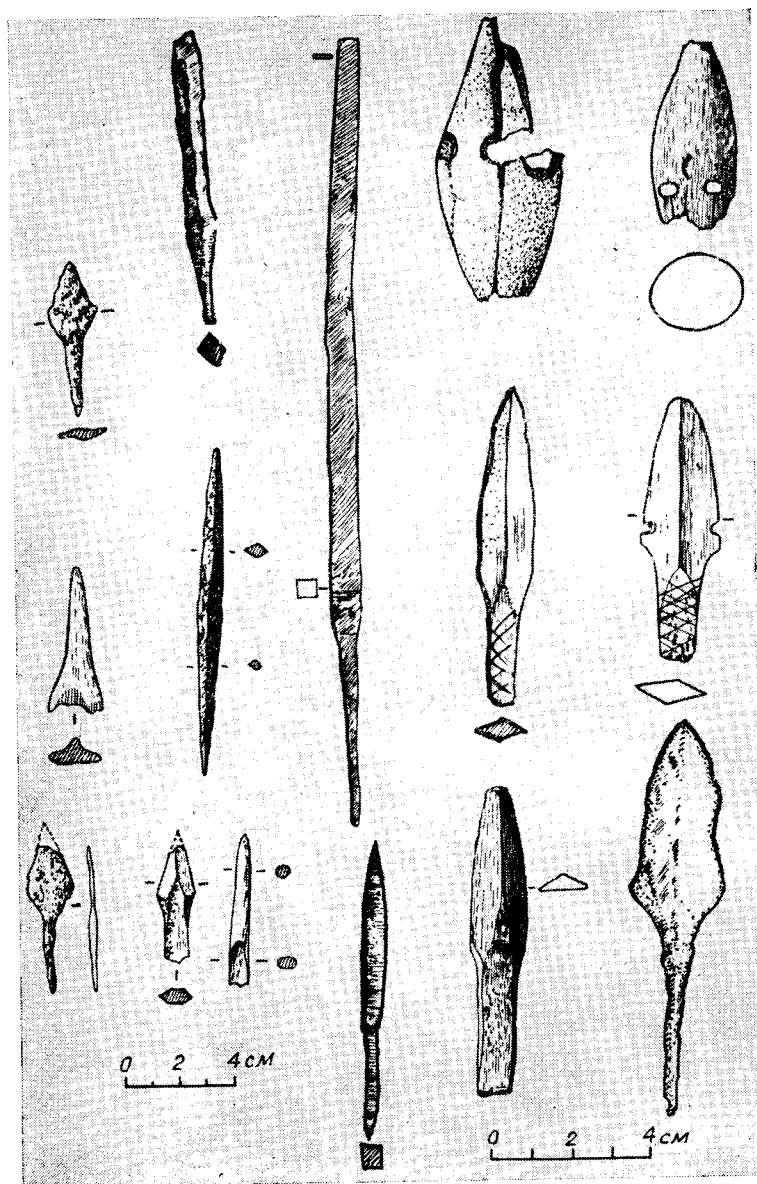

Рис. 5. Наконечники стрел и костяные свистунки.

килевидные. Длина 7—9 см, длина пера 4—5 см, ширина—1 см. Пропорции пера 1:1;

лавролистные, без упора, с плоским черешком. Длина их 7—8 см, длина острия 4—5 см;

фигурнолистные или пламевидные. Длина их 10—11 см, длина пера 6—7 см, ширина — 1,5—3 см. Наибольшее расширение пера находится в нижней трети его длины;

кунжутolistные. Длина их 4—5 см, длина пера 2—3 см. Бытовали в Сибири и на Алтае до монгольского вторжения²⁸.

В отдельную группу можно выделить бронбойные наконечники стрел. Они свидетельствуют о том, что мохэ употребляли их для стрельбы

²⁸ Киселев С. В. Указ. соч.; Руденко С., Глухов А. Могильник Кудыргэ на Алтае.—«Матер. по этнографии», Л., 1927, т. 11, вып. 2, рис. 12, 8.

по врагу, защищенному железными или иными доспехами, например панцирем. Бронебойные наконечники мохэсцев имеют три разновидности: 1) шиловидные квадратного сечения с простым упором; 2) шиловидные квадратного сечения без упора (в Восточной Европе такие наконечники стрел появились на рубеже нашей эры и употреблялись до XIV в. и позднее²⁹, длина их 9—12 см); 3) бипирамидальные ромбического сечения длиной 10—11 см.

Наряду с железными наконечниками стрел были в употреблении и костяные наконечники (все черешковые):

килевидные с плоским черешком, ромбические в сечении; с выемками у черешка;

треугольные в поперечном сечении с плоским и круглым черешком;

ромбические в поперечном сечении с плоским черешком;

пирамидальные трехгранные.

Костяные наконечники стрел были широко распространены в Сибирских, Дальневосточных памятниках (равно как в Северной лесной полосе) задолго до начала нашей эры и численно преобладали до середины I тыс. н. э. Затем преобладающее большинство наконечников изготавливается из железа, но костяные не выходят из употребления. Последние употреблялись и на охоте, и в бою. Как правило, черешок у таких наконечников стрел плоский или круглый. Древки стрел не обнаружены ни в погребениях, ни в жилищах.

В погребениях мохэсцев не встречено ни одного целого колчана. Однако по находкам железных крючков (см. рис. 3) и колец, а также больших фрагментов бересты, чаще всего орнаментированной, можно предположить, что у мохэсцев колчаны делались из бересты на деревянном или железном проволочном каркасе. Обнаружены крупные фрагменты (20×10 см) бересты, украшенной рядами прямоугольных вдавлений и тонких нарезных линий. Прямоугольные вдавления образуют рисунок из прямоугольников и квадратных ромбов, чередующихся между собой. Один из кусков бересты прочерчен горизонтальными вдавленными линиями. Несколько фрагментов представляют собой край изделия, загнутый внутрь, по внешней стороне орнаментированный прямоугольными и крестообразными вдавлениями. Костяные орнаментированные накладки на колчаны не найдены, но в могилах обнаружены костяные пластины от колчана, аналогичные описанным Г. А. Федоровым-Давыдовым³⁰. Колчаны прикреплялись к поясу с помощью крючков. Целых крючков обнаружено всего четыре. Все они железные. Длина их 11—13 см, длина малой ветви 2—3 см, ширина дуги крючков 2—3 см. В поперечном сечении они плоские (подпрямоугольные). Ширина полосы основной части 1—2 см. Один из крючков изготовлен из круглого в сечении стержня, вверху изогнутого петлеобразно, в основной части расплющенного, нижняя, изогнутая, дуга — из круглого стержня. Один крючок найден во фрагментарном состоянии. Длина сохранившейся нижней части 5,5 см. Длина изогнутой части 3 см. Сама дуга представляет собой плоский узкий стержень. Основная часть расклепана в полосу шириной 2 см, чуть изогнутую по продольному ребру. Мохэские крючки для колчанов находят близкие аналоги среди памятников тюркского времени в Сибири³¹.

При раскопках мохэских памятников находили только отдельные панцирные пластины из железа и кости, по которым можно установить, что мохэские воины носили металлические панцири. Эти разрозненные

²⁹ Медведев А. Ф. Указ. соч., с. 83.

³⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, рис. 4, 8.

³¹ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века; Гаврилова А. Н. Указ. соч., с. 67, рис. 9, 13.

латные пластины дают лишь самое общее представление об оборонительном доспехе. Видимо, панцири были чешуйчатыми, состояли из большого числа чешуек, прикрепленных к подкладке из кожи или ткани. В погребениях обнаружены прямоугольные пластины со скругленными углами. Размеры их варьируют от 2×1,5 до 10×3 см. Количество отверстий для нашивок колеблется от одного-двух на мелких пластинах до девяти на больших. Располагаются они вдоль длинных краев, иногда попарно, иногда по одному. Часто на коротких сторонах расположено по одному отверстию и на длинных — по два у краев пластины. Некоторые чешуйки имеют дополнительные отверстия в центре. Возможно, у мохэцев был в употреблении и пластинчато-наборный панцирь. Главная особенность его — отсутствие подкладки. На составляющих его пластинах большое количество отверстий, через которые кожей или проволокой пластины соединяются в горизонтальные или вертикальные ряды. Такой панцирь легкий, но имеет свои недостатки. Он недостаточно эффективен против оружия ближнего боя. Чешуйчатый же обеспечивает надежную защиту, гибок, но очень тяжел.

В эпоху великого переселения народов широкое распространение получили пластинчато-наборные панцири. Наряду с металлическими латными чешуйками в погребениях обнаружены и костяные латные пластины. Панцири из кости были намного дешевле металлических. В Сибири древнейшие костяные доспехи известны со II тыс. до н. э. и доходят до позднего средневековья³². До недавнего времени их употребляли чукчи, эскимосы Аляски и североамериканские индейцы. Чаще всего костяные пластины копируют по форме железные. Однако встречаются пластины овальной, круглой, трапецевидной форм. Размеры пластин от 3,0×2 до 15×7 см.

По частым находкам поясных бляшек и пряжек в мохэских погребениях можно заключить, что «боевые» наборные пояса носили и мохэские воины. Собранные бляшки как с орнаментом, так и без него. Форма их очень разнообразна: прямоугольные с прорезным прямоугольным отверстием, округлые, цветковидные, крестообразные, сердцевидные.

Поясные наконечники, как правило, прямоугольные с заостренным или округлым нижним концом и прямым или выемчатым верхним. Встречаются как орнаментированные, так и неорнаментированные наконечники поясов. Орнамент на них растительный. На некоторых бляхах и пряжках сохранились фрагменты кожи, на которую они были нашиты. Несомненно, что все это — остатки наборного пояса, передняя часть которого украшалась бляшками с отверстием (к ним привязывали ремни для сабли, мешочки с трутом и огнивом), а задняя — сердцевидными или полукруглыми бляшками. Эти поясные бляхи характерны для поясов кочевников VII—IX вв. на обширных территориях³³.

³² Окладников А. П. Указ. соч., с. 248—254, рис. 118—120; Мошинская В. И. Городище и курганы потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре). — «МИА», 1953, № 35, с. 91—101, табл. 11, 8—9.

³³ См. поясные наборы в следующих работах: Плетнева С. А. Указ. соч., рис. 44 (43—44); Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, табл. I, II; Гаврилова А. А. Указ. соч., рис. 11 (35, 37, 38), 13 (17), табл. XV (2), XIX (1, 2), XX (14); Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени. . . , рис. 1; Она же. Памятники Павлодарского Прииртышья. . . , рис. 189, 191, 194, 195; Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. — В кн.: Северная Монголия, ч. II. Л., 1927, табл. IV (2, 3, 4); Tocik A. Slawisch-awarisches Gräberfeld in Sturovo. — «SAV. Archaeologica slovacica-catalogi», Bratislava, 1968, t. 2, taf. XXI (6—8), XXX (1—6, 17), XXXV (2, 3, 4); Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция 1935 г. — «СА», 1936, № 1; Он же. Древняя история Южной Сибири, табл. LIX; Кибиров А. К. Указ. соч., с. 86, 87; Евтухова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, рис. 65, 4, 5; Вайн-

К сожалению, мы не можем сказать ничего определенного о правилах ношения этих поясов, так как ни в одном из погребений не найдено целого пояса, встречены только несколько бляшек или пряжек. Однако, если сопоставить бляшки и пряжки из мохэских погребений с аналогичными, найденными в памятниках Сибири, Казахстана, Средней Азии, можно с уверенностью сказать, что пояса мохэ и кочевников соседних территорий очень похожи. Форма и орнаментация бляшек и пряжек позволяют утверждать, что центром их производства была Сибирь, но они несут и следы влияния Средней Азии. Наличие в одной могиле одинаковых бляшек и пряжек, а также и ременных наконечников говорит о том, что на каждом поясе были бляшки и пряжки одинаковой формы с поверхностью, украшенной одинаковым орнаментом.

В конце VIII в., на всей территории степей от предгорий Алтая до бассейна Дона изменился способ изготовления и орнаментация поверхности бляшек и пряжек. Кроме литых, часто с гладкой поверхностью бляшек, появились и штампованные из тонкого листа, поверхность большинства из них покрывалась сложным орнаментом. Процент неорнаментированных наборов не превышает 10—15. И только в Сибири процент неорнаментированных бляшек оставался высоким (около 50), в памятниках мохэской культуры он повышается до 80. Используя классификацию наборных поясов, предложенную А. А. Гавриловой³⁴, можно видеть, что у мохэских воинов были пояса катандинского времени. О наличии их свидетельствуют бляхи-оправы из бронзы с прямоугольным отверстием для подвешивания ремешка. Возможно, у мохэ был и другой тип поясов с подвешиванием ремешков к бронзовым или серебряным кольцам, как на найденном в могиле катандинского типа в Туве. Могила датируется монетой 713—741 гг.³⁵ Об этом свидетельствуют частые находки колец вместе с бляшками и пряжками от наборного пояса. Таким образом, в могилах мохэсцев обнаружены различные бляхи и пряжки, наконечники ремней, датируемые по аналогии с другими сибирскими и алтайскими находками VI—VIII вв.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что мохэсцы обладали разнообразным воинским снаряжением. Даже в самых бедных мужских погребениях положено несколько наконечников стрел. В могилах же богатых воинов найдены остатки колчанов со стрелами из железа, камня, кости, наконечники копий, мечи, сабли, оборонительное оружие — панцирные пластины. Все это свидетельствует о большом значении войн в жизни мохэсцев и многочисленности их пешего и конного войска. Это отмечают и древние летописцы, а археологические раскопки мохэских памятников и анализ вооружения из них подтверждают эти записи.

штейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тув. НИИЯЛИ 1956—1957 гг.—Учен. зап. Тув. НИИЯЛИ», Кызыл, 1958, т. VI, табл. IV, 127; Сэр-Оджав Н. Указ. соч., с. 112, 113; Нурмуханбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана.— В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев. Алма-Ата, 1969, табл. I; Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Указ. соч., табл. III; Распопова В. И. Поясной набор Согда VII—VIII вв.—«СА», 1965, № 4, рис. 5—6; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции.—«Труды Ин-та истории и археологии АН КазССР. Археология», Алма-Ата, 1956, т. I, с. 53—55; Археологическая карта Казахстана (реестр), Алма-Ата, 1960, табл. VII, 145, 151—153, 177, 178; Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов).— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 95—109.

³⁴ Гаврилова А. А. Указ. соч., с. 89—98.

³⁵ Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге..., рис. 82.

ДРЕВНЕЕ ОЛЕНЕВОДСТВО
И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ПЕТРОГЛИФОВ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ
ВЕРХНЕГО ПРИАМУРЬЯ

Проблема этнической принадлежности петроглифов таежной зоны Верхнего Приамурья — одна из наиболее важных и весьма сложных проблем. Сложность ее заключается в том, что отрывочные сведения по археологии, антропологии и этнографии не дают возможности воспроизвести культуру, быт и антропологический тип древнего человека, заселявшего эти места.

Первые известия о «землях» Верхнего Приамурья и о народах, заселявших эти земли, были получены в эпоху русских географических открытий в середине XVII в. Наиболее детальный анализ проведен Б. О. Долгих, который указывает, что на территории распространения петроглифов таежной зоны Верхнего Приамурья расселялись оленные тунгусские роды: уилларгиры, манагиры, киндигиры, почегоры и вака-рели (вакарайцы)¹.

Между петроглифами указанной территории, начиная с IV тыс. до н. э. и кончая поздним средневековьем, строго прослеживается как стилистическая, так и смысловая связь. Наиболее интересная деталь в них — появление со второй половины II тыс. до н. э. сцен оленеводства.

Происхождению оленеводства посвящена обширная литература, причем по вопросу о времени и центрах его возникновения, путях и формах распространения существуют различные точки зрения. Некоторые исследователи видели в оленеводстве древнейшую форму скотоводства, восходящую чуть ли не к палеолитическим традициям². Другие авторы возражали против большой древности оленеводства и относили его по времени к нашей эре³.

О центре возникновения сибирского оленеводства высказывались различные взгляды. Одни авторы придерживаются мнения независимого

¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 579—615.

² Богораз В. Г. Оленеводство. Возникновение, развитие, перспективы. — В кн.: Проблемы происхождения домашних животных. Л., 1933, с. 219—251; Сосновский Г. П. Древнейшие остатки собаки в Северной Азии. — «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 516; Радоникас В. П. История первобытного общества, ч. III. Л., 1947, с. 8—10; Марр Н. Я. Средства передвижения, оружия самозащиты и производства в доистории. Избр. работы, т. III. М.—Л., 1934, с. 123—151; Sirelius U. Über die Art und Zeit der Zähmung des Renttieres. — «J. de la société Finno-Ougrienne», Helsinki, 1916, № 33; Schmidt W., Koopers W. Völker und Kulturen. Regensburg 1924; Flor F. Haustiere und Hirtenkulturen. — In: Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik, 1, Wien, 1930; Руселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951; Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958; Pohlhausen H. Nachweisbare Ansätze zum Wandertentum in der niederdeutschen Mittelsteinzeit. — «Z. für Ethnologie», Braunschweig, 1953, Bd. 78, Hb. 1.

³ Gahn E. Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen. Leipzig, 1896; Laufer B. The Reindeer and its Domestication. Memoirs of the Amer. Anthropol. Assoc., VI, № 2, 1917, p. 91—147; Hett G. Notes on Reindeer Nomadism. Memoirs of the Amer. Anthropol. Assoc., VI, № 2, 1919, p. 75—133; Wiklund K. B. Frageschema für die Erforschung des Renttiernomadismus. — «J. de la Société Finno — Ougrienne», Helsinki, 1913, № 30; Максимов А. Н. Происхождение оленеводства. — «Учен. зап. РАНИОН», М., 1928, т. 6, с. 27—28; Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства и их происхождение. — «СЭ», 1951, № 1; Они же. Олений транспорт. — В кн.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, с. 24; Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — «СЭ», 1955, № 4, с. 6; Толстов С. П. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии. — «Вопр. истории», 1961, № 4, с. 112; Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, с. 88—126.

происхождения оленеводства разных типов, другие связывают их с одним или двумя центрами. Теорию единого алтае-саянского центра защищали Б. Лауфер, Г. Хетт, А. Н. Максимов, В. Г. Богораз, Ф. Флор, С. И. Вайнштейн⁴.

Выделяя единый центр происхождения сибирского оленеводства, А. Н. Максимов все же различал две первоначальные области: район Саянских гор и районы Верхнего Приамурья и Прибайкалья, но, считая эти районы по географической среде близкими, он объединял их в один центр⁵. Теорию нескольких центров происхождения оленеводства поддерживали А. М. Золотарев, М. Г. Левин и Г. М. Василевич⁶.

Г. М. Василевич и М. Г. Левин выдвинули гипотезу о существовании двух самостоятельных очагов одомашнивания саянского и забайкальского оленя: 1-й был связан с самодийскими, 2-й — с тунгусскими народами.

Письменные источники начинают упоминать об оленеводстве в V в.⁷ Более точные сведения об оленьем транспорте и доении оленей у народов Забайкалья и Верхнего Приамурья относятся к VI—VII вв.⁸.

Г. М. Василевич на основании этнографического, фольклорного и лингвистического материалов сделала очень интересные выводы о расселении тунгусов и возникновении тунгусского оленеводства. Она разделила оленеводство по ряду признаков на два типа, назвав их условно эвенкийским и ороченским.

Эвенкийский тип оленеводства в вариантах был распространен среди потомков ангарских эвенков, подкаменнотунгусских, верхнененских, нижнетунгусских, илимских, северобайкальских, урмийско-амгуно-чумиканских и амгуно-алданских группах, т. е. в тех районах, где эвенки уходили на охоту пешком или с вьючным оленем.

Ороченский тип в вариантах распространялся среди эвенков, кочевавших в верховьях рек Витима, Олекмы, Зеи и других верхних притоков Амура и по отрогам Хингана среди тех эвенков-ороченов, которые охотятся верхом на олене. Вместе с группами ороченых этот тип проник в верховья Вилюя, Оленека и к северу от Нижней Тунгуски.

Эвенкийский тип оленеводства характеризуется наличием небольшого стада, которое держали для перевозки вьюков и как запас продуктов. Уход за оленями считался женским делом и осуществлялся только в летнее время. Телят, родившихся от важенки и дикого оленя, обычно убивали, считая, что они могут увести оленей в стадо диких. Верховым седлом не пользовались. Охотники имели наспинные «поняги» и охотничьи нарты. Тамгами у них были лук или человек.

Для ороченского типа оленеводства характерны более многочисленные стада. Оленей держали для верхового и вьючного передвижения и забивали только в случае травмы. Кочевки определялись потребностью оленей в корме. Оленей от себя не отпускали, кочевали с ними. Во время перекочевки и на охоте все ездили на оленях, имея специальное верховое седло. Потомство от дикого оленя не забивали, а выращивали для улучшения стада. Тамги изображали человека верхом на олене. Это были те эвенки, о которых в XVIII—XIX вв. писали как об оленьих.

Содержание оленей большими стадами, использование их в основном как средства передвижения, под вьюк и верховую езду, определение ко-

⁴ Laufer В. Op. cit., s. 91—147; Hett G. Op. cit., p. 75—213; Максимов А. Н. Указ. соч., с. 27—28; Богораз В. Г. Указ. соч., с. 219; Flor F. Op. cit.; Вайнштейн С. И. Указ. соч., с. 101—112.

⁵ Максимов А. Н. Указ. соч., стр. 27—28.

⁶ Золотарев А. М., Левин М. Г. К вопросу о древности происхождения оленеводства. — В кн.: Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.—Л., 1940; Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства..., с. 82—87.

⁷ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, с. 47.

⁸ Там же, с. 350.

человек от потребности оленей в корме, забота об улучшении стада, изображения тамг с человеком на олене, верховое седло для оленя, а также самоназвание орочен привело Г. М. Василевич к выводу, что ороченский тип оленеводства появился гораздо раньше, чем эвенкийский⁹.

О том, что эвенкийский тип оленеводства появился у большинства пещных охотников уже после расселения их по тайге, Г. М. Василевич аргументирует рядом материалов из этнографии и фольклора: годичный цикл жизни и календарь, характерный для пещной охотничьей культуры; отсутствие упоминаний об оленях во всех ранних сказаниях эвенков; преобладание пещных охотничьих групп в XVII в.; крайне малое количество у них оленей и запрет ездить на них; ороченская колыбель, характерная для оленьих групп — это дальнейшее развитие эвенкийской колыбели, характерной для пещных охотников.

По представлениям западных эвенков, олень появился из шерсти медведя. В сказаниях же восточных эвенков начало приручения диких оленей объясняется значительно проще. Женщина заметила, что дикие олень-важенки с телятами близко подходят к жилищу и едят мох, смоченный ее мочой. Тогда она стала мочиться в разных местах недалеко от чума. Олени привыкли подходить ближе и не убегали, когда она смотрела на них. Однажды женщина подошла к важеньке и положила ей руку на спину, важенька стояла спокойно. Тогда женщина подошла ее в руку, попробовала молоко — вкусное. Так и появились первые домашние олени. У западных эвенков оленеводческие обряды были предназначены в основном для лечения больного и «поиска души», а у восточных посвящение оленей занимало первое место, и целью их было размножение и благополучие стада¹⁰.

Слабое развитие эвенкийского типа оленеводства подтверждают и исследователи XVIII—XIX вв. Об отсутствии оленей у эвенков к югу от Ангары, на Верхней Лене, на некоторых участках Нижней Тунгуски, а также о небольшом количестве оленей у илимнийской группы писал в XVIII в. Д. Гмелин, подчеркивая, что оленьи группы находились на стыке с якутами и к северу от них¹¹. Тунгусы боягирского рода Турьяжского зимовья жаловались в 1702 г. на безоленность, объясняя этим неуплату ясака¹². П. Третьяков в 1869 г. писал: «Лет 150 назад у тунгусов, якутов и долган оленей было очень мало, и езда на них считалась за порок»¹³. На ограниченное использование оленя для верховой езды этими группами эвенков указывал в середине XIX в. Г. Спасский¹⁴. По статистическим данным 1861 г., на ясачную душу в Туруханском крае приходилось 10 оленей¹⁵. Малооленность у енисейских эвенков отметил

⁹ Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов; **Она же**. На нижней Тунгуске. — «Сов. Азия», 1926, № 5-6; **Она же**. Енисейско-чирингдинские эвенки. — «Сб. МАЭ», 1951, т. 8; **Она же**. Самоназвание орочен, его происхождение и распространение. — «Известия Сиб. отд. АН СССР», 1963, № 9; **Она же**. Эвенки. Л., 1969, с. 75—79.

¹⁰ Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому фольклору. Л., 1936, с. 38—40, 45—51; **Она же**. Типы оленеводства и их происхождение. — «СЭ», 1951, № 1; **Она же**. Тунгусская колыбель. — «Сб. МАЭ», 1960, т. 19; Василевич Г. М., Левин М. Г. Оленьи транспорт. — В кн.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961; Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов в связи с проблемой их расселения по Сибири. Доклад на VII Междунар. конгр. антроп. и этногр. наук, М., 1964; **Она же**. Эвенки, Л., 1969, с. 78—79; **Она же**. Древние охотничьи и оленеводческие обряды. — «Сб. МАЭ», 1957, т. 17, с. 170—185.

¹¹ Gmelin D. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1773—1743, t. 2, Gottingen, 1751—1752, S. 125, 207, 209.

¹² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав населения Сибири в XVII в. — «Труды Ин-та этнографии», 1960, т. IV, с. 11.

¹³ Третьяков П. Туруханский край, его природа и жизнь. — «Зап. РГО», 1869, т. II.

¹⁴ Спасский Г. Очерки быта некоторых сибирских инородцев. — «Вестник РГО», 1857, т. 20, отд. 2, с. 121.

¹⁵ Патканов С. Опыт географии и стилистики тунгусских племен Сибири. — «Зап. РГО», 1906, т. 31, ч. I, вып. 1-2, с. 264.

и М. Ф. Кривошапкин, указывая, что они занимаются охотой и рыболовством¹⁶. И. И. Майнов отмечал, что кончаласские тунгусы между Амгой и Алданом ходят на промысел пешком с охотничьей нартой¹⁷.

По мнению Г. М. Василевич, ороченский тип оленеводства появился по отрогам Хингана и распространялся по отрогам Яблонового, Станового и на западе — Верхоянского хребтов, а также через Витимо-Олекминское плоскогорье. Распространение оленеводства в указанных направлениях Г. М. Василевич связывает с распространением спирантсисибилантных диалектов и самоназваний оленных охотников-орочен.

Самоназвание орочен в амурском диалекте обозначает — житель местности Оро. Оро, как выяснил Р. Маак¹⁸, — тунгусское название местности в районе Албазино. Ороченны — большая группа «оленных» и «конных» тунгусов Верхнего Приамурья и Забайкалья. Вполне вероятно, что часть их стала рано оленными.

Распространение слова «орон» (домашний олень) без особых фонетических изменений во всех языках тунгусо-маньчжурской группы, за исключением маньчжурского (в котором образовано из двух слов «масто» (оронь) и «изюбр» (буху) — орон буху)¹⁹, говорит о том, что в верховьях Амура олени появились после ухода с этой территории населения, давшего тунгусоязычный компонент в этногенезе предков маньчжуров. Подтверждением этого служит и колыбель маньчжуров эвенкийского типа. Расселение ороченского типа оленеводства, как считает Г. М. Василевич, происходило до появления якутов на Средней Лене²⁰, более точную дату она не указывает.

Как видно из распространенного материала, Верхний Амур, по-видимому, — место появления оленеводства у народов таежной зоны Восточной Сибири и Дальнего Востока. О развитом оленеводстве на территории Верхнего Приамурья письменные источники сообщают в V—VII вв. Г. М. Василевич предполагает, что до прихода якутов на Среднюю Лену оленеводство уже распространилось на довольно обширную территорию (по отрогам Яблонового, Станового, Верхоянского хребтов и на Витимо-Олекминское плоскогорье) и первыми оленеводами были тунгусы-орочены.

Наскальные рисунки Верхнего Приамурья подтверждают выводы Г. М. Василевич и уточняют время появления оленеводства — вторая половина II тыс. до н. э. Древними художниками таежных писаниц Верхнего Приамурья были, по-видимому, предки ороченно-эвенков. Это подтверждается тем, что вплоть до прихода русских на Дальний Восток верхом на оленях ездили только тунгусы, отнесенные Г. М. Василевич к ороченскому типу оленеводства. У нас же на писаницах начиная со второй половины II тыс. до н. э. и кончая средневековьем изображаются люди, сидящие верхом на оленях.

То, что тунгусское население обитало во II тыс. до н. э. на территории Верхнего Приамурья, подтверждает и обнаруженный А. П. Окладниковым череп из Шилкинской пещеры, принадлежащий к северной антропологической группе, к которой относятся в основном современные северотунгусские племена — эвены, эвенки и юкагиры²¹.

¹⁶ Кривошапкин М. Ф. Об остяках, тунгусах и прочих шородцах Енисейского округа. — «Зап. СОРГО», 1863, т. VI.

¹⁷ Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. — «Труды ВСОРГО», 1898, № 1.

¹⁸ Маак Р. Путешествие на Амур. Сиб., 1859, с. 65—66.

¹⁹ Захаров И. Полный маньчжуро-русский словарь. Сиб., 1875, с. 132.

²⁰ Василевич Г. М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов, с. 1—9; Она же. Тунгусская колыбель.

²¹ Левин М. Г. Древний череп с реки Шилки. — «КСИЭ», 1953, вып. 16; Окладников А. П. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура, с. 70—71.

Таким образом, прослеживаются этнические связи племен, оставивших наскальные изображения Верхнего Приамурья, с древними эвенкийскими родами, и есть основания относить появление оленеводства на территории Верхнего Приамурья ко II тыс. до н. э.

М. И. Боргояков

ЙЫШ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКАХ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Как известно, в орхонских памятниках часто говорится о горно-таежных местностях под названием йыш и йыс, как о местах исконного обитания тюрков. Йыш переводится как «чернь», «нагорье с долинами: удобными для поселений»¹. Так, мы встречаем Отюкен йыш — Отюкенская чернь, Кадырган йыш — Кадырганская чернь, Алтун йыш — Алтунская чернь, Кюгмен йыш — Кюгменская чернь или Кюгмен йерсуб — Кюгменская страна (Родина), Чугэй йыс — Чугайская чернь, Сунга йыш — Сунганская чернь.

Перечисленные названия, содержащиеся в древнетюркских памятниках, в большей части относятся к Саяно-Алтайскому нагорью и сохранились в топонимике этого района.

1. В памятнике в честь Кюль-Тегина сказано: «(Итак), о, тюркский народ, когда ты идешь в ту страну (Китай? — М. Б.), ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отюкенской стране, (лишь) посылаешь караваны (за подарками, т. е. за данью), у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, созидая свой вечный племенной союз...»². Как видно из текста, Отюкенская чернь является для тюркского народа местом, где можно жить спокойно, в безопасности; она рассматривается ими как родная страна.

В другом памятнике говорится: «Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкен и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкен, пришли (к нам) южные народы, западные, северные и восточные народы»³. Опять упоминается земля Отюкен, которую избирает Тоньюкук местом жительства. Следовательно, горные лесные области, называемые йыш или йыс, служили для тюрков надежным местом для жизни и защиты от врагов.

Далее в памятнике хану Могилян, содержание которого аналогично памятнику в честь Кюль-Тегина, сообщается: «...На двадцать седьмом (году) я двинулся против киргизов, пролагая дорогу через снег высотой с копьё, я поднялся в чернь Кюгменскую и поразил (там) народ киргизов, когда они спали. С их ханом я сразился в черни Сунга; убил хана и завладел там его народом. В этом же году я ходил с войском на тюргешей, перейдя через Алтунскую чернь...»⁴.

Йыш (чыш, чыс) в тюркских языках Саяно-Алтая означает «горы, покрытие хвойным лесом, чернь»⁵. Отсюда чыс-кизи — человек из горной тайги (черни). Так называли себя еще недавно шорцы и северные алтайцы (туба-кижи). В литературе они назывались «черневыми татарами».

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 268.

² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 35.

³ Там же, с. 66.

⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, с. 17, 20.

⁵ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. 1. Спб., 1905, с. 497—498; ч. 2, с. 2095.

Чыс постепенно превратился в этноним: среди хакасов имеются родовые имена ах чыс — белый чыс, хара чыс — черный чыс.

Этот термин упоминается также в четвертом памятнике с Чакуля (Западная Тува), где сказано: «Я в отношении моих «черневых» (йыш) старших товарищей и друзей я отошел (т. е. умер)»⁶. Как видим, йыш-кизилер упоминаются еще в древней надписи. По словам Н. Н. Козьмина, горная тайга Алтая и Саяна с незапамятных времен населена тюрками, стала их родной страной до такой степени, что целые тюркские племена забывают свои племенные названия, и на вопрос, кто они, отвечают: йыш-кизи — люди горной тайги (черни). Соседи йыш-кизи также были склонны заменить племенные имена топонимическими и называли их алтайцами и т. п.⁷

Имя алтай-кижи — человек алтай (т. е. алтайцы) — также связано с географическим названием. В хакасских диалектах Алтай — высокие горы, горная страна, альпы⁸. Отсюда в хакасских богатырских поэмах часто упоминается Алтай-сын, т. е. Алтайский хребет. Следовательно, алтай-кижи означает «человек из горной страны», где каждый род имел свой «Алтай». В пределах Саяно-Алтая этот топоним встречается нередко. Так, недалеко от с. Шушенского есть гора Алтайская, в том же районе, в междуречье Абакана и Енисея, имеются озеро и село Алтай, где находился первоначально центр Алтайского района Хакасии. Топоним алтай встречается в Туве и других местах. Алтай иногда называли колыбелью тюркских племен. Алтай, как и йыш,— священная земля тюрков, он обожествлен ими, это их ханаан.

Подобного же характера, видимо, образование этнонима туба-кижи (северные алтайцы), представители их сами себя называли также йыш-кижи или чыс-кизи (в этнографической литературе они назывались черневыми татарами). Туба-кижи — человек туба. Этимология термина туба окончательно не выяснена⁹. Происхождение данного этнонима, возможно, связано с топонимом.

Таким образом, йыш-кизи, алтай-кижи, туба-кижи (люди горно-таежных местностей) из топонимических названий превратились в этнические.

2. В орхоно-енисейских памятниках нередко встречаются этнические и географические термины, о некоторых из них уже писалось¹⁰. Дополнительно приведем другие сопоставления с топонимикой Саяно-Алтая.

Так, в указанном памятнике в честь Кюль-Тегина сообщается: «Киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли. В том же году мы пошли против тюргешей, поднявшись в Алтунскую чернь...»¹¹. Как уже говорилось, среди северных алтайцев имеются туба-кижи (черневые татары), подразделяемые на ряд родовых групп, среди которых известна родовая группа тиргеш, этногенетически связываемая с тюргешами древнетюркского каганата¹². Очевидно, тюргеша (часть их) в то время, т. е. в VIII в. н. э., тоже жили в Саяно-Алтайском нагорье, о чем свидетельствует и топонимический материал. Так, например, Алтун йыш (по-хакасски — Алтын чыс) — Золотая чернь, упоминаемая в древнем памятнике, находится в районе Западного Саяна, о чем сообщил нам старик-хакас М. В. Торбостаев (рода Хара чыс — Черная чернь) в 1961 г. В том же

⁶ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, с. 38—39.

⁷ Козьмин Н. Н. Туба (историко-этнографический очерк).—«Сибирские зап.», Красноярск, 1918, № 4, с. 24.

⁸ Радлов В. В. Указ. соч. т. III, ч. 1, с. 402—403.

⁹ Вайнштейн С. И. Этноним тува.— В кн.: Этнонимы. М., 1970.

¹⁰ Боргояков М. И. Этнические и географические названия в енисейских памятниках древнетюркской письменности.—«Учен. зап. Хак. НИИЯЛИ. Сер. филол.», Абакан, 1970, вып. XIV; История Тувы, т. 1. М., 1964, с. 77—78; Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, с. 33—34; и др.

¹¹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 41.

¹² Баскаков Н. А. Диалект черневых татар (туба-кижи). М., 1965, с. 8—9.

районе находится известное озеро Алтын кюль (другое его название — Телецкое озеро). В Горной Шории есть также Алтынтау — Золотая гора ¹³. В Хакасии, на правой стороне Абакана, имеется небольшое озеро Алтын кюль, вблизи которого были найдены древние надписи.

Далее. В памятнике в честь Тоньюкука сообщается: «Мы находились в Алтунской черни... Да соберемся мы в степи Ярышской...»¹⁴. В памятнике Моюн-чуру говорится: «... Я там победил между Ярыш (равниной) и Агулыг...»¹⁵. В данном случае, кроме Алтун йыш, упоминается топоним ярыш. Отметим, что в Горной Шории и Горном Алтае есть топоним чарыш или ярыш. В местечке Ярыш, как известно, была найдена древнетюркская надпись ¹⁶. Река Агул имеется в Восточных Саянах.

В орхоно-енисейских памятниках содержатся и другие этнические и географические названия, сохранившиеся на Саяно-Алтайском нагорье, о которых мы здесь не говорим. Вряд ли все это случайные совпадения этнонимов и топонимов. Можно полагать, что опонимический комплекс Саяно-Алтайского нагорья, отраженный в древнетюркских памятниках свидетельствует о событиях, происходивших в этом же районе обитания части тюркоязычных народностей во второй половине I тысячелетия н. э.

З. Н. Н. Козьмин отмечает, что тюрки — большие патрноты привязанные к своей тайге-черни. Они видели причины бедствий в том, что соблазн покинуть тайгу и поселиться в близких к культурным центрам степях был иногда очень велик ¹⁷. Северная сторона Саянского хребта, Хакасско-Минусинская котловина, была и есть одна из лучших и плодородных местностей Сибири, в ней сочетаются одинаковые удобства и для скотоводства и для земледелия, т. е. для жизни кочевой и оседлой.

В китайских летописях о древних хакасах (киргызах) говорится: «Государь называется Ажо. Ажо имеет пребывание у Черных гор. Стойбище его обнесено надолбами. Войско набирается из всех поколений. Ясачные вносят подати соболями и белкою»¹⁸. «Черные горы» — это, несомненно, горно-таежная местность, т. е. йыш (чыс) — чернь, где находился государь древних хакасов (киргызов). Из сообщения этого источника узнаем также, что ясачные платили подати соболями, белкою. В связи с этим отметим, что С. В. Киселев, ссылаясь на сообщения енисейских надписей, пишет о стремлении киргызской знати обложить данью собственный народ ¹⁹. Об отношении кыштымства в древнехакасском государстве сообщает Л. Р. Кызласов ²⁰.

Древние хакасы (киргызы) общались с соседними народами Азии. Эти связи, замечает С. В. Киселев, обогащали киргызов новыми достижениями восточной цивилизации, но они не могли стереть оригинальных черт, характерных для отважного и свободолюбивого народа енисейских долин ²¹.

Удобные для жизни долины и горы, покрытые густым лесом, давали возможность населению Хакасско-Минусинской котловины успешно обороняться в случае вторжения неприятеля. С. В. Бахрушин в связи с этим справедливо отмечает, что заброшенные на степные просторы среди ответвлений Алтайских гор, с юга отрезанные от других народов неприступ-

¹³ Мытарев А. А. От Абы до Яи. Географический словарь Кузбасса. Кемерово, 1970, с. 8.

¹⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности, с. 68.

¹⁵ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 43.

¹⁶ Тенишев Э. Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая. — В кн.: Тюркологический сборник. К 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 263.

¹⁷ Козьмин Н. Н. Указ. соч., с. 47.

¹⁸ Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. М.—Л., 1950, с. 352.

¹⁹ Киселев С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951, с. 62.

²⁰ Кызласов Л. Р. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. — «Учен. зап. Хак. НИИЯЛИ. Сер. филол.», 1960, вып. VIII, с. 64—65.

²¹ Киселев С. В. Указ. соч., с. 75.

ным «Саянским камнем», а с северо-запада — «черными лесами и ломами» черни предгорий Кузнецкого Алатау, пересеченной многочисленными «бродовыми речками» с их «нужными переходами», зимой почти непроходимой из-за снега, киргизы сумели в течение долгого времени сохранить свою независимость от внешних врагов, укрываясь «по горам и щелям», уходя в минуты опасности «в крепкие места», «в черные леса» и в «камень» и окапываясь там и «осекаясь лесом»²². Под «енисейскими киргизами» в русских исторических документах XVII в. подразумевались хакасские родоплеменные группы²³.

Как уже говорилось, сама природа Хакасско-Минусинской котловины способствовала тому, что часть населения занималась скотоводством, другая — земледелием и охотой в подтаежных и таяжных местах, тесно общаясь между собой. Йыш-кизи все «черных соболей и голубых белок» и получал в обмен лошадей, скот, ткани.

По словам Н. Н. Козьмина, в случае «неурожая» промыслового зверя йыш-кизи волей-неволей должен был идти к обитателю степей с его многочисленными стадами и табунами... Это ставило его в экономическую зависимость от богатых скотоводов. Йыш-кизилер становились кыштымами, т. е. данщиками. Следовательно, та неустойчивость, то тяготение к степям и культурным центрам, о которых с горечью говорит орхонский каган, заключались в условиях таяжной жизни²⁴.

В. Е. М е д в е д е в

ПОЯСА НАДЕЖДИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Надеждинский могильник находится в Хабаровском крае, на правом берегу р. Биры возле с. Надеждинского. Могильник датируется сунской монетой рашпечжурчжэньским средневековьем (концом X — началом XI в.). За 3 года раскопок отрядом Дальневосточной археологической экспедиции СО АН СССР на могильнике вскрыто 90 погребений, кроме того, собран обширный материал, вырытый ранее там бульдозером в процессе земляных работ. Выявлено четыре формы погребального обряда: трупоположения в ямах, трупосожжения на месте на уровне горизонта, вторичные захоронения в ямах и трупосожжения. Достаточно сказать, что в могилах вместе с костяками или их остатками найдены тысячи различных вещей из железа, бронзы, керамики, камня, серебра, золота. Видное место среди погребального инвентаря принадлежит поясам, краткое описание которых дается в данной статье.

Пояс № 1 обнаружен в погребении 12, где умерший похоронен по обряду трупоположения. Кости плохо сохранились. Инвентарь: 2 стальных сосуда, 2 бронзовых браслета, 3 бронзовые серьги и поясной набор бронзовых блях. Всего 12 блях, из которых 7 лежали в центральной части погребения на уровне костей, аккуратной цепочкой в неповрежденном состоянии (рис. 1). Все бляхи плоские, прямоугольной формы с зубчатым нижним краем и рядами прорезей в верхней, средней и нижней

²² Бахрушин С. В. Научные труды, т. III, ч. II. М., 1955, с. 180.

²³ Кузнецов-Красноярский И. Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии. Томск, 1902, с. 33, 37; Киселев С. В. Указ. соч., с. 90; Бахрушин С. В. Указ. соч., с. 176; Кызласов Л. Р. К вопросу об этногенезе хакасов. — «Учен. зап. Хак. НИИЯЛИ. Сер. филол.», 1959, вып. VII; Карцов В. Г. Хакасия в период разложения феодализма (XVIII — первая половина XIX в.). Абакан, 1970; Абдыкалыков А. Енисейские киргизы в XVII в. Фрунзе, 1968; Копков К. Г. «Енисейские киргизы» и этногенез хакасов. — «Учен. зап. Хак. НИИЯЛИ. Сер. филол.», 1969, вып. XIII; и др.

²⁴ Козьмин Н. Н. Указ. соч., с. 47.

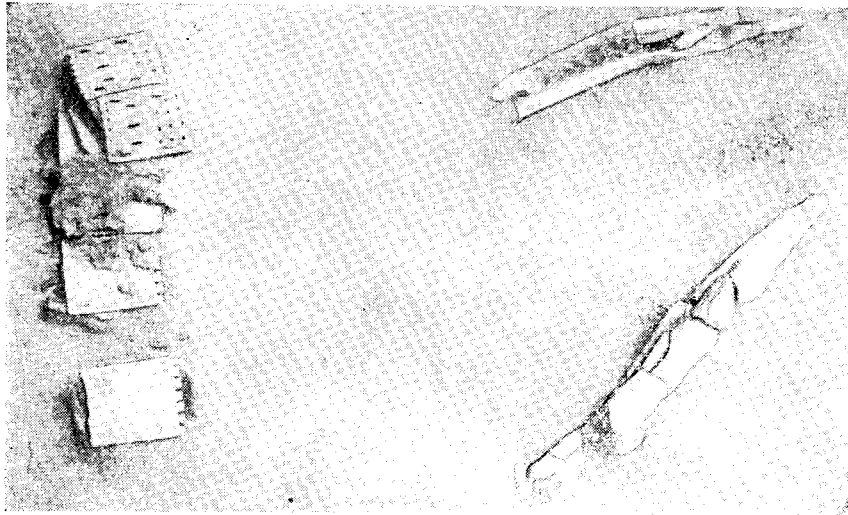

Рис. 1. Расположение пояса № 1 в погр. 12 (деталь). На бляхах видны сверху кусочки кожи, справа от пояса — бедренные кости.

ее частях, между которыми проходят горизонтальные резные линии. На тыльной стороне блях имеется по четыре петли для нашивки. Под бляхами оказалась полуистлевшая дощечка, между дощечкой и бляхами — кусочки грубой ткани и кожи. Кожа лежала также сверху на бляхах, в петлях и прорезях которых сохранились остатки толстых ниток. Остальные 5 блях залежали преимущественно в центре могилы (на 10—15 см выше уровня первых семи блях).

Отсутствие в погребении у найденного пояса пряжки и наконечника поясного ремня дает основание полагать, что мы имеем дело с наборным поясом принципиально иного типа, нежели хорошо известные раннесредневековые наборные пояса кочевников соседней с Приамурьем Центральной Азии и Южной Сибири. Различия между надеждинским поясом и поясами с указанных территорий прослеживаются во всех их составных элементах, начиная с форм и размеров бляшек и кончая способом прикрепления пояса.

Исследования каменных изваяний и могильников показали, что в Центральной Азии и Южной Сибири наиболее популярными были бляшки следующих форм. Это четырехугольные гладкие или с прорезью внизу, полукруглые со срезанной нижней частью и прорезью у нижнего края, квадратные с прорезью и сердцевидные¹.

Наборные пояса кочевников к западу от Приамурья имели, как правило, бляшки и наконечники. У надеждинского пояса этих деталей нет. Очевидно, у него вместо пряжек на обоих концах ремня были закреплены ременные завязки, как это делалось на нивхских (гиляцких) шаманских

¹ Биселев С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1935 г. — «СА» 1936, № 1, с. 282—284, рис. 2, 4; Он же. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. L, LIII, рис. 2; Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — «МИА», 1952, № 24, с. 72, 74, 96—97, 108; Левашева В. П. Два могильника кыргыз-хакасов. — «МИА», 1952, № 24; Кызласов Л. Р. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). — «Вестник Моск. ун-та», 1960, № 1, табл. 1, рис. 83; Грач А. Д. Древнетюрские изваяния Тувы. М., 1961, с. 64—65; Он же. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.). — «Труды Тув. КАЭЭ», М., 1960, т. I, с. 32, рис. 34—а; Он же. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.). — Там же, с. 136, рис. 82; Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 62, рис. 7, 1, 2; с. 71, рис. 11, 19—21, 23.

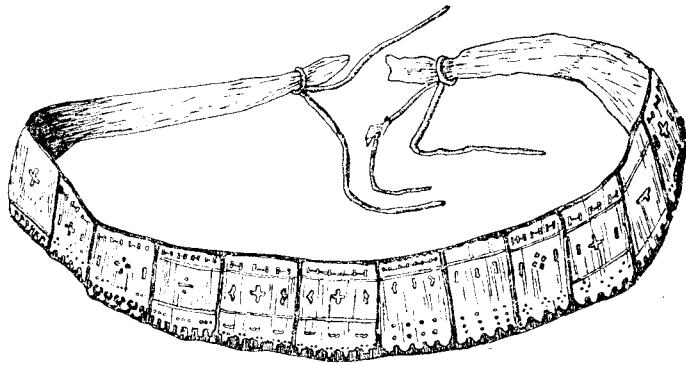

Рис. 2. Реконструкция пояса № 1.

поясах². Реконструкция пояса № 1 позволяет установить, что бляхи были плотно друг к другу (судя по расположению большинства их в погребении) нашиты на ремень. Принимая среднюю величину ремня в 85—90 см, получается, что они покрывали его почти по всей длине: средняя ширина бляхи 4,5 см × 12 блях = 64,0 см (рис. 2).

Пояс № 2 найден в погребении 26. Захоронение это парное с труположением. Пояс находился слева у одного из костяков (мужского?), между локтевой и бедренной костью. Кроме пояса, костяк сопровождали 2 станиковых сосуда, 2 железных стремя и котелок, 2 бронзовые серьги и 1 серебряная.

Сохранившиеся детали пояса лежали компактно, очевидно, в том положении, в каком их оставили в момент захоронения (рис. 3). Во-первых, это 7 ажурных блях, подобных тем, что украшали пояс № 1. 6 из них были повернуты лицевой стороной вниз и направлены зубчатым краем в сторону костяка; расстояние между крайними бляхами 32 см. Все они, на первый взгляд, одинаковые и немного отличаются одна от другой только числом и формой прорезей и горизонтальных резных линий на них. В петлях и прорезях блях сохранились истлевшие нитки. Под бляхами,

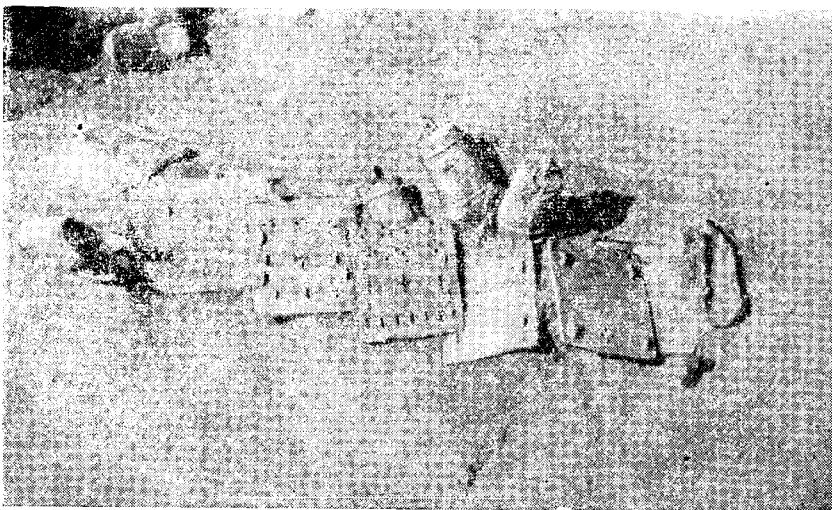

Рис. 3. Пояс № 2 после расчистки в погребении. Слева у крайней бляшки видна часть дощечки и кусочки кожи.

² Шренк Л. Об инородцах Амурского края, т. III. Спб., 1903, табл. LXI, рис. 2.

со стороны их зубчатых краев и рядом, располагались 6 бронзовых литых колокольчиков одинаковых размеров (высота 6,2, диаметр внизу 3,1 см). Они одной формы — с четырьмя остроугольными внизу зубчиками, вдоль края которых проходит валик. Сверху у колокольчиков — ушко, где видны обрывки толстых пшток. Ниже ушка и выше зубчиков колокольчики опоясаны валиками. С двух сторон у колокольчиков нанесены солярные знаки — вдавления в виде мальтийского креста. У нескольких колокольчиков во время их изготовления крестовидные вдавления не получились и образовались обычные отверстия. Все они помяты, у двух колокольчиков обломано по одному зубчику. Глубже блях и колокольчиков в тесном с ними соприкосновении лежали пропитавшиеся медной окисью полоски кожи, кусочки полувстлешней грубой ткани и сильно разрушенная дощечка размером 9×5×1 см.

Этот пояс не совсем обычный. Помимо блях, украшавших сплошь часть кожаного ремня (очевидно, спереди) и общитого в этом месте тканью для более удобного их прикрепления, к ремню подвешивались колокольчики (рис. 4). Последний факт позволяет сопоставить данный, вероятнее всего, боевой пояс богатого воина с шаманскими поясами чжурчжэней, нивхов (гиляков) и нанайцев (гольдов). Как известно из археологии, у чжурчжэней важной деталью шаманского пояса были железные конические подвески³. Каких-либо данных о приспособлении к нему колокольчиков или бубенчиков не имеется. Этнографические материалы позволяют зафиксировать связь веков — обычай пришивать к поясу шамана конические подвески, а также колокольчики и бубенчики, заимствованный у чжурчжэней амурскими народностями, в том числе их потомками — нанайцами⁴. Но если железные подвески пришивались к шаманскому поясу по традиции со времени чжурчжэней, то колокольчики, можно полагать, шаманы заимствовали у боевого пояса позднее.

Пояс № 3 из погребения 42 с труположением. Кости почти полностью разрушились, сохранился лишь инвентарь: 2 станковых сосуда, 2 железных стремена, удила, подпружные пряжки, железные наконечники стрел и пожи, бронзовые серьги с нефритовыми подвесками, ожерелье из халцедоновых и пастовых бусин с золотой подвеской, набор, очевидно, серебряных пропизок и 8 плоских поясных блях с прорезями. Бляхи располагались справа от погребенного в один достаточно ровный, параллельно костяку, ряд длиной 1 м. Интервал между бляхами 10—20 см. Под некоторыми бляхами имелись кусочки кожи и следы ткани; под одной — остатки дощечки. После реконструкции пояс станет подобен поясу № 1 с той лишь разницей, что у него меньшее число блях и нашивались они не сплошным рядом, а на небольшом расстоянии одна от другой.

Пояс № 4 найден в погребении 50 с труположением. От костей остались небольшие фрагменты. Инвентарь, кроме деталей пояса: станковый сосуд, бронзовые серьги и обломанные браслеты, железный нож.

Остатки пояса находились в центре погребения, между черепными и бедренными костями. Комплекс из 4 бронзовых прорезных блях, 5 литых бронзовых бубенчиков, лежавших на остатках кожаного ремня и дощечки, в длину равен был 41 см. Бляхи и бубенчики тянулись рядом поперек костяка. Форма и размеры блях аналогичны описанным выше с небольшим лишь различием в количестве и очертаниях прорезей в каж-

³ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 255—256; Шавкунов Э. В. Клад чжурчжэньских зеркал. — «Матер. и исслед. по археологии СССР», 1960, № 86, с. 231—237; Он же. Отчет об археологических раскопках на территории Шайгинского городища в 1964 году. — Архив Института археологии, Р-1/2848, рис. 40. Следует также сказать о шаманской железной конической подвеске, найденной при раскопках чжурчжэньского могильника у оз. Болонь в 1970 г. Подвеска хранится в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, г. Новосибирск.

⁴ Шренк Л. Указ. соч.; Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. — «Зап. Об-ва изучения Амурского края», Владивосток, 1922, XVII, с. 261, табл. XVIII, рис. 34; табл. XVI, рис. 31 — а.

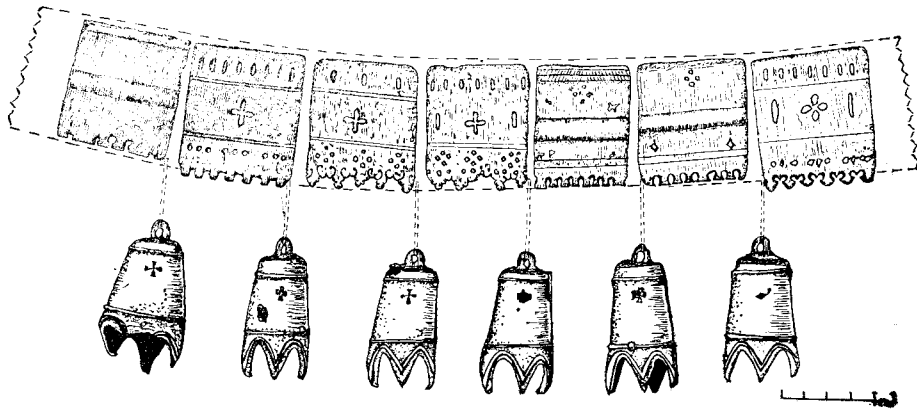

Рис. 4. Пояс № 2. Реконструкция.

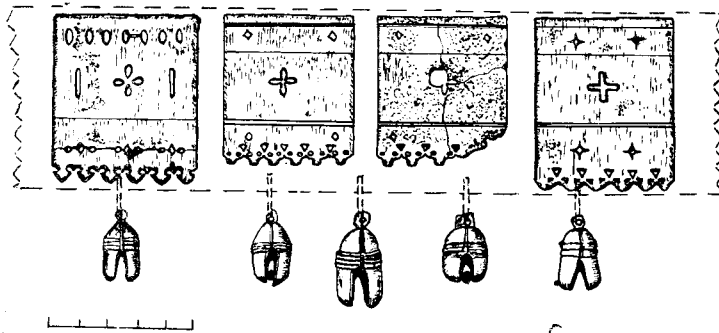

Рис. 5. Деталь пояса № 4. Реконструкция.

дой из них. Две бляхи совершенно одинаковые; крестовидная прорезь есть во всех четырех украшениях. Бубенчики — полые внутри, внизу у них щелевое отверстие, вверху ушко для подвешивания; все опоясаны горизонтальными валиками. Два бубенчика содержат внутри камешки и поэтому при легком соприкосновении с ними мелодично звенят.

Как мы видим, в поясной набор Надеждинского могильника кроме бляшек и колокольчиков входили и бубенчики, которые прикреплялись к ремню под бляхами (рис. 5).

Пояс № 5 из погребения 58 с труположением. Костяк очень плохой сохранности. Из инвентаря имелись: бронзовая серьга и набор из 10 бронзовых поясных бубенчиков, лежавших частично на кусочках истлевшей дощечки. Находились они в середине погребения, в области тазовых костей (рис. 6). Бубенчики удлиненных пропорций, с ушком вверху и тремя чуть выше середины горизонтальными валиками, рассеченными вертикальными насечками на мелкие квадратики. Высота их 3,8, диаметр 1,7 см. Этот пояс не имел блях и был украшен одними бубенчиками, подвешенными к ремню.

Пояс № 6 найден в погребении 81. Это 18 бубенчиков, которые располагались вблизи тазовых костей цепочкой длиной 59,5 см. Цепочка эта тянулась поперек сильно истлевшего костяка; расстояние между бубенчиками 2—5 см (рис. 7). Три центральных бубенчика, на которых сохранились обрывки тонкой ткани, лежали в плотном соприкосновении между собой. В погребении был другой инвентарь — лепной сосуд «мохэского» типа и железный нож.

Бубенчики по форме и размерам подразделяются на три вида (рис. 8). Первые — шаровидные с горизонтальными валиками в центральной части

Рис. 6. Бубенчики от пояса № 5 в погребении. Деталь.

и тремя отростками-«усиками» внизу, высота 3,0 — 3,2 см (8 экз.). Находились они на северном конце пояса. Вторые — удлиненных пропорций с орнаментальным пояском, у нескольких есть внизу отростки. Их 8 экз., высота 2,2 см. Лежали в южном конце пояса. Третьи — сферические, наподобие первых, но меньших размеров (2 экз.) — занимали центральную часть пояса.

Между поясами № 5 и 6 наблюдается определенное сходство. У обоих при наличии большого количества бубенчиков совершенно отсутствуют бляшки. Сходство это, очевидно, не случайное, и доказательством этого может в какой-то мере служить непосредствен-

ная территориальная близость погребений, где найдены эти пояса, а также скромные комплексы остального погребального инвентаря, в отличие от богатых инвентарем погребений, с наборами поясных блях.

Пояс № 7 из погребения 83, в котором совершено труносожжение на месте на уровне горизонта. Хорошо сохранились обожженные кусочки костей черепа, а также плечевых, локтевых, бедренных, берцовых. Погребальный костер после кремации умершего был присыпан песком, поэтому все кости и вещи остались на своих местах. Возле черепных костей и ближе к центру захоронения — серия мраморных и халцедоновых бус, половинки нефритовых колец-подвесок. Здесь же поблизости — 2 ножа, кресало, 1 целая железная квадратная бляшка со шпеньком (3 × 2 см) и несколько обломков от подобных бляшек. В центре погребения, компактно —

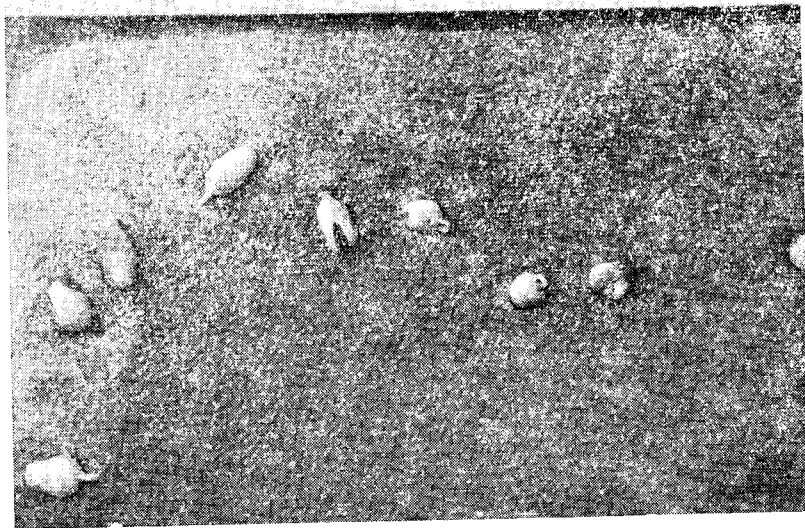

Рис. 7. Расположение бубенчиков от пояса № 6 в погребении. Деталь.

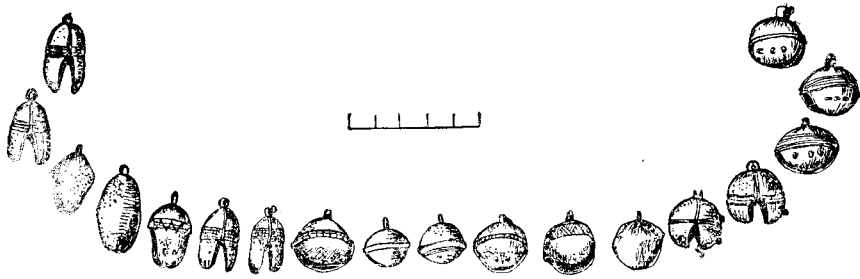

Рис. 8. Полный набор бубенчиков к поясу № 6.

4 поврежденные огнем бронзовые ажурные бляхи, 2 из которых сильно оплавлены. Около бляшек сосредоточена масса бронзовых оплавленных шариков. По всей площади погребения и рядом с ним рассеяны осколки станковых и лепных сосудов.

Бронзовые бляхи, по существу аналогичные упоминающимся выше, являлись украшением пояса. Их было, скорее всего, более четырех, и они могли покрывать сплошным рядом часть поясного ремня или нашивались на него с некоторыми промежутками. Не исключено, что пояс, кроме этого, был украшен железными квадратными бляшками, которые встречались в погребениях могильника, как украшения конской сбруи. Случаи использования бляшек одних и тех же форм для украшения пояса и сбруи хорошо известны из литературы⁵.

Пояс № 8 найден в погребении 66, где приведен обряд труположения. Сохранность костяка неудовлетворительная. Детали пояса — 9 бронзовых бляшек — располагались скученно, в центральной части могилы. В погребении сохранился и другой инвентарь: железный котелок, 2 ножа, кресало, 3 наконечника стрел, 2 бронзовые литые серьги с отростками.

Накладные поясные бляшки здесь двух типов (рис. 9). Три из них прямоугольно-вытянутые, с несколько выпуклой рубчатой, в виде квадратов, лицевой поверхностью. На обратной стороне по 2 шпенька, прикрепленных к полуистлевшим полоскам кожи. У одной бляшки внизу имеется петля для подвешивания необходимых вещей к поясу. Кстати, по соседству с этими бляшками лежал один из ножей. Остальные 6 бляшек округло-выпуклые с четырьмя «рожками» по бокам. Эти бляшки можно назвать крестообразными. У них есть железные шпеньки, на которых держатся кусочки кожи.

Набор блях от пояса № 8 резко отличается от всех поясных наборов, раскопанных в Надеждинском могильнике. Если крупные плоские с прорезями бляхи являлись наиболее распространенными и любимыми украшениями у чжурчженей, оставивших этот могильник⁶, то выпуклые прямоугольные и крестообразные бляшки были для них редкостью и попали к ним со стороны. В хабаровском Приамурье прямоугольные рубчатые

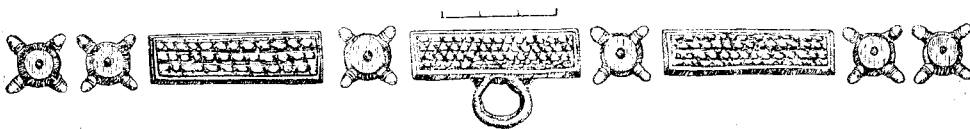

Рис. 9. Бронзовые бляшки от пояса № 8.

⁵ Распопова В. И. Поясной набор Согда VII—VIII вв.—«СА», 1965, № 4, с. 83.

⁶ Здесь надо добавить, что подобные бляхи, кроме названных выше, единично встречались еще в четырех погребениях; несколько бляшек было подобрано также на могильнике во время земляных работ.

бляшки в материалах чжурчжэньского времени пока не известны. Бляшки схожих очертаний, но с другим узором найдены в Приморье, на Шайгинском городище⁷. Бронзовые крестообразные бляшки, близкие по форме надеждинским, встречены в погребении 11 в могильнике у оз. Болонь⁸.

Таким образом, раскопки Надеждинского могильника позволили выявить не только отдельные детали поясов, но и целые их наборы, по которым представилось возможным впервые выделить три вида чжурчжэньских поясов.

1. Пояса, с нашитыми на них сплошным рядом или с промежутками прорезными бляхами (№ 1, 3, 7). Сюда же можно отнести пояс № 8, украшенный выпуклыми рубчатыми и крестообразными бляшками. На пояс № 7, как уже указывалось, могли быть нашиты железные квадратные бляшки. Такой же формы бляшка найдена на Шайгинском городище⁹.

2. Пояса, украшенные прорезными бляхами и подвешенными к ремню колокольчиками или бубенчиками (№ 2, 4). Колокольчики и бубенчики играли роль шумящих украшений; внутри некоторых бубенчиков сохранились камешки. В колокольчиках же через отверстие вверху были привешены к ушку деревянные язычки. Колокольчик с таким язычком, в котором имеется отверстие и остатки толстых ниток, встречен в погребении 13.

3. Пояса без накладных блях и украшенные лишь набором бубенчиков (№ 5, 6).

Необходимо уточнить следующую деталь пояса. При описании пояса № 1 указывалось, что пряжки при нем не было, и он, наверное, не застегивался, а завязывался с помощью ремешков. Крепление ремня без металлических застежек — особенность всех надеждинских поясов.

Из археологических источников известно, что на юге советского Дальнего Востока уже мохэсцы украшали свои пояса металлическими накладными бляшками, копирующими формой и орнаментом аналогичные тюркские вещи¹⁰. Так, при раскопках памятников мохэского времени встречены бляшки: овальной формы с прорезью внизу; полукруглые с срезанной нижней частью, фестончатым краем и прорезью у нижнего края, и некоторые другие, подобные названным поясные украшения¹¹. Бляшек, идентичных им по форме, в захоронениях Надеждинского могильника не встречено. Правда, на уровне появления могильных пятен найдена 1 бронзовая овальная, с сердцевидной прорезью бляшка, с гладкой поверхностью. Еще одну овальную бляшку со спиральным узором на могильнике нашли в верхнем слое стенки траншеи прорытой бульдозером. Бляшка, близкая по своему облику мохэским и надеждинским находкам, встречена на Шайгинском городище¹².

Эти факты являются доказательством живучести бляшек тюркско-мохэских форм. Они бытуют и у чжурчжэней. Но это у них своего рода пережиток. И в этом легко убедиться, анализируя детали поясных наборов Надеждинского могильника, где бляшки для наборных поясов в основном твердо устоявшихся, стандартизированных форм. Несомненно, что еще раньше (до X в.) у чжурчжэней произошла смена поясных наборов. Был выработан собственный самобытный тип поясного украшения — это прямоугольной формы бляха крупных размеров, с прорезным узором

⁷ Выражаем благодарность Э. В. Шавкунову и В. Д. Ленькову за предоставленную возможность ознакомиться с материалом Шайгинского городища.

⁸ Медведев В. Е. Отчет о работах Нижне-Амурского археологического отряда в 1970 г. — Архив Института археологии, Р-1/4117, рис. 80.

⁹ Шавкунов Э. В. Отчет об археологических раскопках. . . , с. 57, рис. 52.

¹⁰ Окладников А. П. Археология Сибири — вчера, сегодня и завтра. — «Вопр. истории», 1968, № 5, с. 170.

¹¹ Андреева Ж. В. Древнее Приморье. М., 1970, с. 105, рис. 3, 5; Деревянко Е. И. Мохэский могильник у с. Троицкого Амурской области. — «Изв. Сиб. отд. АН СССР», 1970, № 1, Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 100, рис. 4, 13, 17, 22.

¹² Шавкунов Э. В. Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1966 г. — Архив Института археологии, Р-1/3243, с. 81, рис. 85.

и зубчатым, преимущественно нижним, краем. Все найденные бляхи изготовлены из бронзы. Смена форм украшений наметилась ранее у мохэцев. Иллюстрацией этого предположения могут служить 2 бронзовые плоские ажурные бляшки (напоминающие по форме чжурчжэньские), встреченные при раскопках мохэского могильника в пос. Найфельд¹³.

К X—XI вв. прорезные бронзовые бляхи занимают основное место в поясном наборе чжурчжэней Амура и распространены у них достаточно продолжительное время. Они обнаружены на Амуре в крепости у пос. Джари, в Болоньском могильнике (XI в.)¹⁴, а также в Приморье на Шайгинском городище, датированном XII—XIII вв.¹⁵

Что касается бубенчиков, то, как показывают находки¹⁶, эти шумящие украшения чжурчжэни тоже унаследовали от мохэцев, у которых они, по всей вероятности, уже давно служили в качестве украшения пояса.

И. В. А с е е в

ПРЕДКИ ПОЗДНЕЙШИХ МОНГОЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Древняя китайская летопись сообщает, что когда гуннский паньюй Модэ достиг могущества, то он напал на племена, жившие к востоку от гуннов. Эти племена назывались дунху, что значит «восточные варвары». Модэ одержал полную победу, и дунху были разгромлены. Часть их подчинилась победителям, множество же дунху бежало в Забайкалье и стало кочевать по долинам рек Онона, Керулена, Аргуни и прилегающим к ним районам. Исторические судьбы этих переселенцев в последующий период неразрывно связаны с территорией Забайкалья и Северной Монголии. Именно они были основой, на которой впоследствии сформировались северные монгольские племена.

В первые века нашей эры прямых потомков дунху китайские летописцы стали называть ухуань и сяньби. Ухуань и часть примыкавших к ним с севера сяньбийцев образовали южную группу, которая после войны с гуннами заняла земли, прилегавшие к южным отрогам Хинганских гор, верховья Ляохэ, а на восток продвинулась до верховьев Сунгари¹.

В III в. н. э. ухуань были разбиты и уничтожены как самостоятельная этническая группа.

Но еще раньше, в середине I в. н. э., когда гуннский племенной союз в результате внутренних противоречий распался (южные племена подчинились Китаю, а северные остались самостоятельными), значительную роль в истории Центральной Азии и Южной Сибири начинают играть племена сяньби.

В китайских анналах сяньби как народное имя стало появляться с 49 г. н. э., когда сяньбийский старейшина Бянь-хэ, воспользовавшись междоусобицей среди хуннов, предложил Китаю свои услуги по истребле-

¹³ Окладников А. П., Дервянко А. П. Мохэский могильник в пос. Найфельд Еврейской автономной области.— В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966, с. 249, рис. 4.

¹⁴ Медведев В. Е. Указ. соч., с. 46—47.

¹⁵ Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней Приморья по материалам археологических раскопок 1960—1965 гг.— В кн.: История, археология и этнография Дальнего Востока. Владивосток, 1967, с. 28, рис. 3.

¹⁶ Дервянко Е. И. Мохэский могильник у с. Троицкого.— В кн.: Археологические открытия 1970 года. М., 1971, с. 215; Андреева Ж. В. Указ. соч., с. 105, рис. 35.

¹ См. История Сибири, т. I. Л., 1968, с. 251.

нию последних ². «...Они известны крепостью телесных сил: у них оружие острее, а лошади быстрее, чем у хуннов»³.

В начале второй половины II в. н. э. сяньбийские племена были объединены старейшиной Таньшихаем, который в короткое время овладел прежней территорией Хуннской державы от Тарбагатайских гор до Великого океана... После вторжения сяньбийцев в Джунгарию китайская история более не упоминает о хуннах.

С 156 г. начинается длительная борьба сяньби с Китаем, проводившим по отношению к своим северным соседям политику «разделяй и властвуй», так как усиление кочевников грозило опустошительными набегами северным провинциям Китая.

После смерти Таньшихая в 181 г. созданное им государственное объединение распалось и выделились племена: муян, кидань, тоба. Племена тоба, обитавшие по Онону, назывались «поколением сяньбийских косо-плетов» за обычай заплетать волосы в косу. Здесь они в продолжение трех веков размножились до 39 аймаков, заключающих в себе 99 больших родов⁴.

Эти более чем скромные и отрывочные сведения о сяньбийцах, некогда обитавших на юге Забайкалья, в настоящее время находят подтверждение и дополняются археологическим материалом.

Так, в 1950 г. А. П. Окладников раскопал в Восточном Забайкалье в местности Бурхотуй (в 10 км от с. Будулан) на Ононе несколько погребений, инвентарь которых и особенно керамика отличаются от характера всех известных ранее погребений курганного типа на территории края⁵.

В 1958 г. А. П. Окладников и М. И. Рижский недалеко от ст. Оловянной в пади Социл раскопали подобные погребения. Весь этот комплекс получил название Бурхотуйской культуры и датируется II—VII вв. н. э.

В 70-е годы в бассейне р. Онон были исследованы могильники и одиночные захоронения, относящиеся к этому периоду: у с. Ононок, у с. Токчин (в 10 км вверх по Онону), в пади Амоголон и в местности Бурхотуй.

Все они имеют одинаковые надмогильные сооружения курганного типа, выполненные из кусков или плит скальной породы в виде круга или овала. Погребения грунтовые. На некоторых из них остановимся подробнее.

Токчинский могильник расположен в узком глухом ущелье, выходящем в долину р. Онон (рис. 1). Курганы вытянуты цепочкой у подножия разрушающейся скалы на склоне оврага, промытого здесь тальми и дождевыми потоками. Часть из них плотно задернована и угадывается лишь по отдельно выступающим по краю камням, некоторые частично погребены разрушающейся скалой. Всего раскопано 6 погребений.

Погребение 1 будет описано несколько ниже, так как обряд захоронения и сопровождающий его инвентарь совершенно отличны от всех остальных погребений этого могильника.

Погребение 2. Кладка овальной формы диаметром 340×300 см, выполненная мелкими камнями в центре и более крупными (весом до 30 кг) кусками породы по краю овала, в 2—3 слоя. Мощность кладки в центре 25—30 см. Над могильной ямой сразу после кладки шло перекрытие из неплотно уложенных кусков скальной породы, вытянутое с запада на восток. После снятия кладки и зачистки едва обозначилось могильное пятно, которое было смещено в северо-восточную часть кургана. Заполнение могильной ямы — темно-серый суглинок. На глубине 20 см под кладкой обнаружены: фрагмент челюсти животного (очевидно, собаки), 2 костяных

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, с. 162.

³ Там же, с. 173.

⁴ Бичурин Н. Я. Указ. соч., с. 167.

⁵ Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье.—«Труды Бурят. комплексного науч.-иссл. ин-та. Сер. востоковедения», Улан-Удэ, 1960, вып. 3.

наконечника стрел, 1 железный. Один из костяных наконечников трехгранный, черешковый (рис. 2, 1), другой — трехгранный с жальцами, втульчатый. Роль втулки играет свистунок, который выполнен из кости вместе с острием (см. рис. 2, 2). Железный наконечник средней сохранности, двухлопастной, черешковый. Здесь же был найден плоскодонный сосуд с выпуклым туловом, узкой горловиной и венчиком, круто отогнутым наружу. Диаметр горловины и дна примерно одинаков. По плечу тулова идут параллельно две резко очерченные линии. Поверхность сосуда лощеная, цвет черный.

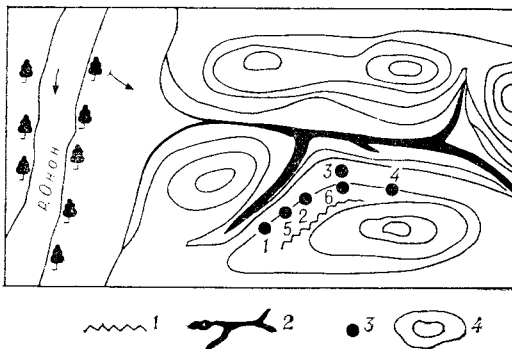

Рис. 1. План Токчинского могильника на местности.
1 — скала; 2 — овраг; 3 — погребение; 4 — сопка.

Погребение 3 вынесено на самую кромку террасы, на край оврага, промытого здесь дождевыми потоками. Кладка овальной формы, диаметр ее 290×240 см, частично задернована. Центр выложен средними и мелкими камнями очень плотно. На глубине 10—15 см под основной кладкой обнаружена кладка перекрытия в 2—3 слоя, очень неплотная и вытянута с востока на запад по длинной оси на 100, по короткой — на 45 см. Под этой кладкой выявлено могильное пятно с округлыми углами длиной 140 и шириной 35—40 см, ориентированное с запада на восток. Заполнение могильной ямы — гумусированная супесь темно-коричневого цвета в перемешку со щебнем. Глубина ямы 30 см. На дне в процессе зачистки найден фрагмент лучевой кости. В 40 см к востоку от него лежала бедренная кость и кости голеней. Между ними найдены: 2 фрагмента железного кольца и бронзовая шейная гривна.

Погребение 4 расположено в 3 м от погребения 6 на восток. Кладка овальной формы, из мелких кусков скальной породы диаметром 260×280 см, в 5—6 слоев. Сразу под кладкой кургана идет кладка перекрытия, вытянутая с юго-востока на северо-запад. Под кладкой перекрытия выявлен костяк очень плохой сохранности, но сохранивший анатомический порядок. Лежал он на спине, череп лицевой стороной повернут на север. Впритык к лицевой части лежал сосуд черного цвета, плоскодонный, венчик отломан. Ниже горловины по плечикам идет налипной валик, орнаментированный защипом. Костяк ориентирован головой на запад с незначительным уклоном к северу. Сама могильная яма врезана в скалу. В заполнении ее встречаются угольки. У правой руки в области локтевого сустава обнаружен железный крючок (рис. 3).

Погребение 5 расположено между первым и вторым. На поверхности обозначено большими скальными обломками, образующими почти правильный круг диаметром 300—290 см. Основная кладка задернована, мощность ее 20—25 см. По центру кладка разобрана, видимо, грабителями. Заполнение могильной ямы — темно-коричневый гумус, встречаются угольки и отдельные камни. На глубине 150 см показалась скала.

Погребение 6 обозначено на поверхности еле выступающими кусками скальной породы, образующими дугу юго-восточного сектора овала. Кладка состоит из мелких обломков скальной породы и перекрыта дерном мощностью до 3—5 см. Разрез показал, что кладка выполнена в 2—3 слоя, мощность ее до 30 см. Диаметр кладки 250×240 см. Под кладкой кургана на глубине 20 см обнаружена кладка перекрытия, разобранная по центру. Ориентирована она длинной осью с запада на восток, с незначительным отклонением. Ни костяка, ни каких-либо вещей здесь не обнаружено.

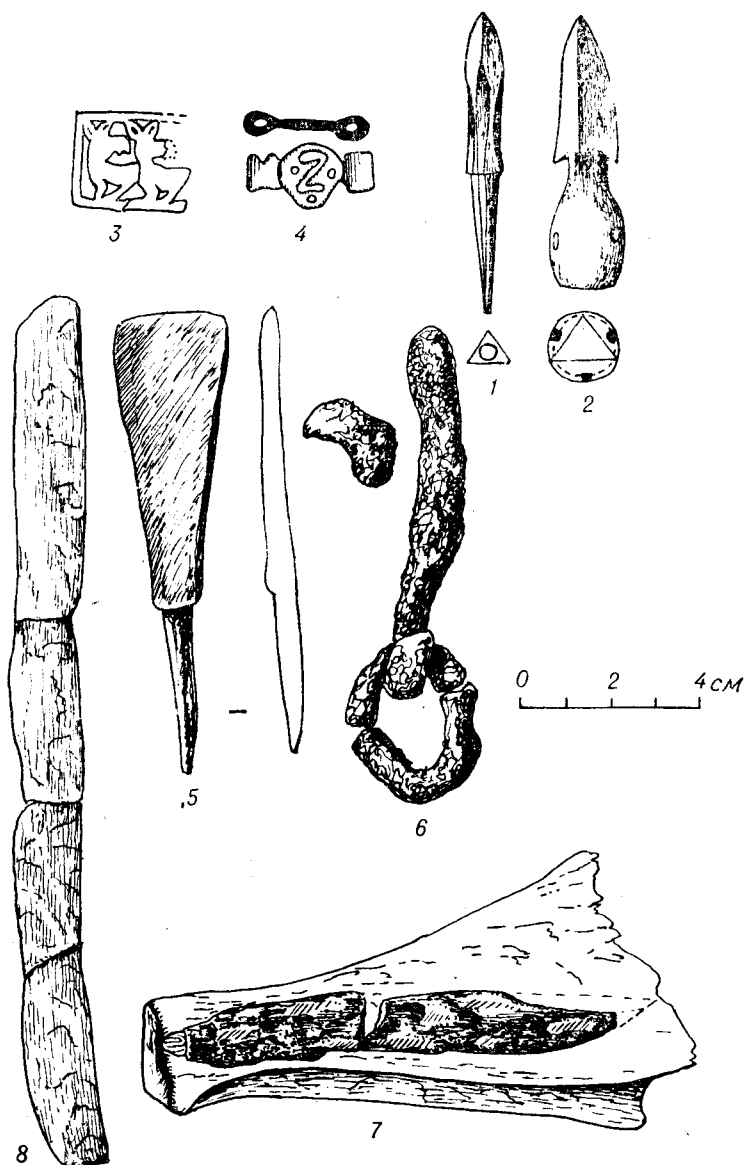

Рис. 2. Вещи из погребений.

1, 2 — костяные наконечники стрел; 3, 4 — бронзовые бляшки; 5 — железный наконечник стрелы; 6 — удила железные; 7 — железный нож на бараньей лопатке; 8 — костяная обкладка лука.

Таким образом, рассмотренные выше погребения, несомненно, относятся к одной этнической группе. Их объединяет курганная кладка и кладка перекрытия могильной ямы, во всех случаях вытянутая длинной осью с востока на запад, что подтверждает одинаковую ориентировку костяков.

Для датировки этих погребений важное значение имеет тот факт, что в погребении 2 найдены наконечники стрел бурхотуйского типа⁶. Отлична здесь и керамика. Сосуды имеют валик-защип или орнамент, представленный резко прочерченными параллельными линиями, идущими по плечикам сосуда.

⁶ Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века..., с. 27.

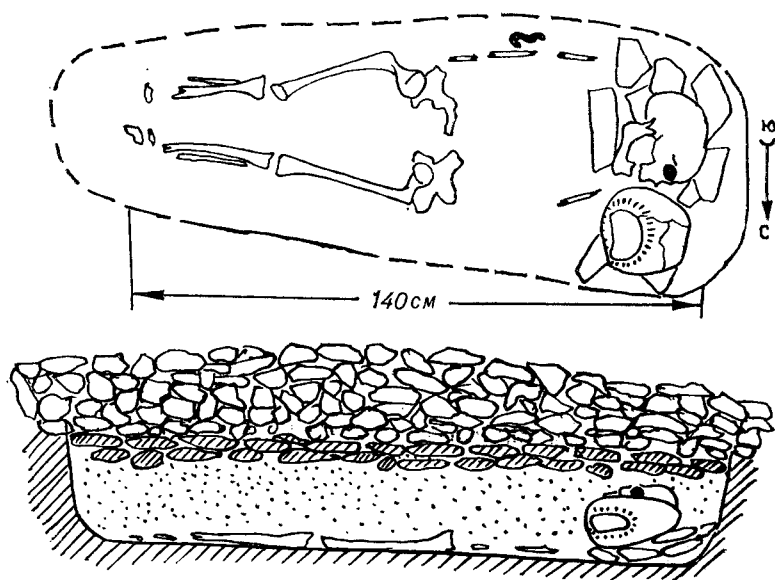

Рис. 3. План погребения 4 Токчинского могильника.

В местности Бурхотуй было раскопано одиночное захоронение. Оно расположено на восточном склоне пади. Каменная кладка в форме круга диаметром 275×296 см—из довольно крупных, плотно уложенных каменных плит. Мощность кладки 30—45 см. На глубине 45 см показалось четкое черное могильное пятно с остатками углей и жженого песка, размерами 135×60 см. Могильная яма забутована мелкими плитками сланца. Костяк лежал на глубине 55 см, на спине, с согнутыми в коленях ногами и вытянутыми вдоль руками. В изголовье справа от черепа находился небольшой сосуд, толстостенный с широко отогнутым наружу венчиком, по краю которого нанесены шаровидные вдавления. Несколько ниже венчика сосуда имеется валик, выполненный зацепом, с двумя опущенными вниз концами и идущими от них крючкообразными ответвлениями. Вокруг позвонков шеи костяка найдены: 1 пронизка из тонкого серебряного листа, 4 бусины из черной пасты и 1 длинная пронизка из камня синего цвета. Выше черепа костяка лежал узкий однолезвийный железный нож с массивной костяной рукояткой. В области тазовых костей обнаружены фрагменты железной поясной пряжки с вогнутыми боковыми сторонами. Череп лицевой частью повернут на север. На нем с правой стороны обнаружено медное ушное кольцо. Костяк ориентирован головой на юго-запад.

Захоронение, раскопанное в пади Амогolon, относится к курганному типу. Находилось оно на выступе склона, сходящего к ручью на левом берегу р. Онона на высоте 10—12 м от уровня воды. Размеры каменной кладки 220×180 см. Камни крупных и средних размеров выложены в несколько рядов. Мощность кладки 35—40 см. Сразу за кладкой выявлено четкое могильное пятно. Могильная яма забутована мелкими и средними камнями. На глубине 65 см обнаружен костяк, лежащий на левом боку, с поджатыми ногами. Череп лицевой частью обращен на восток. Костяк ориентирован головой на север с отклонением к западу на 20° . Череп сильно деформирован. Кости плохой сохранности. Анатомический порядок несколько нарушен. Лучевая кость правой руки уходит под кусок бересты, сохраняющий форму лежавшего на нем камня. В районе шейных позвонков обнаружено 8 бусин из халцедона и одна из красного сердолика. С обеих сторон черепа на остатках кожаной шапочки найдены 2 уплощенные медные спиралевидные подвески из 7—8 витков. В области таза

найден бронзовый колокольчик с костяным язычком, изготовленным из зуба животного. Здесь же найдены 3 подвески: 1 медная и 2 бронзовые в форме нескольких спаянных между собой шариков со сквозным единым отверстием.

Рассмотренные выше два захоронения имеют много общего в инвентарном облике и вместе с тем отличаются друг от друга ориентировкой костяков. Оба захоронения грунтовые, имеют надмогильное сооружение в виде каменной кладки, костяки лежат на незначительной, относительно одинаковой глубине. В обоих захоронениях найдены в районе шейных позвонков бусы, выполненные из различных сортов полудрагоценного камня. Однако бурхотуйское погребение, судя по найденным здесь вещам, идентично с ранее раскопанными А. П. Окладниковым погребениями на Шилке и у ст. Оловянной.

Погребение из пади Амоголон более раннее. Об этом говорит отсутствие железных изделий. Бронзовые и медные подвески по качеству литья, форме и величине напоминают бронзовые подвески из будуланского погребения 7, где они были найдены вместе с кремневым скребловидным орудием.

Летом 1967 г. близ дер. Будулан Агинского района велись раскопки одновременного по характеру могильника на горе Б. Батор на левом берегу р. Онон. Всего в могильнике насчитывается 11 погребений курганного типа, все они раскопаны. Положительный результат дали только могилы № 1, 3, 7. Остальные же были полностью разграблены еще в древности и, кроме нескольких фрагментов косточек, ничего не дали.

Погребение 7 расположено ниже первого на 2,5—3 м и в сторону запада. Размеры его небольшие: 150×200 см с ориентировкой с северо-востока на юго-запад. Кроме 2 голенных костей, локтевой и нескольких обломков крышки черепа, ничего от костяка не обнаружено. Могила еще в древности была ограблена, о чем говорят в беспорядке разбросанные бронзовые вещи. Поэтому судить о характере захоронения невозможно. Из всех вещей, найденных в этой могиле, следует обратить внимание на полусферическую луговицу из бронзы с насечками по краю и петелькой на середине обратной стороны, бронзовую бляшку с изображением оленей (см. рис. 2, 3), правда, найдена только одна половинка. В области ног найдено 35 цельнолитых бронзовых подвесок в виде восьмерки с двумя петельками. Судя по тому, что они были найдены в области ног, можно предположить, что они пришивались или на полы халата, или же на голенища обуви. Кроме всех этих характерных вещей, найдены 2 медные бусины с дырочкой сбоку и интересная бляшка-подвеска, бронзовая с большим процентом олова, формой она напоминает заостренную полушару с двумя петельками-бусинами по бокам (см. рис. 2, 4).

Большое содержание олова в бронзе было обусловлено, вероятно, близостью к крупным ононским месторождениям олова, в частности близостью ст. Оловянная, на северо-восток вниз по течению р. Онон, где раньше залежали большие запасы олова.

Возможно, большое содержание олова обусловлено близостью Монголии, а, как известно, бронза Монголии, притом ранняя, содержит до 20% олова. И если датировать по монгольской бронзе, то это захоронение относится к карасукскому времени, т. е. конец II тыс. — первая половина I тыс. до н. э.⁷

О том, что это захоронение относится к карасукскому времени, говорят и бляшки с изображением оленей, которые встречаются в Северной Монголии и датируются этим же временем⁸. О том, что это захоронение ранней бронзы, можно судить и по найденному в могиле тесловидно-скреб-

⁷ Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 96.

⁸ Там же, с. 72; Кириллов Н. И. Новые археологические памятники в бассейне р. Онон. — В кн.: Проблемы краеведения, вып. 1. Чита, 1966, с. 60—63. (Материалы I Забайкальской краеведческой конференции).

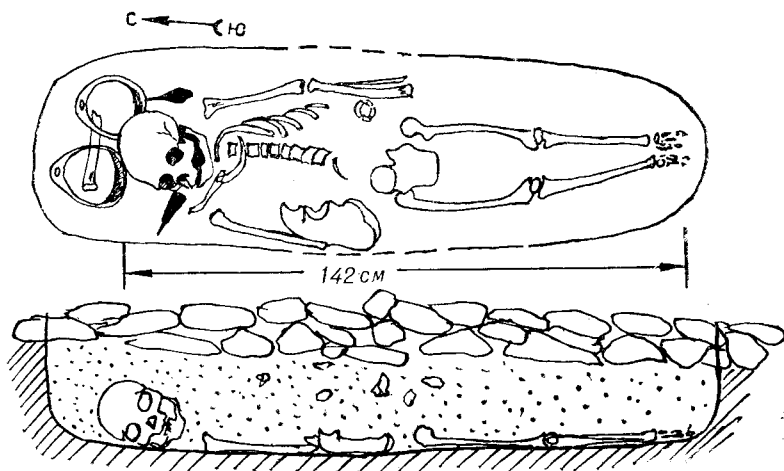

Рис. 4. План погребения I Будуланского могильника.

ловидному орудью из кремнистой породы; такие орудия встречаются только в ранней бронзе, в более позднее время они исчезают. Могила курганного типа — это первое захоронение переходного периода от неолита к бронзе и перехода к плиточному типу захоронений, которые впервые встречаются в Восточном Забайкалье и всей Читинской области.

К этому же времени относится и погребение 2, где найдены пирафилитовые бусы (10 штук). По-видимому, эти два захоронения относятся к близлежащему неолитическому поселению со сходным каменным инвентарем.

Погребение 1 расположено на северо-востоке этого могильника. Размеры его 200×250 см. Кладка вытянута в виде эллипса с юга на север. На глубине 20 см под кладкой обозначилось могильное пятно, на глубине 25 см показался костяк. Покойник захоронен на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Длина костяка 142 см, кисти правой руки нет, также отсутствует локтевая кость и кисть левой руки. С правой стороны около голени лежала лопатка домашнего животного, по-видимому барана. При дальнейшей зачистке в изголовье черепа с правой стороны найдено цельнокованое круглое стремя, размеры его 14×14 см. Немного влево от него лежало другое стремя с широким основанием таких же размеров. Там же найдена трубчатая кость барана (рис. 4). Около нижней челюсти с правой стороны найден железный плоский наконечник с шипами по сторонам.

С левой стороны, в области носа, найден второй наконечник, плоский, долотообразный, длиной 11,5, шириной 1,5 см. Лежей второго стремени на глубине 10 см найдены железные удила с широкими коваными кольцами длиной 15 см; диаметр кольца 5,5, толщина 1,3 см. Недалеко от них найден железный крючок, видимо, от колчана. У локтевого сустава правой руки с внутренней стороны лежало костяное кольцо диаметром 5,5 см, играющее роль амулета или украшения. В области груди найдены кусочки металла непонятной формы. С левой стороны у бедра найден полуистлевший колчан с тремя плоскими наконечниками: 1 целый, 2 других — только фрагменты.

Погребение 3 расположено ниже первого на расстоянии 15 м к юго-юго-западу. Размеры его 280×300 см. Кладка почти круглая, из крупных камней, возвышается над поверхностью земли на 20—25 см. Сразу под кладкой обнаружено могильное пятно с ориентацией с юго-запада на северо-восток. При зачистке на глубине 30 см обнаружилось, что костяк

лежит в полускрюченном положении и ориентирован головой на восток. Череп не обнаружен, грудная клетка повреждена. От том, что здесь побывали грабители, говорит отсутствие кладки в этом месте. Так же не обнаружено ступней обеих ног и левой руки. Из вещей здесь найден колчан полуистлевший, берестяной с целым набором наконечников стрел разных типов: трехлопастной с костяной свистулькой, типичный тюркский, 2 с раздвоенным жалом и свистунками — монгольские, 4, как в погребении 1, с шипами по краям, 1 листообразный со свистунком и 1 долотообразный без свистунка. Все наконечники железные. В области таза найдены бронзовые бляшки полукруглой формы с орнаментом в виде спиралей, размеры их $2,7 \times 2,2$ см; бронзовая серьга в виде сердечка с выпуклыми точками, идущими по спирали, размеры ее 1×1 см. Кроме этого, в области ног найдены и костяные изделия: пряжка от поясного ремня и неизвестного назначения вещь, сделанная из полой кости.

Погребения с инвентарем этого типа можно отнести к X—XIII вв., о чем свидетельствует набор разнообразных наконечников стрел со свистунками и без них. Всевозрастающая численность армий кочевников требовала огромного количества стрел, плоские же легче в изготовлении⁹. Подобные наконечники стрел и близкие по форме стремена мы находим и в Западном Забайкалье¹⁰.

К этому времени, видимо, можно отнести погребение 1 из Токчинского могильника. Кладка овальной формы, выложена из кусков скальной породы. Восточная половина уложена плотно в 2—3 слоя, западная — в один слой (видимо, часть кладки оползла). Под кладкой на глубине 10—15 см — прослойка гумуса и под ней в юго-восточной части могилы обнаружена кладка перекрытия, вытянутая с востока на запад. Она выложена в один слой из мелких камней. Под этой кладкой идет гумус вперемешку с мелкой щебенкой. После зачистки выявлено довольно четкое могильное пятно шириной 40 и длиной 123 см. На глубине 60 см обнаружен костяк, лежащий на спине, головой на восток. На правой руке находился берестяной колчан очень плохой сохранности. Из него виден железный наконечник стрелы (см. рис. 2, 5). У черепа напротив темени обнаружены удила с круглыми кольцами. Сохранность плохая (см. рис. 2, 6). С правой стороны впритык к плечу лежала баранья трубчатая кость. Под левой локтевой костью — лопатка барана, и на ней — железный однолезвийный нож (см. рис. 2, 7). На правом бедре — костяная обкладка лука (см. рис. 2, 8). У левой ноги ниже колена обнаружены кусочки железа неопределенной формы.

На протяжении трех археологических сезонов, с 1966 по 1968 г., раскапывался могильник, расположенный в районе с. Чиндант. Раскопано было 15 захоронений. Отмечены они на поверхности, как и Будуланские, каменной кладкой округлой формы различных диаметров (3×5 , 5×6 , встретился в одном случае диаметр кладки до 8 м). Мощность кладки в центре 35—60 см. По большей части эти надмогильные сооружения задержаны.

Костяки, заключенные в колодовые гробы, лежат на спине в вытянутом положении и ориентированы точно по течению реки, которая течет в этом месте на северо-восток, а затем круто поворачивает на север. Вслед за изгибом реки меняется и положение погребенных. Вместе с ними в колоду-гроб заключены предметы конской упряжи: железные удила и стремена, бронзовые и железные пряжки от сбрун. На поясе лежали узкие небольшие однолезвийные железные ножи. С правого бока находились длинные и узкие берестяные колчаны с набором наконечников стрел ха-

⁹ Седякина Е. Ф. Могильник Усть-Талькин. — «Матер. истории и философии Центральной Азии», Улан-Удэ, 1965, вып. 2, с. 196—202.

¹⁰ Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970, с. 114—115.

рактрных монгольских форм. Два из них с костяными свистунками ромбической формы. В ногах и головах костяков воткнуты в землю трубчатые кости барана. Женские погребения отличаются от мужских сопровождающим их инвентарем: бронзовые серьги в виде вопросительного знака с посеребрёнными бусинами сферической формы, насаженными на стержень, отходящий вниз; броши из бирюзы цилиндрической формы с двумя петельками. Встречаются бронзовые зеркала диаметром 9—11 см с рельефным изображением на обратной стороне. Интересно в данном случае отметить, что одно из зеркал украшает благородный олень с мощными ветвистыми рогами и ногами, застывшими в широком размахе. Несомненно, на зеркале изображен олень, прирученный для верховой езды или для перевозки груза.

В некоторых погребениях встречаются куски зеленой шелковой материи. Погребения этого могильника по обряду захоронений и сопровождающими костяки вещам идентичны захоронениям Тункинского могильника, раскопанного Б. Э. Петри и датируемого А. П. Окладниковым XII—XIV вв.¹¹

---

¹¹ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937, 286 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИА — Архив Института археологии АН СССР
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
КАЭЭ — Комплексная археолого-этнографическая экспедиция
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАЭ — Музей археологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СОРГО — Сибирский отдел русского географического общества
СЭ — Советская этнография

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С. В. Киселев — исследователь древних культур Северной и Центральной Азии (А. П. Окладников)	3
I. Каменный век	
А. П. Окладников. К изучению древнейших следов деятельности человека на озере Байкал: «Кварцевый палеолит»	11
З. А. Абрамова. Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине	21
О. Н. Бадер. Палеолитическая гравировка из Индигирского Заполярья	30
И. И. Кириллов. Танга — новая позднепалеолитическая стоянка в Восточном Забайкалье	33
М. В. Константинов. Палеолитические памятники в долине р. Хилок (разведка 1971 г.)	40
И. П. Ларичева. Культура бритниш маунтин—древнейший этап каменного века арктических районов Северной Америки	48
Б. А. Фролов. Персонаж с семью лучами в наскальном искусстве	58
Р. С. Васильевский. Памятники каменного века на Курильских островах	62
В. В. Болков. Погребение в Норовлин уула (Монголия)	76
В. Б. Бурилов. К археологии Средней Ангары (по материалам раскопок в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС)	80
В. Е. Ларичев. Первые радиокарбонные даты археологических памятников Китая	87
Т. И. Кашина. Неолитические памятники Китая и проблема западных корней культуры яншао	93
II. Эпоха металла	
В. П. Левашева. Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г.	99
Ж. В. Андреева. Следы местного металлургического производства в Приморье в памятниках II тыс. до н. э.	104
Ю. С. Гришин. О древней добыче металлов в Юго-Восточном Забайкалье	110
Н. В. Рындица. Результаты петрографического и спектрального исследования руды и шлаков с поселения Оймак	114
В. И. Мошинская. Некоторые новые данные к вопросу о древних контактах в уральской среде	118
Е. А. Окладникова. Петроглифы Куюса (долина р. Катунь, Алтай)	122

В. И. М а т ю щ е н к о. Могильник у дер. Ростовка	129
А. П. Д е р е в я н к о. Культура яёй и ее связи с материковыми культурами	138
М. А. Д э в л е т. Сибирские решетчатые бронзовые пластины	150
К. Ф. С м и р н о в. Сарматы-огнепоклонники	155
Г. А. М а к с и м е н к о в. О значении некоторых тагарских погребений	159
Э. Б. В а д е ц к а я. Тагарские погребальные ложки	167
В. П. А л е к с е е в. К палеоантропологии Горного Алтая в эпоху раннего железа	175
Л. Р. К ы з л а с о в. Городище Оймак на Улуг-Хеме	178
Е. И. Д е р е в я н к о. К вопросу о вооружении мохэского воина.	192
А. И. М а з и н. Древнее оленеводство и проблема этнической принадлежности петроглифов таежной зоны Верхнего Приамурья.	204
М. И. Б о р г о я к о в. Ыыш в древнетюркских памятниках рунической письменности	208
В. Е. М е д в е д е в. Пояса Надеждинского могильника	211
И. В. А с е е в. Предки позднейших монголов на территории Забайкалья	219
Список сокращений	228

Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25.
4-я типография издательства «Наука», Новосибирск, 99, ул. Советская, 18
Глянц и набор 27 сентября 1974 г. Подписано к печати 16 апреля 1975 г. МН 12705, формат 70×108/16. Бумага типографская № 2. 14,5 печ. л., 20,3 усл. печ. л., 20,0 ур.-изд. л. Заказ № 220.
Тираж 1700 экз. Цена 1 р. 35 к.

Редакторы А. Н. Антонов, М. А. Лапина
Художественный редактор С. С. Филонович
Художник В. В. Растрел
Технический редактор А. М. Вильх
Корректоры Л. Л. Тучкина, Д. К. Михайлова

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ответственные редакторы

Алексей Павлович Окладников,
Анатолий Павлович Деревинко

